МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Жюль Верн

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ

«АЗБУКА»

Двадцать тысяч лье под водой
Жюль Габриэль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Двадцать тысяч лье под водой
Часть первая
Глава I. Плавучий риф
Глава II. «За» и «против»
Глава III. Как будет угодно господину!
Глава IV. Нед Ленд
Глава V. В погоне за приключениями
Глава VI. На всех парах
Глава VII. Кит неизвестной породы
Глава VIII. «Mobilis in mobile»
Глава IX. Гнев Неда Ленда
Глава X. Обитатель морей
Глава XI. «Наутилус»
Глава XII. Все посредством электричества
Глава XIII. В области цифр
Глава XIV. Черная река
Глава XV. Письменное приглашение
Глава XVI. Прогулка по равнине
Глава XVII. Подводный лес
Глава XVIII. Четыре тысячи лье под поверхностью Тихого океана

Глава XIX. Ваникоро
Глава XX. Торресов пролив
Глава XXI. Несколько дней на земле
Глава XXII. Молния капитана Немо
Глава XXIII. Aegri Somnia
Глава XXIV. Коралловое царство
Часть вторая
Глава I. Индийский океан
Глава II. Новое предложение капитана Немо
Глава III. Жемчужина в десять миллионов
Глава IV. Красное море
Глава V. Аравийский туннель
Глава VI. Греческий архипелаг
Глава VII. Через Средиземное море за сорок восемь часов
Глава VIII. Залив Виго
Глава IX. Исчезнувший материк
Глава X. Подводная каменноугольная копь
Глава XI. Саргассово море
Глава XII. Кашалоты и киты
Глава XIII. Ледяные поля
Глава XIV. Южный полюс
Глава XV. Несчастье или приключение?
Глава XVI. Недостаток воздуха
Глава XVII. От мыса Горн до реки Амазонки
Глава XVIII. Осьминоги

Глава XIX. Гольфстрим
Глава XX. Под 47° 24′ широты и 17° 28′ долготы
Глава XXI. Гекатомба
Глава XXII. Последние слова капитана Немо
Заключение
Машина времени Зденека Буриана

Аннотация

Жюль Верн, прославленный французский писатель, изобретатель научно-фантастического романа, – один из самых читаемых авторов в мире. С самого детства нас сопровождают его удивительные произведения: «Вокруг света в восемьдесят дней», «Пятнадцатилетний капитан», «Таинственный остров», «Дети капитана Гранта» и, конечно, необыкновенная, увлекательнейшая история о подводном путешествии «Двадцать тысяч лье под водой». Профессор биологии Пьер Аронакс и гарпунер Нед Ленд отправляются на поиски странной рыбы, замеченной мореплавателями в разных частях света. Вскоре, однако, герои попадают в плен на борт «Наутилуса» к таинственному капитану Немо…

В настоящем издании роман печатается с иллюстрациями замечательного чешского художника Зденека Буриана.

Жюль Верн
Двадцать тысяч лье под водой

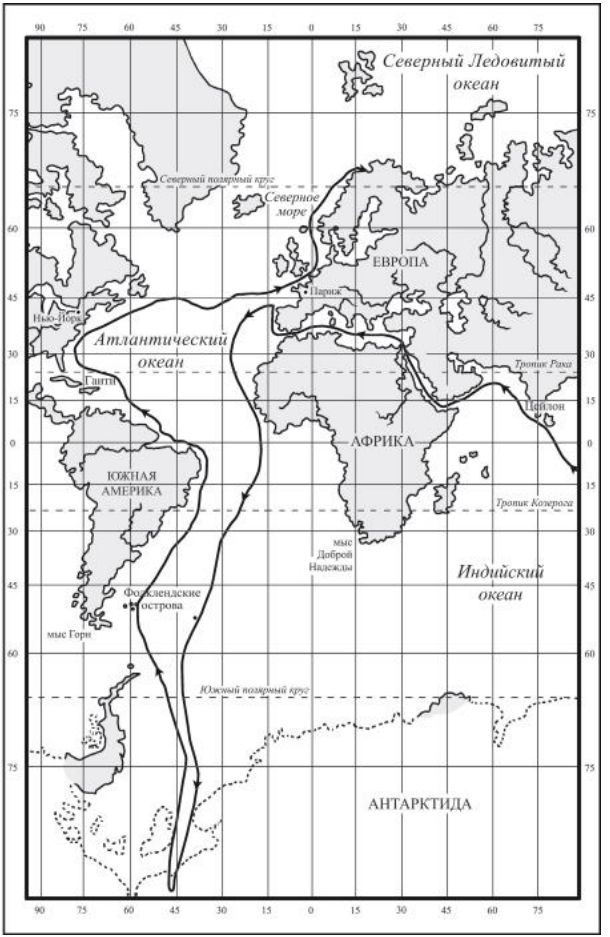
МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

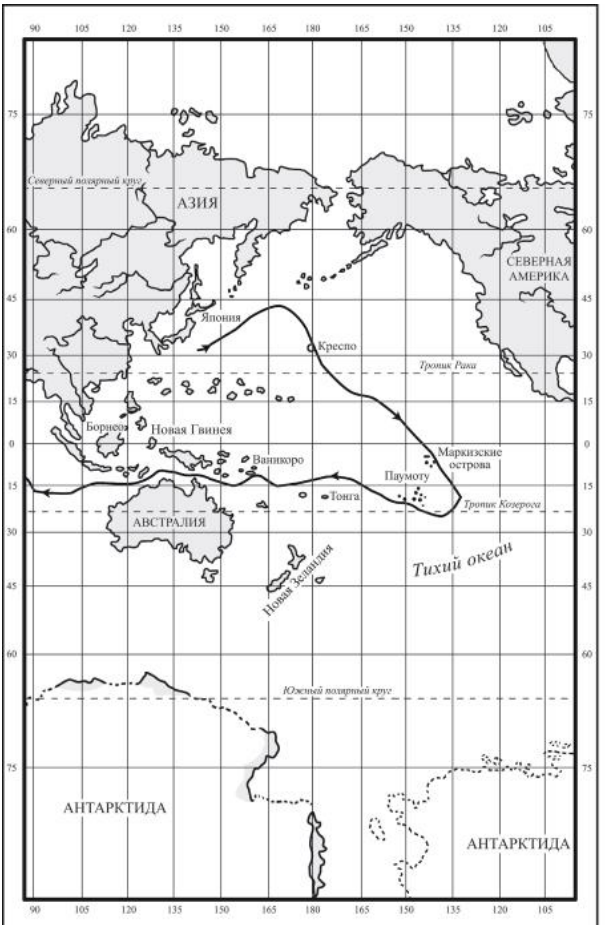
Серия «Мир приключений. Большие книги»

Jules Verne
Vingt Mille Lieues sous les mers
Illustrations © Zdeněk Burian

Перевод с французского

Иллюстрации Зденека Буриана


Северный Ледовитый океан
Северный полярный круг
Северное море
ЕВРОПА
Париж
Нью-Йорк
Атлантический океан
Гаити
Тропик Рака
Чаилон
АФРИКА
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
Тропик Козерога
мыс Доброй Надежды
Индийский океан
Фолклендские острова
мыс Горн
Южный полярный круг
АНТАРКТИДА
90 75 60 45 30 15 0 15 30 45 60 75


90 105 120 135 150 165 180 165 150 135 120 105
75
60
45
30
15
0
15
30
45
60
75
Северный полярный круг
АЗИЯ
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА
Япония
Креспо
Тропик Рака
Борнео
Новая Гвинея
Ваникоро
Маркизские острова
Паумоту
Тонга
Тропик Козерога
АВСТРАЛИЯ
Новая Зеландия
Тихий океан
Южный полярный круг
АНТАРКТИДА
АНТАРКТИДА

Карта выполнена Юлией Каташинской

Автор идеи проекта Александр Лютиков

© А. Г. Лютиков (наследники), статья, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Азбука», 2025 Издательство Азбука®

Часть первая

Глава I
Плавучий риф

Год 1866-й был отмечен странным, необъяснимым событием, и это событие памятно каждому. Не говоря уже о тревоге, охватившей жителей портовых городов, о возбуждении умов на континенте, оно сильно встревожило моряков. Негоцианты, хозяева судов, шкиперы, как в Европе, так и в Америке, офицеры военных флотов всех стран и даже правительства различных государств обоих полушарий — все были заинтересованы в высшей степени.

Дело в том, что с некоторого времени многие корабли встречали в открытом море какой-то огромный, длинный, веретенообразный предмет, временами фосфоресцирующий и несравненно больший по объему и быстрее движущийся, нежели кит.

Описания этого явления, занесенные в корабельные журналы, достаточно согласовались относительно строения загадочного предмета или существа, необычайной скорости его движений, огромной двигательной силы и той

особенной жизненности, которой он, по-видимому, обладал.

Если это был кит, то он своим объемом значительно превосходил любое классифицированное наукой животное. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не подозревали о существовании подобного животного, не говоря уже о том, что они никогда его не видели.

Придерживаясь средних размеров, определенных в разное время и различными наблюдениями, отбрасывая данные как слишком скромные, определявшие длину этого предмета в двести футов[1], так и значительно преувеличенные — доводившие длину до одной мили и даже до трех миль, надо, во всяком случае, признать, что это животное — феномен; если оно действительно существует, то своей величиной оно значительно превосходит размеры, установленные ихтиологами для морских существ.

Тем не менее оно существовало. Сам по себе факт этот не подлежит сомнению, и при склонности человеческого ума ко всему чудесному можно себе представить ту сенсацию, которую произвело во всем мире это сверхъестественное

---

[1] Примечания: 1

Фут — примерно 30,5 сантиметра.

явление.

Отбрасывая неправдоподобные рассказы, можно сообщить только следующее.

Прежде всего, 20 июля 1866 года пароход «Гавернор-Хиггинсон», принадлежавший Калькуттскому обществу пароходства, встретил эту двигающуюся массу в пяти милях к востоку от берегов Австралии. В первую минуту капитану Бакеру показалось, что он видит перед собой неизвестную скалу. Он собрался уже точно определить ее местоположение, как вдруг два водяных столба, выброшенных этим загадочным предметом, поднялись со свистом в воздух на высоту в сто пятьдесят футов. Можно было предположить, что скала подвержена периодическим извержениям гейзеров или что «Гавернор-Хиггинсон» имел дело с каким-либо морским млекопитающим, до сих пор неизвестным, которое через свои носовые отверстия выбросило водяные струи, смешанные с паром и воздухом.

То же самое наблюдалось в том же году, 23 июля, в водах Тихого океана с парохода «Кристобал-Колон», принадлежавшего Вест-Индскому тихоокеанскому обществу пароходства. Таким образом, оказывалось, что этот кит мог перемещаться с изумительной быстротой, так как за три

дня он должен был пройти интервал, отделявший «Гавернор-Хиггинсон» и «Кристобал-Колон», — расстояние более семисот морских лье[2].

Пятнадцать дней спустя в двух тысячах лье от последнего пункта пароходы «Гельвеция», принадлежавший Национальной компании, и «Шанон» — пароходной компании «Рояль-Мэйл», повстречавшись в той части Атлантического океана, которая отделяет Соединенные Штаты от Европы, указывали сигналами друг другу на чудовище, показавшееся под 42° 15′ северной широты и 60° 35′ западной долготы. При этом одновременно с противоположных пунктов рассчитали, что длина чудовища не менее трехсот пятидесяти английских футов, судя по тому, что и «Шанон», и «Гельвеция» казались меньше его, хотя каждый из них имел в длину сто метров. Надо заметить также, что самые огромные киты, посещающие Алеутские острова, Куламок и Умгулиль, никогда не превосходили пятидесяти шести метров в длину.

Эти сообщения, приходившие одно за другим, — новые наблюдения, произведенные с борта трансатлантического парохода «Пэрер»,

---

[2] Примечания: 2

Льё — французская миля, равна 5557 метрам.

столкновение с чудовищем судна «Этна», совершавшего рейс в Инман, протокол, составленный офицерами французского фрегата «Нормандия», серьезные и обстоятельные наблюдения с борта «Лорд Кляда» командира Фитц-Джеймса, — сильно взволновали общественное мнение. В странах, легкомысленно настроенных, феномен вышучивался, но в странах серьезных и практических, таких как Англия, Америка и Германия, им были сильно заинтересованы.

Во многих больших городах чудовище стало модным. Его воспевали в кофейнях, над ним издевались в газетах и представляли в театрах. У газетных уток теперь была отличная возможность нести яйца всех цветов и оттенков. В журналах появились, как копии с натуры, все фантастические и гигантские существа, начиная с белого кита гиперборейских стран и заканчивая чудовищными осьминогами, могущими своими щупальцами опутать судно в пятьсот тонн и увлечь его в недра океана. Откопали даже протоколы древних времен, мнения Аристотеля и Плиния, поддерживающие существование таких чудовищ, опирались на норвежские отчеты епископа Понтоппидана, на описания Поля Геггеда и, наконец, на донесения Харрингтона, правдивость

которых не подлежала никакому сомнению, так как он утверждал, что лично видел с борта судна «Кастилан» в 1857 году огромного змея.

Тогда в ученых обществах и научных журналах возникла нескончаемая полемика между верующими и неверующими. Вопрос о чудовище воспламенил все умы. Журналисты с научным образованием в борьбе с журналистами, выезжающими на остроумии, пролили потоки чернил в эту достопамятную кампанию, а некоторые даже две или три капли крови, так как в вопросе о морском чудовище они видели себя лично оскорбленными.

Шесть месяцев длилась война с переменным успехом. На статьи, печатаемые Географическим бразильским институтом, Королевской берлинской академией наук, британским обществом Смитсоновского института в Вашингтоне, на научные отчеты журналов: «Индиан Аршипелаго», «Космоса» аббата Муаньо, «Миттейлунген» Петерманна, на научную хронику толстых французских и иностранных журналов мелкая пресса отвечала злыми насмешками. Эти остроумные писатели, пародируя Линнея, опирались на ту истину, что природа не делает скачков.

Наконец, в статье одного сатирического журна-

ла, очень распространенного, любимый публикой автор, коснувшись всего этого, набросился на чудовище и нанес ему окончательный удар среди всеобщего хохота. Остроумие победило науку.

В продолжение первых месяцев 1867 года казалось, что вопрос был похоронен и не мог больше возродиться, как вдруг до сведения публики дошли новые факты. Теперь вопрос касался не только разрешения интересной научной задачи, но и реальной опасности, которую необходимо устранить. Вопрос принял другой оборот. Чудовище превратилось в островок, скалу, риф, но риф плавающий, непонятный и неуловимый.

5 марта 1867 года пароход общества Монреальской океанской компании под названием «Моравиа», находившийся ночью под 27° 30′ широты и 72° 15′ долготы, ударился сзади правым бортом о скалу, которая не была обозначена ни на одной морской карте. Благодаря попутному ветру и своей машине в четыреста лошадиных сил пароход шел со скоростью тринадцать узлов. Никто не сомневался, что получивший пробоину «Моравиа» только благодаря замечательной крепости своего корпуса мог держаться на воде, ибо в противном случае он пошел бы ко дну вместе со всеми ста тридцатью семью пассажирами,

которых он вез из Канады.

Столкновение произошло на заре, около пяти часов утра. Офицеры, стоявшие на вахте, бросились к корме. Они ничего не увидели, кроме сильной струи, рассекавшей поверхность воды. На расстоянии трех кабельтовых местонахождение было определено точно, и он продолжал свой путь, не получив, по-видимому, повреждений. Никто не мог сказать, на что он наткнулся. Была ли то подводная скала или плавающие в океане огромные обломки разбитого судна — неизвестно. При осмотре в доке подводной части треть киля оказалась сломанной.

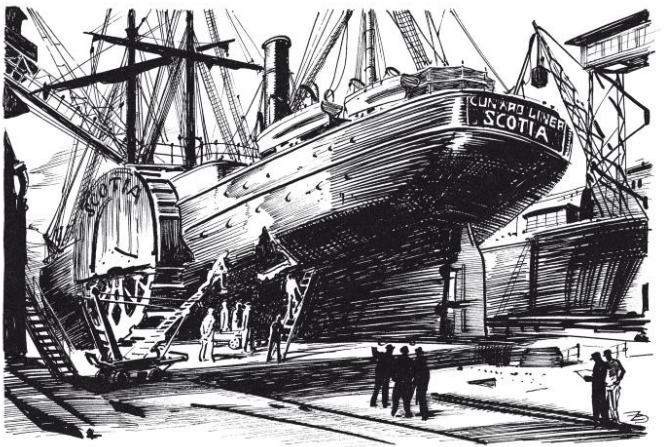
Этот случай, весьма важный сам по себе, быть может, был бы вскоре забыт, как и многие другие, если бы спустя три недели он не повторился при таких же условиях. Благодаря национальности судна, погибшего при этом столкновении, а также значению компании, которой оно принадлежало, событие это сделалось злобой дня.

Многим известно имя знаменитого судостроителя англичанина Кюнарда. В 1840 году он основал почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом, для чего предназначены были три парохода, каждый в четыреста лошадиных сил, и одна яхта в тысячу сто шестьдесят две тонны

водоизмещением. Спустя восемь лет деятельность компании значительно расширилась: она построила еще четыре парохода — каждый в шестьсот пятьдесят лошадиных сил и в тысячу восемьсот тонн водоизмещением, а спустя два года — еще два парохода со значительно превосходящим тоннажем. В 1852 году компания Кюнарда, получившая старинную привилегию на доставку депеш, вновь построила на своих верфях огромные пароходы: «Аравия», «Китай», «Шотландия», «Ява» и «Россия». Таким образом, в 1867 году компания располагала двенадцатью первоклассными пароходами, из которых восемь были колесные, а прочие четыре — винтовые.

Если я сообщаю эти подробности, то для того, чтобы каждый ознакомился со значением этой компании морского судоходства. Ни одно дело в трансатлантическом плавании не велось так умело, ни одно предприятие не сопровождалось таким выдающимся успехом. В течение двадцати шести лет пароходы Кюнарда две тысячи раз пересекли Атлантический океан и ни разу не опоздали в срочном отправлении и доставке пассажиров и товаров, ни разу не пропало ни одно письмо и не погиб ни один пассажир. И несмотря на сильную конкуренцию, английское транс-

океаническое сообщение все-таки продолжало пользоваться предпочтением. Теперь станет совершенно понятным то сильное впечатление, которое вызвало странное происшествие с одним из лучших пароходов общества Кюнарда.



13 апреля 1867 года на море стояла прекрасная погода. Пароход «Шотландия» находился под

45° 37′ широты и 15° 12′ долготы. Тысячесильный пароход шел со скоростью тринадцать узлов, при работе машины в шесть тысяч лошадиных сил, равномерно разбивая волны своими огромными колесами. Он сидел в воде на шесть метров семьдесят пять сантиметров, водоизмещение его равнялось шести тысячам шестистам двадцати четырем кубическим метрам.

В четыре часа семнадцать минут вечера пароход обо что-то ударился кормовой частью несколько позади левого колеса: в общем удар был малочувствителен.

Но, как оказалось, не «Шотландия» на что-то натолкнулась, а нечто натолкнулось на нее, и притом каким-то острым режущим орудием. Сам удар был настолько слаб, что никто на палубе не обратил на это внимания, пока не показались на ней матросы, кричавшие: «Идем ко дну! Идем ко дну!»

В первую минуту пассажиров охватил страх, но капитану Андерсону удалось их успокоить. И действительно, опасности не было никакой, так как «Шотландия» разделялась непроницаемыми перегородками на семь частей.

Капитан Андерсон, спустившись в трюм, обнаружил, что одна из этих частей залита водой. К

счастью, здесь не было паровых котлов.

Капитан Андерсон приказал застопорить машину, и один из матросов нырнул, чтобы осмотреть пролом. Через несколько минут стало известно, что в подводной части корпуса парохода пробито отверстие шириной в два метра. Заделать пролом не представлялось возможности, но тем не менее «Шотландия» продолжала путь с колесами, погруженными до половины в воду. Во время столкновения она находилась на расстоянии трехсот миль от мыса Клэр и, опоздав на три дня, благополучно достигла Ливерпуля, жителей которого сильно встревожило это опоздание.

«Шотландия» была введена в сухой док, и инженеры приступили к осмотру ее подводной части. Они не верили своим глазам: на два с половиной метра ниже ватерлинии находилось отверстие в виде равнобедренного треугольника. Края пробоины железной обшивки имели ровный вид, словно они были прорезаны резцом. Несомненным было, что пробоину образовало какое-то орудие, которое двигалось с необычайной силой; пробив листовое железо в четыре сантиметра, оно отошло назад, подчиняясь какому-то непонятному возвратному движению.

Вот те данные, которые раскрыл осмотр судна. Происшествие с «Шотландией» снова взволновало общественное мнение.

Фантастическому чудовищу пришлось принять на себя ответственность за все кораблекрушения, число которых, к сожалению, значительно. Из трех тысяч кораблей, о гибели которых ежегодно сообщается в «Бюро-Веритас», число кораблей и пароходов, которые пропадают без вести, достигает двухсот.

Таким образом, справедливо или несправедливо, но чудовище считалось причиной исчезновения всех этих судов; вследствие этого сообщения между различными континентами становились все более и более опасными, и публика предъявила категорическое требование, чтобы моря были очищены во что бы то ни стало от этого ужасного «кита».

Глава II
«За» и «против»

В разгар этих событий я возвращался из научной экспедиции, предпринятой с целью исследования Небраски в Соединенных Штатах. Я был командирован в эту экспедицию французским правительством как адъютант-профессор при Музее естественной истории в Париже. Пробыв шесть месяцев в Небраске, я с драгоценной коллекцией прибыл в Нью-Йорк в конце марта. Мой отъезд во Францию назначен был в первых числах мая. В ожидании этого времени, когда я занимался приведением в порядок моих минералогических, ботанических и зоологических богатств, неожиданно произошел инцидент с судном «Шотландия».

Я внимательно следил за всеми известиями об этом происшествии, читая и перечитывая все европейские и американские газеты. Однако разъяснение этого события ни на один шаг не продвигалось вперед. Таинственность сильно меня интриговала. Не имея достаточных данных, чтобы составить определенное мнение, я бро-

сался из одной крайности в другую. Что кто-то или что-то существовало, в этом не могло быть сомнения, и неверующие могли вложить руки в пробоину «Шотландии».

Обсуждение этого вопроса было в полном разгаре до моего прибытия в Нью-Йорк. Гипотеза о плавучем острове или подвижной скале, поддерживаемая малокомпетентными лицами, была отброшена. И действительно, каким образом могла бы двигаться с такой поразительной скоростью скала, раз внутри ее не было машины?

Отвергнуто было также предположение о плавающем корпусе огромного разбитого корабля — опять-таки ввиду той же изумительной скорости движения.

Оставалось два предполагаемых решения вопроса, которые учитывали совершенно различные взгляды: одни стояли за чудовищное животное колоссальной мощи, другие — за подводное судно с огромной двигательной силой.

Однако последняя гипотеза, несмотря на всю ее вероятность, подрывалась некоторыми данными, добытыми розысками, предпринятыми в обоих полушариях. К тому же трудно было допустить, чтобы частное лицо могло создать себе таких огромных размеров механическое чудо.

Где и как оно могло бы его построить и сохранить это в тайне?

Если кто и мог построить такую разрушительную машину, то только государство. Да, в это время, когда ум человеческий напрягал все усилия и способности для изобретения разрушительных орудий войны, возможно, что какое-либо государство достигло особых успехов в этом направлении и сохраняло их в тайне. После ружей Шасспо — торпеды; после торпед — подводные мины.

Появления еще более разрушительного орудия надо было ожидать. Но предположение о военной разрушительной машине отпадало вследствие заявления правительств, что подобных снарядов или машин в их распоряжении нет. Дело получило общественный интерес, и притом страдали тихоокеанические сообщения; приходилось доверять правительствам. Затем, трудно было допустить, чтобы постройка столь огромного судна могла укрыться от наблюдений. В подобных случаях и частному лицу трудно сохранить тайну, а за действиями государств ревниво следят державы-соперники.

И снова стала считаться наиболее вероятной идея о существовании морского чудовища.

Таким образом, после разведок, произведенных в Англии, Франции, Германии, России, Италии, даже в Турции, гипотеза о подводном «мониторе» была окончательно отброшена.

По моем возвращении в Нью-Йорк многие лица оказали мне честь, консультируясь со мной для объяснения этого интересного феномена. Во Франции мною был издан труд в двух томах *in quarto*[3], озаглавленный «Тайны морских глубин». Эта книга, благосклонно принятая ученым миром, создала мне репутацию специалиста в этой, пока весьма туманной, области естественной истории. Было спрошено мое мнение. Пока сам факт не был неопровержимо доказан, я его отрицал. Но вскоре был, что называется, прижат к стене и вынужден дать категорическое объяснение. И достопочтенный Пьер Аронакс, профессор Парижского музея, призван был газетой «Нью-Йорк геральд» высказать по этому вопросу свое мнение.

Пришлось подчиниться общественному требованию. Я заговорил потому, что нельзя было молчать. Я рассматривал вопрос со всех его сторон, как научных, так и политических, и привожу

---

[3] Примечания: 3

В четверть бумажного листа *(лат.).*

здесь заключение статьи, которую я поместил в номере упомянутой газеты от 30 апреля.

«Итак, — писал я, — рассмотрев последовательно все различные гипотезы, приходится по необходимости допустить существование морского животного, обладающего изумительным могуществом.

Наибольшие глубины океана нам совершенно неизвестны. Ни один лот никогда не достигал их дна. Что совершается в этих бесконечных пропастях? Какие существа живут в них и могут обитать на глубине двенадцати или пятнадцати миль? Какова организация этих животных? Все это вопросы, на которые нельзя ответить даже предположениями.

Поэтому решение проблемы должно принять форму дилеммы.

Или нам известны все виды животных, живущих на нашей планете, или же не все.

Если в рыбном царстве имеются некоторые виды, которые составляют для науки тайну, то весьма понятно, что можно допустить существование рыб или китообразных животных совершенно новых видов или даже родов, приспособленных для жизни в морских глубинах, недоступных для лота, и которых какой-либо

случай, даже прихоть, заставляет появляться временами в верхних слоях и даже на поверхности океана.

Если же, напротив, нам известны все живущие виды, тогда необходимо отыскивать это животное в среде обитателей морей, уже помеченных в каталогах, — и в этом случае я склонен отнести его к нарвалам-гигантам.

Обыкновенный нарвал, иначе морской однозуб, достигает часто шестидесяти футов в длину. Увеличьте эти размеры в пять, даже в десять раз, дайте этому китообразному животному силу, пропорциональную его росту, усильте его средства к нападению — и вы получите искомое животное. Это пропорциональное увеличение не только возможно, но и подтверждается как факт: размеры — офицерами судна „Шанон“, орудие, необходимое для пролома борта и повреждения, — инцидентом с „Шотландией“.

И действительно, нарвал вооружен подобием алебарды, по выражению некоторых натуралистов. В сущности, это зуб, обладающий твердостью стали. Такие зубы находили воткнутыми в тело китов, которых нарвал с успехом атакует; такие же зубы приходилось с большим трудом вытаскивать из кораблей, которые они пронизы-

вали насквозь, как бурав просверливает бочку. Музей парижского медицинского факультета обладает одним из таких зубов, длиною в два метра двадцать пять сантиметров и толщиною у основания в сорок восемь сантиметров.

Представьте себе орудие в десять раз большее, животное в десять раз могущественнее, не забудьте, что оно движется со скоростью двадцать миль в час, — и вы получите представление о силе удара, который всегда произведет катастрофу, подобную с „Шотландией“.

До получения более подробных исследований я склоняюсь к мнению, что это морской нарвал колоссальных размеров, но снабженный не алебардой, а чем-то вроде острого тарана, какой встречается у броненосных фрегатов, на которые он походил и своей массой, и могуществом двигательной силы.

Такое объяснение может быть дано этому загадочному феномену».

Последние слова были написаны неспроста: я хотел до известной степени охранить мое достоинство как профессора и, чтобы не давать американцам повода смеяться, заручился лазейкой, хотя, в сущности, верил в существование чудовища.

Моя статья горячо обсуждалась и получила весьма широкую известность. Очень многие согласились с моими взглядами. Предлагаемое решение предоставляло полный простор воображению. Человеческий ум склонен к созданию грандиозных сверхъестественных существ. Море представляет собой подходящую среду для рождения и развития таких гигантов, перед которыми земные животные вроде слона или носорога — карлики. В водах обитают самые крупные представители класса млекопитающих, а быть может, и колоссальных размеров моллюски, ужасающего вида ракообразные, как, например, омары в сто метров длиной или крабы в двести тонн весом. Почему нет? Одно время современные геологическим периодам земные животные: четвероногие, четверорукие, пресмыкающиеся, птицы — были сделаны по моделям огромной величины. Создатель дал им гигантские формы, которые время мало-помалу уменьшало. Почему море в своих неизведанных глубинах не могло сохранить эти памятники жизни прошедшего времени, тогда как условия земного существования постоянно видоизменялись? Почему оно не могло сохранить в своих недрах последних представителей этих титанических видов, года которых считаются

веками, а века — тысячелетиями?

Но если одни усматривали в этом проблему чисто научного интереса, то другие — позитивисты и по преимуществу американцы и англичане — желали во что бы то ни стало очистить океан от такого чудовища и обезопасить трансокеанические сообщения. Промышленные и торговые журналы трактовали вопрос с этой точки зрения. «Шиппинг энд меркэнтайл газет», «Ллойд», «Пакетбот» и «Ревю-маритим-колониаль» — все листки, субсидируемые страховыми обществами, поддерживали это требование и грозили увеличить страховую премию.

Общественное мнение вскоре высказалось, и первыми отозвались американцы. В Нью-Йорке стали снаряжать экспедицию для преследования нарвала. Броненосный фрегат «Авраам Линкольн», снабженный тараном и отличавшийся скоростью хода, должен был выйти в самом непродолжительном времени в море. Арсеналы были открыты для капитана Фаррагута, который энергично приступил к вооружению фрегата.

Но когда решено было отправиться преследовать чудовище, оно, как это часто бывает, более не показывалось. В течение двух месяцев о нем ничего не было слышно. Ни одно судно нигде

его не встречало. Казалось, что оно проведало о состоявшемся против него заговоре. Так много о нем говорили. Шутники рассказывали, что этот тайный плут перехватил одну из телеграмм, которая сильно его напугала.

И вот, когда фрегат был уже снаряжен для далекой кампании и снабжен гигантскими рыболовными снастями, никто не знал, куда его отправить. Нетерпение росло, как вдруг 2 июля получено было известие, что судно «Тампико», совершавшее рейсы между Сан-Франциско в Калифорнии и Шанхаем, встретило три недели назад чудовище в северных морях Тихого океана.

Это известие вызвало сильную сенсацию. Менее чем за двадцать четыре часа капитан Фаррагут должен был выйти в море. Фрегат был снабжен всеми жизненными продуктами, камеры переполнены каменным углем, экипаж находился в полном составе налицо. Оставалось только затопить печи, развести пары и отчалить. Капитану Фаррагуту не простили бы и полдня, если бы он почему-либо задержал выход судна; впрочем, он сам страстно желал поскорее выйти в море. За три часа до отхода «Авраама Линкольна» из гавани Бруклина я получил письмо следующего

содержания:

Господину Аронаксу,
профессору Парижского музея.
Гостиница «Пятая авеню» Нью-Йорк.
Милостивый государь!

Если Вы желаете принять участие в экспедиции «Авраама Линкольна», то правительству Соединенных Штатов будет приятно видеть представительство Франции в Вашем лице. Капитан судна Фаррагут предоставляет в Ваше полное распоряжение отдельную каюту.

Сердечно преданный вам
Д. Б. Гобсон,
секретарь Морского министерства

Глава III
Как будет угодно господину!

За три секунды до получения письма от Гобсона я столь же мало думал о преследовании нарвала, сколько о проходе через Северо-Западный пролив. Но три секунды спустя после того, как я окончил чтение письма достоуважаемого секретаря флота, я понял, что мое истинное призвание, единственная цель жизни заключаются в преследовании этого беспокойного чудовища и в освобождении от него мира.

Между тем я возвратился из трудного путешествия утомленным и жаждал отдыха. Я так мечтал вернуться на родину, поскорее увидеть моих друзей, мою небольшую квартиру в Ботаническом саду и мои милые и драгоценные коллекции. Но теперь ничто не могло меня удержать. Я забыл все: усталость, друзей, коллекции — и принял без рассуждения предложение американского правительства. «К тому же, — думал я, — все пути ведут в Европу, и животное будет настолько любезно, что приблизит меня к берегам Франции. Оно дозволит изловить себя в

европейских морях — для моего личного удовольствия, — и я доставлю в музей естественной истории никак не менее полуметра его костяной алебарды».

Но пока приходилось разыскивать нарвала на севере Тихого океана; и для того, чтобы отправиться во Францию, надо было предварительно отправиться в противоположную сторону.

— Консель! — крикнул я нетерпеливым голосом.

Консель был мой слуга. Молодой человек, вполне мне преданный и сопровождавший меня во всех моих путешествиях, которого я любил так же, как и он меня. Этот фламандец по происхождению отличался хладнокровностью по природе, аккуратностью и точностью из принципа, усердием по привычке; он мало удивлялся неожиданностям в жизни, был находчив и ловок во всех поручениях и в любой службе и, вопреки своему имени, никогда не давал советов, даже когда его о том просили[4].

Вращаясь среди нашего маленького кружка ученых Ботанического сада, Консель кое-чему научился. Он был специалистом в классификации

---

[4] Примечания: 4
По-французски conseil — совет.

естественной истории и с легкостью акробата взбирался по лестнице групп, классов, подклассов, семейств, родов, видов и разновидностей. Но здесь и кончались его знания. Классифицировать — это была его сфера, и далее он не шел. Прекрасно ознакомленный с теорией классификации, он был настолько слаб в практике, что навряд ли отличил бы кашалота от кита. Но за всем тем он был прекрасный и с большими достоинствами молодой человек.

До настоящего времени, в течение десяти лет, Консель следовал за мною повсюду, куда вели меня научные работы. Он никогда не жаловался на продолжительность или утомительность путешествия и никогда не имел ничего против поездки в какую бы то ни было страну, как бы ни была она отдалена, будь то Китай или Конго. Он отправлялся туда без всяких расспросов. К тому же он обладал прекрасным здоровьем, которое не хотело знать никаких болезней, сильными мускулами без нервов, понимая последнее, разумеется, в переносном смысле.

Этому малому шел тридцатый год. Его возраст относился к возрасту его господина, как пятнадцать относится к двадцати. Да простят мне, что я таким образом хочу сказать, что мне было

сорок лет.

Однако Консель имел один недостаток. Завзятый формалист, он со мною говорил не иначе как в третьем лице, что иногда раздражало меня.

— Консель, — повторил я, принимаясь с лихорадочной торопливостью готовиться к отъезду.

Я настолько был уверен в его преданности мне, что не имел обыкновения спрашивать его согласия следовать за мной в моих странствованиях, но на этот раз пришлось изменить этому обыкновению, так как экспедиция могла на неопределенное время затянуться и само мероприятие требовало большой смелости и казалось рискованным: животное, которое предстояло преследовать, способно было расколоть корпус фрегата, как скорлупу ореха. Было над чем задуматься самому беззаботному человеку в мире. Посмотрим, что скажет Консель.

— Консель! — крикнул я в третий раз.

— Господин меня звал? — обратился он ко мне, входя.

— Да, Консель, укладывай свои вещи и собирайся сам! Мы едем через два часа.

— Как угодно господину, — ответил он спокойно.

— Не теряй ни секунды. Уложи в мой чемодан

все дорожные принадлежности, платье, белье, носки, как можно больше, и поскорей!

— И коллекции господина? — добавил он.

— Ими займемся после.

— Как! А архиотерии, гиракотерии, ореодоны, херопотамусы и прочие чучела господина?

— Они останутся на хранении в гостинице.

— А бабирусса господина?

— Ее будут кормить в наше отсутствие! К тому же я распоряжусь весь наш зверинец отправить во Францию.

— Следовательно, мы не едем в Париж? — спросил Консель.

— А то как же… конечно… — ответил я, — только мы сделаем большой крюк.

— Это как угодно господину, — ответил равнодушно Консель.

— Это пустяк! Не совсем прямая дорога, вот и все; мы отправляемся на «Аврааме Линкольне».

— Как желает господин, — ответил тем же тоном Консель.

— Ты знаешь, мой друг, дело идет о чудовище… пресловутом нарвале, и мы очистим от него море. Автор труда, *in quarto* в двух частях, озаглавленного «Тайны морских глубин», не может отказаться сопутствовать капитану Фаррагуту.

Почетная миссия, но и опасная. Неизвестно, куда идти… Это животное может оказаться очень капризным. Но мы все-таки будем его разыскивать и преследовать.

— Куда пойдет господин, я за ним последую, — ответил Консель.

— Подумай хорошенько, я не хочу ничего от тебя скрывать. Это одно из таких путешествий, из которых не всегда возвращаются.

— Как угодно будет господину.

Четверть часа спустя наши чемоданы были уложены. Консель живо все собрал, и я уверен, что ничего не было забыто: он так же умел прекрасно классифицировать все виды белья и платья, как птиц и млекопитающих.

Служитель гостиницы сложил все вещи в вестибюле. Сойдя в нижний этаж, я отправился в контору, чтобы расплатиться по счету и распорядиться отправкой всех моих тюков с препарированными животными и высушенными растениями в Париж. Я также открыл достаточный кредит моей бабируссе и в сопровождении Конселя сел в карету.

Экипаж за двадцать франков в один конец проехал по улице Бродвей в Юнион-сквер, затем по Четвертой авеню доехал до Боуэри-стрит,

повернул в Катрин-стрит и остановился у Тридцать четвертого пирса. Отсюда перевезли нас в Бруклин — большое предместье Нью-Йорка, расположенное на левом берегу Ист-ривер, — и через несколько минут мы были уже на набережной, у которой стоял «Авраам Линкольн», пыхтя и выбрасывая из обеих своих труб густые клубы черного дыма.

Наш багаж был немедленно доставлен на палубу фрегата. Я пошел вслед за ним и спросил капитана.

Один из офицеров проводил меня на ют, где я встретил высокого роста, весьма представительного офицера, который протянул мне руку.

— Профессор Пьер Аронакс? — спросил он меня.

— Он самый, — ответил я. — Капитан Фаррагут?

— Перед вами! Добро пожаловать, господин профессор. Вам отведена уже каюта.

Я поклонился и, не желая отвлекать капитана от его служебных обязанностей, отправился в назначенную мне каюту.

Назначение «Авраама Линкольна» к предстоящей экспедиции надо признать весьма удачным, и он был к этому вполне приспособлен. Это был

один из быстроходнейших фрегатов, снабженный особыми аппаратами для усиленной топки, так что давление паров можно было довести до восьми атмосфер. Под таким давлением средняя скорость хода фрегата достигала восемнадцати и трех десятых узла — весьма значительная скорость, хотя и недостаточная для преследования гигантского китообразного животного.

Внутреннее устройство фрегата вполне отвечало его морским качествам. Я остался весьма доволен отведенной мне каютой, расположенной в кормовой части, сообщавшейся с кают-компанией.

— Нам будет здесь хорошо, — обратился я к Конселю.

— Настолько хорошо, насколько это понравится господину, — ответил Консель.

Я оставил Конселя разбирать наши чемоданы, а сам отправился на палубу, чтобы наблюдать за приготовлениями к отплытию.

В это время капитан Фаррагут приказал ослабить последние канаты, которые удерживали «Авраама Линкольна» у пристани Бруклина. Следовательно, опоздай я на четверть часа и даже менее, фрегат ушел бы без меня и я не участвовал бы в этой необыкновенной, сверхъестественной

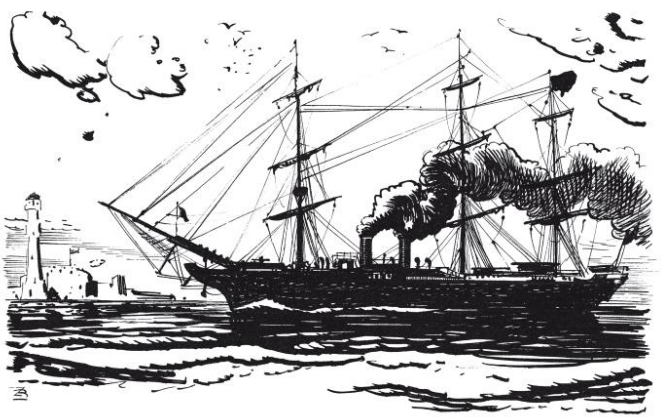
и невероятной экспедиции, правдивый рассказ о которой вызовет недоверие у многих.

Капитан Фаррагут не желал терять не только ни одного дня, но даже часа, стремясь как можно скорее достичь того моря, в котором в последний раз было замечено чудовище. Он позвал инженера-механика.

— Разведены ли у нас в достаточной мере пары? — спросил он.

— Да, капитан, — ответил инженер.

— Полный вперед! — скомандовал Фаррагут.



Пар засвистал, врываясь в распределительные коробки. Длинные горизонтальные поршни застонали и привели в действие шатуны. Лопасти винта начали врезаться в воду с поразительной скоростью, и «Авраам Линкольн» стал величественно продвигаться вперед посреди сотни различного наименования мелких паровых судов, которые составляли некоторое время как бы кортеж фрегата.

Вся набережная Бруклина и вся часть города, расположенная по берегу Ист-ривер, были заполнены толпами любопытных. Троекратное «ура» пяти тысяч человек выражало пожелание полного успеха. Тысячи платков развевались над головами тесно сомкнувшейся толпы и приветствовали «Авраама Линкольна» до его вступления в воды Гудзона у оконечности продолговатого полуострова, на котором, собственно, и расположился Нью-Йорк.

Когда фрегат, двигавшийся в сторону Нью-Джерси вдоль красивейшего берега, застроенного виллами, проходил мимо фортов, они приветствовали его громом своих пушек. «Авраам Линкольн» в ответ трижды приветственно поднял и приспустил американский флаг с тридцатью девятью звездами на бизань-мачте; затем судно,

входя в фарватер, размеченный во внутренней бухте, должно было обогнуть песчаную отмель Санди-Хука, и здесь его вновь приветствовало множество горожан.

Разнообразные лодки следовали за «Авраамом Линкольном» до плавучих маяков, обозначающих своими огнями вход в Нью-Йоркский порт.

Пробило три часа. Лоцман спустился с корабля в шлюпку, доставившую его на поджидавшую под ветром шхуну. Фрегат убыстрял ход, двигаясь вдоль желто-песчаного низкого берега Лонг-Айленда; в восемь часов огни Файр-Айленда на северо-востоке скрылись из виду, и теперь корабль под всеми парами рассекал темные воды Атлантического океана.

Глава IV
Нед Ленд

Капитан Фаррагут был хороший моряк, вполне достойный того фрегата, который вверен был его командованию. Он и его судно составляли одно целое, капитан был его душой. Относительно существования чудовищного животного он ничуть не сомневался, и никто на его судне не смел высказывать сомнения. Он так же верил в него, как некоторые женщины верят в левиафана, — сердцем, а не умом. Чудовище существовало, он освободит от него море, в этом он был уверен. Капитан был в своем роде родосский рыцарь Дьедонне де Гозон, который шел навстречу змею, разорявшему его остров. Или капитан убьет нарвала, или нарвал убьет капитана; иначе быть не могло.

Офицеры фрегата разделяли мнение своего начальника. Надо было послушать, как они толковали, спорили, рассчитывали все шансы, окидывая взором необъятное пространство океана. Многие из них добровольно несли вахту, тогда как при других обстоятельствах каждый из

них проклинал бы эту обязанность. Пока солнце описывало свой дневной полукруг, матросы все время теснились на рангоуте, так как доски моста жгли им ноги и они не могли стоять на месте. А между тем «Авраам Линкольн» не рассекал еще форштевнем подозрительных вод Тихого океана.

Что касается экипажа, то каждый только желал встретиться с нарвалом, загарпунить его, втащить на палубу и разрубить на части. Все с особенным вниманием вглядывались в глубь морских вод. К тому же каждый был заинтересован премией в две тысячи долларов, обещанных капитаном Фаррагутом тому, кто первый заметит животное, будь то юнга или матрос, боцман или офицер. Можно себе представить, в каком напряженном состоянии находился орган зрения экипажа «Авраама Линкольна». Что же касается лично меня, я не отставал от других и не уступал никому мою долю в ежедневных наблюдениях. Да, фрегат имел в сто раз более прав называться «Аргус». Один только среди нас — Консель — относился весьма равнодушно к столь волновавшему нас вопросу и вносил диссонанс в энтузиазм, царивший на палубе.

Я уже говорил, что капитан Фаррагут тщательно снабдил свое судно специальными аппаратами и

снастями для поимки гигантского кита. Ни одно китобойное судно не было так вооружено. У нас были все известные снаряды, начиная с остроги, метаемой рукой, и кончая разрывными пулями и зубчатыми стрелами. На баке стояло орудие в виде небольшой пушки с очень толстыми стенками и узким каналом, модель которой впоследствии находилась на Всемирной выставке 1867 года. Это драгоценное орудие американского изобретения метало свободно конический снаряд весом в четыре килограмма на расстояние в шестнадцать километров.

Следовательно, «Авраам Линкольн» обладал всевозможными в данном случае средствами нападения и разрушения. Но было нечто еще более интересное — это сам Нед Ленд, царь гарпунщиков.

Нед Ленд, по происхождению канадец, обладал замечательно верной рукой и в своем опасном ремесле не имел себе равных. Ловкость и хладнокровие, смелость и хитрость — вот те качества, которыми он обладал в высшей степени, и надо было быть очень изворотливым китом или особенно лукавым кашалотом, чтобы ускользнуть от удара гарпуна Неда Ленда.

Неду Ленду было около сорока лет. Это был вы-

сокого роста мужчина, более шести английских футов, крепко сложенный, внушительного вида, необщительный и всегда сердившийся, когда ему противоречили. Его личность обращала на себя внимание, а твердость взгляда придавала особую выразительность его физиономии. Я полагаю, что капитан Фаррагут весьма разумно поступил, пригласив в состав своего экипажа этого человека; он по верности глаза и руки один стоил всего экипажа.

Сказать «канадец» — то же, что сказать «француз», и я должен заявить, что, несмотря на его необщительность, ко мне он питал влечение и расположение. Моя национальность, несомненно, притягивала его ко мне. Она предоставляла ему случай говорить со мною, а мне слушать тот старый язык Рабле, который еще до сих пор в обычае в некоторых канадских провинциях. Семейство канадца-гарпунщика было родом из Квебека, и все члены этой семьи отличались как смелые рыболовы еще в то время, когда город принадлежал Франции.

Мало-помалу Нед вошел во вкус разговора, и я с удовольствием выслушал повесть о его похождениях в полярных морях. Он рассказывал о своих охотах и битвах с безыскусной поэзией. Его

рассказ облекался в эпическую форму, и мне казалось, что я слушаю одного из канадских Гомеров, воспевающего Илиаду гиперборейских стран.

Я описываю этого смелого моего товарища, каким он был в действительности. Теперь мы стали старыми друзьями, соединенными той неразрывной дружбой, которая рождается и крепнет в самых ужасных испытаниях! Бравый Нед! Я желал бы еще прожить сто лет, чтобы дольше вспоминать о тебе!

А теперь коснемся вопроса, какого мнения был Нед Ленд насчет морского чудовища. Я должен заявить, что он ничуть не верил в появление нарвала и был единственным человеком, который не разделял общего мнения экипажа. Он даже избегал говорить по этому вопросу, но я все-таки надеялся заставить его в один прекрасный день высказаться.

В один чудный вечер, 30 июля, три недели спустя после нашего отъезда, фрегат находился на высоте мыса Бланка, в тридцати милях, под ветром, от Патагонских берегов. Мы уже миновали тропик Козерога; в семистах милях к югу находился Магелланов пролив. Менее чем через восемь дней «Авраам Линкольн» должен был войти в воды Тихого океана.

Я и Нед Ленд сидели на юте, вели беседу, всматриваясь в таинственное море, глубины которого остаются пока неизведанными. Весьма естественно, что я свел разговор на тему о гигантском нарвале и обсуждал все шансы «за» и «против» успеха нашей экспедиции. Затем, ввиду того что Нед ничем мне не возражал, я спросил его напрямик:

— Послушайте, Нед, почему вы не хотите признать существование кита, которого мы намерены преследовать? Может быть, вы имеете на то особые причины?

Гарпунщик в течение нескольких минут молча смотрел на меня, затем, ударив себя по широкому лбу, закрыл глаза, как бы обдумывая свой ответ, и наконец произнес:

— Быть может, он и существует, господин Аронакс.

— Между тем вы, Нед, гарпунщик по профессии, который так близко знаком с крупными морскими млекопитающими, вы, воображение которого более склонно принять гипотезу гигантских китообразных животных, — вы должны быть последним из тех, которые ее отвергают.

— В этом-то вы и ошибаетесь, господин профессор, — ответил Нед. — Простолюдин может

верить в необыкновенные кометы, пересекающие пространства, или в существование допотопных животных, населяющих внутренность земного шара; но астроном или геолог отвергает подобные химеры. Так и китобоец. Я преследовал многих китов, многих пробил гарпуном, многих убил; но, несмотря на их колоссальную силу, ни их хвосты, ни их бивни не в состоянии пробить листовое железо, покрывающее борта парохода.

— Говорят, что бивень нарвала пробивает насквозь большие суда.

— Деревянные суда, это возможно, — ответил канадец, — но я такого никогда не видел. И до тех пор, пока не увижу, я ни за что не поверю, чтобы киты, кашалоты или нарвалы были в состоянии это сделать.

— Послушайте, Нед…

— И слушать не хочу, господин профессор. Говорите о чем хотите, только не об этом. Гигантский спрут, может быть…

— Еще менее, Нед. Спрут принадлежит к моллюскам, тело которых мягко. Будь спрут в пятьсот футов длины, он все-таки не позвоночное животное и совершенно безвреден для таких судов, как «Шотландия» или «Авраам Линкольн». Надо отнести к области сказок рассказы о подвигах гигантских осьминогов и тому подобных чудовищ.

— Итак, господин натуралист, — произнес не без иронии Нед Ленд, — вы продолжаете верить в существование какого-то гигантского кита?

— Да, Нед, и это мое убеждение опирается на логику фактов. Я верю в существование могущественной организации млекопитающего, принадлежащего к разряду позвоночных, как киты, кашалоты или дельфины, и снабженного

бивнем, обладающим изумительной способностью пробивать самые твердые тела.

— Гм! — промычал гарпунщик, покачивая головой в знак отрицания.

— Заметьте, мой достойный канадец, — продолжал я, — что, если подобное животное существует, если оно живет в глубинах океана, если оно населяет слои, лежащие на несколько миль ниже поверхности воды, оно, несомненно, обладает невероятно сильным организмом.

— А на что ему такая сила? — спросил Нед.

— Она необходима, чтобы, обитая в глубинах океана, животное могло выдерживать давление верхних слоев воды.

— В самом деле? — спросил Нед, прищурив глаз.

— Да, и некоторые цифры легко могут вас в этом убедить.

— Цифры, о, эти цифры! — воскликнул Нед. — С ними играют как хотят!

— В других вопросах, Нед, но не в математических! Слушайте меня. Представим себе давление атмосферы как давление водяного столба высотой в тридцать два фута. В действительности такой столб воды окажет большее давление, так как речь идет о морской воде, которая плотнее

пресной. Когда вы ныряете, Нед, ваше тело будет испытывать давление в килограмм на каждый квадратный сантиметр его поверхности. На глубине трехсот футов это давление будет равно десяти атмосферам, ста атмосферам — на глубине трех тысяч двухсот футов и тысяче атмосфер — на глубине тридцати двух тысяч футов, или приблизительно двух с половиной лье. Итак, если бы вам пришлось спуститься на такую глубину в океане, каждый квадратный сантиметр поверхности вашего тела испытывал бы давление в тысячу килограммов. О мой бравый Нед, знаете ли вы, сколько квадратных сантиметров имеет поверхность вашего тела?

— Не имею об этом представления, господин Аронакс.

— Приблизительно семнадцать тысяч.

— Так много?

— А так как в действительности давление атмосферы несколько более килограмма на квадратный сантиметр, то вашим семнадцати тысячам сантиметров пришлось бы испытывать давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограммов.

— Но я этого не чувствую.

— Да, вы этого не чувствуете. И если вы не

раздавлены этим давлением, то только потому, что внутрь вашего тела проник воздух такого же напряжения.

Отсюда равновесие между внешним и внутренним давлением, и образуется нейтрализация, которая и дает вам возможность выдерживать незаметно эти давления. Так дело обстоит в воздухе, но совершенно иначе в воде.

— Да, я понимаю, — отвечал Нед, который слушал с большим вниманием, — вода меня окружает, но не проникает внутрь моего тела.

— Совершенно верно, Нед. Следовательно, на глубине тридцати двух футов вы будете испытывать давление семнадцати тысяч пятисот шестидесяти восьми килограммов; на глубине трехсот двадцати футов — в десять раз более, или ста семидесяти пяти тысяч шестисот восьмидесяти килограммов; на глубине трех тысяч двухсот футов — давление в сто раз больше, и на вас будет давить миллион семьсот пятьдесят тысяч килограммов; наконец, на глубине тридцати двух тысяч футов давление увеличится в тысячу раз и достигнет семнадцати миллионов пятисот шестидесяти восьми тысяч килограммов, то есть вы будете сплющены так же, как под действием гидравлического пресса.

— Черт возьми! — воскликнул Нед.

— Итак, мой уважаемый гарпунщик, если предполагаемые животные длиной в несколько сотен метров и соответствующих прочих размеров обитают на значительных глубинах и поверхность их тела измеряется миллионами квадратных сантиметров, то они должны быть приспособлены выдерживать давление в миллиарды килограммов. Сосчитайте теперь, как велико должно быть сопротивление их скелета и какова сила их организма, чтобы выносить подобные давления.

— Да, они должны быть созданы из листового железа в восемь дюймов толщины, как броненосные фрегаты, — ответил Нед Ленд.

— Почти что так!.. А теперь представьте себе, какое разрушительное действие должен произвести подобный организм, устремляющийся со скоростью поезда-экспресса на пароход?

— Да, действительно, может быть… — ответил канадец, ошеломленный этими цифрами, но не желавший сдаваться.

— Ну что же, убедились вы?

— Вы меня убедили только в одном, господин натуралист, а именно в том, что если такие животные действительно существуют, то они должны быть непомерно сильны.

— А если вы не признаете их существования, упрямый гарпунщик, так каким образом вы объясняете инцидент с «Шотландией»?

— Право, не знаю!.. Может быть, тем… — начал Нед.

— Чем?

— Тем, что… это неправда! — ответил Нед, повторяя знаменитый ответ Араго, хотя и не знал о существовании такого ответа.

Ответ китобойца указывал только на его упрямство, и ничего более. В этот день я уже больше не касался вопроса о чудовище. Происшествие с «Шотландией» не подлежало никакому сомнению. Пролом был настолько велик, что пришлось его заделать, и я думаю, что это может служить достаточно убедительным доказательством. К тому же этот пролом не мог образоваться сам собой, и так как он не был произведен подводными скалами, то своим происхождением мог быть обязан только значительной крепости органа какого-либо весьма крупного животного.

Что касается лично меня, я, на основании уже высказанных мною выводов, убежден был, что это животное принадлежит к типу позвоночных, к классу млекопитающих, к группе рыбообразных и, наконец, к роду китов. Для более же точных

определений необходимо было животное изловить, значит, до этого — загарпунить (это дело Неда Ленда), а еще раньше — выследить (задача для всего экипажа), а прежде всего, чтобы все это произошло, надо было чудовище встретить, и тут можно было надеяться лишь на удачу!

Глава V
В погоне за приключениями

До сих пор плавание «Авраама Линкольна» обходилось без каких-либо особых приключений. Впрочем, был случай, который обнаружил удивительную ловкость Неда Ленда и вызвал общее доверие к нему.

На широте Мальвинских островов, 30 июня, фрегат встретился с американскими китобойцами, которые, как мы узнали, только в первый раз от нас услышали о нарвале. Но один из них, капитан судна «Монроэ», узнав, что Нед Ленд находится на «Авраме Линкольне», просил его помощи для охоты на показавшегося невдалеке кита. Капитан Фаррагут, желая видеть Неда Ленда в деле, разрешил ему отправиться на «Монроэ». И случай настолько благоприятствовал нашему канадцу, что вместо одного кита он убил двух: одного — сразу, пробив ему сердце, другого же — после преследования, продолжавшегося всего несколько минут.

Фрегат проплыл вдоль юго-восточного берега Америки с огромной скоростью, и 3 июля мы уже

находились на высоте мыса Дев у входа в Магелланов пролив. Но капитан Фаррагут не хотел вступать в этот извилистый пролив и предпочел обойти мыс Горн. Весь экипаж вполне согласился с этим решением командира. И действительно, не было ни малейшей вероятности встретиться с нарвалом в этом узком проливе. Большинство матросов утверждали, что чудовище не может пройти в него, «так как оно для этого слишком толсто».

6 июля, около трех часов вечера, «Авраам Линкольн» обогнул в пятнадцати милях к югу этот пустынный островок, или скалистый осколок оконечности американского континента, который голландские моряки нарекли именем своего родного города, назвав его мысом Горн.

Обойдя мыс, фрегат взял направление на северо-запад, и на следующий день винт фрегата стал врезаться в воды Тихого океана.

— Гляди в оба! Гляди в оба! — повторяли матросы «Авраама Линкольна».

И действительно, они старались не проглядеть. Ввиду заманчивой премии в две тысячи долларов глаза матросов не знали отдыха. В течение всего дня и ночи все всматривались в поверхность океана; обладающие способностью лучше различать

предметы в темноте имели вдвое более шансов получить премию.

Я, которого деньги не так сильно прельщали, тем не менее все время, когда находился на палубе, внимательно следил за тем, что происходит на поверхности воды. Я пользовался отдыхом всего несколько минут и все остальное время находился на палубе, невзирая ни на дождь, ни на палящее солнце. Я пожирал жадным взором пенистые гребни волн, которыми море белело до самого горизонта. И сколько раз приходилось мне разделять сильное волнение помощника капитана и экипажа, когда какой-либо капризный кит выставлял на поверхности волн свою черноватую спину. На мостике фрегата сразу появлялась толпа матросов и офицеров. Все с трепещущим взором, затаив дыхание, следили за движением кита. Я напряженно смотрел, рискуя повредить сетчатку глаз и ослепнуть, и только один Консель неизменно флегматично говорил мне своим спокойным голосом:

— Если господин будет меньше напрягать глаза, то будет лучше видеть.

Но напрасная тревога! «Авраам Линкольн» часто менял путь, направляясь к животному, которое оказывалось простым китом или обык-

новенным кашалотом и вскоре исчезало.

Между тем погода стояла прекрасная, море было спокойно и ясно, и плавание продолжалось при самых благоприятных условиях. А надо заметить, что в Южном полушарии это время года обычно было самым дождливым, так как июль месяц этой зимы соответствует европейскому январю.

Нед Ленд по-прежнему выказывал самую упорную недоверчивость; он даже не хотел взглянуть на море, когда не находился на вахте или не показывался кит. А между тем острота его зрения могла бы оказать большую услугу. Упрямый канадец из двенадцати часов восемь проводил в своей каюте, читая или отдаваясь сну. Сто раз я упрекал его за равнодушие.

— Ба! — отвечал он. — Если и допустить, что существует предполагаемое вами животное, то нет никакой вероятности, что мы его встретим. Разве мы не бросаемся в авантюру? Говорят, что такое где-то скрывающееся животное видели в северной части Тихого океана. Допустим, что это так, но уже два месяца прошло после этой встречи, и, судя по темпераменту вашего нарвала, он не из числа животных, любящих держаться одного места; ведь, по-вашему, он обладает способно-

стью необычайно быстро двигаться. Затем, вам, господин профессор, должно быть очень хорошо известно, что природа ничего не делает бессмысленного, несообразного. Она бы не дала вялому по натуре животному способности скорого передвижения, если бы оно в том не нуждалось. Следовательно, если нарвал и существует, то он теперь далеко от нас.

Я не смог на это ответить. Очевидно, мы шли, как слепые. Но другого выхода не было! Успех, конечно, был весьма сомнителен; но тем не менее никто не терял надежды, ни один матрос не стал бы держать пари, что нарвал не встретится. 20 июля мы пересекли тропик Козерога под сто пятым градусом долготы, а 27-го того же месяца — экватор под сто десятым меридианом. Затем фрегат принял направление к западу и вышел в центральные моря Тихого океана.

Капитан Фаррагут правильно рассуждал, что лучше держаться глубоких вод и удаляться от материков и островов, которых животное, в свою очередь, должно было избегать, потому что ему, по выражению командира экипажа, «было там слишком тесно». Пополнив запас угля, фрегат прошел в виду островов Паумоту, Маркизских, Сандвичевых, пересек тропик Рака под сто трид-

цать вторым градусом долготы и направился в Китайское море.

Мы находились в местах последних подвигов чудовища и, говоря откровенно, были мертвы от страха. Сердца сильно трепетали и рисковали получить аневризму. Весь экипаж испытывал такое сильное нервное возбуждение, которое не поддается описанию. Люди не спали и не ели. Раз по двадцать ошибки в вычислении или оптический обман, которому подвергались некоторые матросы, вызывали невыносимые страдания; эти волнения, повторявшиеся двадцать раз, держали нас в слишком напряженном состоянии и должны были вызвать реакцию.

И действительно, она не замедлила проявиться. Три месяца подряд — а каждый день этих трех месяцев тянулся как столетие — «Авраам Линкольн» скитался по северным морям Тихого океана и избороздил его во всех направлениях, преследуя встречающихся китов. Фрегату постоянно приходилось менять курс, неожиданно поворачивать на другой галс, прибавлять или убавлять пары, наконец, внезапно останавливаться, и все это следовало одно за другим, часто в самые небольшие промежутки времени, вызывая риск испортить машину. Все пространство от берегов Японии до

Америки было внимательно исследовано. Ничего похожего на огромного нарвала или плавающий островок, риф или разбитое судно не пришлось встретить. Наступила реакция. Безнадежность овладела умами, и явилось недоверие; на фрегате испытывали новое ощущение, состоявшее из трех десятых стыда и семи десятых досады. Никому не хотелось оставаться в дураках, поверив какой-то сказке, все это было весьма досадно.

Горы доказательств, которые нагромождались в течение целого года, обрушились разом; все старались часами отдыха и еды наверстать напрасно потраченное время.

По свойству человеческого ума все перешли от одной крайности к другой. Самые горячие защитники предприятия сделались его ярыми противниками. От люков судна, от кочегарок настроение это постепенно распространилось до кают-компании, и фрегат, без сомнения, повернул бы окончательно к югу, если бы этому не воспротивился капитан Фаррагут, выказывавший замечательное упорство. Однако продолжать более бесполезные поиски уже не было возможности. Винить за неудачу экипаж «Авраама Линкольна» не приходилось; все, что было возможно, при этом было сделано. Никогда

матросы американского флота не выказывали такого терпения и рвения. Неуспех предприятия зависел не от них. Они сделали свое дело, оставалось позаботиться только о благополучном возвращении на родину.

Об этом было заявлено капитану, который все стоял на своем. Это вызвало неудовольствие всего экипажа, и матросы несли свои обязанности уже с гораздо меньшим усердием. Я не говорю, что на фрегате произошло возмущение, но капитану Фаррагуту было ясно, что может быть проявлено сопротивление, и он, как некогда Колумб, определил срок дальнейших поисков в три дня. Если в течение этого времени чудовище не появится, то рулевой повернет колесо три раза и «Авраам Линкольн» направится в европейские воды.

Это произошло днем 2 ноября. Уступка капитана ободрила упавший духом экипаж. Снова все стали внимательно наблюдать за поверхностью океана, подзорные трубы переходили из одних рук в другие. Гиганту-нарвалу брошен был последний вызов, и он не имел права его не принять.

Прошло два дня. «Авраам Линкольн» не разводил сильных паров. Экипаж прибегал ко всевозможным средствам, чтобы разбудить и

привлечь внимание животного. За фрегатом тащились привязанные на веревках огромные куски сала, надо признаться, к великому удовольствию акул. «Авраам Линкольн» лежал в дрейфе, а вокруг него шныряли шлюпки, следя по всем направлениям, не появится ли чудовище.

Наступил вечер 4 ноября, а подводная тайна по-прежнему оставалась тайной.

На следующий день, 5 ноября, истекал последний срок. С ударом колокола, возвестившим двенадцать часов, капитан Фаррагут, согласно данному обещанию, велел взять направление на юго-восток. Фрегат покидал северные области Тихого океана.

Мы находились под 31° 15′ северной широты и под 136° 42′ долготы. Японские острова расположены были под ветром на расстоянии около двухсот миль. Наступала ночь; пробило восемь часов. Большие облака скрывали диск луны, стоявшей тогда в первой четверти. Волны равномерно плескались и разбивались о форштевень фрегата.

В эту минуту я стоял на носу судна, опираясь на сети, развешанные на штирборту. Консель стоял возле меня и смотрел вперед. Экипаж, взобравшись на ванты, вглядывался в горизонт,

который постепенно сужался и темнел. Офицеры, вооруженные ночными подзорными трубами, напрягали все свое зрение и всматривались в темноту. Временами море внезапно освещалось лунным светом, но затем вскоре исчезало в густых сумерках.

Следя за выражением лица Конселя, я заметил, что и он поддался общему настроению; по крайней мере, так мне казалось. Вероятно, в первый раз в жизни его нервы были сильно напряжены под влиянием любопытства.

— Консель, — обратился я к нему, — нам в последний раз представляется случай положить в карман две тысячи долларов.

— Господин позволит мне ему заметить, — ответил Консель, — что я никогда не рассчитывал на эту премию; правительство Штатов могло назначить и сто тысяч — и от этого не стало бы беднее.

— Ты прав, Консель. Прежде всего, это глупое предприятие, в которое мы вмешались слишком легкомысленно. Сколько напрасно потеряно времени, сколько пережито напрасных волнений! Шесть месяцев тому назад мы могли быть во Франции.

— В квартирке господина, — подсказал Кон-

сель, — в музее господина! И я бы классифицировал ископаемые господина. А бабирусса господина была бы помещена в клетке, в Ботаническом саду, и привлекала бы всех любопытных столицы.

— Да, все это было бы так, как ты говоришь, Консель. А теперь воображаю, как будут над нами смеяться!

— Очевидно, — ответил спокойно Консель, — я думаю, что над господином будут много смеяться. Надо ли говорить…

— Да, надо, говори, Консель!

— В таком случае я полагаю, что господин получит то, что заслужил.

— Правда!

— Когда имеешь честь быть таким ученым, как господин, то не следует ставить себя…

Консель не успел окончить своего комплимента. Среди общей тишины раздался голос. Это был голос Неда Ленда. Гарпунщик кричал:

— Ого, что-то есть под ветром прямо перед нами!

Глава VI
На всех парах

При этом крике весь экипаж бросился к китобойцу — капитан, офицеры, боцманы, матросы; даже инженеры покинули свои машины и кочегары свои печи. Приказано было остановить машину, и фрегат двигался только по инерции. Стояла глубокая темнота, и хотя канадец обладал прекрасным зрением, я все-таки спрашивал себя, как и что он мог видеть. Сердце мое сильно билось и готово было разорваться на части. Однако Нед Ленд не ошибся, и все увидели предмет, на который он указывал рукой.

На расстоянии двух кабельтовых от штирборта «Авраама Линкольна» море казалось освещенным снизу. Это не было ошибкой. Чудовище находилось под водой на глубине нескольких туазов[5] от ее поверхности и распространяло весьма интенсивный, но и необъяснимый свет, о котором упоминали в своих донесениях многие капитаны кораблей. Этот сильный свет,

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду одна из разновидностей морской сажени (toise), равная 1 м 15 см.

несомненно, исходил из мощного источника. Светящееся пространство имело контуры огромного удлиненного овала, в центре которого сосредоточивался яркий блеск, причем сама яркость света ослабевала по мере удаления от центра.

— Это скопление фосфоресцирующих инфузорий, — пояснил один из офицеров.

— Вы ошибаетесь, сударь, — ответил я уверенным тоном. — Никогда инфузории не производят такого сильного блеска. Этот свет по своей природе электрический. Затем, смотрите, смотрите! Видите, он перемещается!.. Он движется вперед и назад! Он устремляется на нас.

На палубе раздался общий крик.

— Смирно! — скомандовал капитан Фаррагут. — Руль под ветер! Задний ход!

Матросы бросились к рулю, а инженер-механик к своим машинам. Пар стал работать, и «Авраам Линкольн», повернувшись на бакборте, описал полукруг.

— Прямо руль! Ход вперед! — громко скомандовал Фаррагут.

Команда была исполнена, и фрегат стал быстро уходить от светового овала. Я ошибаюсь. Он хотел уйти, но сверхъестественное чудовище настигало его, так как двигалось вдвое быстрее фрегата.

Мы оцепенели, но не страх, а скорее изумление лишило нас способности двигаться. Чудовище обошло вокруг фрегата, шедшего со скоростью четырнадцать узлов, обливая его волнами электрического света. Затем оно удалилось на расстояние двух или трех миль, оставляя после себя фосфоресцирующий след, подобный клубам пара, выбрасываемым локомотивом экспресса.

Но вот внезапно из темных окраин горизонта, куда оно отошло для разбега, чудовище с ужасающей быстротой устремилось на «Авраам Линкольн» и совершенно неожиданно, на расстоянии десяти футов от него, остановилось и погасло, и не потому, что оно опустилось в глубину моря, — в таком случае свет постепенно бы ослабевал, — но так, словно погас сам источник света. Прошла минута, другая — оно появилось с другой стороны фрегата, но не знаю, обошло ли оно его или проскользнуло под ним. Каждую минуту надо было ожидать столкновения, которое окончилось бы для нас фатально. Я удивлялся искусному маневрированию фрегата. Он не смел атаковать и искал спасения в бегстве. Он был преследуем, тогда как сам должен был преследовать, что я и высказал капитану Фаррагуту. Лицо его, обычно бесстрастное, в эту минуту выражало

бесконечное смущение.

— Господин Аронакс, — ответил он мне, — я не знаю, что это за чудовище, с которым мы имеем дело, и не могу так неосторожно подвергать свой фрегат риску, действуя в темноте. Да и каким способом атаковать это чудовище или защищаться, я также не знаю. Подождем рассвета, тогда роли поменяются!

— Капитан, вы имеете представление о природе этого животного?

— Нет, по-видимому, это гигантский нарвал, и притом электрический нарвал.

— Может быть, — отвечал я, — во всяком случае, к нему опасно приближаться.

— Действительно, — согласился капитан, — если он обладает разрушительной силой, то это самое страшное животное, которое когда-либо создано было Творцом. Вот почему, милостивый государь, я его и остерегаюсь.

Весь экипаж целую ночь провел на ногах, никто и не думал о сне. Капитану «Авраама Линкольна» стало очевидно, какое огромное преимущество в скорости хода на стороне этого животного, и он умерил пары. Со своей стороны, нарвал, подражая фрегату, качался на волнах и, по-видимому, не намеревался покидать театр сражения.

Однако около полуночи он исчез или, вернее, погас, как гигантский светляк. Может быть, он бежал? Мы не желали этого и не могли на это рассчитывать. Было без семи минут час ночи, когда раздался оглушительный свист, похожий на шум, производимый столбом воды, бьющей с необычайной силой.

Капитан Фаррагут, Нед Ленд и я — мы находились в это время в каюте — жадно вглядывались в глубокий мрак ночи.

— Нед Ленд! — обратился к нему капитан. — Вам часто приходилось слышать рев кита?

— Часто, капитан, но никогда не видел подобных китов и такого, который мне доставил бы по меньшей мере две тысячи долларов.

— Да, вы имеете право на премию. Скажите, шум этот похож на тот, какой происходит, когда киты выбрасывают воду через носовые отверстия?

— Шум такой же, капитан, но этот несравненно сильнее. Несомненно, что это кит, живущий в этих водах. С вашего разрешения, — добавил гарпунщик, — мы завтра с рассветом заведем с ним самый короткий разговор.

— Если он сделает вам честь выслушать вас, Ленд, — вмешался я.

— Лишь бы я подошел к нему на расстояние четырех гарпунов, — возразил канадец, — тогда он нас выслушает.

— В таком случае, — заметил капитан, — надо отдать в ваше распоряжение китобойную лодку.

— Конечно!

— Но я рискую жизнью моих матросов!

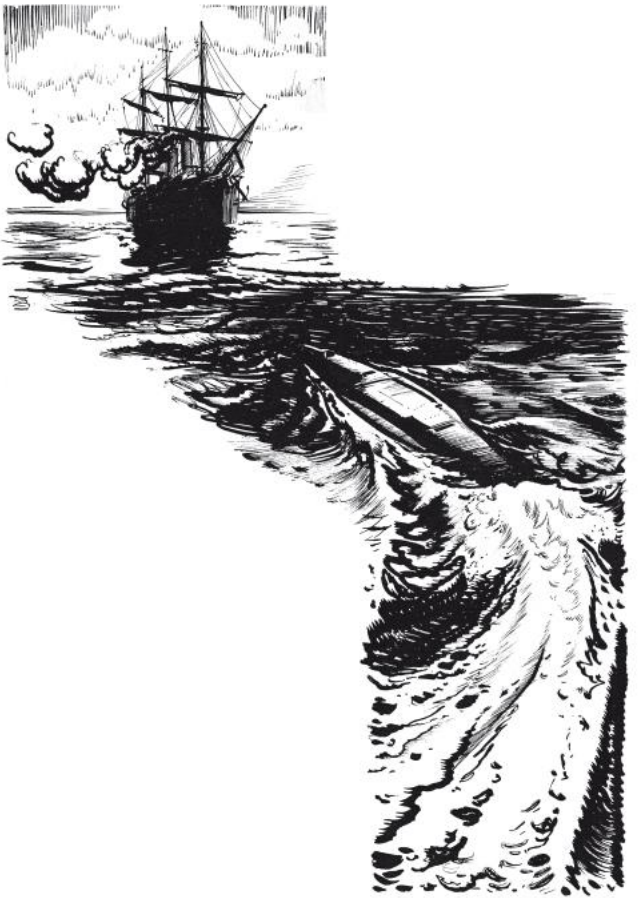
— И моей, — просто добавил гарпунщик.

Около двух часов ночи чудовище, находясь на расстоянии пяти миль от «Авраама Линкольна», снова стало испускать яркий свет. Несмотря на значительный шум ветра, отчетливо слышались страшные удары хвоста животного и даже его порывистое дыхание. Казалось, что в ту минуту, когда этот гигантский нарвал вдыхал в себя воздух, тот сгущался в его легких, как пар в цилиндрах машины в две тысячи лошадиных сил.

«Гм, — подумал я, — кит, обладающий силой кавалерийского полка! Нечего сказать — хорош кит!»

Все оставались настороже до наступления рассвета и готовились к бою. Все снаряды, применяемые в рыбной ловле, были расставлены вдоль бортов. Помощник капитана приказал зарядить особые орудия, выбрасывающие гарпун на расстояние целой мили, и зарядить ружья разрывными

пулями, ранения которыми, безусловно, смертельны и для самых крупных животных. Нед Ленд довольствовался тем, что наточил свой гарпун — оружие действительно страшное в его руках. В шесть часов заря стала заниматься, и при первых лучах восходящего солнца исчез электрический свет нарвала. К семи часам совершенно рассвело, хотя густой туман еще не рассеялся, и в лучшие подзорные трубы даже на недалеком расстоянии ничего нельзя было рассмотреть. Я взошел на бизань. Некоторые офицеры уже успели взобраться на верхушки мачт.



К восьми часам туман над океаном стал рассеиваться, подымаясь вверх широкими полосами. Горизонт расширился и стал чист. И вот снова раздался громкий голос Неда Ленда:

— Чудовище позади кормы!

Все взоры обратились к указанному месту.

Там, на расстоянии полутора миль от фрегата, торчало из воды на один метр его длинное и черное тело. Его хвост, быстро работая, производил водоворот. Ни один фрегат не рассекал вод с такой быстротой. Длинная полоса блестящей белизны, обозначая путь животного, описывала продолговатую дугу.

Фрегат подошел к чудовищу. Я его рассматривал без всякой предвзятой мысли. Донесения «Шенона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры, и я считаю, что его длина не превосходит двухсот пятидесяти футов. Что же касается его толщины, то трудно было ее определить, но в общем животное мне показалось замечательно пропорционально в отношении всех трех измерений.

Пока я рассматривал это феноменальное существо, из его ноздрей два раза вырывались пар и вода в виде фонтана, бьющего на высоту в сорок метров, и в этом я увидел его манеру выдыхать

воздух. Тогда я причислил его к отделу позвоночных, классу млекопитающих и к подклассу чревосумчатых, к группе дельфинообразных, к порядку китов, к семейству… но здесь я попал в затруднение. Вид китов имеет три семьи: китов, кашалотов и дельфинов, к последним относятся и нарвалы. Каждое из этих семейств разделяется на многие рода, род на виды, вид на разновидности. Итак, семейства, рода, вида и разновидности я не мог определить, но я рассчитывал при помощи гарпунщика Ленда и капитана Фаррагута восполнить этот пробел. Экипаж с нетерпением ожидал приказаний своего капитана. Последний после внимательного наблюдения за животным велел позвать инженера, который не замедлил явиться.

— Усильте топку и идите на всех парах!

Троекратное «ура» сопровождало это приказание.

Час борьбы пробил. Через несколько минут обе топки под паровыми котлами фрегата извергали через трубы густые клубы черного дыма; палуба дрожала от усиленной работы паровой машины. Огромный гребной винт двигал вперед «Авраам Линкольн», в прямом направлении на чудовище. Оно спокойно допустило приблизиться к нему

на расстояние полукабельтова; но затем, не погружаясь в воду, оно стало уходить от фрегата, держась на том расстоянии, на которое подпустило. Это преследование продолжалось около трех четвертей часа, однако без всяких результатов, так как фрегат не мог выиграть ни одной сажени[6] в приближении к животному. Было очевидно, что дальнейшее преследование не приведет ни к чему.

Капитан Фаррагут яростно теребил бороду.

— Нед Ленд! — крикнул он.

Канадец явился на зов.

— Что скажете, Ленд, — обратился к нему капитан, — быть может, и теперь вы мне посоветуете спустить шлюпки?

— Нет, капитан, — ответил гарпунщик, — его никак не нагонишь, если оно этого не захочет.

— Что же делать?

— Прибавить пару, если это возможно. Что касается лично меня, то я, с вашего разрешения, помещусь на ватерштаге, и, если мы приблизимся к нему на расстояние длины полета гарпуна, сделаю свое дело.

— Ступайте, — ответил капитан Фаррагут. —

---

[6] Примечания: 6

Имеется в виду морская сажень, брасс (brasse), равная примерно 1 м 40 см.

Инженер-механик! — крикнул он. — Усильте давление пара!

Нед Ленд отправился на свой пост. Топка была значительно усилена; винт оборачивался сорок три раза в минуту, пар достигал предельного давления, которое могли выдержать котлы, и с шумом вырывался из предохранительного клапана. Бросили лаг, чтобы определить скорость движения фрегата; оказалось, что он идет со скоростью восемнадцать миль в час. Но проклятое животное продолжало уходить с прежней скоростью. Таким ходом фрегат шел целый час и не смог приблизиться к животному ни на одну сажень. Это было весьма обидно для одного из быстроходнейших судов американского флота. Глухая злоба охватила весь экипаж. Матросы всячески поносили чудовище, которое не удостаивало их ответом. Капитан Фаррагут, перестав теребить бороду, стал ее кусать.

Инженер-механик снова был позван к капитану.

— Давление пара максимальное? — спросил его капитан.

— Да!

— А как велико давление?

— Шесть с половиной атмосфер.

— Доведите до десяти!

Вот приказание чисто в американском духе!

— Консель, — обратился я к моему бравому слуге, стоявшему возле меня, — знаешь ли ты, что нам, вероятно, предстоит взлететь на воздух?

— Как будет угодно господину профессору, — ответил Консель.

Говоря по правде, риск этот мне нравился.

Все клапаны для пропуска пара были нажаты. Топки завалены углем, в которые вентиляторы доставляли целые потоки свежего воздуха. Скорость хода «Авраама Линкольна» возрастала. Мачты дрожали до самого основания, а клубы черного дыма едва пробивались сквозь внутренние отверстия дымовых труб, оказавшихся теперь тесными.

— Сколько? — спросил капитан рулевого.

— Девятнадцать и три десятых мили!

— Поднять давление!

Инженер-механик исполнил приказание. Манометр показывал давление десять атмосфер. Но и кит, должно быть, тоже топил, так как уходил с той же скоростью — девятнадцать и три десятых мили в час.

Изумительное преследование! Я не умею выразить словами то волнение, которое охватило

дрожью все мое существо. Нед Ленд стоял на своем посту, держа гарпун в руке. Несколько раз животное позволяло фрегату приближаться к себе.

— Мы догоняем его! Догоняем! — вскрикивал канадец.

Но в тот момент, когда он изловчался метнуть свой гарпун, кит уходил со скоростью, которую я по меньшей мере определяю в тридцать миль в час. Более того, в то время как мы развили максимальную скорость, животное, словно издеваясь над нашими усилиями, обошло фрегат вокруг. Экипаж разразился криками бешенства.

В полдень мы находились на том же расстоянии от животного, на каком были и в восемь часов утра.

Капитан Фаррагут решился применить еще более энергичные средства.

— А! — воскликнул он. — Животное плывет скорее, чем «Авраам Линкольн». Хорошо! Теперь мы испытаем, не опередит ли оно эти баллистические ядра. Боцман, прислугу к пушке, что на носу!

Орудие немедленно зарядили и навели. Раздался выстрел, но ядро пролетело несколько выше над китом, который находился на расстоянии

полумили.

— Второй выстрел! — скомандовал капитан. — Пятьсот долларов тому наводчику, который пробьет это адское животное.

Старый канонир с седой бородой — я как сейчас его вижу — со спокойным взором, с бесстрастным лицом подошел к орудию, установил его и долго целился. Раздался второй выстрел и почти тотчас же громкое «ура» всего экипажа.

Ядро достигло своей цели. Оно ударило в животное, но не проникло в него, а, скользнув по его выпуклой поверхности, понеслось дальше на две мили и упало в воду.

— Так вот как, — воскликнул старый канонир, — этот негодяй блиндирован шестидюймовыми плитами!

— Проклятье! — вскрикнул капитан Фаррагут.

Охота началась снова, и капитан, наклонясь ко мне, сказал:

— Я буду его преследовать, пока фрегат не взлетит на воздух!

— Вы совершенно правы, — ответил я.

Можно было рассчитывать на то, что животное утомится, тогда как машина, имея достаточный запас угля, будет продолжать так же усиленно работать. Однако проходили часы, а животное не

проявляло ни малейших признаков утомления.

Однако к чести «Авраама Линкольна» надо сказать, что судно боролось с неустанным напряжением. Я не ошибусь, если определю расстояние, пройденное им в этот злосчастный день, 6 ноября, не менее чем в пятьсот километров. Но вот наступила ночь и окутала мраком волнующийся океан.

В эту минуту я считал, что наше преследование окончилось и что мы более уже не увидим это фантастическое животное. Но я ошибся. Было без десяти минут одиннадцать вечера, когда в трех милях от фрегата снова показался электрический свет, такой же чистый и такой же интенсивный, как накануне.

Нарвал, как казалось, оставался неподвижен. Вероятно, утомленный погоней, он спал, убаюкиваемый ритмичной качкой. Представлялся удобный случай, которым капитан Фаррагут решил воспользоваться.

Он отдал приказания. «Авраам Линкольн» стал держать слабые пары и осторожно продвигался вперед, чтобы не разбудить своего противника. Нередко случается встречать в открытом океане спящих глубоким сном китов, которых можно тогда успешно атаковать; сам Нед Ленд не одному

из них всадил гарпун во время его безмятежного сна. И когда он снова занял свое место на ватерштаге, фрегат приближался почти без шума, остановив машину в двух кабельтовых от животного, продолжая идти вперед по инерции. На палубе царила глубокая тишина. Мы находились не далее ста футов от светящегося овала, сильный свет которого слепил глаза.

В эту минуту, склонившись над перилами, я увидел над собой Неда Ленда, уцепившегося одной рукой за мартинштаг, а другой потрясающего своим ужасным гарпуном. Не более двадцати футов отделяло его от неподвижного животного.

Вдруг рука его быстро вытянулась — и гарпун был пущен. Послышался металлический звук, словно гарпун ударился о твердое тело. Электрический свет мгновенно погас, и два огромных водяных столба обрушились на палубу фрегата, опрокидывая людей, ломая мачты.

Фрегат получил страшный удар; я был выброшен через перила в море.

Глава VII
Кит неизвестной породы

Несмотря на то что я был ошеломлен неожиданным падением, у меня отчетливо сохранились испытанные мною ощущения.

Я был увлечен на глубину приблизительно футов двадцати. Я хороший пловец, хотя не имею притязания соперничать с такими знаменитыми пловцами, как Байрон и Эдгар По, и это ныряние не заставило меня потерять голову. Два сильных удара ногами — и я поднялся на поверхность воды.

Моей первой мыслью было — отыскать глазами фрегат. Заметил ли экипаж мое отсутствие, приняты ли меры для моего спасения капитаном Фаррагутом? Могу ли я надеяться на спасение?

Кругом стояла полная тьма. Я смутно видел какую-то темную массу, уходившую по направлению к востоку, ее сторожевые огни гасли в отдалении. Это был фрегат. Я считал себя погибшим.

— Ко мне, ко мне! — кричал я, стараясь плыть по направлению к «Аврааму Линкольну».

Одежда меня сильно стесняла. Намокнув, она прилипала к телу и парализовывала мои движения. Меня тянуло ко дну. Я задыхался.

— Спасите! — крикнул я.

Это был мой последний крик. Я начал захлебываться, выбиваясь из сил, чтобы остаться на воде, и вскоре стал тонуть…

Вдруг чья-то сильная рука схватила меня за платье и вытащила на поверхность воды, и я услыхал — да, я услыхал — следующие слова, раздававшиеся над моим ухом.

— Если господин захочет опираться на мое плечо, ему будет гораздо легче плыть.

Я схватил одной рукой руку преданного мне Конселя.

— Это ты, — проговорил я, — это ты?

— Я самый, — ответил Консель, — я весь в вашем распоряжении.

— Ты был выброшен в воду вместе со мной, когда фрегат получил удар?

— Нет, но как ваш слуга я последовал за вами.

Честный слуга считал это своей обязанностью.

— Что с фрегатом? — спросил я.

— С фрегатом, — повторил Консель, поворачиваясь на спину, — господин может более не рассчитывать на него.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что в тот момент, когда я бросился в море, я слышал, как матросы кричали: винт и руль разбиты.

— Разбиты?

— Да, вероятно, разломаны зубом этого гиганта. Я полагаю, что это первое крушение, которое пришлось испытать «Аврааму Линкольну». Но, на наше несчастье, фрегат теперь — жертва волн.

— Тогда мы погибли!

— Очень возможно, — ответил совершенно спокойно Консель. — Но во всяком случае, в нашем распоряжении несколько часов, а в это время многое можно сделать.

Невозмутимое хладнокровие Конселя меня ободрило. Я стал напрягать последние силы и плыл быстро, но главным образом из-за намокшей одежды, которая стесняла движения, меня тянуло ко дну, как свинцовое ядро; я вскоре сильно утомился и еле-еле мог держаться на воде. Это не ускользнуло от внимания Конселя.

— Господин мой хорошо сделал бы, если бы позволил разрезать себе одежду, — сказал Консель.

Он пропустил карманный нож под мою одеж-

ду, одним взмахом распорол ее сверху донизу и помог мне освободиться от нее.

В свою очередь и я помог Конселю сбросить одежду, и мы поплыли рядом.

Тем не менее положение было ужасно. Наше исчезновение не было замечено на фрегате; но будь оно даже замечено, фрегат никоим образом не мог бы, потеряв руль, подойти к нам против ветра. Можно было рассчитывать разве на шлюпку.

Консель весьма спокойно обсудил положение и на этом основании составил план действий. Удивительная натура! Этот флегматик был точно у себя дома.

Так как наше спасение зависело исключительно от встречи с одной из шлюпок, спущенных с «Авраама Линкольна», то мы должны были стараться возможно дольше держаться на воде. Мы решили экономить наши общие силы и прибегли к такому способу, чтобы один из нас лежал на спине, скрестив руки и ноги, другой плыл, подталкивая его вперед. Мы чередовались каждые десять минут и, таким образом, имея отдых, могли рассчитывать не только держаться на воде, но и плыть в продолжение нескольких часов, а то и до утра.

Ничтожный шанс! Но надежду трудно исторг-

нуть из человеческого сердца! Притом же нас было двое. Наконец, я утверждаю — хотя это и должно показаться невероятным, — что, если бы я и захотел отбросить эту иллюзию, то есть если бы захотел отчаяться, я бы не мог этого сделать.

Столкновение фрегата с животным произошло около одиннадцати часов вечера. Следовательно, держаться на воде до рассвета приходилось не менее семи часов. С отдыхом эта операция была возможна. Море было довольно спокойно, так что прилагать усилий не приходилось. Временами я старался пронизать взором глубокий мрак, нарушаемый фосфорическим свечением, вызываемым нашим движением. Я смотрел на светящиеся волны, которые разбивались о мое тело, и на всю светящуюся поверхность моря, покрытую переменного цвета пятнами.

Около часа ночи я почувствовал изнеможение сил. Все мои члены сводила судорога. Консель должен был меня поддерживать, и забота о нашем спасении перешла к нему одному. Вскоре я услышал, что бедный слуга начинает тяжело дышать. Я прекрасно сознавал, что он выбился из сил.

— Оставь меня, оставь меня! — сказал я ему.

— Оставить своего господина? Да ни за что! —

ответил он. — Если кому первому утонуть, то это мне.

В эту минуту из-за облака показалась луна. Поверхность моря осветилась лунным светом, который благотворно подействовал на наши силы. Я поднял голову, окинул взором все стороны горизонта — и увидел фрегат. Он находился в пяти милях от нас и представлялся с трудом различаемой массой. Но нигде не виднелось ни одной шлюпки.

Я хотел кричать о помощи. Мои опухшие губы не выпускали ни одного звука. Консель мог проговорить несколько слов, и я слышал, как он не раз повторял:

— К нам, к нам!

Мы остановились на секунду, чтобы прислушаться. И был ли то шум в ушах, вызванный давлением крови, но мне послышалось, что на крик Конселя отвечает чей-то крик.

— Ты слышал? — проговорил я.

— Да, да!

И Консель снова издал отчаянный крик.

На этот раз сомнений не было. Нам отвечал человеческий голос. Был ли это голос другого несчастного, покинутого среди океана, другой жертвы удара, постигшего фрегат? Но быть мо-

жет, в этом мраке нас окликают со шлюпки, спущенной с фрегата нам на помощь? Консель напряг последние силы и, опершись на мое плечо, до половины высунулся из воды, но тотчас же упал обессиленный.

— Что ты увидел? — пробормотал я.

— Я видел… — шептал он, — я видел… но не будем об этом говорить… надо беречь наши силы.

Что же он увидел? Не знаю почему, но я вспомнил о чудовище. Но как объяснить этот человеческий голос? Ведь прошли те времена, когда Иона жил во чреве кита.

Между тем Консель продолжал меня подталкивать вперед. Временами он поднимал голову, смотрел вперед, вскрикивал, и ему отвечал другой крик, все более отчетливый по мере приближения; впрочем, я его мог различить с трудом. Силы мои истощились; пальцы растопырились; рука отказывалась служить опорой; рот, судорожно раскрытый, захлебывался соленой водой; тело стало коченеть. Я поднял в последний раз голову и затем стал погружаться…

В эту минуту я ударился о какое-то твердое тело и уцепился за него. Затем я почувствовал, что меня вытаскивают на поверхность воды, и потерял сознание.

Благодаря сильным растираниям тела я снова пришел в себя и раскрыл глаза.

— Консель! — едва проговорил я.

— Вы изволите меня звать? — отозвался Консель.

В эту секунду при последних лучах заходившей луны я увидел кого-то, не походившего на Конселя.

— Нед! — вскрикнул я.

— Он самый, преследует свою добычу! — ответил канадец.

— Вы были сброшены в море во время удара?

— Совершенно верно, но мне повезло больше, чем вам, так как почти тотчас я пристал к плавающему островку.

— Островку?

— Или, выражаясь точнее, к вашему гигантскому нарвалу.

— Объяснитесь, Нед!

— Да, я сразу понял, почему мой гарпун не мог пробить его кожу.

— Почему же, Нед… почему?

— Потому, что это животное покрыто листовой сталью.

Теперь надо было, чтобы я во всем разобрался, восстановил воспоминания и проверил все то, в

чем был уверен.

Последние слова канадца произвели внезапный поворот в моих мыслях. Я поспешно поднялся на вершину этого существа, наполовину погруженного в воду, которое послужило нам убежищем. Я попробовал ногой. Это, без сомнения, было что-то твердое, непроницаемое, а не мягкая субстанция, присущая морским млекопитающим.

Поэтому твердое тело могло быть так называемым верхним черепом или панцирем, которым снабжены были животные дилювиального периода, и я готов был причислить чудовище к разряду пресмыкающихся амфибий, каковы черепахи и аллигаторы.

Но и этого не мог сделать! Спина чудовища, на которой я стоял, была гладкая, полированная, а не черепичная. При ударе она издавала металлический звук, и, как это ни было невероятно, она, казалось, была сделана из пластов, скрепленных болтами.

Сомневаться не приходилось. Животное, чудовище, феномен природы, которое заинтересовало весь ученый мир, взволновавшее моряков обоих полушарий, было, по-видимому, созданием рук человеческих!

Открытие самого баснословного, мифологического существа не могло в такой степени поразить мой ум. Все чудесное исходит от Творца Вселенной, это весьма понятно. Но увидеть внезапно своими глазами что-то сверхъестественное, чудесное и осуществленное человеческими силами — это невольно мутит разум.

Тем не менее раздумывать не приходилось. Мы находились на верхней поверхности подводного судна, которое имело вид, насколько я мог судить, огромной стальной рыбы. Мнение Ленда на этот счет установилось прочно. Мне и Конселю оставалось только присоединиться к этому мнению.

— В таком случае, — заметил я, — этот аппарат заключает в себе двигательный механизм и экипаж, который им управляет.

— Конечно, — ответил гарпунщик, — но тем не менее в течение трех часов моего пребывания на этом плавучем островке я не заметил ни малейших признаков жизни.

— Разве судно не двигалось?

— Нет, господин Аронакс; правда, оно качается на волнах, но не двигается с места.

— Но мы ведь знаем, и в этом не приходится сомневаться, что оно движется с необычайной скоростью. А так как для этого необходимы

сильнодействующая машина и машинист, управляющий этой машиной, то отсюда я заключаю, что мы спасены.

— Гм! — промычал Нед Ленд, не вполне соглашаясь.

В эту минуту, как бы в подтверждение моей аргументации, послышалось шипение на заднем конце этого стройного судна, и оно пришло в движение, очевидно вызванное действием винта. Мы едва успели схватиться за верхнюю его часть, выдававшуюся из воды примерно сантиметров на восемьдесят. К счастью, судно двигалось не особенно быстро.

— Пока оно плывет горизонтально, — пробормотал Нед Ленд, — я не в претензии. Но если ему придет фантазия нырнуть, то я не дам и двух долларов за свою шкуру!

Канадец мог бы понизить цену. Необходимо было воспользоваться помощью кого-либо из живущих в недрах этой машины. Я искал на ее поверхности какое-нибудь отверстие, люк, дверь, в которую можно пролезть, но ряд заклепок и головок винтов были повсюду правильно расположены, скрепляя края железных листов, и ничто не указывало на вход.

Ко всему этому вскоре исчезла луна, и мы очу-

тились в непроницаемой темноте. Приходилось ожидать рассвета, чтобы приискать средство проникнуть внутрь этого подводного судна.

Таким образом, наше спасение зависело исключительно от каприза этих таинственных кормчих, которые управляли аппаратом, и если бы им вздумалось нырнуть, мы бы погибли окончательно! Тем не менее я не терял надежды войти с ними в контакт.

И действительно, не могли же они производить для себя воздух, следовательно, им необходимо было время от времени появляться на поверхности океана, чтобы возобновлять необходимый запас. А из этого, в свою очередь, следует, что на поверхности судна должно находиться отверстие, через которое внутренность судна может сообщаться с атмосферой.

Что касается надежды быть спасенными капитаном Фаррагутом, то она окончательно исчезла. Нас увлекало к западу, и мы двигались, как я полагаю, со средней скоростью, доходившей до двенадцати миль в час, гребной винт рассекал волны с математической точностью, иногда он обнажался и выбрасывал воду, сияющую фосфорическим светом, на огромную высоту. Около четырех часов утра судно ускорило ход. Мы с

трудом могли держаться, волны хлестали нас. По счастью, Нед Ленд нащупал рукой широкое якорное кольцо, вделанное в железную обшивку, и мы за него крепко уцепились.

Наконец эта продолжительная ночь прошла. Моя память не удержала всех полученных тогда впечатлений, но одна из деталей помнится до сих пор. В то время как море становилось несколько спокойнее и ветер стихал, мне казалось, что из глубины волн неслись гармоничные звуки отдаленных аккордов. Какую тайну скрывало в себе это подводное судно, разгадки которой безуспешно добивался весь свет? Какие существа жили в этом чудном судне? Сила каких машин заставляла его перемещаться с такой изумительной быстротой?

Наступило утро. Окружавший нас утренний туман рассеялся. Я уже приготовился внимательно исследовать корпус судна, на верхней части которого виднелось что-то вроде горизонтальной платформы, как почувствовал, что я мало-помалу погружаюсь в воду…

— А, тысяча чертей, — вскрикнул Нед Ленд, топая ногой по звонкому железу, — отворите же, негостеприимные мореплаватели!

Но трудно было заставить услышать себя в

оглушительном шуме, производимом движением гребного винта. К счастью, судно перестало погружаться.

Внезапно раздался скрип быстро отодвигаемых засовов. Одна из плит поднялась, показался человек; он как-то странно крикнул и тотчас исчез.

Несколько минут спустя появились восемь сильных мужчин с закрытыми вуалью лицами; они тихо к нам подошли и увлекли нас внутрь своей страшной машины.

Глава VIII
«Mobilis in mobile»

Это насилие было исполнено с быстротою молнии. Я и мои компаньоны не имели времени опомниться. Не знаю, какое чувство они испытывали, будучи заключены в эту плавучую крепость, но что касается меня лично, то холод и дрожь пробежали по всему моему телу. С кем мы имеем дело? Вне сомнения, с пиратами новой формации, которые разбойничали на море на свой особый манер.

Едва задвинулась надо мной узкая дверь, как я очутился в полном мраке. Я чувствовал под своими голыми ногами ступени железной лестницы. Нед Ленд и Консель, так же грубо захваченные, следовали за мной. В конце лестницы отворилась дверь и моментально затворилась за нами с металлическим звуком.

Мы остались одни. Где? Я не мог сказать. Вокруг нас было темно настолько, что глаза мои после нескольких минут уже не в состоянии были уловить тех неопределенных лучей слабого света, которые проявляются в самые темные ночи.

Между тем Нед Ленд, придя в ярость от подобного обхождения, дал волю своему негодованию.

— Тысяча чертей, — кричал он, — вот люди, которым не мешало бы поучиться гостеприимству от каледонцев! Недостает, чтобы они оказались антропофагами. Я ничуть этому не удивлюсь, но заявляю протест против того, чтобы быть съеденным.

— Вы успокойтесь, Нед, не горячитесь, — отвечал спокойно Консель, — не предупреждайте того, что неизвестно, ведь мы пока не на жаровне.

— Да, пока не на жаровне, — возразил канадец, — но что в печи, так это верно. Здесь достаточно темно! К счастью, нож со мной, и для меня достаточно светло, чтобы пустить его в ход. Первый из этих разбойников, который осмелится наложить на меня руку…

— Не раздражайтесь, Нед, — обратился я к гарпунщику, — и не ухудшайте нашего положения напрасным ропотом. Кто знает, может быть, нас подслушивают. Лучше постараемся узнать, где мы.

Я шел ощупью. Пройдя пять шагов и обернувшись, я натолкнулся на деревянный стол, возле которого стояло несколько скамеек. Пол этой

тюрьмы покрывали циновки, заглушавшие шум наших шагов. Голые стены не имели ни малейших следов ни дверей, ни окон. Консель, обходивший стены с противоположной стороны, столкнулся со мной на середине этой каюты в двадцать футов длиной и шесть футов шириной. Что касается ее высоты, то Нед Ленд, несмотря на свой высокий рост, не мог ее определить.

Прошло с полчаса, а положение наше ни в чем не изменилось, как вдруг совершенную темноту сменил самый яркий свет. Наша тюрьма внезапно озарилась или, как мне представилось, наполнилась световым эфиром столь сильным, что мои глаза не могли его выносить. По белизне света и его интенсивности я узнал сразу, что это электрический свет, который и производил вокруг подводного судна эту восхитительную фосфоресценцию.

Я был не в силах выдержать этот свет и потому зажмурил глаза; открыв их, я увидел, что источником света является шар, расположенный в верхней части каюты.

— Наконец-то стало светло! — воскликнул Нед Ленд, держа на случай защиты свой нож в руке.

— Да, — ответил я, — но положение все-таки темное.

— Господину надо вооружиться терпением, — заметил невозмутимый Консель.

Благодаря сильному освещению каюты я ее рассмотрел до мельчайших подробностей. Вся ее обстановка состояла из стола и пяти скамеек. Невидимая дверь, вероятно, герметически затворяется. Ни малейший звук не доносился до нас. Все словно умерло на этом судне. Двигалось ли оно в данную минуту, держалось ли на поверхности океана, погружалось ли в его глубины? Я не мог этого сказать.

Во всяком случае, нашу каюту осветили не без причины. Я был уверен, что люди экипажа не замедлят появиться. Когда хотят забыть людей, то не освещают те места, куда их прячут.

Я не ошибся. Стало слышно, как что-то щелкнуло в замочной скважине, дверь отворилась, и в каюту вошли два человека.

Один из них был небольшого роста, мускулистый, широкоплечий, с толстой шеей, с большой головой, украшенной густой шевелюрой, с тонкими усами, с живым и пронизывающим взглядом. Вообще, вся его фигура исполнена была той живости и энергии южанина, которая так характерно выражается в жителях Прованса. Дидро верно заметил, что телодвижения человека — это пока-

затель его характера. И этот маленький человек мог служить тому доказательством. Как-то чувствовалось, что его речь будет полна образности. Впрочем, я в этом не мог убедиться, так как при мне он все время говорил на своем особом наречии, совершенно мне непонятном.

Второй незнакомец заслуживает более подробного описания. Для ученика Грасьоле или Энгеля его физиономия являлась открытой книгой. И я не колеблясь определил в нем самоуверенность; его черные глаза смотрели холодно, решительно; другая черта его характера — спокойствие; и бледноватый цвет его кожи заявлял о спокойной циркуляции крови; его энергия ощущалась в стремительно напрягавшихся над бровями мышцах; его глубокое дыхание обличало в нем отвагу и спокойствие.

Я добавлю, что этот человек был горд, что его спокойствие и твердый взгляд, по-видимому, отражали высокие мысли, выражение его лица и жесты свидетельствовали о прямоте и искренности.

Я как-то невольно в его присутствии почувствовал себя в безопасности и ожидал чего-то хорошего от нашего свидания.

Трудно было точно определить, сколько ему

лет — тридцать или пятьдесят. Он был высокого роста, имел широкий лоб, прямой нос, красиво очерченные губы, великолепные зубы, тонкие, длинные, изящные руки, достойные пламенной души. Этот человек представлял, без сомнения, замечательнейший тип, какой я когда-либо встречал. Еще одна особенность: его глаза, несколько широко расставленные, могли враз обнимать почти целую четверть горизонта. Эта способность — и впоследствии я в этом удостоверился — соединялась с поразительной зоркостью, превосходившей даже зоркость Неда Ленда. Когда незнакомец устремлял взор на какой-нибудь предмет, он сдвигал брови, сужал веки, ограничивая таким образом поле зрения, и смотрел. Какой взгляд! Как он пронизывал вас до самой души! Как он проникал в водяные слои океана, столь непрозрачные для нашего взора, и как отчетливо он видел в глубинах морей!

Оба незнакомца были одеты в береты из шкурок морских выдр, обуты в морские сапоги из тюленевой кожи. Вся прочая одежда из особой ткани обрисовывала формы тела и не стесняла движений.

Человек высокого роста, очевидно капитан судна, рассматривал нас с особенным вниманием,

не произнося ни слова, затем, обратясь к своему компаньону, вступил с ним в разговор на языке, совершенно мне неизвестном. Это было принятое здесь наречие, звучное, гармоничное, гибкое, в котором гласные, как казалось, получали весьма разнообразные ударения.

Другой отвечал наклоном головы и добавлял два или три слова, также непонятные. Затем, вопросительно взглянув на нас, он обратился ко мне.

Я отвечал по-французски, что не понимаю их языка, но он, в свою очередь, не понял меня; положение становилось затруднительным.

— Пусть господин все-таки расскажет им нашу историю, — обратился ко мне Консель. — Быть может, эти господа кое-что и поймут.

Я стал рассказывать о наших похождениях, не пропуская ни одной подробности и стараясь отчетливее произносить слова. Я произнес наши имена, звания и представил профессора Аронакса, его слугу Конселя и гарпунщика Неда Ленда.

Человек с приветливыми и спокойными глазами слушал меня внимательно, даже вежливо. Но ничто в его лице не указывало, что он понял мою историю. Когда я окончил рассказ, он не произнес ни одного слова.

В ресурсе оставался английский язык. Быть может, он понимает этот язык, который считается всемирным. Я знал этот язык не хуже немецкого, мог на нем свободно читать, но не мог правильно говорить. А здесь главным образом надо было быть понятым.

— Теперь ваша очередь, — обратился я к гарпунщику. — Вам придется, Ленд, выбрать из вашего запаса все лучшие выражения, какими когда-либо пользовался англосакс; надеюсь, вам повезет больше.

Нед не заставил себя упрашивать и повторил мой рассказ, который я едва понял. Канадец по своему темпераменту внес в рассказ много оживления. Он горячо жаловался на то, что его подвергли заключению вопреки международному праву, спрашивал, в силу какого закона так с ним поступили, ссылаясь на *Habeas Corpus*[7], угрожал преследовать тех, которые самовольно его арестовали, сильно жестикулировал, кричал и, наконец, весьма выразительным жестом пояснил, что мы умираем с голоду.

Это была правда, но мы почти забыли об этом.

К величайшему своему изумлению, гарпун-

[7] Примечания: 7

Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятые английским парламентом в 1679 году.

щик, по-видимому, оказался так же непонятым, как и я. Наши посетители не повели и бровью. Очевидно, они не понимали языка ни Араго, ни Фарадея.

После того как мы израсходовали последний наш филологический ресурс, мы очутились в еще более затруднительном положении. Я не знал уже, что нам делать, когда Консель сказал мне:

— Если господин меня уполномочит, я расскажу нашу историю по-немецки.

— Как, ты говоришь по-немецки?! — воскликнул я.

— Как настоящий фламандец, если позволите.

— Пожалуйста, рассказывай!

И Консель в третий раз спокойным голосом рассказал различные перипетии нашей истории. Но, несмотря на элегантные обороты и прекрасный акцент рассказчика, и немецкий язык не имел ни малейшего успеха. Наконец, ввиду крайности, я старался припомнить все мои гимназические познания и решился еще раз повторить свой рассказ — по-латыни. Цицерон, наверное, заткнул бы уши и отослал бы меня на кухню. Тем не менее я привел свое решение в исполнение. Тот же отрицательный результат.

Это была последняя попытка; оба незнакомца,

обменявшись несколькими словами на своем непонятном нам языке, удалились, даже не сделав прощального жеста, как это практикуется во всех частях света. Дверь затворилась.

— Это подлость! — воскликнул Нед Ленд чуть ли не в двадцатый раз. — Как! Им говорят по-французски, по-английски, по-немецки, по-латыни, а из этих негодяев нет ни одного, который был бы настолько образован, чтобы мог ответить!

— Успокойтесь, — говорил я кипятившемуся гарпунщику, — гнев ни к чему хорошему не приведет.

— А знаете ли вы, господин профессор, — возразил наш раздражительный товарищ, — что в этой железной клетке мы обречены на голодную смерть!

— Ба! — воскликнул Консель. — С помощью философии можно долго продержаться!

— Друзья мои, — сказал я, — не будем отчаиваться. Мы находились и в худших условиях. Прошу вас выслушать мое мнение о капитане судна и его экипаже.

— Я уже имею вполне определенное мнение, — заявил Нед Ленд, — это негодяи.

— Хорошо! А из какой страны?

— Из страны негодяев!

— Любезный Нед, эта страна не обозначена на всемирной карте, и я сильно затрудняюсь определить, к какой нации принадлежат эти два незнакомца. Не англичане, не французы, не немцы — вот все, что можно утвердительно сказать. Тем не менее я склонен считать капитана и его помощника родившимися под низкими широтами. В них сказывается юг. Но кто они — испанцы, турки, арабы или индейцы, — их тип я определить не могу. Что же касается их языка, он мне совершенно непонятен.

— Неприятно не знать всех языков, — заметил Консель, — неудобно не иметь одного общего.

— Это ни к чему бы не послужило! — ответил Нед Ленд. — Разве вы не видите, что эти негодяи говорят на своем особом языке, языке выдуманном, для того чтобы приводить в отчаяние честных людей, которые умирают с голоду. Во всех странах открыть рот, начать двигать челюстями и щелкать зубами совершенно достаточно, чтобы быть вполне понятым. Вас поймут одинаково хорошо и в Квебеке, и в Помету, и в Париже, и на другой стороне Земли: я голоден.

— О! — заметил Консель. — Есть очень неразвитые личности.

При этих словах дверь отворилась и появился

слуга. Он принес нам одежду, морские куртки и штаны, сделанные из материала, которого я не мог определить. Я поспешил одеться, мои товарищи последовали моему примеру. В это время слуга, вероятно немой и глухой, накрыл стол на три персоны.

— Вот это благоразумно, — заметил Консель, — и предвещает хороший исход.

— Ба! — ответил ворчливый гарпунщик. — Какого черта дадут здесь поесть? Черепашью печень, филе из акулы, бифштекс из морского кота…

— Это мы увидим! — сказал Консель.

Блюда, закрытые серебряными колпаками, были симметрично расставлены на столе, накрытом скатертью. Действительно, мы имели дело с людьми цивилизованными, и если бы не этот разлитый по всей каюте электрический свет, право, я вообразил бы себя обедающим у Адельфи в Ливерпуле или в Гранд-отеле в Париже. Однако я должен заметить, что на столе совсем отсутствовали хлеб и вино. Вода была чиста и свежа, но это была вода, что пришлось далеко не по вкусу Неду Ленду. Среди разнообразных блюд, поданных нам, я узнал различную рыбу, весьма вкусно приготовленную, но о большинстве про-

чих, также весьма вкусных, блюд я даже не могу сказать, к какому царству — растительному или животному — принадлежат они. Что касается сервировки стола, то она отличалась элегантностью и большим вкусом. Каждая принадлежность — ложка, вилка, нож, тарелка — имела особый инициал, окруженный девизом, который я привожу: «Mobilis in mobile»[8].

Движущийся в движущемся элементе! Девиз совершенно справедливо был приложен к этому подводному аппарату, но при условии переводить предлог in — словом «в», а не «на». Буква N, по всей вероятности, изображала инициал загадочного имени личности, командовавшей на судне.

Нед и Консель не размышляли. Они с жадностью удовлетворили свой аппетит, и я не замедлил последовать их примеру. К тому же я успокоился насчет нашей участи и вполне убедился, что наши хозяева далеки от намерения уморить нас голодом.

Но всему бывает конец, все проходит — даже голод людей, не евших в течение пятнадцати часов. Наш аппетит был удовлетворен, потребность

---

[8] Примечания: 8

«Подвижный в подвижном» *(лат.)*.

уснуть становилась неодолимой. Совершенно естественная реакция после долгой ночи, в течение которой мы боролись со смертью.

— Что касается меня, — заметил Консель, — то я засну как убитый.

— А я уже сплю, — послышался голос Неда Ленда.

Оба моих товарища растянулись на ковре каюты и вскоре погрузились в глубокий сон.

Что касается лично меня, то я не так скоро поддался этой настойчивой потребности сна. Слишком много скопилось мыслей в моем уме, множество неразрешенных вопросов теснилось в нем, множество различных образов не давали сомкнуться векам. Где мы? Какая чудесная сила уносит нас? Я чувствовал, вернее, мне казалось, что я чувствую, как неведомая сила уносит нас в самые глубокие недра океана. Кошмары душили меня. В этих таинственных глубинах передо мной вставал целый мир неведомых животных… Затем мой мозг успокоился, и вскоре я заснул тяжелым сном.

Глава IX
Гнев Неда Ленда

Как продолжителен был наш сон, я не знаю, но, вероятно, он оказался достаточно долгим, так как, проснувшись, мы не ощущали усталости.

Первым проснулся я. Товарищи мои неподвижно лежали, растянувшись в углу.

Когда я поднялся со своего достаточно жесткого ложа, я почувствовал себя совершенно свежим и бодрым. Прежде всего я снова и очень внимательно осмотрел нашу каюту. В ее внутреннем убранстве не произошло ни малейшей перемены. Тюрьма продолжала оставаться тюрьмой, и пленники — пленниками. Между тем кто-то, пользуясь нашим сном, убрал со стола. Ничто не указывало, что наше положение должно было измениться, и я невольно задавал себе вопрос, не обречены ли мы на пожизненное заключение в этой клетке.

Эта перспектива казалась мне тем более тягостной, что я чувствовал сильное и какое-то особенное давление в груди. Мне становилось трудно дышать, легким не хватало свежего возду-

ха. Хотя каюта и была достаточно просторна, но, очевидно, мы успели поглотить значительную часть кислорода, заключавшегося в воздухе. И действительно, каждый человек расходует в течение одного дня кислород, заключающийся в ста литрах воздуха, заменяя его углекислотой, и воздух, понятно, становится негодным для дыхания.

Необходимо было возобновить свежий воздух в нашей каюте и, по всей вероятности, во всех внутренних помещениях подводного судна.

Здесь возник вопрос: как поступает в подобном случае капитан этого подводного плавучего жилища? Хранит ли он запас воздуха в каких-либо химических соединениях, выделяя кислород нагреванием из хлористого калия и поглощая углекислоту через едкий калий? В этом случае он должен иметь сообщение с материком, чтобы добывать необходимые вещества для такой операции. Быть может, он ограничивался тем, что сохранял запас воздуха под высоким давлением в особых резервуарах и отсюда расходовал его по мере надобности для своего экипажа? И это возможно. Или, что было легче, дешевле, а следовательно, и более вероятно, он подымался дышать на поверхность воды, как это практикуют киты, и возобновлял свой атмосферный запас

через каждые двадцать четыре часа? Но, как бы там ни было, какого бы метода он ни держался, мне казалось необходимым восстановить запас воздуха.

Действительно, я уже вынужден был учащать дыхание, чтобы втягивать в себя остатки кислорода, как внезапно меня освежил приток свежего воздуха, пропитанного соляными испарениями.

Я широко раскрыл рот, и мои легкие почувствовали облегчение. Железное чудовище, очевидно, поднялось на поверхность океана, чтобы, по примеру кита, запастись воздухом. Таким образом, мне стал известен способ вентиляции подобного судна.

Когда я вдохнул полной грудью этот чистый воздух, я стал отыскивать отверстие, если можно так выразиться, воздухопроизводителя, и вскоре его нашел. Над дверью оказалось отверстие, пропускавшее струю свежего воздуха, восстанавливающего обедневшую кислородом атмосферу нашей кельи.

Я продолжал наблюдать. Нед, как и Консель, почти одновременно проснулись под влиянием оживляющего воздушного потока. Протерев глаза и раз-другой потянувшись, они быстро вскочили на ноги.

— Хорошо ли спал господин? — спросил меня Консель с обычной своей вежливостью.

— Прекрасно, мой друг, — ответил я. — А вы, Нед Ленд?

— Как убитый, господин профессор. Однако, если я не ошибаюсь, чувствуется свежий морской ветерок.

Моряк не мог в таких случаях ошибаться, и я рассказал канадцу, что произошло в то время, пока он спал.

— Хорошо! — сказал он. — Вот и объяснение тому рычанию, которое мы слышали, когда этот претендент на нарвала находился в виду «Авраама Линкольна».

— Да, вы правы, Ленд, это он дышал.

— Однако, господин Аронакс, я не имею ни малейшего представления о том, который мог бы быть теперь час, даже если это обеденный?

— Обеденный? Скажите лучше час завтрака, так как теперь, наверное, раннее утро.

— Я думаю, — заметил Консель, — что мы проспали не менее двадцати четырех часов.

— Я не возражаю, — заявил Нед Ленд. — Наступил ли час завтрака или обеда — это безразлично, во всяком случае, слуга будет желанный посетитель, если принесет то или другое.

— То и другое! — поправил Консель.

— Вы справедливо говорите, — согласился канадец. — Пробыв сутки без пищи, мы имеем на это право, и я готов сразу позавтракать и пообедать.

— Будем терпеливы, Нед, — сказал я. — Очевидно, эти незнакомцы не допустят, чтобы мы умерли с голоду, иначе они не прислали бы нам вчерашнего обеда.

— Пожалуй, нас будут откармливать! — сказал Нед Ленд.

— Я протестую, — возразил я. — Мы попали не к людоедам.

— Кто их знает, — возразил серьезно канадец, — может быть, они давно не ели свежего мяса, и в таком случае трое таких совершенно здоровых и хорошо сложенных людей, как господин профессор, его слуга и я…

— Бросьте эти мысли, Ленд, — ответил я гарпунщику, — и не старайтесь восстанавливать себя против наших хозяев, это нам не поможет.

— Во всяком случае, я чертовски голоден! — воскликнул гарпунщик. — А ни обед, ни завтрак не показывается.

— Любезный Нед, — возразил я, — нам надо подчиниться заведенному на судне порядку. Наш желудок опередил здешние часы.

— Так переведем их, — спокойно сказал Консель.

— Узнаю вас, Консель! — ответил нетерпеливый канадец. — Вы не тратите желчь и бережете нервы! Полное спокойствие! Вы способны благодарить, даже ничего не получив! Пожалуй, и умереть можете, так и не предъявив жалобу.

— А зачем жаловаться? — спросил Консель.

— Как зачем? От этого много пользы! Если пираты — и так я выражаюсь только из уважения к господину профессору, который против того, чтобы считать их людоедами, — если эти пираты считают, что я буду молча сидеть в клетушке, задыхаться, а они не услышат, как я их приложу крепким словом, то они весьма ошибаются! Господин Аронакс, скажите честно свое мнение, долго ли еще сидеть нам в этом железном ящике?

— Откуда же мне знать!

— Ну все-таки, как вы полагаете?

— Думаю, что случайно мы открыли некую тайну. Вопрос только в том, желают ли люди на этом судне эту тайну сохранить ценой жизни трех человек? Если это так, думаю, что наши жизни под угрозой. Иначе чудовище, поглотившее нас, постарается при первой же возможности вернуть

нас к людям.

— Нас могут включить также в судовую команду, — сказал Консель, — и будут держать…

— …покуда, — перебил его Нед Ленд, — покуда какой-нибудь фрегат, более быстроходный и ловкий, чем «Авраам Линкольн», не поймает этих пиратов и не вздернет их — и нас вместе с ними — на реи.

— Это тоже возможно, мистер Ленд, — заметил я. — Но ведь никто еще ничего нам не предложил. Поэтому нет смысла рассуждать. Повторяю еще раз, будем ждать и не будем ничего предпринимать, потому что это все, что нам остается.

— Напротив, господин профессор, — возразил Ленд, который оставался при своем мнении, — надо непременно что-нибудь предпринять.

— Что же, Ленд?

— Чтобы спастись…

— Бежать из надземной тюрьмы очень трудно, а бежать из подводной тюрьмы невозможно.

— Ну, друг Ленд, — спросил Консель, — можете что-нибудь сказать в ответ? Никогда не поверю, чтобы у американца иссякли идеи.

Однако гарпунщик оказался в затруднении и потому промолчал. Бегство при тех условиях, в каких мы находились, было абсолютно невоз-

можно. Но ведь канадец наполовину француз, и Консель мог это видеть из его ответа.

— Таким образом, господин Аронакс, — ответил он после нескольких минут размышления, — вы не можете угадать, что должны делать люди, которые не имеют возможности освободиться из тюрьмы?

— Нет, мой друг!

— А это очень просто, они должны устроиться в ней как можно комфортабельнее.

— Да уж, лучше внутри, чем снаружи, — сказал Консель.

— Но прежде всего надо вышвырнуть вон сторожей, — сказал Нед Ленд.

— Как, Нед? Вы серьезно думаете захватить судно?

— Совершенно серьезно, — ответил канадец.

— Это немыслимо.

— Почему же? Могут представиться благоприятные случаи, и я не вижу причины ими не воспользоваться. Если их на этом судне не более двадцати человек, они не заставят отступить двух французов и одного канадца, так я полагаю.

Лучше было принять предложение гарпунщика, чем продолжать с ним спор. И я ему ответил так:

— Будем ожидать благоприятных обстоятельств, Ленд, а там увидим; но пока, прошу вас, вооружитесь терпением. Мы должны действовать весьма осторожно, даже с хитростью; помните, что благоприятные обстоятельства вне нашей воли. Обещайте мне, что вы будете относиться спокойно к тому положению, в котором мы пока находимся.

— Обещаю, господин профессор, — ответил Нед Ленд далеко не уверенным тоном. — Ни одного грубого слова не сорвется с моих губ, ни один резкий жест не выдаст меня, хотя бы даже обед нам подавали нерегулярно.

— Я верю вашему обещанию, Нед, — ответил я канадцу.

Разговор на этом прекратился, и каждый из нас предался своим мыслям. Несмотря на уверенность гарпунщика, я не питал никаких иллюзий. Я не мог предвидеть каких-либо благоприятных для нас обстоятельств, на которые рассчитывал Нед Ленд. Чтобы подводное судно могло так уверенно маневрировать, надо было иметь достаточно многочисленный экипаж, и, следовательно, в случае борьбы мы оказались бы слишком слабы. Помимо того, прежде всего мы должны были быть свободными, чего в дей-

ствительности не было. Я не видел ни малейшей возможности бежать из этой железной камеры, герметически закупоренной. К тому же если этот странный капитан охраняет тайну конструкций и машин своего подводного судна, что, впрочем, казалось маловероятным, то, понятно, он не допустит нашего проникновения ни в одно отделение. Главный вопрос в том, избавится ли он от нас путем насилия или ограничится тем, что выбросит нас на какой-нибудь клочок земли. Вот что неизвестно. Все эти гипотезы казались мне достаточно вероятными, и надо было быть гарпунщиком, чтобы рассчитывать на свободу.

Я понял, что желания Неда Ленда не вязались с доводами его рассудка. Это, видимо, его раздражало, ожесточало, что проявлялось в его угрожающих жестах. Он вскакивал с места, обходил каюту, как дикий зверь свою клетку, бил стены ногами и кулаками. Однако время проходило, голод сильно давал себя чувствовать, а слуга не появлялся; о нас, потерпевших крушение, слишком долго не заботились, если к нам действительно хотели отнестись доброжелательно.

Нед Ленд, мучимый судорогами своего объемистого желудка, все более и более раздражался, и, несмотря на данное им обещание, я сильно

опасался взрыва с его стороны при встрече с кем-либо из экипажа.

В течение двух часов гнев канадца возрос. Он звал, кричал, но напрасно. Там, за нашей кельей, не раздавалось ни малейшего шума. Подводное судно не двигалось, в противном случае я чувствовал бы содрогание корпуса, вызываемое работой двигательного винта. Спустившись, вероятно, в глубину вод, оно отдыхало. Эта мертвая тишина наводила на нас ужас.

Что касается продолжительности нашего заключения, то я об этом не решался думать. Надежда, блеснувшая было при свидании с капитаном, потухла. Мягкость взгляда этого человека, выражение великодушия на его лице, благородство осанки — все это исчезло из памяти. Я представлял себе эту загадочную личность такой, какой она должна была быть, по необходимости неумолимой, жестокой. Я представлял ее чуждой человечности, недоступной ни малейшему чувству сострадания к ближнему, безжалостным врагом себе подобных, к которым он питал непримиримую ненависть.

Но неужели этот человек оставит нас умирать заточенными в тесной тюрьме, испытывающими жестокие муки голода? Эта ужасная мысль

овладела моим сознанием, и я почувствовал, как меня охватывает непреодолимый страх. Консель оставался спокоен, Нед Ленд рычал.

В этот момент снаружи донесся шум. Раздались шаги по железным плитам. Запоры отодвинулись, дверь отворилась, и появился слуга.

Канадец с такой быстротой набросился на вошедшего слугу, что я не мог этому воспрепятствовать. Он повалил его и схватил за горло. Слуга задыхался под его сильной рукой.

Консель бросился освобождать из рук гарпунщика его жертву, уже наполовину задушенную, я готов был присоединить и свои усилия, как внезапно был пригвожден к своему месту следующими словами, произнесенными на французском языке:

— Успокойтесь, Ленд, а вас, господин профессор, прошу меня выслушать.

Глава X
Обитатель морей

Перед нами был капитан подводного судна.

При первых его словах Нед Ленд быстро поднялся. По знаку своего господина едва не задушенный слуга вышел, пошатываясь; власть капитана была до того могущественна, что слуга ни одним жестом не выразил враждебного чувства, которое должен был вызвать в нем канадец. Я и Консель, изумленный и остолбеневший, в молчании ожидали развязки этой сцены.

Капитан, прислонившись к углу стола, скрестив на груди руки, осматривал нас с глубоким вниманием. Колебался ли он вступить с нами в разговор? Сожалел ли он о том, что произнес несколько французских слов? Это было возможно.

Прошла минута, другая, никто из нас не прерывал молчания.

— Господа, — обратился он к нам спокойным низким голосом, — я одинаково владею французским, английским, немецким и латинским языками. Я мог бы вам ответить при первом

нашем свидании, но я хотел прежде несколько узнать вас и поразмышлять. Ваш рассказ, повторенный четыре раза, в сущности совершенно одинаковый, убедил меня, что вы те, за кого себя выдаете. Теперь я знаю, что случай свел меня с господином Пьером Аронаксом, профессором естественной истории Парижского музея, посланным с научной целью за границу; Конселем, его слугой; и Недом Лендом, по происхождению канадцем, китобойцем и гарпунщиком на фрегате «Авраам Линкольн», числящимся во флоте Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я слегка поклонился в знак согласия. Так как капитан не задавал мне вопроса, то ответа и не требовалось. Этот человек объяснялся по-французски совершенно свободно, без всякого акцента. Фразы были отчетливы, слова точны, и сама речь замечательно легка; но тем не менее я не чувствовал в нем соотечественника.

Он продолжал речь в следующих выражениях:

— Вы, конечно, нашли, что я слишком долго медлил с моим вторым визитом. Я долго колебался. Крайне неблагоприятные обстоятельства свели вас с человеком, который порвал все связи с обществом.

— Невольно! — сказал я.

— Невольно? — повторил вопросительно неизвестный, слегка повышая голос. — Но разве невольно «Авраам Линкольн» охотится за мной во всех морях? Разве вы невольно отправились путешествовать на «Аврааме Линкольне»? Разве невольно ваши ядра скользили по остову моего судна? Разве невольно Нед Ленд нанес ему удар своим гарпуном?

В этих словах я слышал сдержанное раздражение. Но на все эти обвинения у меня был готов ответ.

— Сударь, — отвечал я, — вы игнорируете те слухи, которые ходили о вас как в Америке, так и в Европе. Вы, вероятно, не знаете, что несколько различных случаев, вызванных столкновением с вашим судном, взволновали общественное мнение на обоих континентах. Я не стану утомлять вас перечислением бесчисленных гипотез, предлагавшихся для объяснения необъяснимого феномена, секрет которого был известен только вам. Но верьте, что, преследуя вас до отдаленных морей Тихого океана, «Авраам Линкольн» охотился за каким-то чудовищным морским существом, от которого необходимо было во что бы то ни стало освободить океан.

По губам капитана скользнула легкая улыбка.

— Господин Аронакс, — возразил он, — осмелитесь ли вы утверждать, что ваш фрегат не стал бы преследовать подвижное судно таким же образом, как и предполагаемое им чудовище?

Этот вопрос поставил меня в затруднение, так как, несомненно, капитан Фаррагут не стал бы колебаться. Он считал своим долгом уничтожить все подобные аппараты так же, как и гигантского нарвала.

— Теперь вы понимаете, сударь, — продолжал неизвестный, — что я имею право относиться к вам как к врагам.

Я по-прежнему хранил молчание. К чему оспаривать предположения, когда сила может опрокинуть лучшие доводы!

— Я долго колебался, — продолжал капитан. — Ничто меня не обязывало оказывать вам гостеприимство. Если бы я должен был освободиться от вас, мне ни к чему было с вами вторично видеться. Я бы велел вас вывести на палубу того судна, которое послужило вам убежищем. А затем опустился бы в глубину океана и навсегда бы забыл о вашем существовании. Разве я не имел на это права?

— Это право — право дикаря, — ответил я, — но во всяком случае не цивилизованного человека.

— Господин профессор, — живо возразил капитан, — я не считаю себя тем, кого вы называете цивилизованным человеком! Я всецело порвал с обществом по причинам, в которые никого не

желаю посвящать. Я более не подчиняюсь его правилам и прошу вас никогда не ставить их мне на вид.

Это было сказано откровенно, вспышка гнева отразилась в огоньке, блеснувшем в глазах незнакомца, и мне представилось, что в жизни этого человека было что-то ужасное. Он не только поставил себя вне человеческих законов, но и стал независим и свободен в самом широком значении этого слова.

Кто бы осмелился его преследовать в глубинах морей, когда на их поверхности он разрушал все направленные против него усилия? Какой корабль мог устоять, получив удар от этого подводного монитора? Какой броненосец, как бы ни была толста его броня, мог бы выдержать удары его тарана? Никто из людей не смел бы потребовать у него отчета в действиях. Бог, если он в Него верил, совесть, если он ее имел, были единственные его судьи, от которых он зависел.

Все эти мысли быстро промелькнули в моем уме, в то время пока этот странный человек стоял молча, как бы погруженный в свои мысли. Я его рассматривал со страхом и с интересом, без сомнения точно таким же, с каким Эдип смотрел на сфинкса.

После довольно продолжительного молчания капитан обратился ко мне.

— Я колебался, — сказал он, — но потом я пришел к заключению, что мой личный интерес можно будет в данном случае согласовать с тем естественным чувством сострадания, на которое каждый человек имеет право претендовать. Вы останетесь на моем судне, потому что судьба вас сюда забросила. Вы будете пользоваться свободой, и взамен этой свободы — впрочем, весьма относительной — я предложу вам только одно условие. Одного вашего обещания исполнить его мне достаточно.

— Говорите, сударь, — ответил я, — я наперед знаю, что это одно из тех условий, которое честный человек может принять.

— Да, и вот оно. Возможно, что некоторые неопределенные обстоятельства заставят меня удалить вас в вашу каюту на несколько часов и даже дней. Не желая прибегать к насилию, я рассчитываю в этих случаях на полное с вашей стороны пассивное послушание. Действуя таким образом, я снимаю с вас нравственную ответственность свидетеля. И я должен принять все меры, чтобы вы не видели того, чего не должны видеть. Принимаете ли вы это условие?

На судне, следовательно, происходило нечто такое, чего не должны были видеть люди, руководствующиеся общественными законами. Из всех сюрпризов, которые меня ожидали, настоящий был из числа наиболее меня изумивших.

— Да, мы принимаем, — ответил я. — Только я буду просить у вас, сударь, позволения обратиться к вам с единственным вопросом.

— Говорите.

— Вы сказали, что мы будем пользоваться свободой на вашем судне?

— Да.

— Позвольте узнать, что вы подразумеваете под этой свободой?

— Выходить, когда захотите, из вашей каюты, ходить повсюду, осматривать все, что делается на судне, за исключением весьма редких случаев, короче, пользоваться той же свободой, которой пользуемся я и мои товарищи.

— Простите, — возразил я, — но это та свобода, от которой каждый заключенный стремится убежать. Она для нас недостаточна.

— Но вы должны удовольствоваться ею.

— Как, мы должны отказаться от надежды увидеть родину, друзей, родителей?

— Да, сударь. Но отказаться от невыносимого

гнета общественной жизни, в котором люди часто видят свободу, не должно быть так тягостно, как это вам представляется!

— Я думаю, — воскликнул Нед Ленд, — что никогда не дам слова не искать случая убежать отсюда!

— Я и не требую от вас слова, Нед Ленд, — холодно ответил капитан.

— Сударь, — возразил я, теряя самообладание, — вы злоупотребляете своим положением по отношению к нам. Это жестоко!

— Нет, сударь, это великодушно. Вы мои пленники, захваченные в бою. Я вас охраняю, тогда как достаточно было одного слова, чтобы вас бросить в бездну океана. Вы на меня нападали! Вы явились похитить тайну, которую ни один человек в мире не должен знать, — тайну моего существования. И вы полагаете, что я возвращу вас обществу, которое не должно меня знать? Никогда! Удерживая вас, я не вас, а самого себя охраняю.

Эти слова указывали на твердое решение капитана, и против этого решения всякие аргументы были бы бесполезны.

— Таким образом, сударь, — сказал я, — вы нам просто предлагаете на выбор жизнь или смерть?

— Совершенно верно.

— Друзья мои, — обратился я к своим товарищам, — раз так поставлен вопрос, возражать не приходится. Но и все мы, в свою очередь, не связываем себя никаким обещанием.

— Никаким, сударь, — ответил капитан.

Затем более мягким голосом он сказал:

— Позвольте мне теперь закончить то, что я хотел вам сказать. Я вас знаю, господин Аронакс. Возможно, ваши товарищи и будут жаловаться на такой случай, который связал вашу дальнейшую судьбу с моей, но полагаю, что не вы. Среди книг моей библиотеки хранится ваше сочинение о морских глубинах. Ваш труд представляет одно из глубоких исследований, доступных земным наукам. Но вы не все знаете, потому что многого не видели и не наблюдали. Позвольте вам заметить, господин профессор, что вы не будете сожалеть о времени, проведенном на моем судне. Вам предстоит путешествие в область чудес. Удивление, изумление будут обычными посетителями вашего ума. Многое, что вы увидите, вызовет восторг. Я намереваюсь совершить новое путешествие вокруг света — как знать, может быть, последнее — и взглянуть еще раз на все то, чем я так восторгался, изучая морские глубины в

продолжение неоднократных подводных путешествий, и вы будете моим товарищем по научным наблюдениям. С сегодняшнего дня вы вступаете в совершенно новую стихию и увидите то, чего не видел до сих пор ни один человек — себя и своих я не считаю, — и наша планета благодаря мне раскроет перед вами свои последние тайны.

Я не стану скрывать, что вся эта речь капитана произвела на меня огромное впечатление. Моя слабая струна была затронута, и я забыл на минуту, что созерцание чудес природы не может заменить потерянной свободы. К тому же я рассчитывал, что обстоятельства сами собой разрешат этот важный вопрос. И я удовлетворился таким ответом:

— Сударь, если вы и порвали все отношения с обществом, то не сомневаюсь, что вы все-таки сохранили в себе человеческие чувства. Мы, потерпевшие крушение, были милостиво приняты на ваше судно, и мы этого никогда не забудем. Что касается лично меня, то я должен признаться, что если бы любовь к науке могла во мне заглушить потребность свободы, то наша встреча с избытком вознаградила бы меня.

Я полагал, что капитан протянет мне руку, чтобы скрепить наш договор, однако он не счел

нужным этого сделать.

— Последний вопрос!.. — воскликнул я в тот момент, когда это непонятное существо, как мне казалось, намеревалось нас покинуть.

— Говорите, господин профессор.

— Как должен я вас называть, ваше имя?

— Сударь, — ответил капитан, — я для вас только капитан Немо[9]. А вы и ваши товарищи для меня только пассажиры «Наутилуса».

Капитан Немо позвал слугу, который не замедлил явиться. Капитан отдал ему какое-то приказание на том странном языке, которого я не понимал. Затем он обратился к канадцу и Конселю.

— Вас ждет завтрак в вашей каюте, — сказал он. — Следуйте за этим человеком.

— От этого не отказываются, — заметил гарпунщик.

Он и Консель наконец покинули свою клетку, в которой находились взаперти в течение более тридцати часов.

— А теперь, господин Аронакс, и мы отправимся позавтракать. Позвольте мне пойти вперед.

— Весь в вашем распоряжении, господин ка-

---

[9] Примечания: 9

Nemo *(лат.)* — никто.

питан.

Я последовал за капитаном Немо и только переступил порог, как очутился в освещенном электричеством коридоре, похожем на узкие проходы корабля. Когда мы прошли метров двенадцать, перед нами отворилась вторая дверь. Я вошел, как оказалось, в столовую, отделанную и меблированную в строгом вкусе. Высокие дубовые поставцы с инкрустацией из черного дерева возвышались по обоим концам зала, и на их полках сверкал фаянс, фарфор и хрусталь драгоценной хозяйственной утвари. Плоская посуда отражала лучи, нисходившие со светового потолка, тонкая живопись на котором смягчала и умеряла яркость света.

Посреди столовой стоял роскошно сервированный стол. Капитан Немо указал мне место, которое я должен был занять.

— Садитесь, — обратился он ко мне, — и ешьте, как человек, умирающий с голоду.

Завтрак состоял из нескольких блюд, для которых съестными припасами служили исключительно дары моря, но я никак не мог понять, из чего и каким образом эти блюда приготовлены. Все они были прекрасны, но имели какой-то особенный вкус, с которым, однако, я легко свыкся.

Мне казалось, что все эти пищевые продукты изобиловали фосфором. Капитан Немо все время смотрел на меня. Я ни о чем его не расспрашивал, но он угадывал мои мысли и сам стал отвечать на те вопросы, с которыми я намеревался к нему обратиться.

— Большинство из этих блюд, — сказал он, — несомненно, вам пришлось отведать в первый раз, но все их вы можете есть без опасения; это здоровая и весьма питательная пища. Давным-давно я уже не употребляю в пищу даров земли и до сих пор не чувствую себя от этого хуже. Весь персонал моего экипажа отличается здоровьем и питается так же, как и я.

— Все продукты доставлены морем? — спросил я.

— Да, господин профессор, море вполне удовлетворяет всем нашим потребностям. Когда мы закидываем сети, то всегда вытаскиваем их с обильнейшим уловом. Когда мы отправляемся охотиться в этой стихии, недоступной человеку, мы возвращаемся, принося с собой в изобилии дичь, какая водится в моих подводных лесах. Мои стада, как и древнего пастуха Нептуна, пасутся безбоязненно по неизмеримым лугам океана. Там у меня обширные владения, которые я экс-

плуатирую и которые постоянно засевает рука Творца всего существующего.

Я взглянул на капитана Немо с удивлением и ответил ему:

— Я вполне понимаю, что ваши сети доставляют превосходных рыб к вашему столу; понимаю, хотя и не так ясно, что вы добываете морскую дичь в ваших подводных лесах, но окончательно не понимаю, каким образом мог попасть в ваше меню хоть малейший кусочек говядины.

— Я, господин профессор, — ответил капитан, — не потребляю мяса земных животных.

— А это? — между тем спросил я, указывая на блюдо, где оставалось еще несколько кусков филе.

— То, что вы считаете говядиной, господин профессор, это филе из морской черепахи. А вот — печень дельфина, и вы легко можете принять это блюдо за рагу из свинины. У меня прекрасный повар, и он искусно готовит разнообразные блюда из морских продуктов. Попробуйте все это. Вот консервы из морских кубышек, про которые малаец скажет, что они не имеют себе равных в мире; вот крем, молоко для которого было добыто от самки кита, а сахар — из огромных водорослей Северного моря; наконец, позвольте вам пред-

ложить варенье из анемонов, не уступающих по вкусу любым сочным плодам.

Я пробовал все эти блюда скорее из любопытства, чем из желания полакомиться, а капитан Немо тем временем занимал меня своими рассказами.

— О, это море, господин Аронакс, — продолжал он, — оно неистощимый производитель жизни, оно не только питает, но и одевает меня. Материя, из которой сшито ваше платье, соткана из виссона различных раковин, она выкрашена пурпурной краской, которую употребляли древние народы. Духи, которые стоят на столике в вашей каюте, добыты путем перегонки морских растений. Ваша перина набита самой нежной морской травой зостерой. Ваше перо сделано из китового уса, ваши чернила — это жидкость, выделяемая сепией, или каракатицей. Все мне доставляет море, и все это со временем к нему возвратится.

— Вы любите море, капитан?

— О да, я его люблю! Море — это все. Оно покрывает семь десятых всего земного шара. Его дыхание чисто и здорово. Это необъятный простор, где человек никогда не бывает одиноким, так как чувствует вокруг себя трепетание жизни. Море — это проявление сверхъестественного,

чудесного существования, все в нем — движение и любовь, оно — бесконечная жизнь, как выразился один из ваших поэтов. Да и в действительности, господин профессор, природа проявляется в трех царствах — минеральном, растительном и животном[10]. Последнее имеет широкое представительство в четырех группах зоофитов, в трех классах членистоногих, в пяти классах мягкотелых, в трех классах позвоночных, в млекопитающих, в гадах, в неисчислимых легионах рыб, в бесконечной цепи животных, которая насчитывает более тринадцати тысяч видов, и из них только десятая часть принадлежит пресным водам. Море — обширный резервуар природы. Земной шар, если можно так выразиться, начался морем и, быть может, им и окончится! Здесь высшее спокойствие. Море не может принадлежать деспотам. На его поверхности они еще могут практиковать свои беззаконные права: сражаться, пожирать друг друга и производить все земные ужасы, но на тридцать футов ниже поверхности воды их власть прекращается, их влияние исчезает. О, сударь, живите, живите в глубинах морей! Только там полная независи-

[10] Примечания: 10

Приводимые по всей книге автором классификации в настоящее время значительно устарели. — *Примеч. ред.*

мость! Там я не знаю над собой власти! Там я совершенно свободен!

Капитан Немо внезапно умолк. Может быть, он почувствовал, что слишком увлекся, — он, обычно сдержанный, спокойный. Может, он подумал, что был слишком откровенен. В течение нескольких минут он молча ходил по комнате. Затем нервы его успокоились, лицо приняло обычное холодное выражение, и он обратился ко мне.

— А сейчас, господин профессор, — сказал он, — если вы желаете осмотреть «Наутилус», я к вашим услугам.

Глава XI
«Наутилус»

Капитан Немо встал. Я последовал за ним. Двойная дверь, находившаяся в задней стене, растворилась, и я вошел в комнату такой же величины, как и только что нами покинутая.

Это была библиотека. Высокие шкафы черного палисандрового дерева, инкрустированного медью, поддерживали на своих широких полках множество книг в одинаковых переплетах. Шкафы стояли вдоль стен, между ними находились диваны, обитые каштанового цвета кожей и имевшие самые удобные изгибы. Легкие подвижные пюпитры, приближаемые или отдаляемые по желанию, служили подставкой для книг во время чтения. Посредине библиотеки помещался большой стол, заваленный брошюрами, среди которых попадались и журналы, но старых годов. Четыре матовых плоских полушария, расположенные в потолке, расточали электрический свет, который наполнял всю внутренность комнаты и мягко освещал все это гармоничное убранство помещения. Я с восторгом осматривал

этот зал, столь искусно убранный, и не мог оторвать глаз.

— Капитан Немо, — обратился я к хозяину, расположившемуся на диване, — вот библиотека, которая оказала бы честь многим дворцам континента, и я действительно прихожу в восхищение при мысли, что она следует за нами в глубину морей.

— И где вы найдете, господин профессор, бóльшую тишину и большее спокойствие? — сказал капитан Немо. — Ваш кабинет в музее предоставляет ли вам такое спокойствие?

— Нет, капитан, и к тому же я должен заметить, что он значительно беднее по сравнению с вашим. В вашем распоряжении по меньшей мере шесть-семь тысяч томов.

— Двенадцать тысяч, господин Аронакс; и это единственные узы, связывающие меня с землей. Но мир человеческий перестал для меня существовать с того дня, когда мой «Наутилус» в первый раз погрузился в глубину вод. В этот день я приобрел последние мои книги, брошюры, журналы, и я хочу верить, что с этого времени человечество перестало думать и писать. Все эти книги находятся в вашем распоряжении, господин профессор, и вы можете ими свободно

пользоваться.

Я поблагодарил капитана Немо и направился к полкам библиотеки. Сочинения научного, нравственного и беллетристического содержания, на всех языках, находились в изобилии, но отсутствовали полностью сочинения по политической экономии; они, видимо, подвергались на судне остракизму. Замечательная подробность: все книги были классифицированы так, что не принималось во внимание различие языка, и это смешение послужило для меня доказательством, что капитан «Наутилуса» одинаково свободно владел разными языками.

Помимо сочинений указанного содержания, я заметил образцовые произведения великих учителей древнего и современного мира, то есть все, что человечество создало самого прекрасного в истории, поэзии, в романе и в науках со времен Гомера и до Виктора Гюго, от Ксенофонта до Мишле, от Рабле до госпожи Санд. Научный отдел составлял, в частности, богатейший вклад в библиотеку; сочинения по механике, по баллистике, гидрографии, метеорологии, географии, геологии и прочие занимали такое же почетное место, как и труды по естественной истории, и я понял, что это были главные предметы, которые

изучал капитан. Я встретил полные собрания сочинений Гумбольдта, Араго, работы Фуко, Анри Сент-Клер Девиля, Шасля, Мильна Эдвардса, Катрфажа, Тиндаля, Фарадея, Вертело, аббата Секки, Петерманна, капитана Мори, Агассиса и прочих, «Записки Академии наук», бюллетени различных обществ — географических, физических и прочих, а также и те два тома, благодаря которым, быть может, я пользовался столь любезным приемом капитана Немо. Книга Жозефа Бертрана, озаглавленная «Основатели астрономии», дала мне возможность установить некоторую дату. Я знал, что она была издана в 1865 году, и вывел отсюда заключение, что «Наутилус» не мог выйти в путь раньше этого времени. Таким образом, капитан Немо начал свою подводную жизнь всего три года назад. Я надеялся, что встречу еще более новые сочинения, благодаря которым мне удастся точнее определить этот момент, но времени для поисков впереди было много, и к тому же я не хотел откладывать предстоящую прогулку для обозрения всех чудес «Наутилуса».

— Сударь, — обратился я к капитану, — я вам очень благодарен за разрешение пользоваться вашей библиотекой; в ней встречаются сокровища науки, и я ими воспользуюсь.

— Этот зал не только библиотека, — сказал капитан Немо, — он в то же время и курительная комната.

— Курительная! — воскликнул я. — Разве на вашем корабле курят?

— Без сомнения!

— В таком случае я должен предположить, что вы сохранили сношения с Гаваной?

— Никаких, — ответил капитан. — Выкурите эту сигару, господин Аронакс, и хотя она не из Гаваны, тем не менее вы останетесь ею очень довольны, если вы знаток.

Я принял предложенную мне сигару, которая по своей форме напоминала лучшие сорта гаванских и которая казалась скрученной из золотых листьев. Я зажег ее от маленького светильника, возвышавшегося на бронзовом пьедестале, и стал вдыхать клубы дыма со страстью знатока, не курившего в течение двух дней.

— Это восхитительно, — сказал я, — но это не табак.

— Нет, — ответил капитан, — это не гаванский и не восточный табак. Это вид водоросли, содержащей в себе никотин, и я должен заметить, что море весьма скупо доставляет эту водоросль. Не сожалеете о ваших гаванских сигарах?

— С этого дня я их презираю.

— Тогда курите сколько угодно, не обращая внимания на их происхождение. От того, что они не прошли через таможню, я полагаю, они не стали хуже.

— Напротив.

В эту минуту капитан Немо открыл дверь против той, через которую мы вошли в библиотеку, и я вступил в огромный, залитый светом зал.

Этот зал имел вид четырехугольника с закругленными углами; он имел в длину десять метров, в ширину — шесть и в высоту — пять. Светящийся потолок, украшенный арабесками, ярко, но и мягко освещал все чудеса, собранные в этом музее. Это был действительно музей, и искусная рука его владельца расположила все собранные им сокровища природы и искусства в том живописном порядке, какой мы встречаем в студии истинного художника.

До тридцати картин лучших мастеров в рамах одинакового вида, отделяемые зеркальными панно, украшали стены, роскошно драпированные в выдержанном стиле.

Старые мастера всех школ живописи были представлены в следующих своих произведениях: одна из Мадонн Рафаэля, «Дева» Леонардо да

Винчи, «Нимфа» Корреджо, «Женщина» Тициана, картина Веронезе, «Успение» Мурильо, портрет работы Гольбейна, «Монах» Веласкеса, «Мученик» Рибейры, «Месса» Рубенса, два фламандских пейзажа Тенирса, три небольшого размера этюда Жерара Доу, Метсю и Поля Поттера, два рисунка Жерико и Прудона, несколько марин Бекюйзена и Верне. Из произведений современных художников оказались картины, подписанные Делакруа, Энгром, Декампом, Труайоном, Мессонье и прочими. В этом великолепном музее собраны были и живописные произведения, скульптуры из мрамора, а также отливы с чеканкой из бронзы и лучших образцов древних статуй на пьедесталах не менее художественной работы. Изумление, восторг, предсказанные капитаном «Наутилуса», уже стали овладевать мною.

— Господин профессор, — обратился ко мне этот удивительный человек, — вы меня извините, что я вас так просто принимаю и за тот беспорядок, какой царит в этом салоне.

— Сударь, — отвечал я, — я, не зная, кто вы такой, узнаю в вас артиста.

— Это слишком; я не более чем любитель, сударь. Было время, когда я любил собирать лучшие произведения, созданные рукой человека.

Я жадно их разыскивал, рылся неутомимо, и мне удалось приобрести несколько предметов высокой ценности — это мои последние воспоминания о той земле, которая для меня уже не существует. В моих глазах ваши современные художники стали уже древними; меня от них отделяют уже тысячелетия, и в моем уме они смешались с древними художниками. Великие художники для меня вне исторических лет или не принадлежат никакому веку.

— А эти музыканты, — спросил я, указывая на партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Мейербера, Герольда, Вагнера, Обера, Гуно и множество других, лежавших на большом пианино-органе, помещавшемся в салоне.

— Эти музыканты, — ответил капитан Немо, — все современники Орфея, так как их место в хронологии исчезает в памяти мертвых. Я мертвец, господин профессор, такой же мертвец, как те из ваших друзей, кто покоится в земле на шестифутовой глубине.

Капитан Немо замолчал и, по-видимому, погрузился в глубокую думу. Я смотрел на него с живым участием, вглядываясь внимательно в его лицо. Облокотившись на угол драгоценного мозаичного стола, Немо забыл о моем присут-

ствии и, казалось, более меня не замечал.

Я не решился прерывать его размышления и продолжал осматривать редкости, которыми так богат был салон.

После предметов искусства видное место занимали удивительные творения природы. Они по преимуществу заключались в растениях, раковинах и прочих чудесах океана, вероятно найденных лично капитаном Немо. Посреди салона был освещенный электрическим светом фонтан, которому бассейном служила раковина. Эта раковина, бывшая жилищем самого крупного животного из безголовых моллюсков, с вырезанными красивым фестоном краями, имела в окружности до шести метров, следовательно, она превосходила своей величиной те красивые раковины, которые были поднесены Франциску I Венецией и которые церковь Святого Сульпиция обратила в две гигантские кропильницы.

Вокруг бассейна в элегантных витринах с медной арматурой помещались расположенные по классам и с этикетками драгоценнейшие произведения моря, которых никогда не приходилось видеть натуралисту. Можно себе представить мою радость как профессора естественных наук!

Отдел зоофитов представлял замечательные

экземпляры в двух группах: полипов и иглокожих. В первой группе предстали органчиковые и горгониевые восьмилучевые кораллы, имеющие вид веера, сирийские губки, молуккские кораллы, серии мадрепор, которые мой учитель Мильн Эдвардс так удачно распределил на секции и в числе которых я встретил восхитительные вееролистники, глазчатки с острова Бурбона, Нептунову колесницу с Антильских островов, необыкновенные разновидности кораллов, наконец, все виды полипов, поражающих своим сцеплением, целые острова, которые со временем станут континентами. В коллекции иглокожих, замечательных своей колючей оболочкой, встречались самые оригинальные представители астерий, морских звезд, волосатиков, пантакрин, морских ежей, кубышек и прочих.

Я увидел еще другие витрины, в которых размещались по классам представители из отряда моллюсков. Я встретил здесь неоценимую коллекцию и только за недостатком времени не мог составить ее описания.

Попытаюсь вспомнить тех представителей, которые обратили на себя мое внимание: красивая королевская синевакула Индийского океана с правильно расположенными белыми пятнами,

ярко выступающими на розовом и коричневом фоне; императорский спондил, также с яркой, разноцветной окраской, весь усаженный иглами, редкостный экземпляр даже в музеях, за который, по моему мнению, можно заплатить двадцать тысяч франков; необыкновенная синевакула из морей Новой Голландии, также весьма редко встречаемая; экзотические бюккарды из Сенегала, белые двустворчатые раковины, столь хрупкие, что достаточно одного дуновения, и они исчезают, как мыльный пузырь; многие разновидности морских моллюсков с острова Ява; улитки вроде известковых трубок, окаймленных лиственными складками, которые так дорого ценятся любителями; целые ряды брюхоногих, желто-зеленых американских и темно-бурых австралийских; коллекция сернистых телин, драгоценных цитер, сетчатых солнечников и мраморных курбан с блестящими перламутровыми пятнами; все разновидности ужовок, распространенных в некоторых местностях Африки и Индии, и в довершение — лужанки, дафнии, башеницы, яички, свитки, оливки, митры, каски, багрецы, трубари, арфы, скалы, тритоны, цериты, веретена, крыловики, блюдечки, гиалеи, клеодоры, чрезвычайно красивые и хрупкие раковины

и многие прочие богатства подводного царства.

В стороне, в особых отделениях, извивались нити драгоценнейшего жемчуга, облитого электрическим светом; здесь же сиял огненными отблесками розовый жемчуг, добытый на жемчужных подводных нивах Красного моря, а также встречался зеленый, радужный, желтый, голубой и черный жемчуг — все это своеобразное, быть может, и болезненное порождение различных моллюсков всех океанов и некоторых ракушек северных рек; и, наконец, отдельные, весьма ценные экземпляры жемчужин, замечательных правильностью своих форм; некоторые из этих зерен превосходили своей величиной голубиное яйцо; они стоили столько же, если не больше, сколько жемчужина, которую путешественник Тавернье продал персидскому шаху за три миллиона франков, и могли поспорить с жемчужиной имама маскатского, которая, как я думал, не имела себе равных на свете.

Оценить всю эту коллекцию не было возможности. Капитан Немо должен был истратить миллионы для приобретения этих замечательных экземпляров, и я спрашивал себя, из какого источника он их черпает, чтобы удовлетворить свои фантазии как собирателя редкостей. Тут мои

мысли были прерваны словами капитана:

— Вы рассматриваете мои раковины, господин профессор. Действительно, они должны привлечь внимание натуралиста, но для меня они еще тем дороги, что собраны моими собственными руками. Нет ни одного моря на земном шаре, которое избегло бы моих поисков.

— Я вполне понимаю то радостное чувство, которое вызывается при виде этих богатств. Вы сами скопили все это? Ни в одном европейском музее нет подобной коллекции произведений океана и морей. Но если я отдам все восторги этой коллекции, мне не останется ничего для восхищения вашим чудесным судном. Я не смею проникать в ваши тайны, но признаюсь, что «Наутилус», с его могущественной движущей силой, с его машинами и аппаратами, в высшей степени возбуждает мое любопытство. Я вижу здесь несколько инструментов, назначение которых мне неизвестно. Можно ли мне это узнать?

— Господин Аронакс, все части и отделения «Наутилуса» для вас открыты. Вы можете осмотреть их подробно, и я готов быть вашим проводником.

— Не знаю, как вас благодарить; я не употреблю во вред вашу любезность. Скажите, для чего

служат эти физические инструменты?

— Господин профессор, совершенно такие же инструменты находятся в моей комнате, и там я вам объясню их назначение. Но прежде взгляните на приготовленную вам каюту, чтобы вы знали, как вы будете помещены на «Наутилусе».

Я последовал за капитаном Немо. Он провел меня в переднюю часть корабля, и там я нашел не каюту, а изящную комнату с кроватью, туалетным столиком и разной мебелью. Мне оставалось только благодарить капитана.

— Ваша комната рядом с моей, — сказал капитан Немо, отворяя дверь каюты.

Я вошел в каюту капитана. Она имела суровый вид почти монастырской кельи. Железная кровать, рабочий стол, впрочем, и несколько туалетных принадлежностей. В ней царил полумрак. Ничего не было изысканного, все лишь самое необходимое.

Капитан предложил мне стул. Мы уселись, и он начал свои объяснения.

Глава XII
Все посредством электричества

— Сударь, — сказал капитан Немо, показывая мне на инструменты, висевшие на стенах его комнаты, — вот аппараты, необходимые для плавания «Наутилуса». Здесь, как и в салоне, они всегда у меня перед глазами; они указывают мое положение и направление внутри океана. Некоторые из них вам известны, как, например, термометр, определяющий температуру внутреннего помещения судна; барометр, взвешивающий давление воздуха и предсказывающий погоду; гигрометр, отмечающий степень сухости воздуха; шторм-глас, в котором смесь своим разложением на составные части предвещает бурю; компас, который показывает направление судна; секстан, определяющий по высоте солнца географическую широту; хронометры, с помощью которых я определяю долготу; и, наконец, подзорные трубы, ночные и дневные, дающие мне возможность обозревать все точки горизонта, когда «Наутилус» поднимается на поверхность волн.

— Это обычные инструменты для каждого суд-

на, — ответил я, — и я знаком с их употреблением. Но я вижу другие, которые, несомненно, служат исключительно для «Наутилуса». Этот циферблат, по которому движется стрелка, — вероятно, манометр?

— Да, действительно, это манометр. При погружении в воду он указывает ее давление и таким образом определяет глубину, на которую опустилось мое судно.

— Эти лоты, должно быть, нового устройства.

— Это термометрические зонды, определяющие температуру слоев воды.

— А эти инструменты, назначение которых я не могу угадать?

— Здесь, господин профессор, я вам должен дать некоторые объяснения, — сказал капитан Немо. — Прошу меня выслушать.

Он помолчал немного и затем повел речь:

— Есть сила могучая, послушная, быстрая, легкая, которая может иметь самое широкое применение и которая полный властелин на моем судне. Она доставляет судну свет, тепло, она душа моих механических аппаратов. Эта сила — электричество.

— Электричество! — воскликнул я в изумлении.

— Да, сударь!

— Однако, капитан, ваше судно пользуется такой изумительной скоростью, которая плохо согласуется с могуществом электричества. До сих пор применение электричества как динамической силы было весьма ограниченно и могло развивать незначительную силу.

— Господин профессор, — отвечал капитан Немо, — мое электричество не то, которым пользуется человечество, и это все, что я могу вам сказать.

— Я лишь высказываю свое удивление полученными вами результатами. Кстати, еще один вопрос, на который и не прошу ответа, если он нескромен. Элементы, которыми вы пользуетесь для получения этой восхитительной силы, вероятно, должны скоро портиться. Затем, каким путем вы добываете цинк, если прекратили всякие сношения с землей?

— Вы получите ответ на ваш вопрос, — ответил капитан Немо. — Прежде всего, я вам скажу, что в глубине морей находятся целые залежи цинка, железа, серебра, золота, эксплуатация которых не представляет затруднений. Однако я не хотел пользоваться этими металлами земли, но лишь произведениями самого моря и в нем изыскивать

средства для производства моего электричества.

— В море?

— Да, господин профессор, — и в них не оказалось недостатка. Я бы мог, устроив соединение между проволоками, погруженными на различных глубинах, получить его от различия испытываемых этими проволоками температур, но я предпочел более практичную систему.

— Какую же?!

— Вам известен состав морской воды. На тысячу граммов приходится девяносто шесть с половиной процентов воды, два с небольшим процента хлористого натрия, затем незначительное количество хлористого магния и хлористого кальция, бромистого магния, сульфата магния, сульфата и углекислой извести. Как видите, натрий находится в приличной пропорции, этот-то натрий я извлекаю из морской воды и составляю из него свои элементы.

— Натрий?

— Да, господин профессор. В соединении с ртутью он образует амальгаму, заменяющую цинк в батареях Бунзена; ртуть не расходуется, потребляется только натрий, который мне доставляет море. Я вам скажу больше: натриевые батареи самые мощные, и электродвижущая сила в этом

случае вдвое большая по сравнению с батареями из цинка.

— Я прекрасно понимаю, капитан, превосходство натрия в тех условиях, в которых вы находитесь. Море его содержит достаточно. Но надо еще его добыть или извлечь. Как вы в этом случае поступаете? Конечно, для этого вам могли бы служить ваши батареи, но, если я не ошибаюсь, расход натрия в электродах превышает добываемое ими количество его. Таким образом, для получения натрия вы его будете расходовать больше, чем добывать.

— Но я не извлекаю его через батареи и поступаю проще, пользуясь теплотой земного каменного угля.

— Земного?

— Скажем, морского угля, если хотите, — ответил капитан Немо.

— И вы можете эксплуатировать залежи морского угля?

— Господин Аронакс, вы все это увидите на деле. Прошу одного — немного терпения, к тому же вам некуда спешить. Помните только одно: я всем обязан океану; он производит электричество, и это электричество дает «Наутилусу» тепло, свет, движение — короче говоря, жизнь.

— Однако не доставляет воздуха, которым вы дышите.

— О, я мог бы производить воздух, необходимый для дыхания, но это бесполезно, так как я могу подняться на поверхность воды, когда вздумаю! Впрочем, если электричество не доставляет мне воздуха для дыхания, то оно, по крайней мере, производит работу в помпах, которые нагнетают его в запас в специальные резервуары, что дает мне возможность продолжить, насколько захочу, пребывание в глубине моря.

— Капитан, — воскликнул я, — мне остается только удивляться! Вы, очевидно, открыли то, что, несомненно, люди откроют в один прекрасный день, — именно динамическое применение электричества.

— Откроют ли они, этого я не знаю, — ответил холодно капитан Немо, — но как бы там ни было, вы уже знаете первое приложение, которое я дал этой драгоценной силе. Это она доставляет нам ровный и постоянный свет, чего не дает нам солнце. Теперь взгляните на эти часы; они электрические и ходят с такой точностью, какую трудно встретить в лучших хронометрах. Я их разделил на двадцать четыре часа, как это практикуют итальянские часовщики, так как для

меня не существует ни ночи, ни дня, ни солнца, ни луны, а лишь один этот искусственный свет, следующий за мной в глубину морей. А вот другое приложение электричества — этот циферблат, который висит перед вашими глазами, служит указателем скорости «Наутилуса». Электрическая проволока сообщается с винтом, и стрелка циферблата указывает число его оборотов. Вот, в данную минуту мы идем с умеренной скоростью — всего пятнадцать миль в час.

— Это восхитительно, — ответил я, — и я сознаю, что вы, капитан, были правы, отдав предпочтение силе, которой суждено заменить ветер, воду и пар.

— Но мы еще не окончили осмотр, господин Аронакс, — сказал капитан Немо, вставая, — и если вы желаете за мной следовать, то мы посетим заднюю часть «Наутилуса».

Действительно, с передней частью подводного судна я уже ознакомился; распределение помещений от центра к носу было такое: столовая в пять метров длины, отделенная от библиотеки водонепроницаемой перегородкой; библиотека — комната такой же длины; большой салон длиною в десять метров, отделенный от каюты помощника капитана также, по-видимому,

непроницаемой перегородкой; каюта помощника капитана в пять метров; моя каюта в два с половиной метра длиной и, наконец, резервуар для воздуха длиною в семь с половиной метров, доходивший до форштевня. Всего тридцать шесть метров длины. В перегородках устроены были двери, которые при помощи каучуковых обкладок закрывались герметически, и эта герметическая закупорка имела самое важное значение для «Наутилуса», когда он погружался и двигался в воде. Я следовал за капитаном Немо по разным проходам, и мы вошли в центральное помещение судна. Здесь находился род колодца, в который вела лестница.

Я спросил капитана о назначении этой лестницы.

— Она ведет к шлюпке, — ответил он.

— Как, у вас имеется шлюпка? — воскликнул я, сильно изумленный.

— Конечно. Прекрасная лодка, очень легкая и нетонущая, она нам служит для прогулок и рыбной ловли.

— В таком случае вам приходится подыматься на поверхность воды?

— Ни в коем случае. Эта лодка помещается в передней части корпуса «Наутилуса» в особом

углублении. Она вполне оснащена, скреплена прочными болтами и абсолютно непроницаема. Эта лестница и ведет к камере, по своему внутреннему очертанию вполне соответствующей наружному очертанию шлюпки. Через это отверстие я вхожу в шлюпку, которая имеет для этого также особое отверстие. Затем я закрываю отверстие в «Наутилусе» и в шлюпке, освобождаю зажимы, ее удерживающие, и она быстро поднимается на поверхность воды. Тут я открываю отверстие на палубе шлюпки, поднимаю мачту, распускаю парус или берусь за весла — и прогуливаюсь.

— А как же вы возвращаетесь?

— Я не возвращаюсь, господин Аронакс, это «Наутилус» возвращается к своей шлюпке.

— По вашему приказанию?

— Да, по моему приказанию. Шлюпка сообщается с ним через электрическую проволоку. Я телеграфирую, вот и все.

— Действительно, — сказал я, опьяненный восторгом от этих чудес, — что же может быть проще!

Миновав лестницу, которая вела на платформу, я попал в каюту длиной в два метра, в которой Консель и Нед Ленд, в восторге от своего завтрака,

с жадностью его пожирали. Дверь в следующую комнату отворилась; она оказалась кухней длиной в три метра, помещавшейся между обширными кладовыми подводного судна.

Здесь электричество, более послушное, чем газ, и еще более разнообразно приложимое, работало в качестве повара. Проволоки, сходившиеся под плитой, нагревали платиновые трубки, поддерживая в них определенную теплоту; они также нагревали перегонные кубы, в которые путем выпаривания доставляли из морской воды годную для питья воду. В кухне находилась весьма удобная ванна с кранами для теплой и холодной воды.

За кухней следовала комната длиной пять метров, в которой помещался экипаж судна. Но дверь в нее оказалась запертой, и мне не пришлось увидеть ее устройства, из которого я бы мог до некоторой степени судить о численности команды, необходимой для маневрирования «Наутилуса». В глубине возвышалась четвертая непроницаемая перегородка, за которой следовало машинное отделение. Дверь сама отворилась, и я очутился в том главном помещении, где капитан Немо — первоклассный инженер, вне сомнения, — расположил свои двигательные

аппараты.

Эта комната машин, ярко освещенная, имела в длину не менее двадцати метров. Она, понятно, разделялась на две части: в одной из них находились элементы, производящие электричество, в другой — механизмы, сообщавшие движение гребному винту.

Меня поразил запах, распространявшийся в машинном отделении. Это не ускользнуло от внимания капитана Немо.

— Этот запах, — сказал он, — происходит от выделения некоторых газов, освобождающихся при употреблении натрия, но это неудобство не имеет особого значения. Воздух легко может быть освежен проветриванием.

Я с жадным любопытством продолжал осматривать машину «Наутилуса».

— Вы видите, — обратился ко мне капитан Немо, — я пользуюсь элементами Бунзена, а не Румкорфа. Последние оказались бы слишком слабыми. Хотя число элементов Бунзена, входящих в батарею, и меньше, но сами по себе эти элементы велики и сильны, что, как оказывается на опыте, гораздо важнее. Возбужденное электричество действует через электромагниты сильного напряжения на особую систему рычагов и колес,

которые, в свою очередь, заставляют вращаться гребной винт. Этот винт, имеющий в диаметре семь с половиной метров, может вращаться со скоростью ста двадцати оборотов в секунду.

— И вы получаете…

— Скорость движения судна, равную пятидесяти милям в час.

Тут была тайна, но я не настаивал на ее раскрытии. Как может действовать электричество с такой силой? Что служит ее источником? Возможно, все дело в огромном напряжении, которое развивают эти катушки особого изобретения? Или в передаче движения неизвестной системе особых рычагов, которая способна увеличивать действие силы до бесконечности? Этого я не мог понять.

— Капитан Немо, — сказал я, — я констатирую результаты и не ищу им объяснения. Я видел, как «Наутилус» маневрировал перед «Авраамом Линкольном», и знаю, как велика скорость его хода. Но двигаться только вперед недостаточно. Надо видеть, куда идти. Надо управлять движением, направляясь то вправо, то влево, то вверх, то вниз. Каким образом спускаетесь вы в морские глубины, где встречаете возрастающее давление, измеряемое сотнями атмосфер? Как поднимае-

тесь вы снова на поверхность океана? Наконец, каким образом вы удерживаетесь на желаемой для вас глубине? Но быть может, я выказываю излишнее любопытство, расспрашивая вас об этом?

— Ничуть, господин профессор, — ответил капитан после некоторого колебания, — так как вы никогда не покинете это подводное судно. Пойдемте в салон, это настоящий рабочий кабинет, и там вы узнаете все, что вас так интересует в «Наутилусе».

Глава XIII
В области цифр

Спустя минуту мы уже сидели на диване в салоне, держа сигары в зубах. Капитан разложил передо мной чертеж, объясняющий способ погружения и поднятия на поверхность воды «Наутилуса». Затем он прочел целую диссертацию приблизительно следующего содержания:

— Вот, господин Аронакс, размеры судна, на котором вы находитесь. Это цилиндр очень удлиненный, с оконечностями, имеющими форму конуса. Он очень напоминает собою сигару — форму, уже усвоенную в Англии для постройки подводных судов. Длина цилиндра не более и не менее как семьдесят метров, а наибольшая ширина его достигает восьми метров. Следовательно, он построен не вполне так, как скороходные паровые суда, так как имеет иное отношение ширины к длине, но тем не менее его продольные линии достаточно длинны для того, чтобы вытесняемая при движении вода могла свободно скользить по его поверхности и поэтому не задерживать его хода.

Эти две величины дают вам возможность вычислить поверхность и объем «Наутилуса». Его поверхность имеет 1000,45 квадратного метра; его объем равняется 1500,2 кубического метра, из чего следует, что, будучи вполне погружен, он вытесняет полторы тысячи кубических метров воды.

Когда я составлял план этого судна, предназначенного для плавания под водой, я хотел, чтобы оно, сидя на воде, ради устойчивости выступало наружу только своей десятой частью, а остальные его девять десятых частей были бы погружены в воду. Следовательно, при таких условиях оно могло вытеснять только девять десятых своего объема, или 1356,48 кубического метра, или, определяя это весом, такое же количество тонн. Это водоизмещение «Наутилуса» и послужило основой, от которой зависели все прочие размеры его конструкции.

«Наутилус» имеет два корпуса — один внутренний, другой наружный, соединенные между собой железными скрепами в виде буквы «Т», которые сообщают ему наилучшую прочность. И действительно, благодаря такой конструкции он неуязвим. Его обшивка не может отстать, она примыкает повсюду одинаково прочно и одина-

кова сама по себе; однородность конструкции судна, однообразное и лучшее качество материала, из которого оно построено, позволяют ему выдержать самые стремительные напоры волн.

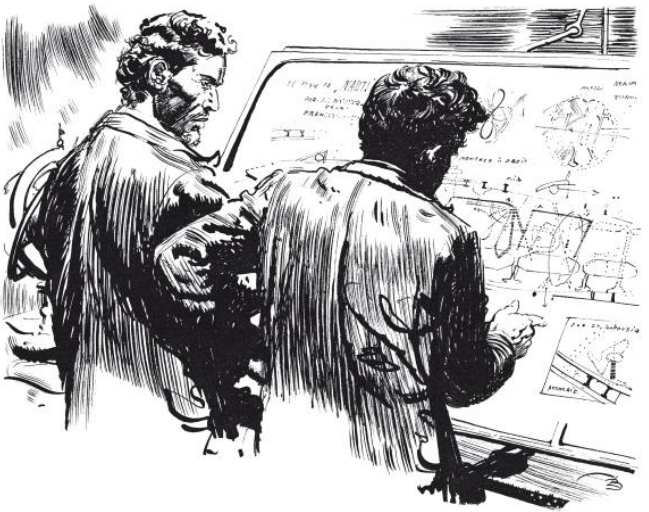
Оба корпуса сделаны из листовой стали. Толщина наружного корпуса пять сантиметров, и в общем он весит 394,86 тонны. Внутренний корпус, киль которого, высотой в пятьдесят сантиметров и шириной в двадцать пять, весит сам по себе до шестидесяти двух тонн, машина, балласт и различные аксессуары судна, приводы, перегородки и внутренние подпорки в общем весят 961,62 тонны; таким образом, прикладывая к этой цифре 394,86, мы получим в итоге 1356,48 тонны. Верно?

— Верно! — ответил я.

— Итак, — продолжал капитан, — находясь на воде, «Наутилус» выступает над ее поверхностью всего десятой частью своего объема. Если бы я располагал резервуарами, вмещавшими в себя воду в количестве, соответствующем этой десятой части, или, переводя на вес, — 150,62 тонны, то судно весило бы 1507 тонн и совершенно бы погрузилось в воду. Так, господин профессор, и происходит на самом деле. Эти резервуары расположены в нижней части «Наутилуса». Я

открываю краны, они наполняются — и судно погружается в уровень с поверхностью вод.

— Прекрасно, господин капитан, но мы как раз подошли к главному затруднению. Что судно ваше может опуститься в уровень с океаном, я это понимаю. Но при дальнейшем погружении ваше подводное судно не будет ли встречать сопротивление, возрастающее на каждые тридцать футов углубления на величину, равную давлению в одну атмосферу, или около килограмма на каждый квадратный сантиметр? И если это так, то ваше судно подвергнется подъему с возрастающей силой по мере углубления.



— Совершенно верно, сударь.

— Поэтому, если вы не наполните «Наутилус», я не вижу другого способа заставить его опуститься на глубину.

— Господин профессор, — ответил капитан

Немо, — не следует смешивать статику с динамикой, иначе не избежать крупных ошибок. И не требуется никаких особых усилий, чтобы достичь нижних слоев океана, когда тело имеет тенденцию опускаться.

— Я вас слушаю, капитан.

— Когда я хотел определить увеличение веса «Наутилуса», чтобы заставить его погружаться, мне приходилось обращать внимание только на увеличение удельного веса морской воды по мере возрастающей глубины.

— Это очевидно, — ответил я.

— Но если нельзя отрицать сжимаемость воды, то, по крайней мере, должно признать, что эта способность весьма ограниченна. И в самом деле, по новейшим вычислениям оказывается, что это сокращение равняется четыремстам тридцати шести десятимиллионным на каждую атмосферу, или на каждые тридцать футов глубины. Если требуется опуститься на тысячу метров, то я беру в расчет сокращение объема при давлении, равняющемся давлению столба воды в тысячу метров, то есть давлению в сто атмосфер. Это сокращение составит тогда четыреста тридцать шесть стотысячных. Я должен, следовательно, так увеличить тяжесть судна, чтобы оно весило

1513,77 тонны вместо 1507,2 тонны. Итак, мне придется прибавить только 6,57 тонны.

— Только?

— Да, господин Аронакс, и вычисление это легко проверить. Я имею запасные резервуары, рассчитанные на сто тонн. Следовательно, я могу опускаться на значительную глубину. Когда же я хочу подняться на поверхность воды, то мне достаточно выкачать из них часть воды, чтобы держаться на уровне океана.

На эти рассуждения, опирающиеся на вычисления, я не мог возражать.

— Принимаю ваши вычисления, капитан, — ответил я, — к тому же было бы нелепо опровергать их, так как опыт подтверждает это каждый день. Но я все-таки вижу непреодолимое затруднение.

— Какое, господин профессор?

— Когда вы находитесь на глубине тысячи метров, стены «Наутилуса» испытывают давление в сто атмосфер. Если вы захотите в эту минуту выкачать воду из запасных резервуаров, чтобы облегчить судно и заставить его подняться наверх, то необходимо, чтобы ваши насосы, работая, преодолевали давление в сто атмосфер, или, иначе, давление ста километров на каждый квадратный сантиметр. Какая же могуществен-

ная сила…

— Которую только и может дать электричество, — прервал мой вопрос капитан Немо. — Я вам повторяю, господин профессор, что динамическое могущество моих машин почти беспредельно. Помпы «Наутилуса» обладают изумительной силой, в чем вы могли убедиться, когда выбрасываемые ими водяные струи, вернее, столбы обрушились на «Авраам Линкольн». К тому же я пользуюсь запасными резервуарами только для погружения на глубины от пятисот до тысячи метров — с целью сберечь мои машины. Когда же у меня является фантазия посетить глубины океана в два или три лье, я прибегаю к более сложным маневрам, но так же верно достигающим своей цели.

— К каким, капитан? — спросил я.

— Для этого вам необходимо прежде всего ознакомиться, с управлением «Наутилуса».

— Сгораю от нетерпения.

— Чтобы поворачивать это судно направо и налево, говоря короче, управлять им в горизонтальном направлении, я пользуюсь обыкновенным рулем с широкой лопастью, помещающимся позади кормы. Но вместе с тем я могу управлять «Наутилусом», заставляя его идти сверху вниз и

обратно, говоря иначе, в вертикальном направлении, с помощью двух наклонных плоскостей, прикрепленных к его сторонам вдоль среднего горизонтального сечения судна; эти подвижные плоскости могут принимать любое положение с помощью сильных рычагов, находящихся внутри судна. Когда эти плоскости находятся в горизонтальном положении, судно движется также в горизонтальной плоскости. Если же они хотя бы и немного наклонены, то, смотря по направлению наклона, «Наутилус» в силу своего поступательного движения либо опускается, двигаясь под определенным, согласно моему же желанию, углом склонения, либо подымается под определенным углом повышения. Если я хочу еще скорее подняться на поверхность воды, то опорожняю запасные резервуары, и тогда под влиянием давления воды «Наутилус» подымается вверх так же быстро, как шар, наполненный водородом, в воздух.

— Браво, капитан! — воскликнул я. — Но как штурман различает свой путь под водой?

— Штурман помещается в стеклянной рубке, которая образует выступ в верхней части «Наутилуса» и стенки которой состоят из чечевицеобразных стекол.

— Из стекол, способных выдержать такое давление?

— Прекраснейшим образом! Хрусталь, несмотря на свою хрупкость, способен выдерживать значительные давления. Во время опытной рыбной ловли при электрическом свете, проводимой в 1866 году в северных морях, оказалось, что хрустальные стенки фонаря толщиной всего в семь миллиметров выдерживали давление в шестнадцать атмосфер. Стекла же, которыми я пользуюсь, имеют в центре не менее двадцати одного сантиметра, то есть в тридцать раз толще.

— Так! Но каким образом вы освещаете впереди вас лежащее пространство? Причем вам надо достаточно сильно его осветить на большое расстояние.

— Позади рубки штурмана помещается рефлектор с сильным источником света. Лучи этого рефлектора проникают в воду на полмили расстояния.

— Браво и трижды браво, капитан! Теперь я понимаю эту фосфоресценцию предполагаемого нами нарвала, который так сильно заинтересовал ученых. И вот, кстати, я вас спрошу: столкновение «Наутилуса» с «Шотландией», наделавшее столько шума, произошло случайно?

— Чистый случай, господин профессор. Я плыл на глубине всего двух метров от поверхности воды, когда произошло столкновение. Впрочем, это столкновение, по моему наблюдению, не имело никаких серьезных последствий для «Шотландии».

— Никаких, сударь. Но что касается вашей встречи с «Авраамом Линкольном»…

— Господин профессор, мне очень жаль этот один из лучших фрегатов американского флота, но я был вынужден так поступить. Когда на вас нападают, вы защищаетесь. Впрочем, я лишил фрегат только возможности мне вредить; он в состоянии будет дойти до ближайшего порта и там исправить свои повреждения.

— Какое чудесное судно ваш «Наутилус»! — воскликнул я, действительно глубоко в этом убежденный.

— Да, господин профессор, — ответил не без некоторого волнения капитан Немо, — и я его люблю, как плоть от плоти моей. Если на ваших судах, подвергнутых всем капризам океана, первое впечатление, производимое им, по удачному выражению голландца Янсена, есть сознание бездны, то на «Наутилусе» сердце человека совершенно спокойно. Опасаться, что судно разобьется

или получит пролом, не приходится, так как оно имеет двойной железный корпус; оно не имеет ни оснастки, которая страдала бы от качки; ни парусов, которые рвет ветер; ни паровых котлов, которые разрывает пар; пожар немыслим, так как везде и повсюду железо или сталь; нет угля, запас которого быстро истощается, — все приводится в движение электричеством; не приходится опасаться столкновения, так как мое судно единственное, которое плавает в глубине морей; ему не страшны бури, штормы, так как оно, опустившись на глубину в несколько метров, плывет в совершенно спокойной среде! Вот, сударь, что называется судном. И если верно, что инженер более питает доверия к судну, чем строитель, а строитель более, чем капитан, то вам будет вполне понятно мое доверие к «Наутилусу», так как в одно и то же время я и капитан его, и строитель, и инженер.

Капитан Немо говорил с увлекающим красноречием, огонь, горевший в его глазах, страстные жесты преобразили его. Да, он любил свой корабль, как мать свое дитя. Но один вопрос, быть может и нескромный, до того сильно интересовал меня, что я не мог удержаться, чтобы не высказать его:

— Так вы инженер, капитан Немо?

— Да, господин профессор, — ответил он, — я учился в Лондоне, в Париже и в Нью-Йорке в то время, когда был жителем континента.

— Но каким образом вам удалось сохранить в тайне постройку этого восхитительного «Наутилуса»?

— Каждая из его частей, господин профессор, получена из различных мест земного шара, и все они заказывались для вымышленных целей. Этот киль был выкован на заводе Крезо, во Франции, листы для обшивки корпуса — у Лерда, в Ливерпуле, ось для гребного винта — у Пена и К°, в Лондоне, гребной винт — у Скотта, в Глазго. Резервуары сработаны фирмой Кайля и К°, в Париже, машина — у Круппа, в Пруссии, таран — в мастерских Мотала, в Швеции, аппараты, руководящие направлением движения судна, — у братьев Гарт, в Нью-Йорке, и так далее, и каждый из этих поставщиков получил мои планы от имени различных лиц.

— Однако, — возразил я, — когда эти части были изготовлены, предстояла еще большая работа — надо было их пригнать, соединить.

— Господин профессор, я устроил свои мастерские на пустынном острове в открытом океане.

Там мои мастеровые, говоря иначе, мои товарищи, которых я собрал и обучал, под моим руководством собрали и закончили постройку «Наутилуса». Затем, когда он был спущен на воду, огонь уничтожил все следы нашего пребывания на этом острове, который я бы взорвал, если бы только мог.

— Надо полагать, что постройка этого подводного судна стоила огромных денег.

— Господин Аронакс, броненосный корабль обходится по тысяче двадцать пять франков за тонну. Водоизмещение «Наутилуса» — тысяча пятьсот тонн. Придерживаясь этого расчета, найдем, что он стоит 1 миллион 687 тысяч франков, а со всеми принадлежностями — два миллиона; если же вы хотите узнать его цену со всеми в нем заключающимися предметами искусства и коллекциями, то его надо ценить в четыре-пять миллионов франков.

— Последний вопрос, капитан Немо.

— Спрашивайте, господин профессор.

— Следовательно, вы очень богаты?

— Бесконечно богат, сударь, и без всякого стеснения для себя мог бы заплатить весь государственный долг Франции — двенадцать миллиардов.

Я пристально посмотрел на эту странную личность, говорившую таким образом. Не злоупотребляет ли он моим легковерием? Будущее это покажет.

Глава XIV
Черная река

Пространство той части земного шара, которая занята водой, исчислено в 3 миллиона 832 тысячи 558 квадратных мириаметров[11]. Объем всей этой жидкой массы определяют в 2 миллиарда 250 миллионов кубических миль, и если бы дать ей форму шара, то его диаметр равнялся бы 60 лье и весил бы 3 квинтиллиона тонн. Чтобы иметь представление о последней цифре, надо помнить, что квинтиллион относится к миллиарду, как миллиард к единице, говоря иначе — что в квинтиллионе столько миллиардов, сколько в миллиарде единиц. Жидкая масса указанных размеров заключает в себе почти все то количество воды, которое изливают все реки земного шара в продолжение сорока тысяч лет.

В древние геологические эпохи за огненным периодом следовал нептунский, или водный, период. Вода покрывала сплошь земной шар. Затем мало-помалу в силурийскую эпоху выступили вершины гор, появились острова; они

---

[11] Примечания: 11
Мириаметр — 10 000 метров.

исчезали вследствие частых наводнений, снова обнажались, соединялись между собой, образуя значительные пространства континентов, пока наконец земля не приняла тех географических очертаний, которые она имеет в настоящее время. Суша отвоевала у океана 37 миллионов 650 тысяч квадратных миль, или 116 миллионов 12 тысяч гектаров.

Очертания материков устанавливают деление вод на пять частей: Северный Ледовитый океан, Южный Ледовитый океан, Индийский океан, Атлантический океан и Тихий океан.

Тихий океан простирается с севера на юг между двумя полярными линиями и с запада на восток между Азией и Америкой на протяжении ста сорока пяти градусов долготы. Это самое спокойное море; течения его широки и медленны, приливы умеренны, дожди обильны. Таков был океан, который судьба предназначала мне объехать первым и при самых необыкновенных условиях.

— Господин профессор, — обратился ко мне капитан Немо, — если вы желаете, мы сейчас определим точно наше положение и исходную точку нашего дальнейшего пути. Теперь без четверти двенадцать часов. Я подымусь на поверхность воды.

Капитан нажал три раза кнопку электрического звонка. Помпы стали выгонять воду из резервуаров. Стрелка манометра, отмечая степень давления, указывала движение «Наутилуса» в вертикальном направлении. Вот она остановилась.

— Мы на поверхности воды, — заявил капитан.

Я направился к центральной лестнице, выходившей на палубу, поднялся по ступеням и через открытый люк вышел на платформу.

Палуба выступала над ватерлинией всего на восемьдесят сантиметров. Передняя и задняя части «Наутилуса» имели форму оконечностей веретена, что действительно давало судну в общем вид сигары. Черепицеобразные, но более плоские листы железной обшивки судна обратили на себя мое внимание; они походили на чешую, одевающую тело больших пресмыкающихся. Это мне объяснило, почему даже в лучшие подзорные трубы «Наутилус» всегда принимали за морское животное.

Посреди палубы находилось возвышение, в котором, как в футляре, помещалась лодка. Впереди и позади нее помещались две башенки незначительной высоты, с покатыми стенками из чечевицеобразных стекол; одна из них

предназначалась для штурмана, управлявшего «Наутилусом», другая служила, вероятно, фонарем, так как в ней находился сильный источник электрического света, освещавший путь.

Погода была великолепная, море спокойно, небо совершенно чисто, длинное судно словно убаюкивалось на широких волнах океана. Не застилаемый туманом горизонт был вполне доступен наблюдениям.

Вокруг было пусто. Нигде не виднелось ни одного островка, ни одной скалы. «Авраам Линкольн» куда-то исчез. Безграничная пустыня…

При помощи секстана капитан Немо определил высоту солнца, которое указало ему широту места. Когда он производил наблюдение, ни один мускул его не дрогнул и инструмент в его руках был так же неподвижен, как если бы его держала мраморная рука.

— Полдень, господин профессор, — заявил он.

Я бросил последний взгляд на это море несколько желтоватого оттенка и спустился в большой салон.

Здесь капитан точно определил местонахождение судна, хронометрически вычислил долготу, проверил свои выводы и затем обратился ко мне:

— Господин Аронакс, мы находимся под 137° 15′ западной долготы.

— От какого меридиана? — быстро спросил я, рассчитывая, что ответ капитана укажет мне его национальность.

— Сударь, у меня разные хронометры, и поставлены они по меридианам Парижа, Гринвича и Вашингтона. Но в данном случае из любезности к вам я принял в вычислениях парижский меридиан.

Такой ответ, понятно, ничего для меня не прояснил. Я поклонился, а капитан продолжил:

— 137° 15′ долготы, считая от парижского меридиана, и 30° 7′ северной широты — это значит в трехстах милях от берегов Японии. Итак, сегодня, 8 ноября, в полдень, начинается наше подводное путешествие.

— Да сохранит нас Бог! — воскликнул я.

— А теперь, господин профессор, — обратился ко мне капитан, — я предоставляю вас вашим занятиям. Я приказал взять курс на восток-северо-восток и идти на глубине пятидесяти метров. Вот карты, на которых обозначены главные пункты, по ним вы можете проследить путь. Салон в вашем распоряжении, прошу разрешения покинуть вас.

Капитан Немо, поклонившись, удалился. Я остался один, погруженный в свои мысли. Все они вертелись около капитана «Наутилуса». Узнаю ли я когда-нибудь, к какой нации принадлежит этот удивительный человек, который кичится тем, что ни к одной из них не принадлежит? Эта ненависть к человечеству, ненависть, которая, быть может, жаждала страшной мести. Был ли это один из тех неизвестных ученых, один из тех гениев, которым, как выражался Консель, «причинили много горя»; не Галилей ли это нынешнего времени или один из тех людей науки, карьера которых, подобно карьере американца Мори, была разбита политическими революциями? Пока я не могу дать себе ответа. Меня, которого случай бросил на его судно, меня, жизнь которого находилась в его руках, он встретил хотя и гостеприимно, но холодно, никогда не принимал моей руки, которую я ему протягивал, и никогда не протягивал своей руки.

Целый час провел я, погруженный в свои думы, стараясь разгадать тайну, столь меня заинтриговавшую. Затем мои взоры обратились на большую карту Земли, которая помещалась на столе. Я подошел к ней и поставил палец на ту точку, которая соответствовала определенным

капитаном Немо долготе и широте.

Как материки, так и моря имеют свои реки. Это особого рода течения, отличающиеся температурой, цветом воды, и из них наиболее замечательное носит название Гольфстрим.

Исследования определили на земном шаре направление пяти главных течений: одно — на севере Атлантического океана, второе — на юге Атлантики, третье — на севере Тихого океана, четвертое — на юге его и пятое — на юге Индийского океана. Весьма вероятно, что существовало и шестое течение — в северной части Индийского океана, когда моря Бенгальское, Аральское и большие озера Средней Азии составляли одно сплошное море.

И вот одно из этих течений проходило в пункте, на который я поставил палец, — это было Куросио японцев, иначе Черная река, которая, выходя из Бенгальского залива, где ее воды нагревали перпендикулярно к ним падающие лучи тропического солнца, прорезывала Малаккский пролив, огибала берег Азии, затем направлялась по кривой в северном Тихом океане до Алеутских островов, унося с собой стволы камфорного и других деревьев. Воды этой реки резко отличались цветом чистого индиго от вод океана. По этому

течению и должен был плыть «Наутилус». Я следил за ним взором, видел его теряющимся среди необозримого пространства вод Тихого океана и чувствовал, как оно влечет меня вместе с собою; в эту минуту Нед Ленд и Консель появились в дверях салона.

Они пришли в изумление при виде собранных в этом зале чудес.

— Где мы, где мы?! — вскрикнул канадец. — В Квебекском музее?

— Прошу извинить, — ответил Консель, — это скорее Соммерарский отель.

— Друзья мои, — обратился я к ним, приглашая их жестом войти, — вы не в Канаде и не во Франции, а на судне «Наутилус», на глубине пятидесяти метров от поверхности воды.

— Так как господин это утверждает, то приходится ему верить, — ответил Консель, — но, говоря откровенно, этот салон изумляет даже такого фламандца, как я.

— Изумляйся, мой друг, и смотри, так как для такого классификатора, как ты, здесь отыщется много работы.

Поощрять Конселя не приходилось. Добрый малый, облокачиваясь на витрины, стал читать самому себе лекцию по естественной истории;

слышались слова: класс брюхоногих, семейство трубирогов, род парцеленны, вид мадагаскарской цирпеи и так далее.

Нед Ленд, не особенно интересуясь конхиологией, расспрашивал о моем свидании с капитаном Немо. Узнал ли я, кто он такой, откуда и куда направляется, будет ли еще глубже опускаться судно, — он мне задавал эти и еще тысячу вопросов, на которые я не успевал отвечать.

Я сообщил ему все, что знал или, вернее, чего не знал, и, в свою очередь, поинтересовался, что он видел и слышал.

— Ничего не видел и не слышал, — ответил канадец. — Не видел даже ни одного человека из экипажа. Быть может, и он сам электрический.

— Электрический.

— Гм, охотно верю! А вы, господин Аронакс, — спросил Нед Ленд, одержимый своим замыслом, — не можете ли мне сообщить приблизительно численность экипажа: десять, двадцать, сто человек?

— Не сумею вам ответить, Ленд. А потому советую вам, хоть на время, бросить мысль овладеть «Наутилусом» или бежать с него. Это судно — шедевр современной индустрии, и я в восторге, что мне пришлось с ним ознакомиться. Многие

пожелали бы быть на нашем месте, чтобы только увидеть эти чудеса. Итак, будем благоразумны и станем пока внимательно наблюдать за всем, что вокруг нас происходит.

— Наблюдать! — вскрикнул гарпунщик. — За кем, за чем, когда никого и ничего не видно из этой железной кельи? Мы идем, мы плывем, как слепые.

Только Нед Ленд произнес последние слова, как салон погрузился в абсолютный мрак. Светящийся потолок мгновенно угас, а этот резкий и быстрый переход от сильного света к полной темноте вызвал у меня боль в глазах.

Мы были немы и неподвижны, не зная, что нас ожидает. Но вот послышался шум скользящего движения. Казалось, что передвигаются стены «Наутилуса».

— Вот и конец конца! — воскликнул Ленд.

— Порядок гидромедуз, — раздавалось бормотание Конселя.

Внезапно салон с обеих противоположных друг другу сторон через продолговатые отверстия осветился дневным светом, окружавшая судно жидкая масса была не только прозрачна, но казалась светоносной. Нас отделяли от нее два огромных кристальных стекла. Я похолодел от

мысли, что эта слабая преграда может разбиться, но тотчас же успокоился, когда увидел, что стекла вделаны в крепкие медные рамы, которые сообщали им, самим по себе весьма прочным, несокрушимую прочность. Море почти на целую милю вокруг было отчетливо и ясно видно. Что за вид? Чье перо могло бы описать представившуюся картину? Чья кисть могла бы передать чудные переливы света в этих световых слоях, это нежное, чудное смягчение тонов!

Прозрачность морской воды известна; чистота ее превосходит чистоту горных ключей. Содержащиеся в морской воде органические и минеральные вещества даже способствуют ее прозрачности. В некоторых частях океана у Антильских островов вода до того прозрачна, что с поразительной ясностью видно все морское дно на глубине сорока пяти метров, и солнечные лучи, как кажется, могут проникать сквозь воду на триста метров. Но в этой морской воде, в которой плыл «Наутилус», электрический свет передавал светоносность самой воде, которая как бы превращалась в жидкий свет. Если принять гипотезу Эренберга, признающую фосфорическое свечение морской глубины, то природа, конечно, доставляет обитателям морей одно из самых

чудных зрелищ, и я мог получить об этом представление при созерцании дивной игры света. С каждой стороны от меня находилось по окну, открывавшему нам почти совсем неизвестные бездны. Темнота в салоне способствовала эффекту освещения, окружающего судно извне, и чистый хрусталь боковых окон казался стеклом гигантского аквариума.

Создавалось впечатление, что «Наутилус» не двигается, не было неподвижной точки, по которой можно было судить о его перемещении. Но временами водные линии, образуемые острым носом судна, бежали перед нашими глазами с изумительной скоростью.

Восхищенные, изумленные, мы стояли, опершись на рамы окон, и никто из нас не решался прервать молчания, пока не заговорил Консель.

— Вы, друг Ленд, не прочь были бы все это увидеть, и вот теперь вы видите.

— Любопытно, очень любопытно, — ответил канадец, который невольно, забыв свой гнев и мысль о бегстве, поддался невыразимому восторгу. — Признаюсь, из самых далеких мест стоит прийти сюда, чтобы полюбоваться таким чудным зрелищем.

— Да! — воскликнул я. — Теперь я понимаю

жизнь этого человека; он создал себе особый мир, раскрывающий перед ним свои изумительные тайны.

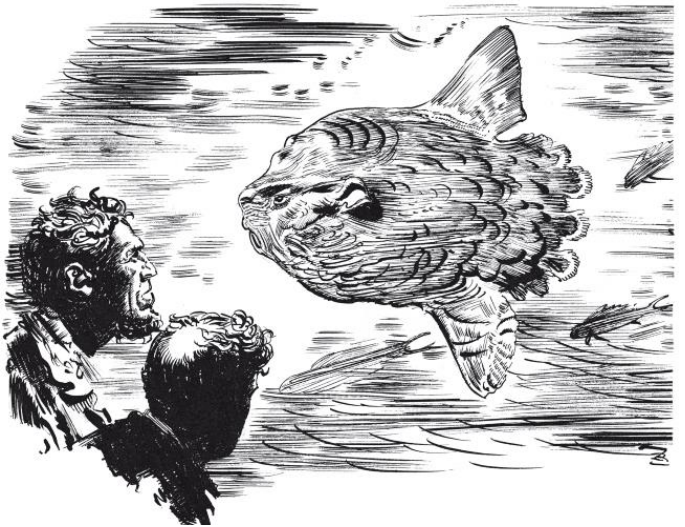
— Но где рыбы? — воскликнул канадец. — Я не вижу рыб!

— Да ну вас, друг Нед, — ответил Консель, — вы их не видите потому, что вы их не знаете.

— Я рыбак! — вскрикнул задетый за живое Нед Ленд.

По этому поводу между друзьями завязался спор, так как они оба были знатоками рыбного царства, но каждый на свой и весьма различный лад.

Всем известно, что рыбы относятся к четвертому, и последнему, классу позвоночных. Их весьма точно определили как позвоночных с двойным кровообращением и холодной кровью, которые дышат жабрами и предназначены жить в воде. Они образуют две различные серии: серию костистых рыб, то есть таких, у которых спинной хребет состоит из костяных позвонков, и серию хрящевых рыб, у которых спинной хребет состоит из хрящевых позвонков.



Возможно, что канадец и был до некоторой степени знаком с этим делением, но Консель знал гораздо больше и не мог допустить, чтобы у Ленда было больше сведений, чем у него самого.

— Друг Нед, — ответил он ему, — вы искусный рыболов. Вам пришлось видеть множество раз-

личных пород этих интересных животных, но я держу пари, что вы не умеете их классифицировать.

— Умею, — ответил серьезно гарпунщик. — Их делят на съедобных и несъедобных.

— Вот деление, достойное обжоры. Нет, вы мне ответьте, знаете ли вы, какая разница между костистыми и хрящевыми рыбами?

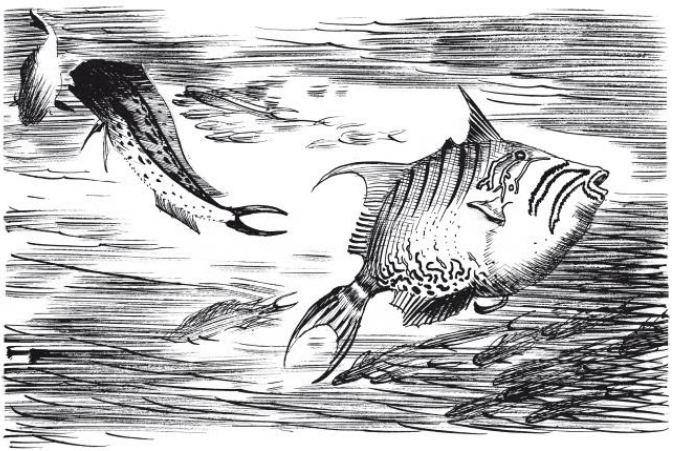
— Еще бы не знать!

— А подразделения этих двух больших классов?

— Этого не знаю, Консель.

— В таком случае, мой друг, слушайте и запоминайте. Костистые рыбы разделяются на шесть порядков: колючеперые, у которых верхняя челюсть цельная и подвижная, а жабры гребенчатые. В этом порядке насчитывают пятнадцать семейств, то есть три четверти всех известных рыб. Тип их — обыкновенный окунь.

— Очень вкусный, — заметил Нед Ленд.



— Брюхоперые, — продолжал Консель, — у которых брюшные плавники находятся под животом, позади грудных, и не прикреплены к плечевой кости, — порядок, который насчитывает пять семейств и включает в себя бóльшую часть рыб пресной воды. Типы: карп, щука.

— Пфу, — заметил в презрительном тоне канадец, — пресноводные рыбы!

— Мягкоперые, — не унимался Консель, — этот порядок заключает четыре семейства. Тип: плоскушка, камбала и так далее.

— Превосходные, они превосходные! — воскликнул гарпунщик, который разделял рыб по их вкусовому значению.

— Голобрюхие, — продолжал Консель, — с удлиненным телом, лишенные брюшных плавников и покрытые плотной, нередко слизистой кожей, — порядок, имеющий только одну семью. Тип: угорь, гимнот.

— Это посредственные рыбы… посредственные, — отметил Нед Ленд.

— Пучкожаберные, они имеют цельные и подвижные челюсти, но жабры у них в виде кисточек, расположенных попарно вдоль жаберных дуг. Они составляют также одну семью типа: морские кони и летучие драконы.

— Дурная рыба, — подал реплику гарпунщик.

— Сростночелюстные, — заканчивал Консель, — у которых челюстная кость крепко соединена с междучелюстной, нёбо соединяется с черепом с помощью шва, почему челюсть и неподвижна, настоящих брюшных плавников

нет. Этот порядок имеет два семейства. Тип: гипокамп и лунь-рыба.

— Годная только испортить аппетит! — воскликнул канадец.

— Вы поняли, Нед? — спросил ученый Консель.

— Ровно ничего, друг Консель, — ответил гарпунщик. — Но все-таки продолжайте, так как вы очень интересно рассказываете.

— Что же касается хрящевых рыб, то они разделяются на три порядка.

— Тем лучше! — заметил Нед.

— Круглоротые, челюсть у которых расположена на одном подвижном конце, а жабры расположены в нескольких отверстиях, порядок, состоящий из одного семейства. Тип: минога.

— Достаточно вкусная рыба, — ответил Нед Ленд.

— Поперечноротые, с жабрами, весьма сходными с теми, какие у круглоротых, но нижняя челюсть у них подвижная. Этот порядок самый выдающийся из всего класса и заключает в себе два семейства. Тип: скат и морская собака.

— Что? — вскрикнул Нед. — И скаты в одном порядке! Хорошо, нечего сказать. Но я, друг Консель, в интересах скатов не советую их помещать вместе с акулами в одном бокале.

— Осетровые, — продолжал Консель, — жабры у которых прикрыты особым щитом; в этом порядке четыре семейства. Тип: осетр.

— А, друг Консель, вы сумели лучшее приберечь к концу, по крайней мере по моему мнению. Теперь все?

— Все, дружище, — ответил Консель, — и заметьте, когда вы все это знаете, вы еще ничего не знаете, так как семейства разделяются на классы, роды, виды, разновидности…

— Прекрасно, друг Консель, — прервал Конселя гарпунщик, подойдя к окну, — смотрите, какие проходят мимо нас разновидности!

— Да, это рыбы, — вскрикнул Консель, — можно подумать, что мы стоим перед гигантским аквариумом!

— Нет, — возразил я, — аквариум — клетка, а эти так же свободны, как птицы в воздухе.

— Дружище Консель, называйте их, называйте! — умолял Нед Ленд.

— Я не настолько сведущ, — ответил Консель. — Обратитесь за этим к моему учителю.

И действительно, Консель, несмотря на свое знакомство с классификацией, не был натуралистом, и, право, я не знаю, сумел бы он отличить, например, тунца от макрели.

Канадец мог назвать любую рыбу, не задумываясь.

— Это балисты, — сказал я.

— Китайские спинороги, — определил по-своему Нед Ленд.

— Род — балисты, семейство — жесткокожие, порядок — крепкочелюстные, — шептал Консель.

Несомненно, Нед и Консель, вместе взятые, составили бы отличного натуралиста. Канадец не ошибся. Группа балист, со сжатым по бокам телом, зернистой кожей и вооруженных на спине иглой, резвилась около «Наутилуса». Они отличались красивой окраской чешуи, сероватого цвета сверху, белого снизу, покрытой золотистыми пятнами. Среди них плыли скаты, и среди них, к великой моей радости, я заметил китайского ската, желтого цвета сверху, нежно-розового на брюхе и снабженного тремя иглами впереди глаза, — редкая порода, в существовании которой сомневались во времена Ласепеда, так как этот натуралист видел их только в японских альбомах.

В течение двух часов огромная морская армия составляла эскорт «Наутилуса». Среди них во время игр — прихотливых движений, в которых

рыбы, казалось, соперничали красотой, блеском и скоростью, — я заметил зеленого губана, барберина с двойной черной полосой; белых гобий с круглым хвостом белого цвета, с фиолетовыми пятнами на спине; японскую скумбрию; восхитительных макрелей этих морей, с голубой чешуей по всему телу и серебряной на голове; блестящих лазоревиков, уже одно название которых заменяет описание; полосатых спар с плавниками, отливающими голубым и желтым цветом; златобровов с поперечными полосами, окаймленных черной лентой на хвосте; поясных спар, элегантно затянутых, словно в корсеты, в свои шесть поясов; трубкоротые виды со ртом в виде флейты, называемые иначе морскими бекасами, — из них некоторые достигали длины в один метр; японских саламандр; ежовых мурен; морских змей длиной в шесть футов, с маленькими блестящими глазами и с широкой пастью, усаженной зубами.

Наш восторг дошел до крайних пределов; восклицания не смолкали. Нед называл рыб, Консель их классифицировал, я приходил в экстаз от быстроты их движений и красоты разнообразных форм. Ни разу мне не приходилось видеть этих животных на полной свободе, в их родной

стихии.

Я не стану перечислять все разновидности, которые проходили перед нашими изумленными глазами, всю эту коллекцию Японского и Китайского морей. Эти рыбы толпились, соединяясь в более многочисленные стаи, чем птицы в воздухе, привлекаемые, несомненно, блеском электрического света.

Вдруг зал осветился. Железные ставни опустились, и восхитительное видение исчезло. Но я долго еще продолжал грезить, пока мой взор не остановился на инструментах, висевших по стенам. Компас по-прежнему показывал, что мы держимся направления северо-северо-восток, манометр указывал давление в пять атмосфер, соответствующее глубине в пятьдесят метров, а электрический лаг сообщал, что скорость хода равняется пятнадцати милям в час.

Я ожидал прихода капитана Немо, но он не появлялся. Было пять часов.

Нед Ленд и Консель вернулись в свою каюту; я отправился в свою комнату, где застал приготовленный для меня обед. Он состоял из черепашьего супа, из белого мяса краснобородки, печени какого-то морского животного — замечательно вкусного блюда — и, наконец, филейной

части королевской еж-рыбы, которая показалась мне значительно вкуснее лососины.

Я провел вечер за чтением, письмом и в размышлениях. Затем меня стало клонить ко сну; я растянулся на моем ложе и крепко заснул, а тем временем «Наутилус» продолжал быстро скользить по течению Черной реки.

Глава XV
Письменное приглашение

На следующий день, 9 ноября, я проснулся, проспав ровно двенадцать часов. Консель, по обыкновению, пришел узнать, как я провел ночь, и предложил свои услуги. Он не стал будить канадца, как человека, любящего поспать.

Я предоставил Конселю одеть меня сообразно его фантазии и на его болтовню старался не отвечать. Меня сильно беспокоило отсутствие капитана Немо, который со вчерашнего вечера еще не показывался; я надеялся увидеть его сегодня.

Консель одел меня в платье из биссуса. Качество ткани не раз вызывало с его стороны замечания и расспросы. Я сообщил ему, что материя соткана из шелковистых, лоснящихся волокон, которыми некоторые моллюски, в изобилии живущие в Средиземном море, прикрепляются к скалам. Из этих волокон делают также прекрасные ткани, чулки, перчатки, потому что они очень мягки и весьма теплы. Следовательно, команда «Наутилуса» могла быть экипирована в прекрасную одежду, не пользуясь произведениями земли,

как, например, хлопком, шерстью овец или шелковичным червем.

Окончив свой туалет, я отправился в большой салон. В нем никого не было.

Я погрузился в изучение сокровищ конхиологии, расположенных в витринах, затем стал рассматривать огромные гербарии с редчайшими морскими растениями; последние были столь искусно высушены, что сохранили свой натуральный цвет. В числе этих редких водных растений я встретил вертикальные кладостефы, павлинов-падинов, каулерпы, похожие на виноградные листья, перообразные агары, *acetabules*, похожие на шампиньоны (их долгое время причисляли к классу зоофитов), и, наконец, полную серию вошерий.

Так прошел целый день; капитан Немо не удостаивал меня своим посещением. Зальные панно не отворялись, быть может, чтобы мы не могли пресытиться столь дивным зрелищем.

«Наутилус» шел по направлению к востоко-северо-востоку со скоростью двенадцать миль в час и на глубине от пятидесяти до шестидесяти метров.

На следующий день, 10 ноября, — то же невнимание капитана и такое же одиночество. Никого

из людей экипажа я не видел. Нед и Консель бо`льшую часть дня провели со мной. Их тоже удивляло непонятное отсутствие капитана. Не заболел ли этот странный человек? Не изменил ли он своего решения по отношению к нам?

Однако мы пользовались, по выражению Конселя, полной свободой, и нас прекрасно кормили. С этой стороны наш хозяин держался данного обещания. Мы не могли жаловаться на наше одиночество, ведь оно так щедро вознаграждалось всем, что нам приходилось видеть, и всем тем, что было предоставлено в наше пользование.

С этого дня я стал вести дневник своих приключений, что дало мне возможность описывать их с самой педантичной точностью и со всеми любопытными подробностями; писать пришлось на бумаге, сделанной из морской травы. 11 ноября ранним утром свежий воздух, распространившийся по всем внутренним помещениям «Наутилуса», дал мне понять, что мы поднялись на поверхность океана для возобновления запаса кислорода. Я направился к центральной лестнице и поднялся на палубу.

Был шестой час; день оказался пасмурный, но серое море было спокойно. Придет ли капитан Немо? На палубе находился только рулевой в

рубке. Усевшись на выступ, я с наслаждением вдыхал в себя морской воздух. Солнечные лучи мало-помалу рассеяли морской туман. На востоке показалось солнце, и от его лучей на море запылала яркая полоса. Верхние рассеянные облака окрасились переливами перламутра. Перистые легкие облака, зазубренные по краям, предвещали ветер.

Но разве «Наутилус» боялся ветра? Что для него ветер, когда и буря его не пугала!

Я любовался прекрасным восходом солнца, действовавшим так животворно, когда услыхал, что кто-то вошел на платформу.

Я приготовился раскланяться с капитаном Немо, но это оказался его помощник. Он взошел на палубу и, казалось, не замечал моего присутствия. Вооружившись сильной подзорной трубой, он внимательно исследовал все точки горизонта. Затем, подойдя к отверстию, произнес следующие слова, которые я твердо запомнил, потому что они повторялись каждое утро при одинаковых условиях: «Nautron respoc lorni virch».

Я не знаю, что они означали.

Сказав это, помощник капитана удалился. Полагая, что «Наутилус» будет идти под водой, я через отверстие спустился в узкий проход и

возвратился в свою каюту.

Так прошло пять дней; обстоятельства не изменялись. Каждое утро я выходил на палубу, каждое утро повторялась та же фраза тем же человеком, и капитан Немо ни разу не показался.

Я примирился с обстоятельствами, но 16 ноября, возвратившись в свою комнату, нашел на столе адресованную на мое имя записку.

Я нетерпеливо распечатал ее; она была написана твердым, четким почерком, напоминавшим немецкие буквы.

Записка заключала следующее:

Господину Аронаксу, на корабле «Наутилус», 16 ноября 1867 года.

Капитан Немо приглашает господина профессора Аронакса завтра утром на охоту в его лесах на острове Креспо. Он надеется, что господину профессору ничто не помешает принять участие в охоте, а также что и его товарищи будут его сопровождать.

Командир «Наутилуса» капитан Немо

— Охота! — воскликнул Нед.

— К тому же в его лесах на острове Креспо! — прибавил Консель.

— Значит, он бывает все-таки на суше? — про-

должил Нед Ленд.

— Это со всей ясностью следует из записки, — ответил я, еще раз перечитав послание.

— Ну что ж! Надо принять приглашение, — заявил канадец. — А там уж, на твердой земле, мы решим, что делать. И кстати, я не откажусь от куска свежей оленины.

Оставив попытку как-то связать между собой заявленную капитаном Немо ненависть к континентам и островам и его приглашение поохотиться в лесах Креспо, я ответил:

— Давайте сначала взглянем, что этот остров представляет собой!

Я обратился к планисфере и нашел этот островок под 32° 40′ северной широты и 167° 50′ западной долготы; он был открыт капитаном Креспо в 1801 году и на старинных испанских картах обозначался как Rocca de la Plata, что означает «Серебряный утес». Итак, мы удалились от точки нашего отправления на тысячу восемьсот миль, и «Наутилус» несколько изменил курс, повернув к юго-востоку.

Я указал своим товарищам на скалистый островок, затерянный в северной части Тихого океана.

— Если капитан Немо и бывает на суше, — сказал я, — то выбирает самые пустынные острова!

Нед Ленд лишь покачал головой в ответ; затем они с Конселем удалились. Ужин подал мне безмолвный и невозмутимый стюард, и я лег спать несколько взволнованным.

Проснувшись утром 17 ноября, я понял, что «Наутилус» замер на месте. Я поспешно оделся и вышел в салон.

Капитан Немо поджидал меня там. Он встал поприветствовать меня и спросил, принимаю ли я его приглашение.

Поскольку он ни словом не обмолвился о своем восьмидневном отсутствии, я тоже не стал говорить на эту тему и лишь сообщил, что мы готовы сопровождать его.

— Но разрешите, сударь, кое о чем спросить вас.

— Пожалуйста, господин Аронакс. Я отвечу вам, если смогу.

— Каким образом, капитан, вам, порвавшему всякие связи с землей, удалось стать владельцем лесов на острове Креспо?

Капитан сказал:

— В моих владениях, господин профессор, леса особые — им не нужны ни солнечный свет, ни тепло. В них нет львов, тигров, пантер, да и прочие четвероногие в них не водятся. Даже

о существовании этих угодий известно только мне. Они растут лишь для меня. Мои леса — не земные, а подводные.

— Подводные? — вскричал я.

— Да, господин профессор.

— И вы предлагаете мне посетить их?

— Именно так.

— Отправимся туда пешком?

— И даже не промочим ног.

— И охотиться будем там?

— Именно.

— Посредством ружей?

— Да, с ружьями.

Я посмотрел на капитана Немо, и, боюсь, в этом взгляде не было ничего лестного для его особы.

«Определенно он не в себе, — решил я. — Наверное, все восемь дней проболел, и как знать, здоров ли он сейчас? Жаль, очень жаль! Я предпочел бы иметь дело с чудаком, а не с помешанным!»

Мысли эти, очевидно, отразились на моем лице, однако капитан Немо жестом пригласил меня последовать за ним — так я и сделал.

Мы вошли в столовую, где уже был накрыт стол к завтраку.

— Прошу вас разделить со мной трапезу, господин Аронакс, — сказал капитан. — За едой мы

продолжим нашу беседу. Я посулил вам прогулку в лес, и там не будет ресторана. Потому советую подкрепиться поплотнее — обед, очевидно, окажется поздним.

Я последовал совету. В меню были рыбные блюда, ломтики голотурий, кушанья из великолепных зоофитов, поданных с пикантным соусом из морских водорослей (порфир и лауренсий). В чистую питьевую воду я, по примеру капитана, добавил пару капель настоя из камчатской водоросли, известной как *Rodomenie palmée*.

Поначалу капитан Немо хранил молчание. Затем произнес:

— Господин профессор, я понимаю, что наверняка мое приглашение на охоту в лесах острова Креспо заставило вас сомневаться в моем здоровье. Очевидно, приглашение в подводные леса навело вас на мысль о том, что я безумен. Не стоит, однако, господин профессор, судить о людях слишком поверхностно.

— Капитан, поверьте, я…

— Дослушайте, а потом сделайте вывод, стоит ли подозревать меня в безумии.

— Я весь внимание.

— Господин профессор, нам обоим известно, что человек может оставаться под водой, пока

может дышать, пока у него имеется достаточный запас воздуха. При подводных работах используются водонепроницаемые одежды с защитным шлемом из металла, надетым на голову, и водолазы получают воздух с поверхности воды через специальный шланг, соединенный с насосом.

— Это называется скафандры, — сказал я.

— Именно так! Но при этом человек оказывается чрезвычайно стесненным в действиях. Резиновый шланг, по которому поступает воздух, ограничивает его свободу. Это настоящая цепь, которой он прикован к земле; если бы мы оказались столь тесно связанными с «Наутилусом», далеко нам уйти не удалось бы.

— И каким же образом можно разрешить подобное затруднение? — спросил я.

— Ваши соотечественники изобрели прибор, так называемый прибор Рукейроля — Денейруза, а я его усовершенствовал. Благодаря ему без малейшего ущерба для здоровья вы можете погрузиться в среду, обычно физиологии человека чуждую. Прибор этот своего рода резервуар, изготовленный из железа, и в него нагнетается воздух под давлением пятьдесят атмосфер. Водолаз несет этот резервуар на спине, закрепленным ремнями наподобие солдатского ранца. Сверху

прибора расположено некое подобие кузнечных мехов, регулирующих давление воздуха, доводя его до обычных значений. Как правило, в приборе Рукейроля имеются две резиновые трубки, соединяющие резервуар с маской, которая закрывает лицо водолаза; по одной трубке идет свежий воздух для вдоха, по другой — удаляется воздух отработанный; водолазу приходится при этом нажимать языком на клапан той или иной трубки. Но на дне морском на человека оказывают давление верхние слои воды, поэтому маска не подходит, и голову водолаза от этого чрезмерного давления приходится защищать медным шлемом с двумя трубками — вдыхательной и выдыхательной.

— Замечательно, капитан Немо! Однако воздух расходуется быстро, а при падении содержания кислорода в нем до пятнадцати процентов дышать становится невозможно!

— Все правильно. Но между тем, господин Аронакс, я уже сообщал вам, что мощные насосы «Наутилуса» позволяют нагнетать воздух под значительным давлением, что дает возможность обеспечить водолаза кислородом из его резервуара на девять-десять часов.

— Оспаривать это не приходится, — отвечал

я. — Я хотел бы также узнать, капитан, каким образом вы освещаете себе путь на океанском дне?

— Для этого служит аппарат Румкорфа, господин Аронакс. Резервуар с воздухом закреплен на спине, а к поясу привязывается осветительный прибор. Элемент Бунзена для него я заряжаю натрием, а не двухромистым калием, как делают обычно. С помощью индукционной катушки электричество направляется к фонарю особой конструкции — это изогнутая стеклянная трубка, наполненная углекислым газом. Когда аппарат поставляет электричество, газ начинает довольно ярко светиться. Так что под водой мне удается и дышать, и видеть.

— Капитан Немо, все мои возражения разбиты вашими исчерпывающими ответами, и у меня почти не осталось сомнений. Признаю себя побежденным в рассуждениях относительно аппаратов Рукейроля и Румкорфа, но надеюсь на реванш в отношении оружия, коим вы собирались снабдить меня.

Капитан ответил:

— Оно ведь не является огнестрельным.

— Таким образом, ружья приводятся в действие сжатым воздухом?

— Это должно быть очевидно! Мне не изго-

товить порох на борту «Наутилуса», ведь я не располагаю ни селитрой, ни серой, ни углем.

— К тому же вода в восемьсот пятьдесят пять раз плотнее воздуха, пуле под водой пришлось бы преодолевать огромное сопротивление! — прибавил я.

— Это затруднение небольшое! Оружие после Фультона усовершенствовали англичане Филипп Кольт и Бурлей, француз Фюрси и итальянец Ланди. Теперь, имея ружья со специальными затворами, можно стрелять и в воде. Но, повторюсь, в отсутствие пороха я предпочитаю пользоваться сжатым воздухом, ведь им меня в неограниченном количестве обеспечивают насосы «Наутилуса».

— Но нагнетенный воздух быстро расходуется!

— Это не беда. Резервуар Рукейроля при мне и в случае необходимости меня выручит. Стоит лишь открыть кран. Впрочем, вы, господин Аронакс, сможете сами убедиться, что охотники весьма скромно расходуют под водой и кислород, и пули.

— И все же мне трудно поверить, что в условиях полутьмы, царящей на дне морском, при чрезвычайной плотности среды, ружейные пули на большом расстоянии легко попадут в цель и

окажутся смертоносными.

— Все совершенно иначе, сударь! Каждый выстрел из такого ружья смертоносен. Даже при незначительном ранении любое животное падает, словно молнией пораженное.

— Отчего же так происходит?

— Потому что ружья заряжены не обычными пулями, а особыми, изобретенными австрийским химиком Лениброком. У меня хранится изрядный их запас. Они представляют собой крохотные стеклянные капсюли, заключенные в оболочку из стали, утяжеленную свинцовым основанием, — настоящие лейденские банки в миниатюре! Они несут в себе электрический заряд высокого напряжения. Он разряжается при самом легком толчке, и добыча, сколь бы крупной она ни была, падает замертво. К тому же эти капсюли не крупнее дроби номер четыре, так что в обойме ружья не менее десяти подобных электрических зарядов.

— Сдаюсь! — признал я и поднялся. — Пожалуй, я могу только взять в руки ружье и отправиться, капитан, вслед за вами!

Капитан Немо направился на корму «Наутилуса». Я позвал с нами Неда и Конселя, когда проходил мимо их каюты, и они незамедлитель-

но за нами последовали.

Все мы вошли в камеру, расположенную рядом с машинным отделением, где следовало облачиться в скафандры для предстоящей прогулки под водой.

Глава XVI
Прогулка по равнине

Каюта, куда мы были приглашены, оказалась арсеналом и гардеробной «Наутилуса». Дюжина скафандровых аппаратов висела на стене в ожидании желающих совершить прогулку.

Нед Ленд, увидев их, отказался в один из них одеться.

— Мой бравый Нед, — обратился я к нему, — леса острова Креспо — подводные леса.

— Прекрасно, — ответил гарпунщик, сознавая, что его мечты о свежем мясе остаются мечтами. — А вы, господин Аронакс, тоже собираетесь облачиться в это одеяние?

— Что делать, друг Нед, если так надо.

— Каждый поступает по своему усмотрению, — ответил Ленд, пожимая плечами, — однако меня могут заставить это надеть только силой.

— Никто вас не неволит, — заметил капитан Немо.

— А Консель рискует облечься? — спросил Нед.

— Я всегда следую примеру своего господина, — ответил Консель.

По зову капитана два человека из экипажа явились помочь нам одеться в тяжелые непромокаемые одежды без швов, сделанные из каучука. По внешнему виду они походили на старые воинские доспехи и отличались гибкостью и упругостью. Штаны оканчивались толстыми башмаками с тяжелой свинцовой подошвой. Куртку поддерживала кираса из медных пластинок, защищавшая грудь от давления воды, позволяя легким дышать свободно; рукава оканчивались мягкими перчатками, нимало не стесняющими движения кисти руки.

Эти усовершенствованные скафандры были значительно лучше безобразных одежд, носимых в XVII веке, каковы, например, латы из пробкового дерева, морские костюмы и так далее.

Капитан Немо, один из его товарищей, по сложению настоящий геркулес, Консель и я скоро облачились в скафандры; оставалось только закупорить свои головы в металлические шары. Но прежде чем подвергнуться этой операции, я попросил у капитана позволения ознакомиться с действием ружей, которыми мы вооружены.

Один из экипажа «Наутилуса» передал мне весьма простое на вид ружье, приклад у которого был полый и сделан из листовой стали. Это

внутреннее полое пространство приклада служило резервуаром для сжатого воздуха; особый клапан, приводимый в движение спусковым крючком, пропускал воздух в металлическую трубку. К ружью был приделан особый ящичек, заключавший в себе двадцать электрических пуль, которые особым механизмом вставлялись в канал ружейного ствола. Ружья заряжались как бы сами собой, после каждого выстрела ружье оказывалось уже вновь готовым к стрельбе.

— Капитан Немо, — сказал я, — это оружие превосходно, и обращение с ним донельзя просто. Я желаю возможно скорее его испытать. Однако каким же способом мы достигнем морского дна?

— Господин профессор, вам придется спуститься всего на десять метров, — ответил капитан, — так как на этом расстоянии от дна остановился в настоящую минуту «Наутилус».

— Но как мы выйдем?

— Вы это сейчас увидите.

Капитан Немо просунул голову в медный полый шар, или шаровидный колпак, я и Консель последовали его примеру, причем канадец иронически пожелал нам счастливой охоты. Верхняя часть нашей одежды, или куртки, оканчивалась воротником с винтовыми нарезами, в которые

ввинчивалась металлическая маска; в маске, или колпаке, было сделано три отверстия со вставленными в них толстыми стеклами; поворачивая голову в шаре, можно было глядеть во все стороны.

Как только колпаки привинтили к воротнику, аппараты Рукейроля, помещенные на наших спинах, пришли в действие, и мы могли совершенно свободно дышать.

С лампой Румкорфа, прикрепленной к поясу, и с ружьем в руках я готов был отправиться на прогулку по морскому дну. Однако одежда оказалась слишком тяжелой, а свинцовые подошвы буквально приковали меня к полу.

Но видимо, этот случай был предвиден, так как меня и Конселя наполовину втащили и наполовину втолкнули в маленькую комнатку, смежную с гардеробной. Я слышал, как заперли дверь, и мы очутились в полном мраке.

Спустя несколько минут раздался сильный свист, и я почувствовал, как по телу от ног до груди пробежал холод. Очевидно, в камеру впустили через краны воду, которая всю ее наполнила. Тогда отворилась вторая дверь камеры, вделанная в борту судна, и мы очутились в полумраке. Минуту спустя наши ноги ступили на морское дно.

Теперь я едва смогу описать те впечатления, которые вызвала во мне эта прогулка под водой. Слова бессильны рассказать обо всех чудесах, которые мне довелось увидеть. Если сама кисть не в состоянии передать эти световые и цветовые эффекты, то насколько же немощно перо!

Капитан Немо шел впереди, а несколько позади следовал его товарищ. Консель и я шли рядом, хотя не было возможности обмениваться впечатлениями и вообще разговаривать сквозь наши металлические шлемы. Я уже не чувствовал тяжести ни моей одежды, ни обуви, ни резервуара со сжатым воздухом, ни металлического шлема, внутри которого моя голова болталась, как миндальное ядро в скорлупе.

Все эти предметы, погруженные в воду, теряли часть своей тяжести, равную весу вытесненной им воды, и в силу этого закона, открытого Архимедом, я чувствовал себя прекрасно. Я перестал быть инертной массой и пользовался относительно большой свободой движения.

Свет, озарявший почву на глубине тридцати футов, изумлял меня своей силой. Солнечные лучи свободно проникали в эту водную массу. Я ясно различал все предметы на расстоянии ста метров. Дальше все дно отливало нежными

лазоревыми оттенками, которые еще далее переходили в синеватые и исчезали в беспредельной темноте. Можно было предположить, что окружавшая меня вода была тем же воздухом, столь же прозрачным, но более плотным, чем земная атмосфера. Я различал над собой спокойную поверхность моря.

Между тем мы шли по чистому мелкому песку, по гладкой и ровной поверхности, которая почти не встречается около берегов вследствие прибоя волн. Эта равнина представлялась ослепительным ковром, настоящим рефлектором, отражавшим солнечные лучи, не понижая их интенсивности. Отсюда и получалось это изумительное сияние, отражаемое всеми молекулами жидкости. Поверят ли мне, если я буду утверждать, что на глубине в тридцать футов я так же хорошо видел, как в солнечный день!

В продолжение четверти часа я шел по сиявшему песку, смешанному с истертыми в мельчайшую пыль раковинами. Корпус «Наутилуса» казался длинным подводным камнем; по мере нашего удаления он мало-помалу исчезал из виду, но маяк корабля с наступлением темноты в глубине вод должен был облегчить нам обратный путь: он распространял лучи необычайной

яркости, представление о которой может иметь только тот, который видел в воздухе резкие беловатые полосы электрического света. В воздухе пыль придает им вид сияющего тумана; но на море и под водой этого не замечается, и проникающий свет сохраняет необыкновенную чистоту.

Между тем мы продолжали идти, и обширная песчаная равнина, казалось, не имела границ. Я раздвигал руками воду, как бы облегчая движение вперед; следы моих шагов немедленно сглаживались водой.

Вскоре формы предметов, едва видные издали, стали ясно обрисовываться. Передо мной предстали изумительно красивые очертания скал, испещренные разнообразными и красивыми видами зоофитов. Я был сразу поражен особым эффектом этой среды.

Было десять часов утра. Солнечные лучи, падающие на поверхность волн под косым углом и преломляемые водными слоями, как призмой, окрашивали приютившиеся на скале растения, раковины, полипы во все семь цветов радуги с их оттенками. Это было чудесное зрелище, праздник цветов и их переливов, настоящий калейдоскоп красного, оранжевого, зеленого, желтого, фиолетового, синего и голубого цветов. Я сожалел, что

не мог сообщить Конселю впечатлений, охвативших мой мозг, и соперничать в изъявлении восторгов. Как жаль, что я не умел обмениваться мыслями посредством условных знаков, как это практиковал капитан Немо и его товарищ. В утешение мне оставалось говорить с самим собою, и я стал кричать в медный колпак, защищавший мою голову, тратя на бесполезные фразы воздуха больше, чем следовало.

Песчаное дно покрывали мириады полипов и иглокожих. Всевозможные изиды, отшельники-корнулярии, заросли окулин, которые прежде принято было именовать «белыми кораллами», ощетинившиеся кораллы-фунгии, напоминающие причудливые грибы, анемоны, прикрепившиеся ко дну своей присоской, составляли подлинный цветник, усеянный в придачу порпитами в венчике лазоревых щупалец, созвездиями морских звезд и колеблющимися во взволнованных нашим появлением морских глубинах гирляндами астерофитонов, изысканных, словно тончайшее кружево, сплетенное руками морских нимф. Как жаль было наступать на эти великолепные образцы моллюсков: тысячами устилавшие землю морские гребешки, морские молотки, донаксы, настоящие подпрыгивающие

ракушки, трохусы, красные шлемовидки, крылья ангела, сердцевидки и множество других порождений неисчерпаемой фантазии океана. Но нам нужно было идти, и мы шли вперед, в то время как над нашими головами проплывали полчища физалий, за которыми тянулись длинные щупальца, медузы своими опаловыми или нежно-розовыми зонтиками, обрамленными лазурью, смягчали пробивающийся сквозь толщу воды солнечный свет, а пелагии, фосфоресцируя, озаряли путь своим светом.

Каждый раз, когда я останавливался полюбоваться этими чудесами, капитан Немо жестом напоминал мне следовать за ним. Впрочем, всего через какую-то четверть мили, характер дна изменился. Песчаное плато сменилось вязким илом, который американцы называют *oaze* и который состоит из множества известковых или кремнистых раковинок. Затем мы миновали целый луг водорослей. Этот подводный газон по мягкости мог бы соперничать с самыми пушистыми коврами, сотканными руками человека. Но в отличие от них водоросли не только расстилались под нашими ногами, но и нависали над головой. Морские растения, принадлежащие к обширному семейству водорослей, переплетаясь,

образовывали зеленые шатры на поверхности вод. Я любовался длинными колышущимися лентами бурых водорослей, шаровидных и трубчатых лауренсий, узколистых кладостефов, родимений лапчатых, напоминающих кактусы. Я заметил, что зеленые водоросли тянулись к поверхности вод, красные водоросли предпочитали срединные слои, черные и бурые же составляли сады и цветники в океанических глубинах.

Водоросли — это настоящий шедевр, одно из чудес царства флоры. К ним относятся и самые мелкие, и самые крупные растительные организмы земли. Есть среди них крохотные растеньица, сорок тысяч которых могут уместиться на площади в пять квадратных миллиметров, встречаются бурые водоросли длиною до сотни метров.

Прошло полтора часа с тех пор, как мы покинули «Наутилус». Теперь было около полудня. Я вычислил это по солнечным лучам, которые падали отвесно и уже не преломлялись в воде. Волшебство красок постепенно исчезло, изумрудные и сапфировые цвета потускнели и вовсе пропали с нашего небосвода. Мы шли мерным шагом, и каждый наш шаг сопровождался гулким отзвуком. Малейший шум распространялся здесь со скоростью, непривычной для нашего слуха. И

действительно, вода куда лучший, чем воздух, проводник звука: в жидкой среде звук распространяется в четыре раза быстрее.

А между тем дорога шла под уклон. Свет рассеивался. Мы достигли стометровой глубины, выдерживая давление в десять атмосфер. Но мой скафандр был, видимо, настолько хорошо приспособлен к таким условиям, что меня это нисколько не беспокоило. Некоторое время меня беспокоили неприятные ощущения в суставах пальцев, которые, впрочем, вскоре прошли. Что же касается усталости от двухчасовой ходьбы в непривычном снаряжении, то ее я не чувствовал. Поддерживаемый водой, я двигался с поразительной легкостью.

На глубине в триста футов я уловил последние лучи солнца. Теперь его яркий свет сменили красноватые сумерки, нечто среднее между днем и ночью. Тем не менее мы видели достаточно и пока еще обходились без аппарата Румкорфа.

Открывшееся нашим взорам чудное зрелище заставило Конселя так же, как и меня, остановиться. Очевидно, Консель при виде зоофитов и моллюсков принимался их классифицировать.

В это время подошел капитан Немо. Он остановился, показал рукой на какую-то темную массу.

Это лес острова Креспо, подумал я, и не ошибся.

Глава XVII
Подводный лес

Наконец мы подошли к опушке леса, без сомнения лучшего из беспредельных владений капитана Немо. Он считал его своей собственностью и владел им на тех же правах, какими пользовались первые люди в первые дни творения мира. Да и кто бы мог оспаривать права на подводную собственность? Какой смелый пионер решился бы проникнуть сюда с топором в руке, чтобы расчищать эти чащи?

Лес состоял из больших древовидных растений, и как только мы проникли под его громадные своды, меня крайне изумило особое расположение ветвей этих растений, которые мне довелось увидеть впервые.

Ни одна из трав, покрывавших почву, ни одна из ветвей деревьев и кустарников не сгибалась и не расстилалась в горизонтальном направлении. Все подымалось к поверхности океана. Всякий стебель, всякая лента, как бы тонки они ни были, торчали так же прямо, как железные прутья. Фукусы и лианы в силу плотности окружавшей их

стихии расстилались по строго перпендикулярным линиям. Они были неподвижны, и, если я, раздвинув их руками, затем отпускал, они тотчас принимали прежнее положение.

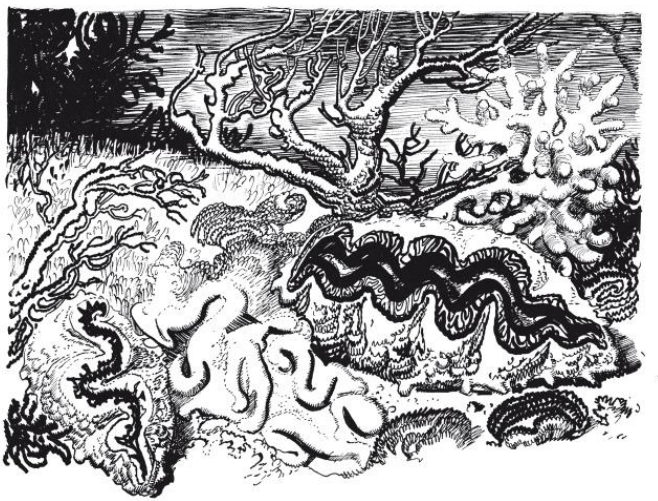
Я вскоре привык к этому странному тяготению по прямой линии кверху, так же как и к той относительной темноте, которая нас окружала. Почва леса была усеяна острыми обломками. Подводная флора показалась мне весьма богатой, богаче, чем под арктическими и тропическими зонами. В продолжение нескольких минут я не мог разобраться в произведениях различных царств, принимая зоофитов за водоросли, животных за растения. Да и кто бы не впал в такую ошибку? Здесь, в этом подводном мире, фауна и флора так близко соприкасались друг с другом!

По моим наблюдениям, все представители растительного царства прикреплялись к почве весьма слабо. Лишенные корней, индифферентные к твердой или известковой почве, песку, валуну или голышу, которые их поддерживали, они от них требовали не питания, а лишь точки опоры. Вот почему все эти подводные растения производят как бы сами себя, и основу их существования составляет вода, которая их питает и поддерживает. Большая часть из них вместо

листьев имеет пластинки весьма причудливой формы с ограниченной гаммой цветовой окраски, в которую входят цвета: розовый, зеленый, оливковый, рыжий и коричневый. Здесь я встретил, но в более натуральной окраске, чем в гербарии «Наутилуса», полипов-павлинов, будто поджидающих дуновения ветерка; червленых церамий, ламинарий, протянувших свои желтые отростки, употребляемые в пищу; нитевидных нереоцистей, вытягивающихся на высоту пятнадцати метров; роскошные букеты ацетабулов, стволы и стебли которых утончаются кверху, и много других растений, лишенных цветков. «Любопытная аномалия причудливой стихии, в которой животное царство цветет, а растительное никогда не дает цветов», по выражению одного остроумного натуралиста.

Среди этих различных растений, не уступающих своим размером деревьям умеренной зоны, во влажной тени росли настоящие кустарники с живыми цветами, изгороди из зоофитов, на которых распускались полосатые меандрины с извилистыми бороздками, желтоватые кариофилии с прозрачными щупальцами, пучки травовидных зоонтер, и, для довершения иллюзии, рыбки-мухи перелетали с ветки на ветку, словно

рой колибри, тогда как желтые леписаканты с челюстями, усаженными острыми пластинками, дактилоптеры и моноцентры, подобно бекасам, поднимались из-под наших ног.



Около часа капитан Немо подал сигнал для

отдыха. Что касается меня, я был этим очень доволен, и мы растянулись под беседкой из аларий, длинные стебли которых тянулись кверху, как стрелы.

Несколько минут отдыха показались мне восхитительными, недоставало только удовольствия от беседы. Невозможно было ни говорить, ни отвечать. Я приблизил свою толстую медную голову к голове Конселя и увидел сквозь стекла, как его глаза блестят от удовольствия; при этом он весьма комично вертел головой в своем медном шлеме.

Меня весьма удивляло, что, несмотря на нашу прогулку, продолжавшуюся почти четыре часа, я не чувствовал голода; чем объяснить это, я не знал. Но зато у меня явилось непреодолимое желание заснуть, как это испытывают все водолазы. Мои веки отяжелели, невольно смежились, и я погрузился в глубокий сон. Все последовали моему примеру.

Не знаю, сколько времени я спал, но, когда я проснулся, солнце уже клонилось к горизонту. Почти одновременно со мной проснулся и капитан Немо, так как я заметил, что он лениво потягивается. Но одно неожиданное явление заставило меня быстро вскочить на ноги.

В нескольких шагах от меня чудовищных размеров морской паук, высотою в метр, смотрел на нас своими косыми глазами и готовился броситься на меня. Хотя материя моего скафандра была достаточно плотна, чтобы защитить от укусов этого животного, тем не менее меня охватил ужас. Как раз в эту минуту проснулись Консель и товарищ капитана Немо. Капитан указал матросу на это отвратительное животное, и тот

одним ударом приклада ружья убил его; однако чудовищные лапы морского паука продолжали двигаться в сильных конвульсиях.

Эта встреча заставила меня опасаться встреч с другими, более опасными животными, населяющими или посещающими эти мрачные глубины, от которых меня не защитит скафандр; я решил быть настороже. Я предполагал, что после отдыха мы отправимся в обратный путь, но, как оказалось, я ошибся. Капитан Немо и не думал возвращаться к «Наутилусу», а продолжал свою смелую экскурсию.

Почва все время постепенно понижалась, а теперь склон ее становился круче, и мы опускались все в более глубокие слои. Было около трех часов, когда мы достигли узкой долины, лежавшей между двумя высокими отвесными стенами, на глубине ста пятидесяти метров. Благодаря нашим усовершенствованным аппаратам мы прошли на девяносто метров далее намеченной границы нашей экскурсии.

Я сказал полтораста метров, хотя и не прибегал ни к какому инструменту для измерения расстояния; руководствовался же я тем, что даже при самой прозрачной воде солнечные лучи глубже не проникают. Вскоре наступила полная темно-

та, на расстоянии десяти шагов ничего не было видно. Я шел ощупью, как вдруг внезапно увидел беловатый свет. Капитан Немо привел в действие свой электрический аппарат, доставляющий свет; матрос, я и Консель последовали примеру капитана, и наши четыре фонаря осветили море на двадцать пять метров в окружности.

Капитан Немо продолжал углубляться в темные дебри.

Впрочем, лес становился уже не так густ; кустарники сменяли большие древовидные растения

и, в свою очередь, становились реже и реже. Растительная жизнь исчезала заметно раньше животной. Наконец почва оказалась бесплодной, на ней уже не виднелось морских растений, а между тем она кишела зоофитами, моллюсками и прочими морскими существами, столь близкими растительному миру, а также рыбами. Я думал, что электрический свет привлечет к себе обитателей этого мрачного царства, но ошибся; правда, некоторые животные и приближались к нам, но держались на таком почтительном расстоянии, которое всегда обидно охотнику. Не раз капитан Немо вскидывал на плечо свое ружье и прицеливался, но затем он снова опускал его и продолжал путь.

Было около четырех часов, когда чудная экскурсия окончилась. Путь нам загородила величественная каменная стена, одна из сторон огромной гранитной скалы, которую природа сложила из громадных обломков. Скала была изрыта мрачными пещерами, к которым, однако, не было доступа.

Это был фундамент острова Креспо.

Капитан Немо внезапно остановился и подал нам знак сделать то же. Несмотря на мое сильное желание перейти через стену, я подчинился

распоряжению капитана. Здесь его владения кончились, и этот странный человек не хотел переступать их границы, чтобы не вступать на ту часть земного шара, с которой он не хотел иметь никаких сношений.

Мы отправились в обратный путь. Во главе нашего маленького отряда шел по-прежнему, и так же уверенно и смело, капитан Немо. Мне казалось, что мы возвращаемся к «Наутилусу» другой дорогой. Она оказалась очень крутой и потому утомительной, хотя быстро приближала нас к поверхности моря, но все-таки не в такой степени, чтобы подъем в верхние слои давал чувствовать резкое понижение давления воды, что весьма вредно отзывается на организме, как это наблюдается у водолазов. Вскоре снова появился дневной свет, становилось светлее и светлее, но солнце уже близилось к закату, и снова его преломляющиеся лучи окаймляли различные предметы всеми цветами радуги.

На десятиметровой глубине мы встретили целые стаи мелких рыб различных пород, более проворных, чем птицы в воздухе, но пока не встретили морской дичи, достойной выстрела.

И вот как раз в эту минуту я заметил, что капитан прицеливается в какой-то предмет, дви-

жущийся в кустах. Раздался выстрел, я услышал слабый свист и увидел, как убитое животное упало в нескольких шагах от меня.

Это была великолепная морская выдра, единственное четвероногое из морских животных. Эта выдра длиною в один метр пятьдесят сантиметров должна была стоить больших денег. Ее мех, темно-каштановый сверху, серебристый на брюхе, по тонкости и лоску волоса высоко ценится на китайских и русских рынках, и такая шкура продается не менее чем за две тысячи франков.

Я любовался этим любопытным млекопитающим с круглой головой и короткими ушами, с круглыми глазами, с белыми кошачьими усами, с пушистым хвостом и короткими лапами, снабженными острыми когтями и плавательной перепонкой. Высоко ценимая за свой драгоценный мех, выдра в настоящее время редко встречается, и, вероятно, этот вид скоро переведется; живет она в северной части Тихого океана.

Товарищ капитана Немо взвалил животное на плечо, и мы двинулись в путь.

Около часа мы шли по песчаной равнине на глубине иногда всего двух метров от поверхности моря. Я видел отражение нашей группы в обратном положении, весьма отчетливо передававшее

все наши жесты, движения, с той только разницей, что она двигалась вверх ногами.

Следует отметить еще один эффект. Над нами носились густые облака, так же быстро появлявшиеся, как и исчезавшие. Поразмыслив, я понял, что появление и исчезновение этих мнимых облаков вызывается изменением толщины волн. Всматриваясь внимательнее, я мог различить пенистые хребты волн, которые моряки называют барашками; нередко видел и мелькающие тени пролетающих над поверхностью моря, над нашими головами, больших птиц. Товарищ капитана Немо прицелился и выстрелил в одну из таких птиц, парившую с широко распростертыми крыльями в нескольких метрах над волнами. Пораженная птица упала недалеко от охотника, и он овладел своей добычей. Это оказался альбатрос, великолепный экземпляр самой красивой породы морских птиц.

Этот инцидент не прервал нашего путеше-

ствия. В продолжение двух часов мы шли то по песчаным долинам, то по лугам, заросшим водорослями и почти непроходимым. Я до того утомился, что не мог дальше идти, как вдруг показался свет, на полмили осветивший морской мрак. Это был маяк «Наутилуса».

Нам предстояло идти еще минут двадцать, чтобы достичь «Наутилуса»; я напряг свои силы и спешил; мне казалось, что в моем резервуаре недостает кислорода. Однако неожиданная встреча замедлила наше возвращение.

Я шел позади шагах в двадцати, когда увидел приближавшегося ко мне капитана Немо. Своей сильной рукой он пригнул меня к земле, а товарищ его поступил так же с Конселем. В первую минуту я не знал, чем объяснить это грубое насилие, но тотчас же успокоился, как только капитан лег возле меня.

Я лежал на земле под прикрытием водорослей и, подняв голову, увидел каких-то животных, которые с шумом проносились мимо, излучая фосфорический блеск.

Кровь застыла в моих жилах! Я узнал чудовищных акул. Это была пара страшных акул-людоедов с огромными хвостами, с мутными стекловидными глазами; акулы выделяли из отверстий,

расположенных вокруг их пасти, фосфоресцирующую материю. Эти чудовища могут разжевать своими железными челюстями человека! Я не знаю, занимался ли Консель определением, к какому они относятся классу, но что касается меня, то я рассматривал их серебристый живот, ужасную пасть, усаженную зубами, совсем не с научной точки зрения, а глазами жертвы.

К счастью, эти прожорливые животные обладают плохим зрением. Они пронеслись, не заметив нас, но слегка коснувшись нас своими темно-бурыми плавниками, и мы словно чудом избавились от угрожавшей нам опасности, наверное более серьезной, чем встреча в лесу с тигром.

Спустя полчаса, идя на электрический свет, мы достигли «Наутилуса». Наружная дверь была отворена, но, лишь мы вошли в первую камеру, капитан Немо тотчас ее затворил, затем нажал кнопку. Я услышал, как стали действовать помпы внутри судна, и почувствовал, что вода убывает, а через несколько минут она была вся выкачана. Тогда внутренняя дверь отворилась, и мы вошли в гардеробную.

Там мы не без труда сняли наши скафандры, и я, измученный, еле двигаясь от утомления и сонли-

вости, добрел до моей комнаты. Очарование этой подводной экскурсии, однако, меня не покидало.

Глава XVIII
Четыре тысячи лье под поверхностью Тихого океана

На следующий день, 18 ноября, я совершенно избавился от усталости, вызванной прогулкой, и вышел на палубу в то время, когда помощник капитана «Наутилуса» произносил свою ежедневную фразу. Эта фраза, как мне казалось, относилась к состоянию моря или, скорее всего, означала: «На море спокойно».

И действительно, океан был пустынен, нигде на горизонте не виднелось ни одного паруса. Остров Креспо успел за ночь скрыться из виду. Море, поглощая все цвета спектра, за исключением голубого, повсюду было окрашено в чудный цвет индиго.

В то время как я восхищался этим великолепным видом океана, появился капитан Немо. Он, как мне казалось, не замечал моего присутствия и тотчас же приступил к астрономическим наблюдениям. Затем, окончив их, облокотясь на клетку переднего фонаря, стал смотреть на поверхность океана.

Тем временем человек двадцать матросов «Наутилуса», все сильные и крепкого сложения люди, поднялись на палубу. Они пришли вытаскивать сети, закинутые ночью. Эти матросы принадлежали, по-видимому, к различным национальностям, но европейского типа. Я безошибочно узнал среди них ирландцев, французов, нескольких славян, одного грека и одного кандиота. Все эти люди были молчаливы, а если им и приходилось обращаться друг к другу, то они говорили на каком-то особенном языке, которого я не мог ни понять, ни определить его происхождение. Весьма понятно, что я должен был отказаться от расспросов. Сети были вытащены на палубу. Они напоминали собой скорее мешки и весьма походили на сети, употребляемые в Нормандии, — огромные мешки, отверстие которых поддерживается особым приспособлением. Эти мешки спущены были на дно океана и тащились по нему, собирая на своем пути все, что могли захватить. Сегодня лов оказался весьма удачным: сети были полны многими интересными видами рыб, которые вообще водятся в изобилии в водах Тихого океана. Так, например, в них попали: лягвы, которых за их комичные движения прозывают также и фиглярами; черные комерсоны с длинными

усиками; овальные балисты, испещренные красными полосками; тетродоны, яд которых сильно действует; оливкового цвета миноги; макроринкусы, покрытые серебряной чешуей; трихиурии, обладающие способностью наносить столь же сильные электрические удары, как и электрические угри; нотоптеры с поперечными полосами; зеленоватая треска; разные виды бычков и так далее; наконец, несколько пород более крупных размеров, длиною в метр; несколько весьма красивых бонит; три великолепных тунца, которых быстрота движений все же не спасла от сетей.

Я уверен, что сети принесли более тысячи фунтов рыбы, однако удивляться столь обильному улову не приходится. Надо помнить, что сети тащатся по дну в течение нескольких часов и захватывают в плен все, что встречают по пути. Вследствие быстрого хода «Наутилуса» и электрического света, привлекающего морских обитателей, мы никогда не терпели на судне недостатка в превосходном рыбном столе.

Вся эта ночная добыча была немедленно спущена в камбуз, некоторая ее часть была предназначена для хранения в свежем виде, другая — для заготовки впрок.

Когда рыба была убрана и судно возобновило

запас воздуха, я, будучи уверен, что «Наутилус» снова отправится подводным ходом, направился в свою каюту, как вдруг капитан Немо обратился ко мне со следующими словами, без всякого приветствия:

— Взгляните, господин профессор, на этот океан; разве он не живет настоящей жизнью? Разве у него нет своей вражды, своей привязанности? Вчера он заснул, как и мы, а сегодня встал после спокойной ночи.

Я никогда не слышал от этого странного человека пожелания доброго дня или спокойной ночи, он всегда обращался ко мне, словно продолжая начатый разговор.

— Смотрите, — говорил капитан, — он пробуждается под ласками солнца! Он снова обращается к своей дневной деятельности. Очень интересно изучить игру его организма. Он имеет пульс, артерии, с ним бывают спазмы, и я вполне доверяю ученому Мори, открывшему в нем такое же реальное круговращение, как и циркуляция крови у животных.

Несомненно, что капитан Немо не рассчитывал получить от меня ответ. К тому же он, вернее всего, разговаривал сам с собой и с длинными паузами между фразами; он рассуждал вслух.

— Да, — сказал он, — океан обладает настоящим круговращением. Творцу мира было достаточно для этого дать ему тепло, соль и микроскопических животных. И действительно, тепло порождает различие плотности, которое вызывает течения в определенном направлении. Испарение, ничтожное в полярных странах, в странах экваториальных, наоборот, очень сильно, и это различие вызывает постоянный обмен вод экваториальных с полярными водами. Помимо того, я наблюдал также течения сверху вниз и снизу вверх, которые и составляют настоящее дыхание океана.

Я проследил, как частица, нагретая у поверхности океана, опускалась в его глубину, достигала своей наибольшей плотности при двух градусах ниже нуля, затем, охладившись еще более, становилась легче и поднималась к его поверхности. Вы у полюсов увидите следствие этого феномена и поймете, что в силу этого закона предусмотрительной природы замерзание воды может происходить только на ее поверхности.

В то время, когда капитан Немо стал произносить последнюю фразу, я подумал: «Полюс! Неужели эта отважная личность намеревается вести нас туда?»

Между тем капитан замолчал и смотрел на ту стихию, которая так полно и продолжительно им изучалась.

Он снова заговорил:

— Соли находятся в море в огромном количестве, и если бы вам удалось все их собрать из раствора, то вы получили бы массу объемом в четыре с половиной миллиона кубических миль; мы могли бы покрыть солью всю землю слоем толщиной в десять метров. Не считайте присутствие этих солей за каприз природы! Нет. Они задерживают испарение морской воды, а затем препятствуют ветрам уносить слишком большое количество паров, ибо в противном случае страны умеренных поясов подвергались бы страшному наводнению. Роль солей громадна, они — регулятор в общей экономии земного шара.

Капитан Немо снова замолк. Он поднялся, прошел несколько шагов по палубе и возвратился ко мне.

— Что касается инфузорий, — продолжал он, — миллиардов миллиардов этих микроскопических существ, которых насчитывают миллионами в одной капле и восемьсот тысяч которых весят не более миллиграмма, то их роль не менее

значительна. Они поглощают морские соли, ассимилируют известные части воды и являются истинными создателями известковых материков в виде кораллов и полипов! А затем капля воды, лишившись своего минерального содержания, становится легче и поднимается на поверхность; в ней растворяются оставшиеся от испарения соли; теперь она становится тяжелее, опускается ниже и приносит микроскопическим животным новые элементы для поглощения. Отсюда двойное течение — восходящее и нисходящее, постоянное движение, постоянная жизнь! Жизнь, более интенсивная, чем на континентах, более разнообразная, более бесконечная, развивается во всех частях океана, в стихии, убийственной для человека, как говорят, но благотворной для миллиардов животных и для меня!

Говоря это, капитан Немо преображался, возбуждая во мне волнение.

— Да, — добавил он, — вот где истинная жизнь! И я убежден в возможности основания подводных городов, строительства подводных домов, которые так же, как и «Наутилус», будут для дыхания каждое утро подыматься на поверхность моря, городов свободных, независимых! Но кто знает, быть может, какой-нибудь деспот…

Он оборвал свою фразу с яростным жестом. Затем обратился прямо ко мне, как будто желал прогнать мрачную мысль:

— Господин Аронакс, известна ли вам глубина океана?

— Да, по крайней мере, я знаком с результатами, добытыми измерениями.

— Можете вы их сообщить, чтобы я при случае их проверил?

— Вот некоторые из них, — ответил я, — которые удержались у меня в памяти. Если не ошибаюсь, в северной части Атлантического океана найдена глубина в восемь тысяч двести метров, а в Средиземном море — в две с половиной тысячи метров. Самые замечательные измерения сделаны в южной части Атлантики около тридцать пятого градуса, и они показали двенадцать тысяч метров. Словом, полагают, что, выровняв морское дно, получили бы глубину около семи километров.

— Прекрасно, господин профессор, — ответил капитан Немо, — но надеюсь показать вам нечто большее. Что же касается средней глубины этой части Тихого океана, то она не превосходит четырех тысяч метров.

Сказав это, капитан Немо направился к люку,

ведущему на лестницу. Я последовал за ним и вошел в салон. Гребной винт пришел немедленно в движение, и лаг указывал на скорость двадцать миль в час.

В течение ближайших недель капитан Немо редко появлялся. Мне пришлось его видеть в короткие промежутки времени. Его помощник регулярно определял на карте место нашего нахождения, что давало и мне возможность знать совершенно точно путь, которого придерживался «Наутилус».

Консель и Ленд проводили со мной многие часы. Консель рассказал своему другу о тех чудесах, очевидцем которых ему пришлось быть во время нашей прогулки, и канадец весьма часто сожалел, что не сопровождал нас. Впрочем, я надеялся, что представится случай еще раз посетить океанические леса.

Почти каждый день отворялись на несколько часов ставни окон салона, и наши глаза не уставали созерцать тайны подводного мира.

«Наутилус» держался главным образом направления на юго-восток и плыл на глубине от ста до полутораста метров. Но однажды, я не знаю по какому капризу, углубляясь по диагонали, он опустился на две тысячи метров. Термометр

показывал температуру окружающей нас воды в четыре целых двадцать пять сотых градуса, то есть температуру, общую на такой глубине для всех морей и океанов.

26 ноября, в половине четвертого утра, «Наутилус» прошел через тропик Рака под 172° долготы. 27-го он прошел мимо Сандвичевых островов, где погиб знаменитый Кук. К этому времени нами было пройдено, со дня нашего отъезда, четыре тысячи шестьсот восемьдесят миль. Утром, когда я взошел на палубу, я увидел на расстоянии двух миль, под ветром, Гавайи, самый значительный остров этого архипелага. Я ясно различал его побережье, видел его горные кряжи, которые шли параллельно берегу, и его вулканы, из числа которых Мауна-Кеа возвышается на пять тысяч метров над морским уровнем. В наши сети попалось несколько экземпляров полипов весьма грациозной формы.

«Наутилус» продолжал идти на юго-восток. 1 декабря он пересек под 142° долготы экватор, и 4-го числа того же месяца, после быстрого перехода, мы достигли Маркизских островов. Я заметил пик на главном острове этой группы и лесистые горы, но этим и ограничился, так как капитан Немо не любил приближаться к берегам.

Здесь в наши сети угодили прекрасные виды рыб: корифены с лазоревыми плавниками, с мясом которых по вкусу не может соперничать ни одна рыба; коралловые губаны почти без чешуи, но замечательно вкусные; коралловые рыбки-осторинки с костяными челюстями; желтоватые тасары, не уступающие макрели; все они заслужили высокую оценку за столом корабля.

Покинув эти прекрасные острова, состоящие под протекторатом Франции, «Наутилус» прошел в пустынной местности океана около двух тысяч миль. Это плавание можно отметить встречей с несметной толпой кальмаров, любопытных моллюсков, родственных каракатицам. Французские рыболовы называют их «летучие волосатики». Они принадлежат к классу головоногих, к семейству двужаберных, к которому причисляются каракатицы и аргонавты. Эти животные тщательно изучались древними натуралистами и служили как метафорами для ораторов агоры, так и лучшим блюдом за столом богатых граждан, если верить Атенею, греческому врачу, жившему до Галена.

Это было ночью на 10 декабря, когда «Наутилусу» пришлось встретиться с армией моллюсков, животных исключительно ночных. Считать их

приходилось бы миллионами. Они мигрировали из умеренных зон в более жаркие, идя вслед сельдям и сардинам. Мы их рассматривали сквозь толстые хрустальные стекла, наблюдали, как они пожирали небольших рыб и моллюсков и в то же время служили добычей более крупным моллюскам. Несмотря на быстрый ход «Наутилуса», ему пришлось плыть в окружении этих животных в течение нескольких часов. Среди них я узнал девять видов, указанных д'Орбиньи.

Во время этого перехода море дарило нас чудными зрелищами и варьировало их до бесконечности. Оно меняло декорации, чтобы поражать наши взоры, и мы имели удовольствие не только созерцать в этой жидкой стихии красоты природы, но и проникнуть в самые глубокие тайны океана.

11 декабря я сидел в большом салоне, занимаясь чтением. Нед Ленд и Консель смотрели сквозь окно в светящуюся воду. «Наутилус» был неподвижен и находился на глубине тысячи метров, в том слое воды, в который спускаются только весьма крупные рыбы, и то изредка. Я читал в это время прекрасное сочинение Жана Масэ «Слуги желудка», как внезапно Консель прервал мое чтение.

— Не пожелает ли господин прийти к нам на минуту! — воскликнул каким-то особым голосом Консель.

— Что там такое, Консель?

— Пусть господин взглянет.

Я встал, подошел к окну и стал смотреть.

При ярком электрическом освещении я увидел огромную черную массу, которая висела в воде. Я стал ее внимательно рассматривать, желая узнать натуру этого гигантского китообразного животного. Но вдруг меня поразила догадка.

— Корабль! — вскрикнул я.

— Да, — ответил канадец, — разбитый и потонувший корабль.

Нед Ленд не ошибся. Мы видели корабль, ванты которого висели на своих цепях. Корпус корабля, казалось, был крепок, и его гибель произошла, несомненно, несколько часов назад. Три остатка мачт, срубленных на расстоянии двух футов от палубы, указывали, что судно должно было пожертвовать своим рангоутом. Оно лежало на левом борту.

Грустное зрелище представлял собой этот баркас, погибший в волнах, но еще более грустное чувство вызывал вид его палубы, на которой лежало несколько трупов, связанных веревками. Я

насчитал четыре трупа — четырех мужчин, причем один из них стоял у руля; затем я увидел еще женский труп с ребенком на руках, наполовину высунувшийся из решетки юта. Это была молодая женщина. Я мог, благодаря сильному освещению с «Наутилуса», отчетливо рассмотреть черты ее лица, еще не успевшие разложиться. В последних усилиях на спасение она подняла над головой своего ребенка, руки которого обнимали шею матери. Положение тел четырех моряков с искаженными лицами, по-видимому напрягавших все усилия, чтобы освободиться от связывающих их веревок, казалось мне ужасным. Только один из них — рулевой, — более спокойный, с открытым и серьезным лицом, с поседевшими волосами, держал руки на рулевом колесе и, казалось, продолжал управлять своим трехмачтовым судном в глубине океана.

Какая сцена! Мы онемели, сердца наши трепетали, созерцая это кораблекрушение, так сказать сфотографированное в его последнюю минуту. И я уже видел приближающихся огромных акул с горящими глазами, привлеченных запахом человеческого мяса.

Между тем «Наутилус», маневрируя, обошел этот потонувший корабль, и мне удалось про-

честь на его корме надпись:
«Флорида, Сандерланд».

Глава XIX
Ваникоро

Это ужасное зрелище открывало целую серию морских катастроф, которые предстояло встретить «Наутилусу» на своем пути. Все чаще встречались нам гниющие останки кораблей и валявшиеся на дне пушки, ядра, якоря, якорные цепи и тысячи различных железных предметов, покрытых ржавчиной.

Оставаясь по-прежнему пленниками «Наутилуса» и живя в уединении, 11 декабря мы ознакомились с архипелагом Паумоту, окрещенным некогда Бугенвилем «Опасной группой»; этот архипелаг тянется на протяжении пятисот лье от востоко-юго-востока к западо-северо-западу, между 13° 30′ и 23° 50′ южной широты и 125° 30′ и 151° 31′ западной долготы, от острова Люси до острова Лазарева. Поверхность архипелага равняется 370 квадратным милям; он включает в себя группу Гамбье, находящуюся под протекторатом Франции. Все острова кораллового происхождения. Медленное, но непрерывно продолжающееся их повышение, как результат

работы полипов, предвещает, что со временем все они соединятся между собой. Затем этот новый остров значительно позже соединится с соседними архипелагами, и пятый сплошной материк протянется от Новой Зеландии и Новой Каледонии до Маркизских островов.

Однажды, когда я развивал эту теорию перед капитаном Немо, он мне холодно ответил:

— Земля нуждается не в новых материках, а в новых людях!

Некоторые случайные обстоятельства во время плавания заставили «Наутилус» подойти к острову Клермон-Тоннер, одному из интереснейших в этом архипелаге, открытому в 1822 году Беллом, капитаном судна «Минерва». Таким образом, я получил возможность изучать мадрепорическую систему образования островов в этом океане.

Кораллы мадрепоровые не нужно смешивать с другими их видами; они покрываются известковой коркой, а вариации в их строении дали основания моему знаменитому учителю Мильну Эдвардсу подразделить их на пять секций. Миллиарды этих микроскопических существ, которые живут в отдельных ячейках, создают колонии полипов. Их известковые отложения создают утесы, рифы, островки и острова. Именно

они образуют окружность, формирующую лагуну или маленькое внутреннее озерцо, которое протоками соединяется с морем. Они же возводят барьерные рифы, схожие с рифами берегов Новой Каледонии и многих островов Паумоту. В других местах, таких как острова Реюньон и Маврикий, они возводят рифовые утесы, высокие отвесные стены, у основания которых глубины океана достигают значительных размеров.

Когда мы погрузились всего на несколько кабельтовых вблизи острова Клермон-Тоннер, я смог отдать должное гигантскому творению, созданному такими микроскопическими тружениками, восхититься ими. Эти утесы — творение мадрепоровых кораллов, известных также под названиями коралловых полипов, поритов, звездчатых и меандрин. Полипняки селятся в основном неглубоко от поверхности воды, и здесь начинается формирование рифа. Постепенно они спускаются ниже вместе с продуктами своей жизнедеятельности, которые их поддерживают. По крайней мере, об этом говорит теория Дарвина, объяснившего таким образом принцип формирования атоллов, — теория, на мой взгляд, более достоверная, чем утверждения иных ученых, полагающих, что основой для образования

полипняков служат вершины гор или вулканы, погруженные в море на несколько футов.

Мне удалось с очень близкого расстояния наблюдать эти причудливые известняковые склоны, которые переливались в свете наших электрических огней, их протяженность в глубину составляла более трехсот метров.

Отвечая Конселю на его вопрос о продолжительности времени, необходимого для создания таких колоссальных барьеров, я его весьма удивил, сообщив, что ученые определяют приращения не более одной восьмой дюйма в столетие.

— Стало быть, чтобы построить эти стены, — сказал он, — потребовалось…

— Сто девяносто две тысячи лет, мой дорогой Консель. Добавлю, между прочим, что не меньше нужно было для образования каменного угля путем минерализации потопленных наводнением лесов, а для охлаждения базальтовых утесов потребовались еще более продолжительные сроки. Но ведь и дни Сотворения мира, о которых говорит Библия, предполагают целые эпохи, а не время между восходом и закатом солнца; согласно Писанию, и само солнце создано Творцом не в первый день.

Когда «Наутилус» поднялся на поверхность оке-

ана, я мог обнять взором почти всю низменную и лесистую площадь острова Клермон-Тоннер. Стало очевидно, что плодородию его мадрепоровых утесов способствовали смерчи и бури. Зерно, унесенное ураганом с соседних земель, попало на эти известковые слои, удобренные разлагающимися остатками рыб и морских растений, образовавших почву, годную для жизни растений. Кокосовый орех, выброшенный волнами, стал произрастать на острове. Выросшие деревья задерживали влагу — образовались ручьи. А пока распространялась растительность, на стволах деревьев, вырванных ветром на соседних островах, приплыли к берегу низшие животные, черви, насекомые. Черепахи стали класть яйца на молодых деревьях, птицы стали вить гнезда. Таким путем развилась животная жизнь, и наконец, привлекаемый зеленью и плодородием почвы, появился человек. Таков конечный результат работы ничтожных микроскопических животных.

К вечеру Клермон-Тоннер исчез вдали, и «Наутилус» сменил курс. Дойдя до тропика Козерога под 135° долготы, он направился на западо-северо-запад и прошел весь тропический пояс. Хотя летнее солнце и посылало свои знойные лучи, однако мы ничуть не страдали от жары, так как

на глубине тридцати или сорока метров температура воды не превышает десяти — двадцати градусов.

15 декабря мы шли в западном направлении и прошли на близком расстоянии мимо архипелага Товарищества и острова Таити. Воды архипелага доставили в столовую «Наутилуса» превосходную и весьма разнообразную рыбу, как, например, марбель, бонит, албикорь, особый вид морских угрей.

«Наутилус» прошел восемь тысяч миль, считая по прямому расстоянию. Если же считать пройденный им путь по лагу с захождением в стороны, то пройденное им расстояние оказывалось в девять тысяч семьсот двадцать миль; сюда следует включить архипелаг Тонга-Табу, где погибли корабли «Араго», «Порт-о-Пренс» и «Дюк оф Портланд»; архипелаг Мореплавателей, где убили капитана Лангля, друга Лаперуза, и затем архипелаг Фиджи, где были умерщвлены туземцами команда корабля «Юнион» и капитан Бюро, командир нантского судна «Любезная Жозефина».

Последний архипелаг простирается на сто миль от севера к югу и на девяносто миль от востока к западу, между 6° и 2° южной широты и 174° и

179° западной долготы. Он состоит из многих островов, островков и рифов, из числа которых замечательны острова Вити-Леву и Кандюбон.

Эта группа была открыта в том же 1643 году, когда Торичелли изобрел барометр, а Людовик XIV взошел на престол. Предоставляю читателю оценить, которое из этих трех событий принесло всего более пользы человечеству. Затем, в 1774 году, архипелаг посетил Кук, в 1793 году — д'Антркасто и, наконец, в 1827 году — Дюмон-Дюрвиль, которому удалось разобраться в географическом хаосе этого архипелага. «Наутилус» подходил и к бухте Вайлеа, театру ужасных приключений капитана Дилона, которому удалось разгадать тайну кораблекрушения Лаперуза.

Бухта изобиловала прекрасными устрицами, которых мы ели в самом свежем виде и, по наставлению Сенеки, вскрывали за столом. Эти моллюски принадлежали к виду, известному под названием ostrea lamellosa, встречаемому на острове Корсика. Устричная мель Вайлеа должна быть весьма велика, и, конечно, если бы не было различных причин, вызывающих истребление устриц, то они бы давным-давно запрудили бухты, так как каждая из них откладывает до двух миллионов яичек.

Если Неду Ленду не пришлось раскаиваться в своем обжорстве, то единственно потому, что устрицы не вызывают расстройства желудка. И действительно, необходимо не менее шестнадцати дюжин этих безголовых моллюсков, чтобы получить триста пятнадцать граммов азотистого вещества, необходимого для ежедневного питания человека.

25 декабря «Наутилус» вошел в Ново-Гебридский архипелаг, который открыл в 1606 году Квирос, в 1768 году исследовал Бугенвиль и которому Кук в 1773 году дал нынешнее название. Эта группа состоит главным образом из девяти больших островов и образует полосу в сто двадцать миль от северо-северо-запада к юго-юго-востоку, между 15° и 2° южной широты и 164° и 168° долготы. Мы прошли весьма близко от острова Ору, который во время моих полуденных наблюдений показался мне весь в зелени; посреди него красуется весьма высокая остроконечная гора. В этот день было Рождество, и Нед Ленд, как мне казалось, сильно сожалел, что не может праздновать этот праздник в среде протестантов.

Прошло восемь дней, в продолжение которых я не видел капитана Немо. Но 27 декабря, утром, он вошел в большой салон с видом человека,

который покинул вас всего пять минут назад.

В этот момент я разыскивал на полушарии путь «Наутилуса». Капитан подошел ко мне, указал пальцем на карте точку и произнес только одно слово:

— Ваникоро.

Так назывались островки, у которых погибли корабли Лаперуза. Я поспешно встал.

— «Наутилус» идет к Ваникоро? — спросил я.

— Да, господин профессор, — ответил он.

— И я могу посетить эти знаменитые острова, где разбились «Буссоль» и «Астролябия»?

— Если вы желаете, господин профессор.

— Когда мы будем у Ваникоро?

— Мы уже подошли, господин профессор.

Следуя за капитаном Немо, я взошел на палубу и отсюда стал жадно всматриваться в горизонт.

На северо-востоке возвышались два различной величины острова вулканического происхождения, окруженные подводным коралловым рифом в сорок миль в окружности. Мы находились перед самым островом Ваникоро, переименованным Дюмон-Дюрвилем в остров Открытия, и как раз перед маленькой гаванью Вану, лежащей под 16° 4′ южной широты и 164° 32′ восточной долготы. Весь остров был покрыт зеленью, от морского

берега до расположившейся посреди его горы Капого, возвышавшейся на четыреста семьдесят шесть туазов.

«Наутилус», обойдя внешнюю ограду из скал, вошел через узкий проход в гавань, глубина которой доходила до сорока сажен. Под тенью зеленеющих деревьев я увидел человек двенадцать дикарей, с величайшим изумлением смотревших на приближавшийся к их берегу «Наутилус». Черноватое длинное тело, двигавшееся на поверхности вод, наверное, должно было им показаться огромным китообразным животным, которого следует остерегаться.

В эту минуту капитан Немо меня спросил, что мне известно о гибели Лаперуза.

— То, капитан, что известно всему миру, — ответил я.

— А вы можете мне сообщить, что известно всему миру? — спросил он не без иронии.

— Очень легко!

И я ему рассказал о последних трудах Дюмон-Дюрвиля по исследованию гибели Лаперуза, результаты которых изложу в нескольких словах.

Лаперуз и старший при нем офицер де Лангль были посланы Людовиком XVI в 1785 году для

кругосветного плавания. Они отправились на кораблях «Буссоль» и «Астролябия» и не возвратились.

В 1791 году французское правительство, встревоженное участью двух корветов, снарядило два больших судна — «Решерш» и «Эсперанс». 28 сентября оба корабля, под командой Бруни д'Антркасто, вышли из Бреста. Спустя два месяца, по донесению командира «Альбермала», небезызвестного Бовена, на берегах Новой Георгии им были найдены обломки корветов. Д'Антркасто, не получивший этого известия, к тому же весьма сомнительного, направился к островам Адмиралтейства, согласно рапорту капитана Гунтера, который указывал им местность, где потерпел кораблекрушение Лаперуз.

Исследования были напрасны. «Эсперанс» и «Решерш» прошли мимо Ваникоро, даже не останавливаясь; в итоге это путешествие было неудачно и несчастливо, так как стоило жизни д'Антркасто, двум капитанам кораблей и многим матросам.

Позже опытный моряк, хорошо знавший Тихий океан, капитан Дилон, отыскал несомненные следы погибших корветов. 15 мая 1824 года его корабль «Святой Патрик» проходил мимо одного

из Гебридских островов — острова Тикопиа. Там один из туземцев, приплывший на пироге, подал ему серебряный эфес шпаги, на котором сохранились следы вырезанного инициала. Туземец сообщил, что шесть лет назад на острове Ваникоро жили два европейца, принадлежавшие к экипажу корветов, разбившихся много лет тому назад о подводные рифы острова.

Дилону сразу стало понятно, что речь шла о корветах Лаперуза, исчезновение которых волновало весь мир. Он хотел остановиться у Ваникоро, где, по словам того же туземца, было много обломков кораблей; но ветер и течение помешали ему осуществить это желание.

Дилон направился в Калькутту. Там он сумел заинтересовать своим открытием «Азиатское общество» и Ост-Индскую компанию. Ему предоставили в полное распоряжение корабль, который назвали «Решерш». 23 января 1826 года Дилон вышел в море; его сопровождал французский агент.

«Решерш» после многих остановок в различных пунктах Тихого океана 7 июля 1827 года бросил якорь в той самой бухте, где находился теперь «Наутилус».

Дилону удалось найти многие остатки погибших кораблей: инструменты, якоря, блоки,

камнеметную мортиру, пушечное ядро весом в восемнадцать фунтов, обломки астрономических инструментов и медный колокол с надписью «Отлит Базеном», с клеймом и литерой двора Брестского арсенала и датой «1785 год». Сомнению не оставалось места.

С целью произвести более обстоятельное исследование Дилон пробыл на острове еще месяц. Затем, покинув Ваникоро, направился к Новой Зеландии и 7 апреля 1828 года бросил якорь в Калькутте. По возвращении их во Францию он был принят королем Карлом X. В это время Дюмон-Дюрвиль, ничего не знавший об экспедиции Дилона, отправился в другую сторону отыскивать место кораблекрушения Лаперуза. И действительно, по сообщениям одного китобойца и дикарей, населяющих Лузиад и Новую Каледонию, найдены были орден Святого Людовика и медали.

Дюмон-Дюрвиль, капитан «Астролябии», вышел в море и бросил якорь у Гобарт-Тоуна спустя два месяца после того, как Дилон покинул Ваникоро. Здесь он узнал о результатах, добытых Дилоном, и, помимо того, получил сведения, что некий Джеймс Гоббс, помощник капитана «Юниона» из Калькутты, высадился на острове,

лежащем под 8° 18′ южной широты и 156° 30′ восточной долготы, и что у жителей этого острова находятся в употреблении железные брусья и красная материя. Дюмон-Дюрвиль, мало доверяя газетным известиям, находился в затруднительном положении, пока не решил отправиться по следам Дилона.

10 февраля 1828 года «Астролябия» остановилась перед Тикопиа, взяла поселившегося на этом острове дезертира в качестве проводника и переводчика, отправилась в Ваникоро, прибыла туда 12 февраля, обогнула около 14-го его подводные рифы и около 20-го числа, обойдя опасную преграду, бросила якорь в бухте Вану. 23-го многие офицеры с «Астролябии» сошли на остров, обошли его вокруг и принесли с собой несколько незначительных обломков. Туземцы, руководствуясь особыми соображениями, не указывали места катастрофы. Это их поведение, в свою очередь, вызывало подозрение, что они очень дурно обращались с потерпевшими кораблекрушение; вероятно, они боялись, что Дюмон-Дюрвиль прибыл мстить за несчастных спутников Лаперуза.

Благодаря подаркам и уверениям, что «Астролябия» прибыла только для исследования причин гибели экспедиции Лаперуза, туземцы решились

указать место кораблекрушения, что и исполнили 26-го числа, отправившись на место крушения вместе с помощником капитана Жаконо.

Там, на глубине трех или четырех сажен, между рифами Паку и Вану, найдены были якоря, пушки и слитки свинца, покрытые толстым известковым слоем. Посланные с «Астролябии» с экипажем к этому месту вытащили с большим трудом якорь, весивший восемьсот фунтов, восьмифунтовую литую пушку, слиток свинца и две медные мортиры.

Из расспросов туземцев Дюмон-Дюрвиль узнал, что Лаперуз, потеряв оба судна, разбившиеся о подводные рифы, построил небольшое судно, чтобы… вторично погибнуть… где? Никто не знает.

Капитан «Астролябии» распорядился поставить знаменитому мореплавателю и его товарищам памятник в виде четырехгранной пирамиды на возвышении, устроенном из кораллового туфа, в ней не было никаких металлических украшений или скрепов, чтобы не возбуждать алчности дикарей.

Дюмон-Дюрвиль намеревался отправиться тотчас, но экипаж его был изнурен распространенными в этой нездоровой местности лихорадками; к тому же сам он был болен и мог сняться с якоря

только 17 марта.

Между тем французское правительство, ввиду того что труды Дилона могли быть неизвестны Дюмон-Дюрвилю, послало в Ваникоро корвет «Байонез», под командой Легоарана де Тромлена, который находился у западного берега Америки. «Байонез» пришел в Ваникоро спустя несколько месяцев по отплытии «Астролябии». Он не нашел там никаких документов, но мог констатировать, что дикари пощадили мавзолей Лаперуза. Таково было содержание моего рассказа капитану Немо.

— Следовательно, — ответил он мне, — до сих пор неизвестно, где погибло третье судно, построенное потерпевшими кораблекрушение на острове Ваникоро?

— Неизвестно.

Капитан Немо, ничего не ответив, дал мне знак следовать за ним в большой салон. «Наутилус» погрузился на глубину нескольких метров, ставни раздвинулись. Я бросился к окну, и под слоями кораллов, покрытых грибовидными сифонулями, альционами, кариофилами, среди мириад прелестных рыб, глифисидонов, помферидов, диаколей и жабошилов, я увидел обломки судна, которые нельзя было вытащить драгой, железные скобы, якоря, пушки, ядра, ворот с при-

надлежностями, форштевень и другие предметы, принадлежавшие погибшим кораблям и теперь покрытые живыми цветами.

И в то время, когда я рассматривал эти печальные обломки, капитан Немо сказал мне каким-то особо важным голосом:

— Капитан Лаперуз вышел со своими кораблями «Буссоль» и «Астролябия» 7 декабря 1785 года. Он высадился в Ботани-Бей, затем посетил архипелаг Товарищества, Новую Каледонию, отсюда направился к Санта-Крузу и пристал к Намуку — одному из островов группы Гавайев. «Буссоль», шедшая впереди, села на мель у южного берега. «Астролябия» пошла к ней на помощь и также села на мель. Первый корабль почти тотчас же разрушился. Второй же, севший на мель под ветром, продержался несколько дней. Туземцы встретили потерпевших крушение довольно гостеприимно. Последние поселились на острове и построили себе из обломков обоих кораблей небольшое судно. Несколько матросов добровольно остались в Ваникоро, остальные, истощенные, больные, отплыли вместе с Лаперузом. Они направились к Соломоновым островам и все погибли на берегу главного острова этой группы, между мысами Разочарование и Удовле-

творение.

— Но откуда это вам известно? — воскликнул я.

— Вот что я нашел на месте последнего кораблекрушения.

И капитан Немо показал мне жестяной ящик с французскими штемпелями, весь изъеденный морской водой. Он его открыл, и я увидел связку бумаг, пожелтевших, но которые можно было читать.

Это были инструкции самого морского министра капитану Лаперузу с собственноручными пометками на полях Людовика XVI.

— Для моряка это завидная смерть! — воскликнул капитан Немо. — И такая покойная коралловая могила! И да захочет Небо, чтобы я и мои товарищи не имели иной.

Глава XX
Торресов пролив

В ночь с 27 на 28 декабря «Наутилус» покинул Ваникоро, пройдя пролив между островами с изумительной быстротой. Он взял направление на юго-запад и за три дня прошел семьсот пятьдесят миль, иначе говоря, все расстояние, отделяющее группу островов Лаперуза от юго-восточной стороны Новой Гвинеи. 1 января 1868 года Консель явился ко мне на палубу.

— Господин профессор, — обратился он ко мне, — позвольте пожелать вам счастливого года.

— Благодарю за доброе пожелание. Однако я хотел бы знать, что ты подразумеваешь под «счастливым годом» в тех обстоятельствах, в которых мы находимся? Год, в котором окончится наше пленение, или год, в котором будет длиться это наше странное путешествие?

— Право, — ответил Консель, — я не сумею вам ответить. Конечно, вы встречали весьма любопытные вещи и в продолжение этих двух месяцев не имели времени скучать. Последнее

увиденное чудо поражает сильнее всего, и если так будет дальше, то я не представляю, когда все это закончится. Мое мнение, что нам более никогда не выпадет такой случай.

— Никогда, Консель?

— Господин Немо вполне оправдывает свое латинское имя и нисколько нас не стесняет, словно он и не существует на свете.

— Ты прав, Консель.

— Я полагаю, не знаю, как это вам понравится, что счастливым годом следует считать такой, в котором удается многое узнать и все увидеть.

— Все увидеть, Консель? Это будет очень продолжительно. А вы, Нед Ленд, какого мнения?

— Нед Ленд совершенно противоположного мнения, — ответил за канадца Консель. — Это человек с положительным умом и требовательным желудком. Постоянно смотреть на рыб и ими питаться — это для него недостаточно. Недостаток в хлебе, в мясе, в вине — чувствительное лишение для саксонца, привыкшего к бифштексам и которому по душе придется приличная порция джина.

— Что касается меня, Консель, это меня не тревожит, и я весьма доволен пищей, которой нас кормят.

— И я также, — ответил Консель. — К тому же насколько Нед Ленд желает бежать с судна, настолько я желаю остаться здесь. Следовательно, если наступивший год будет несчастлив для меня, то, наоборот, весьма счастлив для него, и, таким образом, как всегда, кто-нибудь получит удовлетворение. В заключение же я приношу благое пожелание господину профессору всего, чего он сам желает.

— Спасибо, Консель, прошу только отложить вопрос о подарках до более удобного времени, а пока ограничиться крепким пожатием руки. Больше предложить ничего не могу.

— Господин профессор никогда не был так щедр, — ответил Консель.

Поздравление с Новым годом окончилось, и Консель удалился. Ко 2 января мы сделали 11 тысяч 340 миль, считая все пройденное расстояние со дня нашего выхода из Японского моря. Перед «Наутилусом» расстилалось опасное Коралловое море северо-восточного берега Австралии. Наше судно находилось всего в нескольких милях от ужасного рифа, где 10 июня 1770 года едва не погибло судно Кука. Корабль, на котором он плыл, ударился об утес, и если не потонул, то только благодаря тому обстоятельству, что отбитый от

толчка кусок утеса плотно застрял в образовавшейся в судне пробоине.

Мне весьма хотелось посетить этот подводный риф длиной триста шестьдесят миль, о который со страшной силой и шумом, похожим на раскаты грома, разбивалось вечно волнующееся море. Но в это время «Наутилус» опустился в глубину, и мне не удалось увидеть высоких коралловых стен. Я должен был довольствоваться различными породами рыб, попавших в наши сети. В числе их находился великолепный экземпляр тунца, из породы макрелей, с поперечными полосами на голубоватом брюхе, исчезающими вместе с жизнью животного. Эта порода рыб сопровождала нас целыми стаями, они снабжали нас весьма нежным и вкусным мясом. Пойманы были в большом количестве летучки, эти настоящие подводные ласточки, которые в темные ночи бороздят по всем направлениям воздух и воду полосками фосфорического света. Спустя два дня по прохождении Кораллового моря, 4 января, мы ознакомились с берегами Папуа. По этому случаю капитан Немо сообщил мне о своем намерении пройти в Индийский океан через Торресов пролив. Более он не прибавил ни слова.

Нед Ленд весьма обрадовался, узнав, что мы

приближаемся к европейским морям.

Торресов пролив опасен своими подводными рифами. Он отделяет от Новой Голландии большой остров Папуа, называемый также Новой Гвинеей.

Папуа, или Новая Гвинея, имеет четыреста лье в длину и сто тридцать лье в ширину; поверхность ее равняется сорока тысячам квадратных географических лье. Она лежит между 0° 11′ и 10° 2′ южной широты и между 128° 23′ и 146° 15′ долготы.

В полдень, когда помощник капитана измерял высоту солнца, я увидел цепь Арфальских гор, поднимавшихся террасами и оканчивавшихся остроконечными вершинами.

Этот остров был открыт в 1511 году португальцем Франциско Серрано и посещаем последовательно: Хосе де Менезесом — в 1526 году, Грихальвой — в 1527 году, испанским генералом Альваром де Сааведрой — в 1528 году, Хуго Ортесом — в 1545 году, голландцем Саутеном — в 1616 году, Никола Срюиком — в 1753 году, затем Тасманом, Дампиером, Фюмелем, Картере, Эдвардсом, Бугенвилем, Куком, Форрестом, Мак-Клуром и д'Антркасто — в 1792 году, Дюппере — в 1823 году и Дюмон-Дюрвилем — в 1827 году. «Это центр

чернокожих, населяющих всю Малайзию», — как выразился Риенци, и я ничуть не удивился бы, если бы обстоятельства нашего плавания поставили меня лицом к лицу с этими опасными дикарями.

«Наутилус» подошел ко входу самого опасного пролива на земном шаре, через который едва решаются переплывать наиболее смелые мореплаватели, который прошел Луис Торрес, возвращаясь из Южных морей в Меланезию, и в котором в 1840 году севшие на мель корветы Дюмон-Дюрвиля едва не погибли со всем экипажем. Даже «Наутилус», игнорировавший опасности в море, должен был остерегаться здешних коралловых рифов.

Ширина Торресова пролива достигает тридцати четырех лье, но он загромождeн бесчисленным множеством островов, островков, скал и бурунов, поэтому почти непроходим для судов. По той же причине и капитан Немо принял все меры предосторожности, чтобы переплыть его. «Наутилус», качаясь на поверхности, шел умеренным ходом. Его винт медленно разбивал воду. Пользуясь тем, что судно плывет по поверхности воды, я и оба моих компаньона вышли на палубу, которая, по обыкновению, была пуста. Передо мною возвы-

шалась рубка рулевого; если я не ошибаюсь, в ней находился Немо и сам управлял судном.

Я имел перед глазами превосходные карты Торресова пролива, составленные инженером-гидрографом Винценданом Дюмуленом и мичманом Купваном Дебуа, состоявшими при штабе Дюмон-Дюрвиля во время его последнего кругосветного плавания. Эти работы, как и труд капитана Кинга, являлись лучшими путеводными картами, предоставлявшими возможность разобраться в лабиринте проходов пролива. Я внимательно рассматривал карты.

Вокруг «Наутилуса» море яростно бушевало. Течение неслось от юго-востока к северо-западу со скоростью двух с половиной миль в час и разбивалось о коралловые утесы, разбросанные повсюду.

— Скверное море! — обратился ко мне Нед Ленд.

— Действительно, — ответил я, — оно непригодно даже для такого судна, как «Наутилус».

— Должно быть, — заметил канадец, — этот проклятый капитан досконально знает здешний путь — наскочи он на один из этого множества рифов, его судно разбилось бы вдребезги.

Действительно, положение было весьма опас-

ное, но «Наутилус» продолжал, словно по волшебству, ловко скользить среди этих ужасных рифов. Он не придерживался пути, принятого «Астролябией» и «Зеле», который был так фатален для Дюмон-Дюрвиля. Он шел в более северном направлении, прошел около острова Мурей и затем, направляясь на юго-восток, вошел в Кумберландский проход. Я полагал, что он врежется в берег, но он изумительно крутым поворотом избег этого и, продолжая лавировать среди многочисленных островов, как кажется безымянных, подошел к острову Тунд, откуда предстояло пройти так называемый Опасный канал.

Я невольно задавал себе вопрос, не рискует ли смелый до безумия капитан Немо пройти тем проливом, где сели на мель оба корвета Дюмон-Дюрвиля, но «Наутилус» снова круто изменил направление и, повернув прямо на запад, пошел к острову Гвебороар.

Было три часа пополудни. Прилив продолжался и достигал своей высшей точки; волнение стихало. «Наутилус» подошел к острову, который я до сих пор вижу перед собой окаймленным опушкой пандануса. Мы плыли вблизи и вдоль его берега на расстоянии двух миль.

Неожиданный сильный толчок заставил меня

упасть. «Наутилус» наткнулся на подводный риф и остановился неподвижно с небольшим креном влево.

Поднявшись, я увидел на палубе капитана Немо и его помощника. Они старались выяснить, в каком положении находится судно, ведя разговор на своем непонятном наречии.

Вот положение, в каком мы находились. В трех милях с правой стороны виднелся остров Гвебороар, северо-западный берег которого закруглялся, как огромных размеров рука. На востоке и юге обнажались, благодаря отливу, некоторые вершины коралловых рифов. Мы сели на мель, сняться с которой ввиду отсутствия в этих морях сильного течения было для «Наутилуса» весьма затруднительно. Судно нигде не было повреждено, так как был прочен его корпус, но все-таки являлась мысль, сможет ли «Наутилус» сняться с мели; в противном случае он был бы обречен на гибель. Во время этих размышлений ко мне подошел капитан Немо, неизменно спокойный, хладнокровный, вполне владеющий собой.

— Несчастье, — обратился я к нему.

— Нет, приключение, — ответил он.

— Но приключение, — возразил я, — которое может заставить вас обратиться в жителя земли,

чего вы стремитесь избежать.

Капитан Немо как-то странно на меня взглянул и сделал отрицательный жест. Этим он мне дал понять, что ничто не заставит его жить на суше. Затем он обратился ко мне:

— К тому же, господин Аронакс, «Наутилусу» не угрожает гибель — он вас еще перенесет в самую середину чудес океана. Наше путешествие только начинается, и я не рассчитываю так скоро лишиться вашего общества.

— Между тем, капитан Немо, — отвечал я, не обращая внимания на иронию фразы, — «Наутилус» сидит на мели в открытом море. В Тихом океане приливы слабы, и если вам не удастся выгрузить весь балласт, в чем я сильно сомневаюсь, то я не понимаю, каким образом вы сдвинете с мели судно.

— Вы правы, господин профессор, — ответил капитан Немо, — в Тихом океане не бывает сильных приливов, но в Торресовом проливе вода поднимается на полтора метра. Сегодня у нас 4 января, и через пять дней наступит время полной луны. Право, я был бы очень изумлен, если бы этот любезный спутник Земли отказался поднять массу воды и тем лишил бы меня услуги, которую я вполне готов принять.

Капитан Немо в сопровождении своего помощника спустился во внутреннее помещение «Наутилуса». Судно продолжало стоять неподвижно, словно коралловые полипы успели его укрепить своим неразрушимым цементом.

— Что хорошего, господин профессор? — обратился ко мне Ленд после ухода капитана Немо.

— Мы будем ожидать девятого числа — прилива и будем рассчитывать на любезность луны, которая потрудится сдвинуть судно с места.

— Это очень просто?

— Совсем просто!

— А этот капитан не желает поднять якоря и пустить вовсю свои машины, чтобы попробовать своими силами сдвинуть судно с места?

— К чему, когда совершенно достаточно одного прилива, — заметил Консель.

Канадец взглянул на Конселя и пожал плечами: в нем заговорил моряк.

— Сударь, — начал он, — вы можете мне верить, и я заявляю, что этот кусок железа более уже никогда не будет плавать ни под водой, ни на воде. Он только годен на продажу с веса. Я думаю, что наступило время покинуть общество капитана Немо.

— Друг Нед, — ответил я, — я далеко не разоча-

ровался в этом прекрасном «Наутилусе», и через четыре дня мы узнаем, какую услугу окажет прилив в Тихом океане. Затем, ваш совет бежать мог бы иметь значение в виду берегов Англии или Прованса, но не в проходах Папуа, и снова вам повторяю: всегда найдется время прибегнуть к этой крайности, если «Наутилус» не в состоянии будет сойти с мели.

— Нельзя ли, по крайней мере, сойти на берег! — воскликнул Нед Ленд. — Вот остров. На нем растут деревья. Под деревьями живут земные животные, и у меня прекрасный аппетит.

— В данном случае Нед прав, — заметил Консель, — и я присоединяюсь к его мнению. Не может ли господин попросить своего друга капитана Немо, чтобы он высадил нас на землю, хотя бы для того, чтобы не потерять привычки ходить по твердым частям нашей планеты.

— Я буду просить капитана, — ответил я, — но полагаю, что получу отказ.

— Если бы господин рискнул, — заявил Консель, — тогда бы мы, во всяком случае, узнали, насколько любезен капитан.

К великому моему изумлению, капитан Немо согласился на мою просьбу. Более того, его любезность и предупредительность простирались до

того, что он не потребовал обещания возвратиться на судно. Впрочем, путешествие через Новую Гвинею было сопряжено с большими опасностями, и я не посоветовал бы идти на такой риск Неду Ленду, так как лучше было оставаться пленником на «Наутилусе», чем попасть в руки туземцев Папуа. На следующее утро в наше распоряжение была предоставлена лодка. Я не старался узнать, будет ли нас сопровождать капитан Немо, полагая, что мы будем предоставлены самим себе и управлять лодкой будет Нед Ленд. К тому же расстояние до берега не превышало двух миль, и сильному канадцу потребовалось бы не более часа, чтобы провести свободно легкую лодку между рифами, столь опасными для больших судов.

На следующий день, 5 января, лодку вытащили из помещения и спустили с палубы на воду. Вся эта операция была легко исполнена двумя матросами. Весла были вставлены в уключины, и нам оставалось только сесть. В восемь часов, вооружившись электрическими ружьями и топорами, мы отчалили от «Наутилуса». Море было достаточно спокойно. Дул легкий береговой ветер. Консель и я сели за весла и гребли усердно, а Нед Ленд управлял лодкой, которой приходилось проходить узкие проходы, образовавшиеся

между бурунами. Лодка искусно управлялась и быстро неслась.

Нед Ленд не мог сдержать своей радости. Это был узник, вырвавшийся из тюрьмы на свободу; он совершенно забыл, что нам придется возвратиться.

— Мясо, — повторял он, — мы будем есть мясо, и какое мясо! Настоящую дичь! К сожалению, без хлеба. Я никогда не говорил, что рыба — плохая вещь, но ею не следует злоупотреблять, и кусок свежей и жирной дичи, поджаренной на горячих углях, внесет приятное разнообразие в нашу обыденную пищу.

— Обжора, — заметил Консель, — у меня от его слов слюнки текут.

— Однако надо узнать, — сказал я, — водится ли дичь в этих лесах и не охотится ли эта дичь за охотником.

— Хорошо, господин Аронакс, — ответил канадец, зубы которого, казалось, были так же остро наточены, как лезвие топора, — но я готов съесть тигра, филе тигра, если на этом острове не водится другой четвероногой дичи.

— Друг Нед нетерпелив, — заметил Консель.

— Как бы там ни было, — возразил Нед Ленд, — но всякое животное с четырьмя ногами, без

перьев, или двуногое, покрытое перьями, будет мною приветствовано выстрелом.

— Вот, — ответил я, — вы снова, Ленд, начинаете выказывать неблагоразумие.

— Не бойтесь, господин Аронакс, — ответил канадец, — плывите смело. Мне понадобится не более двадцати минут, чтобы предложить вам кушанье моего приготовления.

Было половина девятого, когда лодка «Наутилуса» тихо остановилась на плоском песчаном берегу, счастливо пройдя коралловое кольцо, которое окружало остров Гвебороар.

Глава XXI
Несколько дней на земле

Вступление на сушу произвело на меня сильное впечатление. Нед Ленд стал пробовать почву ногой, словно опасаясь провалиться, а между тем не прошло и двух месяцев, как мы стали, по выражению капитана Немо, пассажирами «Наутилуса», в действительности же — его пленниками.

Мы отошли от берега на расстояние ружейного выстрела. Почва состояла сплошь из кораллового известняка, однако некоторые русла высохших ручьев были усеяны гранитными обломками, и это указывало, что остров принадлежит к древней формации. Весь горизонт представлял сплошную завесу роскошных лесов. Огромные деревья, достигавшие иногда двухсот футов вышины, переплетались между собой гирляндами из лиан, качавшимися от легкого ветерка, словно люльки. Здесь встречались вперемежку мимозы, смоковницы, казуарины, тиковые деревья, панданусы и пальмы; под защитой свода из зелени у их подножия росли орхидеи, бобовые растения и папоротники. Не обращая внимания на красо-

ты новогвинейской флоры, канадец предпочел полезное приятному. Увидев кокосовое дерево, он сорвал с него несколько плодов, разбил их и угостил нас ядром и молоком ореха.

— Превосходно! — воскликнул Нед Ленд.

— Да, очень вкусно, — согласился Консель.

— Я думаю, — сказал канадец, — капитан Немо ничего не будет иметь против того, что на борту его судна окажется небольшой груз кокосовых орехов.

— Я в этом уверен, — ответил я, — но также и в том, что он не захочет их есть.

— Тем хуже для него, — заметил Консель.

— И тем лучше для нас! — воскликнул Нед Ленд. — Нам больше достанется.

— Одно только слово, Ленд, — обратился я к гарпунщику, который готовился опустошить и другое кокосовое дерево. — Кокос — хорошая вещь, но, прежде чем нагружать им лодку, надо поискать на острове, нет ли чего не менее полезного и питательного. Свежие овощи не были бы лишними на кухне «Наутилуса».

— Господин профессор прав, — ответил Консель, — и я предлагаю разделить наше судно на три отделения: одно для плодов, другое для овощей и третье для дичи, которой, однако, надо

заметить, пока и следа не видно на этом острове.

— Консель, никогда не следует ни в чем отчаиваться! — заметил канадец.

— Идем дальше, — предложил я, — а главное, будем осторожнее. Хотя остров кажется необитаемым, однако могут встретиться люди и менее разборчивые по отношению к дичи, нежели мы.

— Ге, ге! — воскликнул Нед Ленд, двигая выразительно челюстями.

— В чем дело? — вскрикнул Консель.

— На этот раз, — продолжал канадец, — я понимаю прелесть людоедства.

— Нед, Нед, что вы говорите? — воскликнул Консель. — Вы — антропофаг? С этих пор я, живущий с вами в одной каюте, не чувствую себя в безопасности. Я могу в одно прекрасное утро проснуться съеденным.

— Друг Консель, я вас очень люблю, но не настолько, чтобы вас съесть без особой надобности.

— Я в этом несколько сомневаюсь, — ответил Консель. — Однако надо охотиться и добыть дичи, чтобы удовлетворить аппетит этого каннибала и сохранить господину его слугу.

Обмениваясь такими шутками, мы вошли под темные своды леса и в течение двух часов бродили во всех направлениях.

Случайно мы нашли несколько видов овощей и, помимо того, одно из самых полезных растений тропического пояса, которое могло пополнить весьма ощутимый недостаток в питании на борту «Наутилуса».

Я разумею хлебное дерево, растущее в изобилии на острове Гвебороар. Мне довелось встретить его особую разновидность, лишенную зерен, называемую малайцами «рима».

Дерево это отличается от других прямизной своего ствола и высотой, достигающей сорока футов. Его грациозно округленная вершина состоит из больших многолопастных листьев — и такое дерево было весьма удачно натурализовано на Маскаренских островах. В массе зелени выделяются большие шаровидные плоды, имеющие в диаметре около дециметра и шероховатые снаружи. Природа наградила этим полезным растением страну, где не растут злаки. Хлебное дерево не требует ни обработки, ни ухода и дает плоды в течение восьми месяцев в году.

Нед Ленд хорошо знал эти плоды. Во время своих многочисленных путешествий он ел их не раз и умел приготовить из них вкусную и питательную пищу. Рима возбудила в нем аппетит.

— Господин профессор, — обратился он ко

мне, — я умру, если не попробую теста этого хлебного дерева!

— Попробуйте, друг Нед, и ешьте сколько вам угодно. Мы здесь для того, чтобы производить опыты. Приступайте к делу.

— Для этого не потребуется много времени, — ответил канадец.

При помощи зажигательного стекла Нед развел

огонь из сухого дерева, которое вскоре весело затрещало. В это время я с Конселем собрал лучшие плоды хлебного дерева. Некоторые не достигли еще полной зрелости, и их белая мякоть была покрыта толстой кожей. Другие же, и в значительном количестве, желтоватые, студенистые на вид, как будто дожидались, чтобы их сорвали.

В плодах не оказалось семян. Мы принесли их целую корзину; Нед Ленд разрезал их на толстые ломти, положил последние на горячие уголья и стал приговаривать:

— Вы увидите, господин профессор, что за прекрасный хлеб выйдет!

— В особенности когда мы столько времени пробыли без хлеба, — заметил Консель.

— Вы такого никогда еще не пробовали, — продолжал Нед. — Это настоящее пирожное.

— Нет, хлеба из этих плодов я не пробовал, Нед.

— Приготовьтесь кушать самое отменное блюдо. И если вы не захотите его отведать в другой раз, я более не король гарпунщиков!

Через несколько минут наружная часть плодов совершенно обуглилась. Внутри же белое тесто превратилось в подобие нежного мякиша белого хлеба и вкусом напоминало артишоки.

Надо признаться, хлеб получился превосходный, и я его ел с большим удовольствием.

— К несчастью, — сказал я, — такое тесто не может долго храниться, и мне кажется напрасным брать с собой запас этих плодов.

— Вот те на! — воскликнул Нед. — Вы рассуждаете как натуралист, а я буду действовать как булочник. Консель, наберите побольше плодов, мы их захватим с собой.

— Как же вы их приготовите? — спросил я канадца.

— Я сделаю из их мякоти кислое тесто, которое может долго сохраняться. И я воспользуюсь печью корабля, когда надо будет испечь хлеб. Ручаюсь, что вам придется по вкусу этот хлеб, хотя, правда, он будет несколько кисловат.

— В таком случае придется вас только благодарить.

— Однако, господин профессор, — сказал Нед, — к этому не будет лишним запастись овощами и другими плодами.

— Запасайтесь.

Собрав в достаточном количестве плодов с хлебных деревьев, мы отправились искать то, что Ленд считал нелишним.

Поиски наши увенчались успехом, и к полудню нам удалось собрать достаточное количество бананов. Эти превосходные продукты жаркого пояса поспевают в течение всего года, и малайцы, называющие их пизангом, едят их испеченными. Нам также посчастливилось добыть вкусные манго и огромной величины ананасы. Этот сбор занял много времени, но сожалеть не приходилось.

Консель все время наблюдал за Недом. Гарпунщик шел впереди и, проходя лесом, изумительно ловко срывал лучшие плоды, которые предназначались для пополнения запаса провизии.

— Теперь у нас, кажется, всего достаточно, — заявил Консель.

— Гм! — ответил канадец.

— Чего же вам недостает?

— Из всего этого никак не приготовишь обеда, — ответил Нед. — Это, так сказать, финал обеда, десерт. А где же суп и жаркое?

— Действительно, — сказал я, — Нед обещал нас угостить котлетами, а это кажется проблематичным.

— Господин, — обратился ко мне канадец, — охота не только не окончилась, но еще и не начиналась. Терпение! Быть не может, чтобы мы

не встретили животного в шерсти или в перьях если не в этой местности, то в другой.

— И если не сегодня, то завтра, — добавил Консель. — Поэтому я не советую удаляться и предлагаю возвратиться на лодку.

— Как, уже! — вскрикнул Нед.

— Да, — ответил я, — мы должны возвратиться до наступления ночи.

— Но который теперь час? — спросил канадец.

— Часа два, — ответил Консель.

— Как время бежит на суше! — воскликнул со вздохом Нед.

— В путь! — скомандовал Консель.

Мы возвращались тем же лесом и дополнили наш запас пальмовой капустой, которую пришлось доставать с вершины особого вида пальмы, а также мелкими бобами, называемыми малайцами абру, и лучшего качества игнамами.

Мы едва дотащили наш сбор до лодки. А между тем Нед Ленд не довольствовался имеющимся запасом. Судьба ему благоприятствовала. В то время как мы собрались сесть в лодку, он заметил несколько деревьев высотой от двадцати пяти до тридцати футов, принадлежащих к виду пальм.

Эти деревья, не менее полезные, чем хлебное дерево, называют саговыми деревьями. Они

также растут без всякого ухода, размножаются отпрысками и семенами, как тутовые деревья.

Нед Ленд умел обращаться с ними. Схватив топор, он стал усердно и с такой силой им работать, что вскоре срубил три саговые пальмы, опудренные белой пылью.

Я следил за ним скорее глазами натуралиста, чем проголодавшегося человека. Прежде всего он снял с каждого ствола полосы коры в дюйм толщиной. Под этой корой оказался сетчатый слой продольных волокон, образующих самые запутанные узлы, содержащие в себе клейкую муку. Эта мука и была саго, съедобное вещество, служащее главной пищей малайского населения.

Затем Нед Ленд разрубил стволы на куски, как рубят дрова. Добывание саго он отложил до более удобного времени, так как надо было клейкую муку протирать сквозь решето, чтобы отделить волокнистые связки, затем высушить на солнце и, наконец, дать ей отвердеть в формах.

В пять часов вечера на нагруженной нашими сокровищами лодке мы отчалили от берега и через полчаса пристали к «Наутилусу». Никто не вышел нам навстречу. Огромный железный цилиндр казался необитаемым. После выгрузки провизии я отправился в свою комнату, где меня

ожидал ужин. Поужинав, я лег спать.

На следующий день, 6 января, на корабле не произошло ничего, выходящего из ряда обыденных явлений. Лодка оставалась на том же месте, и мы решили снова отправиться на остров Гвебороар. Нед Ленд рассчитывал на удачную охоту и намеревался посетить другие части этого острова.

С восходом солнца мы уже плыли. Увлекаемая также течением лодка вскоре достигла острова.

Мы высадились на берег и, рассудив, что лучше всего положиться на инстинкт канадца, последовали за ним; он широко шагал, и нам стоило немалого труда за ним поспевать.

Нед Ленд пошел вдоль берега к западу; перейдя вброд несколько ручьев, он достиг высокой равнины, окруженной прекрасным лесом. Несколько птиц-рыболовов бродили около ручейков, но близко к себе не подпускали. Такая осторожность подсказывала мне, что эти пернатые животные знакомы с двуногим нашей породы, и я пришел к выводу, что если остров и необитаем, то иногда люди его все-таки посещают.

Пройдя равнину, мы подошли к опушке небольшого леса, оживленного пением и порханием множества птиц.

— Тут только одни птицы, — заметил Консель.

— Среди них есть и съедобные, — заметил, в свою очередь, гарпунщик.

— Ни одной, дружище, — возразил Консель, — я вижу одних только попугаев.

— Друг Консель, — заметил наставительно Нед, — попугаи по необходимости могут сойти за фазанов.

— А я добавлю, — сказал я, — что эти птицы, хорошо приготовленные, — весьма недурное блюдо.

И действительно, в густой зелени этого леса порхало множество попугаев; они перелетали с ветки на ветку, и если бы кто-то позаботился об их образовании, то мы бы услышали речь на человеческом языке. В настоящие же минуты они болтали на природном языке со своими самками в цветных нарядах и с важными какаду, решавшими, казалось, философские задачи; красные лори быстро проносились, словно лоскутки красной материи, развеваемые ветром, посреди шумно летавших калао и папуа, окрашенных в самый нежный лазурный цвет.

В этой коллекции пернатых недоставало, однако, одной птицы, исключительно принадлежащей этим странам и никогда не перелетающей

границу островов Арру и Новой Гвинеи. Но вскоре судьба доставила мне случай полюбоваться и ею.

Пройдя перелесок, мы вышли на равнину, поросшую кустарником. Здесь я увидел великолепных птиц, которые благодаря особому расположению своих длинных перьев могут летать против ветра. Их волнистый полет, грация, с которой они описывают в воздухе круги, переливы цветов оперения — все это привлекало и очаровывало взор. Я без труда узнал этих чудных птиц.

— Райские птицы! — воскликнул я.

— Порядок воробьиных, — начал Консель.

— Семейство куропаток, — вздумал продолжать Ленд.

— Не думаю, Ленд, — ответил я. — Рассчитывая на вашу ловкость, надеюсь, что вам удастся добыть один экземпляр этих восхитительных птиц.

— Надо постараться, господин профессор, хотя, откровенно говоря, я лучше владею гарпуном, чем ружьем.

Малайцы, ведущие большую торговлю с китайцами этими птицами, ловят их различными способами, из которых мы не могли применить ни одного. Они или расставляют силки на верши-

нах деревьев, или овладевают ими при помощи вязкого клея, парализующего их движения, или же отравляют те источники, из которых эти птицы пьют. Нам же оставалось бить их на лету. К сожалению, мы только напрасно истратили заряды.

К одиннадцати часам утра мы прошли первую цепь холмов, но до сих пор ни одной птицы не убили. Надежды наши не осуществились. Впрочем, вскоре Конселю удалось застрелить белого голубя и вяхиря, которых мы проворно ощипали и принялись жарить на костре. Нед, пользуясь этим временем, приготовил нам лепешки из плодов хлебного дерева. Мясо голубя и вяхиря оказалось превосходным, хотя оно и было пропитано запахом мускатных орехов, до которых эти птицы весьма лакомы.

— Точно пулярки, откормленные трюфелями, — похвалил Консель.

— Чего же вам теперь недостает, Нед? — спросил я канадца.

— Четвероногой дичи, господин Аронакс, — ответил Нед Ленд. — Все эти голуби только забава для рта, и до тех пор, пока я не убью животное, годное для котлет, я не буду удовлетворен.

— А я — пока не поймаю райскую птицу, — за-

явил я.

— Идем охотиться, — предложил Консель, — но только отправимся назад, к морю. Мы дошли до ската гор, и я полагаю, лучше будет возвратиться в лес.

Мы последовали совету и после часа ходьбы достигли настоящего сагового леса. Небольшие змеи ядовитых пород уползали из-под наших ног. Райские птицы при нашем приближении улетали, и я уже потерял надежду заполучить хотя бы один экземпляр, когда Консель и его товарищ с криком подошли ко мне, держа в руках великолепную райскую птицу.

— О, браво, Консель! — вскрикнул я.

— Господин профессор очень любезен, — ответил Консель.

— Ничуть, ты выказал много ловкости и умения, поймав руками живую птицу.

— Если господин профессор рассмотрит ее внимательнее, то увидит, что это не стоило особого труда.

— Почему?

— Потому что эта птица совершенно пьяна.

— Пьяна?

— Пьяна от мускатных орехов, которыми она лакомилась под мускатником, где я ее поймал.

Смотрите, Нед, вот пример пагубного последствия невоздержанности.

— Тысяча чертей! — воскликнул канадец. — Но про меня нельзя сказать, что я много выпил джина в течение этих двух месяцев.

Между тем я рассматривал любопытную птицу. Консель не ошибся. Райская птица, охмелев от опьяняющего сока, была совершенно обессилена. Она не могла летать и с трудом ходила. Это меня не тревожило, и я оставил ее в покое, пока не перебродят мускаты.

Райская птица принадлежит к самому красивому из всех видов птиц, встречаемых в Новой Гвинее и на соседних островах; Консель поймал золотистую райскую птицу, одну из самых редких разновидностей. Она имела в длину тридцать сантиметров; голова ее была относительно мала, так же как и глазенки, поместившиеся у самого основания клюва. Ее оперение представляло восхитительное сочетание цветов и их оттенков; желтый клюв, коричневые ноги и когти орехового цвета с пурпурными концами, бледно-золотистая голова и низ шеи, изумрудное горло, темно-каштановые брюхо и грудь. Две пушистые нити в виде рогов поднимались над ее хвостом, состоявшим из длинных, легких и изумительно

тонких перьев. Вот общий вид этой чудесной птицы, которой туземцы дали поэтическое название «птица-солнце».

Я страстно желал привезти в Париж эту восхитительную разновидность райской птицы в дар Ботаническому саду, где нет ни одного живого экземпляра этого вида.

— Эти птицы, должно быть, очень редки? — спросил Консель.

— Очень редки, и, помимо того, их трудно поймать. Их чучела высоко ценятся и составляют предмет торговли. Туземцы подделывают их, как жемчуг и бриллианты.

— Что, — удивленно воскликнул Консель, — делают фальшивые чучела райских птиц?

— Да, Консель.

— И господин знаком с этим процессом?

— Прекрасно. Райские птицы во время восточного муссона теряют великолепные перья, которые окружают их хвост и которые натуралисты называют «субаларными». Эти перья собирают фальшивомонетчики в пернатом царстве и искусно прикрепляют к шкурке попугая, которую предварительно ощипывают. Затем они закрашивают швы чучел, покрывают их лаком, и эти произведения своей индустрии отправляют в

европейские музеи и любителям.

— Хорошо! — воскликнул Нед Ленд. — Если птица и ненастоящая, зато перья-то настоящие, а так как сам предмет не предназначается в пищу, то я тут не вижу большого зла.

Если мое желание обладать райской птицей получило удовлетворение, то охотник-канадец не мог похвастаться своей удачей. Только к двум часам дня ему пришлось подстрелить из электрического ружья лесную свинью, называемую

туземцами «бариутанг». Эта крупная четвероногая дичь пришлась весьма кстати.

Канадец снял с нее кожу, выпотрошил и захватил полдюжины ребер на ужин. Мы продолжали охотиться. Неду Ленду и Конселю предстояло отличиться.

И действительно, оба друга, обшаривая кустарник, спугнули стадо кенгуру, которые бросились бежать, подпрыгивая на своих пружинящих лапах. Они быстро уносились, но не настолько, чтобы их не могла догнать электрическая пуля.

— А! Господин профессор, — воскликнул Нед Ленд, которого страсть к охоте уже опьяняла, — какая это чудесная дичь, в особенности если приготовить из нее тушеное мясо; какой можно сделать запас для «Наутилуса»! Две, три… пять уже убиты!.. Весело подумать, что только мы одни все это съедим, а эти дураки на корабле не получат ни кусочка.

Мне кажется, что в экстазе радости канадец стал слишком говорлив, в противном случае он перебил бы все стадо. Он удовольствовался всего дюжиной сумчатых, которые образуют первый порядок в классе млекопитающих, как объявил Консель. Это были небольшие животные, принадлежащие к виду тех кенгуру-кроликов, которые

обыкновенно живут в дуплах деревьев и отличаются изумительной быстротой движений. Мясо их действительно очень вкусно.

Мы вполне были довольны результатом охоты. Веселый Нед предполагал завтра же снова посетить этот очаровательный остров, намереваясь истребить на нем всех съедобных четвероногих, но обстоятельства этому воспрепятствовали.

В шесть часов вечера мы возвратились к нашей лодке. «Наутилус» выставлялся из-под волн на расстоянии двух миль от берега, словно длинный подводный камень.

Нед Ленд немедленно занялся великим делом — приготовлением обеда — и оказался искусным поваром.

Вскоре окружающий нас воздух наполнился вкусным запахом жарившихся на углях котлет.

Обед вышел на славу. За котлетами последовал жареный вяхирь, затем саговое тесто, плоды маисового дерева, ананасы и в качестве питья — перебродивший сок кокосовых орехов. Последний обладал свойством вызывать веселое расположение духа, и я думаю, что мысли моих товарищей по окончании обеда не отличались надлежащей ясностью.

— Не возвратиться ли нам сегодня вечером на

борт «Наутилуса»? — сказал Консель.

— О, если бы нам никогда туда не возвращаться, — высказался гарпунщик.

В эту секунду к нашим ногам неожиданно упал камень и прервал слова гарпунщика.

Глава XXII
Молния капитана Немо

Мы, не вставая, обернулись по направлению к лесу.

— Камни обыкновенно не падают с неба, — заметил Консель, — если только это не метеориты.

Упал второй камень.

Вскочив на ноги, схватив ружья, мы приготовились отразить нападение.

— Не обезьяны ли это?! — воскликнул Нед Ленд.

— Хуже, — ответил Консель, — это дикари.

— В лодку, — крикнул я, направляясь к тому месту, где она стояла.

Нам необходимо было отступить. Человек двадцать дикарей, вооруженных луками, пращами, появились на опушке небольшого леса, в ста шагах от нас.

Наша лодка находилась в десяти туазах.

Дикари приближались, наступая шагом, и выказывали враждебные намерения. Они осыпали нас камнями и стрелами. Нед Ленд, несмотря на угрожавшую опасность, не захотел оставлять

свою провизию; отступая, он тащил с собой в одной руке лесную свинью, в другой — кенгуру.

В две минуты мы достигли берега. Нагрузить лодку провизией, отчалить и взяться за весла было делом одной минуты. Не успели мы удалиться на два кабельтовых, как около ста дикарей с криками, размахивая руками, вошли по пояс в воду. Я оглянулся на «Наутилус», предполагая, что там могли заметить нападение на нас дикарей. Однако на палубу судна не вышел ни один человек.

Спустя двадцать минут мы причалили к «Наутилусу». Люк оказался открытым. Привязав лодку, мы вошли на палубу.

Я направился в зал, откуда неслись звуки органа. Играл капитан Немо.

— Капитан, — обратился я к нему. Он не слышал меня. — Капитан! — повторил я, дотрагиваясь до него рукой.

— А, это вы, господин профессор, — сказал он, — ну как, удачная была ваша поездка?

— Не совсем, капитан, — ответил я, — мы привезли, кажется, с собой толпу двуногих, преследовавших нас.

— Каких двуногих?

— Диких.

— Диких! — повторил капитан иронично. — А

почему вы удивляетесь, господин профессор, что, ступив на землю, вы встретили на ней диких людей? Где же их нет? И к тому же разве те, которых вы называете дикими людьми, хуже других?

— Но, капитан…

— Что касается меня, сударь, я их встречал повсюду.

— Во всяком случае, — ответил я, — если вы не желаете их видеть у себя на борту «Наутилуса», то вам необходимо срочно принять меры.

— Успокойтесь, господин профессор, нам не придется тревожиться.

— Однако их очень много.

— Сколько же вы их насчитали?

— По крайней мере человек сто.

— Господин Аронакс, — ответил капитан Немо, снова опуская руки на клавиши органа, — если бы все туземцы Папуа собрались на этом берегу — и тогда «Наутилусу» нечего было бы опасаться их нападения.

Пальцы капитана забегали по клавишам органа, я заметил, что они ударяли только по черным косточкам, что придавало мелодии особый шотландский оттенок. Вскоре он всецело погрузился в мир звуков и, по-видимому, забыл о моем присутствии.

Я вышел на палубу. Наступила ночь, и, как обычно в южных широтах, внезапно. Я уже не мог различить острова Гвебороар. Но многочисленные огни по берегу свидетельствовали, что туземцы не думали его покидать.

Я оставался один в течение нескольких часов, вначале думая лишь о туземцах. Я уже их не боялся, твердая уверенность капитана властно меня успокоила, и я стал любоваться великолепной тропической ночью. Созвездия зодиака через несколько часов должны были осветить Францию, и мои мысли перенеслись туда. Луна мягко сияла на небе, окруженная звездами. Около полуночи я ушел в свою каюту и спокойно заснул.

Ночь прошла без приключений. Вероятно, дикари опасались странного чудовища на волнах. Они не решались к нему приблизиться, хотя надо заметить, что на палубе не было ни души и люк был открыт.

На следующий день, 8 января, я вышел на палубу в шестом часу утра. «Наутилус» окутывал утренний туман; однако он вскоре рассеялся, и остров — сначала его берег, а затем и горы — стал виден.

На его берегу толпились туземцы в значительно большем числе, чем накануне; их было

человек пятьсот или шестьсот. Некоторые из них, пользуясь отливом, ступая по кораллам, подошли к «Наутилусу» на два кабельтовых. Их можно было ясно различить. Это были настоящие папуасы, красивое племя, отличающееся атлетическим сложением, высоким ростом, широким возвышенным лбом, толстым, но неприплюснутым носом и белыми зубами. Их пушистые, выкрашенные красной краской волосы резко отличались от цвета их кожи, черноватой и блестящей, как у нубийцев. В мочках их ушей, разрезанных и растянутых, вставлены были костяные пластинки. Все дикари были наги. Среди них я заметил несколько женщин, которые были одеты в настоящие кринолины из травы, идущие от бедер до колен и поддерживаемые поясом из растительных волокон. Некоторые носили на шее украшения вроде полумесяца и ожерелья из красных стеклянных бус. Все почти были вооружены стрелами, луками, щитами и имели на плечах что-то похожее на сети, где лежали круглые камни, которые они ловко метали своими пращами.

Один из их предводителей, находившийся ближе к «Наутилусу», внимательно нас рассматривал. Должно быть, это был «мадо», из высшего

класса, так как он драпировался в циновку из банановых листьев, украшенную цветными лоскутьями.

Я бы мог легко убить этого туземца, неподалеку от меня стоявшего, но счел за лучшее ожидать враждебных действий с их стороны. При встрече с дикарями европейцу никогда не следует нападать, а только обороняться.

Туземцы продолжали приближаться к «Наутилусу». Было слышно, что они часто повторяют слово «ассаэ», и, судя по их жестикуляции, они приглашали меня сойти к ним, но я счел благоразумным не пользоваться этой любезностью.

К одиннадцати часам утра, с началом прилива, дикари возвратились на берег, где их поджидала значительно увеличившаяся толпа.

От нечего делать я стал ловить драгой раковины, зоофитов и морские растения. На следующий день, согласно решению капитана Немо, «Наутилус» должен был выйти в открытое море.

— Дикари, — обратился, подойдя ко мне, Консель, — вовсе не так злы, какими показались.

— Однако они людоеды, — ответил я.

— Можно быть людоедом и в то же время честным человеком, — ответил Консель, — так же как обжорой и честным человеком. Одно не ис-

ключает другого.

— Я готов согласиться с тобою, что это честные людоеды и что они честно пожирают своих пленников, но так как я не имею ни малейшего желания быть съеденным даже честно, то буду их остерегаться, тем более что капитан Немо не принимает никаких мер предосторожности. А теперь примемся за работу.

Мы усердно занялись ловлей морских произведений, но преимущественно животного царства, хотя ничего редкостного не нашли. Драга пополнялась медвежьими усиками, арфами, весьма красивыми марто. Как-то раз, когда Конселю удалось вытащить в драге большое количество раковин, я, едва выхватив одну из них, весьма меня заинтересовавшую, испустил настоящий крик конхилиолога, самый отчаянный крик, когда-либо вылетавший из человеческого горла.

— Что случилось с господином профессором?! — воскликнул испуганный Консель. — Не укусил ли кто господина профессора?

— Нет, любезный, но тем не менее я охотно бы пожертвовал пальцем за свою находку.

— Какую находку?

— За эту раковину, — ответил я, указывая на предмет своего торжества.

— Это простая пурпурная олива, принадлежит к роду олив, группе гребенчатожаберных, к порядку брюхоногих, к отделу моллюсков.

— Да, Консель; но, вместо того чтобы сворачиваться справа налево, эта олива сворачивается обратно.

— Возможно ли это?

— Да, мой друг, это левша.

— Раковина-левша? — повторил, весь в изумлении, Консель.

— Посмотри на ее завиток.

— Господин профессор может мне поверить, — сказал Консель, беря в руки драгоценную раковину, — что я никогда в жизни не испытывал такого волнения, как в эту минуту.

И было от чего волноваться! Натуралисты давно отметили, что в природе все движется справа налево. Даже небесные светила и их спутники идут с востока на запад! И люди в большинстве своем владеют правой рукой лучше, чем левой, и, как следствие, различные устройства, лестницы, замки, пружины часов и прочее изготавливаются с учетом этого. Как правило, и раковины природа создает, следуя этому закону, почти всегда ее завитки идут справа налево. А потому, если находится раковина-левша, она оценивается на

вес золота.

Мы с Конселем погрузились в созерцание нашего сокровища, которое предназначалось для обогащения Парижского музея, как вдруг камень, пущенный одним из туземцев, раздробил драгоценный предмет в руках Конселя.

У меня вырвался крик отчаяния. Консель схватил ружье и стал прицеливаться в дикаря, который шагах в десяти от него размахивал своей пращицей. Я хотел его остановить, но он успел выстрелить и разбил браслет из амулетов, украшавший руку туземца.

— Консель! — воскликнул я. — Консель!

— Разве господин профессор не видел, что он первый на меня напал?

— Раковина не стоит жизни человека.

— Негодяй! — не унимался Консель. — Лучше бы он раздробил мне плечо!

Консель искренне негодовал. Между тем положение изменилось. До двадцати пирог окружали «Наутилус». Эти пироги, выдолбленные из стволов деревьев, длинные и узкие, отлично держались на воде, и, для того чтобы они не опрокидывались, у них с каждого борта устроены были балансиры из бамбукового дерева.

Папуасы, видимо, были знакомы с устройством

европейских кораблей. Но какое они имели представление об этом длинном железном корабле без мачт и труб, стоявшем в их бухте? Вероятно, они его опасались, так как держались на почтительном расстоянии. Однако неподвижность «Наутилуса» их ободряла. Они мало-помалу становились смелее. Необходимо было помешать их приближению. Наше оружие, стрелявшее без шума, не могло произвести на них достаточно устрашающее впечатление. Молния, не сопровождаемая раскатами грома, не так сильно пугает человека, хотя вся опасность в ней, а не в громе.

В эту минуту пироги весьма близко подошли к «Наутилусу», и тучи стрел посыпались на палубу.

— Черт возьми, идет град, — вскрикнул Консель, — и весьма возможно — отравленный град.

— Надо предупредить капитана Немо, — сказал я, спускаясь во внутренние помещения судна.

Я вошел в салон. Там никого не было. Я постучался в дверь, которая вела в комнату капитана.

— Войдите! — послышался ответ.

Я вошел и застал капитана Немо, погруженного в какие-то вычисления.

— Виноват, я вам помешал? — обратился я к капитану.

— Да, господин Аронакс, — ответил капитан, — но у вас на то, несомненно, есть важные причины.

— И очень. Пироги туземцев нас окружают, и через несколько минут мы будем осаждены несколькими сотнями туземцев.

— А, — воскликнул спокойно капитан, — они подошли на пирогах!

— Да!

— В таком случае надо затворить люк.

— Несомненно, и я пришел вам сказать…

— Это очень просто, — прервал меня капитан. Он надавил кнопку и передал свое приказание экипажу.

— Все сделано, — ответил он спустя несколько минут. — Лодка на своем месте, и люки закрыты. Эти господа не в состоянии ничего поделать со стенами, которые не могли пробить ядра вашего фрегата.

— Однако, капитан, существует еще одна опасность.

— Какая?

— Завтра, когда придется пополнить запасы свежего воздуха во внутренних помещениях «Наутилуса»…

— Конечно придется; наше судно дышит, как

киты.

— В том-то и дело! А так как папуасы могут находиться на палубе, то каким образом вы им воспрепятствуете проникнуть внутрь судна?

— Вы предполагаете, что они взойдут на палубу?

— Я в этом уверен.

— Ну что же, пускай взбираются на палубу. Я не вижу причин, почему мы должны им в этом воспрепятствовать. Ведь эти папуасы — бедняки, и я вовсе не желаю, чтобы мое посещение острова Гвебороар стоило жизни хотя бы одному из этих несчастных.

Мне оставалось только удалиться. Я хотел уйти, но капитан Немо меня остановил и предложил сесть рядом с ним. Он стал подробно меня расспрашивать о нашей экскурсии на остров, об охоте и никак не мог понять страстного желания канадца поесть мяса земного животного. Затем разговор коснулся других предметов, и хотя капитан Немо не стал откровеннее, но все-таки стал любезнее.

Между прочим, мы коснулись положения «Наутилуса», который находился в том самом проливе, где Дюмон-Дюрвиль едва не погиб.

— Это один из ваших знаменитых мореплава-

телей, — сказал капитан. — Это ваш французский Кук. Злосчастный ученый! Пройти сквозь сплошные ледяные поля Южного полюса, рифы Океании, между населенными людоедами островами Тихого океана — и погибнуть таким жалким образом в поезде железной дороги! Если этот энергичный человек мог размышлять в последние секунды своей жизни, можете вообразить, что он должен был передумать.

Говоря таким образом, капитан Немо волновался, и это волнение я заношу в его актив. Затем с картой в руках мы проследили путь Дюмон-Дюрвиля; его кругосветные путешествия, его двойное путешествие к Южному полюсу, которое привело к открытию земель Аделии и Луи-Филиппа, и, наконец, его выдающиеся гидрографические работы, в особенности на некоторых архипелагах Океании.

— То, что ваш Дюмон-Дюрвиль сделал на поверхности морей, — сказал капитан Немо, — я сделал внутри океана, но гораздо полнее и с меньшей затратой труда. «Астролябия» и «Зеле», постоянно боровшиеся с ураганами, не могли находиться в таких условиях, как «Наутилус». Мой рабочий кабинет неподвижен, когда судно находится под водой.

— Между корветами Билля и вашим «Наутилусом» есть сходство, — заметил я.

— Какое?

— «Наутилус», так же как и они, сел на мель.

— «Наутилус» не сидит на мели, — возразил холодно капитан. — Он так устроен, что может отдыхать на дне морей. Мне не надо прибегать к каким-либо особым усилиям, как Дюмон-Дюрвилю, чтобы сняться с мели. Завтра морской прилив поднимет его без всяких с нашей стороны хлопот в определенный час, и судно снова начнет плавание.

— Капитан, — воскликнул я, — я не сомневаюсь…

— Завтра, — повторил капитан Немо, вставая, — в два часа сорок минут дня «Наутилус» поплывет и пройдет без происшествий Торресов пролив.

Капитан Немо, сказав это, слегка поклонился. Мне оставалось отправиться в свою каюту.

Здесь я нашел Конселя, желавшего узнать результат моего свидания с капитаном.

— Мой друг, — обратился я, — когда я сообщил капитану об опасности, которой подвергается «Наутилус» со стороны папуасов, он мне ответил в ироничном тоне. Одно могу тебе посоветовать:

доверься ему, а затем иди спать и спи спокойно.

— Господину профессору не нужны мои услуги?

— Нет, мой друг. Что делает Нед Ленд?

— Он готовит паштет из кенгуру, который должен выйти отменным.

Я остался один, лег в постель, но спал дурно. Я слышал шум, который производили дикие, топая ногами по палубе и испуская пронзительные крики.

Так прошла ночь, но экипаж не выходил на палубу. Присутствие дикарей его ничуть не тревожило, как не тревожат солдата блиндированной крепости бегающие по блиндажам муравьи. В шесть часов утра я был уже на ногах. Люк, служивший выходом на палубу, был закрыт. Следовательно, воздух в помещениях не был освежен простой вентиляцией с наружным воздухом и пришлось пользоваться запасом кислорода, хранившегося в резервуарах.

Я поработал в своей комнате до полудня. Еще через некоторое время я отправился в салон. Часы показывали половину третьего. Через десять минут прилив должен был достичь своего максимума, и «Наутилус», согласно уверению капитана, немедленно должен выйти в открытое

море. В противном случае судно могло много месяцев провести на своем коралловом ложе.

Вдруг я почувствовал, как содрогнулся весь корпус судна; железная обшивка его дна стала издавать скрип от трения по шероховатой поверхности коралловой почвы дна.

Было тридцать пять минут третьего, когда капитан Немо вошел в салон.

— Мы сейчас отправляемся, — заявил он.

— А! — воскликнул я.

— Сейчас откроют подъемную дверь.

— А папуасы?

— Папуасы? — повторил капитан, слегка подымая плечи.

— Они могут пробраться во внутренние помещения.

— Каким образом?

— Через внутренний проход, дверь в который вы велели открыть.

— Господин Аронакс, не всегда можно пройти в проход, когда дверь и отворена.

Я с изумлением посмотрел на капитана.

— Вы не понимаете? — спросил он меня.

— Нет!

— Идемте, вы это увидите.

Мы отправились к центральной лестнице. Там

Нед Ленд и Консель с большим интересом следили, как несколько человек экипажа отворяли подъемную дверь, в то время как снаружи раздавались яростные крики дикарей.

Обе половинки двери откинулись на внешнюю сторону. Показалось около двадцати ужасных лиц. Но первый из туземцев, положивший руку на перила лестницы, был отброшен какой-то неведомой силой и бросился назад, убегая неистовыми прыжками и испуская пронзительные крики.

Человек десять его товарищей последовали за ним, их постигла та же участь.

Консель был в экстазе. Нед Ленд в воинственном порыве бросился на лестницу. Но как только он схватился за перила, так тотчас же был опрокинут.

— Тысяча чертей! — вскрикнул он. — Я прожжен молнией!

Последнее слово все объяснило. Металлические перила обратились в металлический кабель. Кто только до них касался, испытывал страшное потрясение во всем организме, и это потрясение могло бы иметь смертельный исход, если бы капитан Немо провел сюда ток всех своих батарей.

Испуганные и обезумевшие папуасы отступи-

ли. Мы же, по возможности, удерживались от смеха, утешали и оттирали Неда Ленда, который разражался проклятиями.

В эту минуту «Наутилус», приподнятый приливом, покинул свое коралловое ложе. Было ровно два часа сорок минут — время, заранее точно указанное капитаном Немо. Гребной винт судна вначале медленно и величественно рассекал волны, затем скорость его вращения стала постепенно возрастать. «Наутилус» прошел опасный Торресов пролив невредимым.

Глава XXIII
Aegri Somnia[12]

На следующий день, 10 января, «Наутилус» продолжал плавание под водой и шел стремительно, делая, как я полагаю, по тринадцать миль в час. Гребной винт вращался с такой изумительной скоростью, что не было возможности сосчитать количество его оборотов в минуту.

Я думал о чудесной силе электричества, которая, помимо того что приводит в движение, нагревает и освещает «Наутилус», еще и защищает его от внешних нападений, и охраняет невидимой завесой, проникновение за которую подвергает смельчака молниеносному удару; мое восхищение не имело границ, и от аппарата мои мысли переносились к его творцу.

Мы шли на запад и 11 января обогнули мыс Уэссел, лежащий на 135° долготы и 10° северной широты. Подводные рифы, все еще многочисленные, встречались, однако, все реже и были указаны на карте с точностью.

13 января «Наутилус» вошел в Тиморское море

---

[12] Примечания: 12
Тяжелая сонливость *(лат.)*.

в виду одноименного острова, лежащего над 122° долготы. Этот остров занимает пространство в тысячу шестьсот двадцать пять квадратных миль и управляется раджами.

Князья эти производят свой род от крокодилов, то есть от самой высшей породы, о которой только может мечтать смертный.

Реки острова кишат этими чешуйчатыми прародителями, пользующимися почетом у туземцев. Чудовищных ящериц откармливают, лелеют, предлагают им в пищу молодых девушек, и горе чужеземцу, решившемуся поднять руку на этих священных пресмыкающихся.

Остров Тимор показался в полдень на весьма короткое время, когда помощник капитана определял его географическое положение. Мельком пришлось видеть и маленький остров Ротти, принадлежащий к той же группе; женщины этого островка славятся на малайских рынках своей красотой.

Отсюда «Наутилус» взял курс к юго-западу, направляясь в Индийский океан. Куда увлекала нас решимость капитана Немо? Возвратится ли он к берегам Азии или направится к берегам Европы? Последнее предположение имело малую вероятность, так как капитан избегал населенных

материков… Быть может, он отправится к югу или, обойдя мыс Доброй Надежды, затем мыс Горн, направится к Южному полюсу? Наконец, не намеревается ли он возвратиться в Тихий океан, где так привольно плавание для «Наутилуса»? Только одно будущее могло разрешить эти вопросы.

Пройдя между рифами Картье, Гиберниа, Серингапатама и Скотта, последние усилия твердой стихии победить жидкую, мы 14 января потеряли из виду все земли. «Наутилус» шел с заметным уменьшением скорости, и, причудливый в своих движениях, он плыл то в глубине вод, то на их поверхности.

В течение этого времени капитан Немо производил исследования над температурой вод в различных ее слоях. В обычных условиях эти измерения производятся весьма сложными инструментами, подверженными частой порче и не дающими точных результатов. Но капитан Немо находился в благоприятных условиях для подобного рода измерений.

Его термометр непосредственно сообщался с различными слоями вод и точно указывал их температуру. «Наутилус», пользуясь резервуарами для увеличения своей тяжести и наклонными

плоскостями, направляющими его движение под углом к морскому дну, последовательно достигал глубины трех, четырех, пяти, семи и даже десяти тысяч метров. Окончательный результат опытов определил температуру вод на глубине в тысячу метров под всеми широтами совершенно одинаковой, и именно — в четыре с половиной градуса.

Я с большим любопытством следил за этими опытами. Капитан Немо занимался ими с истинной страстью. Я не раз задавал себе вопрос: с какой целью производит он эти наблюдения? Чтобы принести пользу человечеству? Это невероятно, потому что не сегодня завтра труды его должны погибнуть вместе с ним в неизвестном море. Быть может, он передаст мне все добытые им результаты?.. Тогда следовало допустить, что моему подневольному путешествию настанет конец, а этого-то и не предвиделось.

Утром 15 января капитан Немо, разгуливая со мной по палубе, обратился ко мне с вопросом, знаю ли я о различиях плотности морской воды.

Я ответил отрицательно.

— Мною произведены наблюдения, — заявил он, — и я ручаюсь за их точность.

— Эти наблюдения весьма интересны, — отве-

тил я, — но «Наутилус» совсем отдельный мир, и тайны его ученых никогда не дойдут до земли.

— Вы правы, господин профессор, — сказал он после нескольких минут размышления, — это отдельный мир. Для Земли он — одна из планет, обращающаяся вместе с нею вокруг Солнца. Да, она никогда не узнает о трудах ученых на Сатурне и Юпитере. Но так как случай связал наши существования, то я могу сообщить вам результаты наших наблюдений.

— Я вас слушаю, капитан.

— Что морская вода плотнее пресной, это, конечно, вам известно, но эта плотность изменяется. Если мы плотность пресной воды примем за единицу, то плотность воды Атлантического океана равна будет одной целой двадцати восьми тысячным, воды Тихого океана равна одной целой двадцати шести тысячным, а воды Средиземного моря равна одной целой тридцати тысячным.

«А, — подумал я, — он опускался и в Средиземное море».

— Плотность вод Ионического моря, — продолжал капитан, — одна целая восемнадцать тысячных, а Адриатического моря — одна целая двадцать девять тысячных.

Ясно, что «Наутилус» не избегал европейских морей, и у меня мелькнула надежда, что он привезет нас, может быть и скоро, к более цивилизованным землям. Несомненно, что Нед Ленд с большим удовольствием выслушает мое сообщение об этом.

В течение нескольких дней мы занимались производством различных опытов по определению солености морских вод на разных глубинах, их электризации, цвета и прозрачности, причем капитан Немо выказал замечательную наблюдательность.

Затем прошло несколько дней, в течение которых я его не видел и снова оставался одиноким.

16 января «Наутилус» остановился и, казалось, уснул на глубине нескольких метров. Электрические аппараты не действовали, винт не работал, а судно было предоставлено на произвол течения. Я был уверен, что экипаж занимается внутренними исправлениями, необходимыми для восстановления изумительной скорости хода судна.

Мои товарищи и я стали невольными свидетелями одного весьма любопытного зрелища. Ставни салона хотя и были открыты, но так как маяк «Наутилуса» не светился, вокруг царила

глубокая темнота. Грозовое небо, покрытое густыми облаками, весьма слабо освещало верхние слои океана.

При этих условиях я наблюдал море, и самые большие рыбы представлялись мне едва заметными тенями, как вдруг «Наутилус» осветился полным светом. С первого раза мне показалось, что это проник в жидкую массу электрический свет маяка, но оказалось, что я ошибся, и после короткого наблюдения понял свою ошибку.

«Наутилус» плыл в слоях воды, освещенных фосфорическим светом, который казался еще ослепительнее среди окружавшей его темноты. Этот свет происходил от мириад светящихся микроскопических животных, свет которых становился интенсивнее от их прикосновения к металлическому корпусу корабля. Тогда посреди этих сиявших слоев я заметил вспышки, похожие на блеск расплавленного свинца, льющегося из пылающего горна, или на металлические массы, раскаленные добела, так что некоторые менее яркие полосы казались как будто в тени, хотя в огненном пространстве, по-видимому, не должно было быть никаких теней. Однако это не были равномерные, спокойно льющиеся лучи нашего обыкновенного освещения. Тут была особая сила

и необыкновенное движение. В этом свете чувствовалась жизнь.

Действительно, это было скопление бесчисленных морских инфузорий, настоящих шариков из прозрачного студенистого вещества, снабженных нитеобразным щупальцем. В тридцати кубических сантиметрах воды их насчитывают до двадцати пяти тысяч. Свет их удваивается вследствие особого отблеска, который замечается у медуз, морских звезд и у прочих зоофитов, насыщенных жировыми органическими веществами и, быть может, слизью, выбрасываемой рыбами.

В течение нескольких часов «Наутилус» плыл по этим блестящим волнам, и наше восхищение еще более возросло, когда мы увидели больших морских животных, которые резвились, как саламандры. Здесь, среди этого холодного огня, я увидел красивых и быстрых дельфинов, неутомимых морских клоунов, истиофор, длиной три метра, настоящих предвестников ураганов, страшных меч-рыб, которые ударялись в окна салона. Затем появились более мелкие рыбы: разнообразные балисты, скакуны-скомбероиды и сотни других, мелькавших в светящейся атмосфере.

Было что-то чарующее в этом ослепительном

зрелище. Быть может, какие-либо особые атмосферные условия вызывали интенсивность этого феномена? Может быть, на поверхности океана разразилась гроза? Но на этой глубине «Наутилус» не чувствовал ее ярости и только тихо покачивался среди спокойных вод.

Мы продолжали свое плавание, беспрестанно восхищаясь каким-нибудь новым чудом. Консель рассматривал и классифицировал всех этих зоофитов, членистоногих, моллюсков, рыб. Дни быстро проходили, и я уже перестал их считать. Нед, по своему обыкновению, старался разнообразить монотонную жизнь на корабле. Мы жили в своей раковине, как настоящие улитки, и я заверяю, что превратиться в улитку весьма легко.

Такое существование нас не тяготило и казалось естественным. Мы забыли о том, что существует иная жизнь на поверхности земного шара, как вдруг одно совершенно неожиданное событие напомнило нам о странности нашего положения.

18 января «Наутилус» находился под 105° долготы и 15° южной широты. Погода стояла бурная, море шумело и волновалось. Дул сильный восточный ветер. Барометр, понижавшийся несколько дней, предвещал борьбу стихий. Я вышел на

палубу в ту минуту, когда помощник капитана определял часовой угол. Я ожидал повторения его обычной фразы, но он произнес что-то другое на непонятном для меня языке. Почти тотчас же появился капитан Немо с подзорной трубой в руках и стал осматривать горизонт.

В продолжение нескольких минут он стоял неподвижно, не сводя глаз с точки, лежавшей в поле его зрения. Затем он опустил подзорную трубу и обменялся несколькими словами с помощником. Последний, по-видимому, находился в сильном волнении, только капитан Немо не терял своего обычного хладнокровия. На слова капитана его помощник горячо возражал.

Я стал всматриваться в даль в том направлении, куда смотрел капитан Немо, но ничего не мог заметить. Небо и вода сливались на горизонте, который казался совершенно пустынным.

Между тем капитан Немо стал ходить по палубе из одного конца в другой, не только не обращая на меня никакого внимания, но, быть может, и не замечая. Шаг его был тверд, однако необычен. Временами он останавливался и, скрестив на груди руки, всматривался в морскую даль. Что он искал в этом необъятном пространстве? В это время «Наутилус» находился в нескольких сотнях

миль от ближайшего берега.

Помощник капитана снова стал смотреть в подзорную трубу. Он двигался то вперед, то назад, топал ногой и находился в нервном возбуждении.

Тайна должна была раскрыться в скором времени, так как «Наутилус» увеличивал ход; скорость вращательного движения винта достигла своего максимума.

В эту минуту помощник снова обратил внимание капитана. Тот остановился и направил свою трубу на указанную точку.

Донельзя заинтересованный, я сошел в салон, взял там подзорную трубу, возвратился на палубу и, подойдя к стенке маяка, приготовился осмотреть всю линию, которая разделяет море и небо.

Но не успел я еще приложить трубу к глазу, как она моментально была вырвана из моих рук.

Я обернулся. Передо мной стоял капитан Немо, но я его не узнавал — до того изменилось его лицо. Глаза, уходя под нахмуренные брови, сверкали зловещим огнем. Зубы наполовину обнажились. Его оцепеневшее тело, сжатые кулаки, голова, вдавшаяся в плечи, свидетельствовали, что он исполнен сильной ненавистью. Он не двигался. Моя зрительная труба, выпавшая из его рук, ва-

лялась у его ног.

Неужели я, не желая того, стал предметом его ненависти? Не воображал ли этот удивительный человек, что я постиг какую-либо тайну, которая не должна быть обнаружена перед гостями «Наутилуса»?

Нет, лично я не мог быть предметом его ненависти; он даже не смотрел на меня, его взор был прикован к некой точке на горизонте.

Наконец он вполне овладел собой. Его лицо, так глубоко взволнованное, приняло обычное выражение.

Он обратился к помощнику на своем непонятном языке и затем обернулся ко мне.

— Господин Аронакс! — воскликнул он повелительным тоном. — Я требую от вас исполнения одного обязательства, связывающего вас со мной.

— В чем дело, капитан?

— Вы и ваши товарищи должны быть заперты до тех пор, пока я не найду возможным возвратить вам свободу.

— Вы здесь господин, — ответил я, пристально глядя на него. — Но позвольте обратиться к вам с одним вопросом.

— Ни одного, сударь!

После такого ответа мне оставалось только повиноваться, так как всякое сопротивление было бы бесполезно.

Я спустился в каюту, занимаемую Недом Лендом и Конселем, и сообщил им о решении капитана. Предоставляю судить, как оно было принято канадцем. Объяснять все это не было времени, так как четверо людей из экипажа уже стояли у дверей, чтобы отвести нас в ту каюту, в которой мы провели первую ночь на борту «Наутилуса».

Нед Ленд вздумал протестовать, но дверь была уже заперта.

— Не объяснит ли господин, что это все значит? — спросил меня Консель.

Я рассказал обо всем случившемся. Они были весьма изумлены, но так же, как и я, ничего не поняли.

Я погрузился в бездну размышлений, но странное выражение лица капитана Немо не выходило у меня из головы.

Я был не в состоянии связать двух мыслей и терялся в абсурдных предположениях, как вдруг был выведен из этого состояния следующими словами Неда Ленда:

— А завтрак подан.

Действительно, стол был уже накрыт. Очевид-

но, капитан Немо отдал об этом распоряжение в то время, когда велел ускорить ход судна.

— Позволит ли мне господин, — обратился ко мне Консель, — предложить ему один совет?

— Да, мой друг!

— В таком случае пусть господин позавтракает. Это будет всего благоразумнее. Мы ведь не знаем, что может случиться.

— Ты прав, Консель.

— К несчастью, — заметил Нед Ленд, — нам подали рыбу.

— Друг Нед, благодарите и за такой, хуже было бы, если бы мы остались совсем без завтрака, — ответил Консель.

Мы сели за стол. Завтрак сопровождался молчанием. Я ел мало. Консель из благоразумия заставлял себя есть больше, один канадец не терял аппетита ни при каких обстоятельствах. Позавтракав, мы разместились по разным углам.

В эту минуту электрическое освещение погасло, и мы очутились в глубокой темноте. Нед Ленд не замедлил уснуть, и, что меня удивило, Консель также поддался тяжелой дремоте. Я спрашивал себя, что бы могло быть причиной такой сонливости, как в то же время почувствовал, что моим мозгом овладевает непреодолимое оцепенение.

Я напрягал все усилия, чтобы бодрствовать, но отяжелевшие веки сами собою закрывались. Я становился жертвой тягостной галлюцинации. Очевидно, в пищу, поданную на завтрак, были подмешаны усыпляющие вещества. Следовательно, недостаточно было одного заключения нас в эту каюту, чтобы скрыть, что происходит или что произойдет на «Наутилусе», понадобилось еще и усыпить нас.

Я услышал, как задвинули ставни и закрыли дверь входного отверстия на палубе. Легкая качка, вызываемая волнением моря, прекратилась. Несомненно, «Наутилус» плыл под водой и спустился в спокойные, неподвижные слои океана.

Я продолжал противиться сну. Но это было напрасно, я ослабевал, ослабевало и дыхание. Я уже не мог поднять тяжелых, словно свинец, упавших век. Смертельный холод леденил мои парализованные члены. Болезненный сон, полный галлюцинаций, охватил все мое существо. Вскоре видения исчезли, и наступила полная бесчувственность.

Глава XXIV
Коралловое царство

На следующий день я проснулся совершенно бодрым и весьма удивился, увидев, что нахожусь в своей комнате. Несомненно, что мои товарищи также не заметили, как были перенесены в свою каюту. Из того, что произошло ночью, они, как и я, ничего не знали. Оставалось надеяться, что какая-нибудь случайность раскроет в будущем эту тайну.

Я хотел выйти из комнаты. Свободен я или пленник? Совершенно свободен! Я отворил дверь, прошел коридор и поднялся по центральной лестнице. Подъемная дверь оказалась открытой. Я вышел на палубу. Здесь меня ждали Нед Ленд и Консель. Я стал их расспрашивать. Они ничего не знали и ничего не помнили.

Что касается «Наутилуса», то он казался мне спокойным и таинственным, как всегда. Он шел средним ходом по поверхности волн. В нем не произошло никакой перемены.

Нед Ленд своим проницательным взором осматривал море. На горизонте не виднелось ни

одного паруса, ни земли. Дул сильный западный ветер, большие волны производили боковую качку.

Возобновив запас воздуха, «Наутилус» поплыл на глубине не более пятнадцати сажен, чтобы иметь возможность при надобности быстро подняться на поверхность воды, и это, против обыкновения, практиковалось по нескольку раз в продолжение всего 19 января. Помощник капитана в этих случаях выходил каждый раз на палубу и произносил свою обычную фразу.

Капитан Немо не показывался. Из людей экипажа я никого не видел, если не считать невозмутимого слугу, который молча нам прислуживал. В два часа пополудни, когда я сидел в салоне, вошел капитан. Он небрежно ответил на мой поклон, не говоря ни слова. Я принялся снова за работу, надеясь, что он сам даст некоторые объяснения по поводу происшествий минувшей ночи. Но он хранил молчание. Я взглянул на него. Веки его были красны, лицо выражало скорбь и горе. Он ходил взад и вперед, садился, снова вставал, брал первую подвернувшуюся под руку книгу, но тотчас ее отставлял; видно было, что его что-то сильно волновало.

Наконец он подошел ко мне и сказал:

— Вы врач, господин Аронакс?

Я никак не ожидал подобного вопроса и несколько минут смотрел на него в изумлении и молча.

— Вы врач? — повторил он. — Многие из ваших коллег изучали медицину — Грасиолэ, Мокин-Тандон и другие.

— Действительно, я врач, — ответил я, — и состоял ординатором в госпитале. До поступления в музей я долгое время занимался практикой.

— Прекрасно!

Мой ответ, видимо, вполне его удовлетворил.

— Господин Аронакс! — воскликнул он. — Не согласитесь ли вы оказать помощь одному из моих людей?

— У вас есть больной?

— Да.

— Я готов за вами следовать.

— Прошу.

Признаюсь, сердце мое сильно билось. Мне почему-то казалось, что болезнь этого человека находится в связи со вчерашними событиями, и эта тайна меня интересовала не менее самого больного.

Капитан Немо ввел меня в каюту возле помещения, занимаемого матросами.

Здесь на постели лежал человек лет сорока, мужественные черты лица которого говорили о его принадлежности к англосаксонской расе.

Я наклонился к нему. Оказалось, что он ранен; его голова была обвита повязкой, сквозь которую просачивалась кровь. Я снял повязку. Он устремил на меня свои большие глаза и предоставил себя в мое полное распоряжение, не произнося ни слова жалобы.

Рана была ужасна. Раздробленный тупым орудием череп обнажал мозг, и мозговое вещество получило глубокие повреждения. Запекшаяся кровь образовала густую массу, походившую цветом на отстой красного вина. Тут наблюдались одновременно контузия и сотрясение мозга. Больной дышал тяжело. Лицо его временами подвергалось спазматическим передергиваниям. Воспаление мозга было полное и вызвало паралич двигательных и чувствительных нервов.

Я пощупал пульс, он был перемежающийся. Конечности тела уже холодели; ясно было, что смерть приближается и не было возможности отвратить ее. Перевязав рану этого несчастного, я обратился к капитану Немо:

— Отчего эта рана?

— Зачем это вам? — воскликнул капитан. —

Вследствие толчка «Наутилуса» сломался один из рычагов и ударил этого человека. Мой помощник стоял рядом. Он бросился отстранить удар… Брат бросился на смерть, чтобы спасти своего брата, это так просто! Это общий закон на «Наутилусе». Однако вы не высказываете вашего мнения о положении больного.

Я не решался отвечать.

— Вы можете говорить, — сказал капитан, — он не понимает по-французски.

Я взглянул в последний раз на раненого и затем ответил:

— Через два часа он умрет.

— И ничто не может его спасти?

— Ничто!

Капитан Немо сжал свои руки, и несколько слез скатились по его щекам. Я не предполагал, чтобы этот человек мог плакать.

В течение нескольких минут я продолжал смотреть на умирающего, жизнь которого постепенно угасала. Бледность его тела усиливалась благодаря электрическому освещению. Я всматривался в его выразительное лицо, покрытое преждевременными морщинами, которые, быть может, с давних пор наложили несчастье и крайняя бедность, и в последних словах, срывавшихся с его

губ, старался постичь тайну его жизни.

— Вы можете удалиться, господин Аронакс, — обратился ко мне капитан Немо.

Я оставил капитана в каюте умирающего и на-

правился в свою комнату, сильно взволнованный происшедшей сценой. Какое-то зловещее предчувствие не давало мне весь день покоя. Ночью я дурно спал, мне часто слышались отдаленные вздохи и погребальное пение. Возможно, что читалась отходная, но на непонятном мне языке.

На следующий день, выйдя на палубу, я застал там капитана Немо. Увидев меня, он подошел ко мне.

— Господин профессор, — обратился он ко мне, — не согласитесь ли вы сегодня предпринять подводную экскурсию?

— С моими товарищами? — спросил я.

— Если хотите.

— Мы в вашем распоряжении.

— В таком случае потрудитесь облачиться в скафандры.

Об умирающем или умершем ни слова; я отыскал Неда Ленда и Конселя и передал им предложение капитана.

Оба они охотно согласились.

К половине девятого утра мы уже были одеты в наши подводные костюмы и снабжены особыми аппаратами для дыхания и освещения. Двойная дверь была отворена, и мы в сопровождении капитана Немо и двенадцати человек экипажа

на глубине в десять метров вступали на дно моря, где отдыхал «Наутилус».

Отлогий скат спускался к равнине, лежащей на глубине пятнадцати сажен от поверхности моря. Дно это значительно отличалось от тех равнин, по которым мы совершили прогулку в водах Тихого океана. Здесь не было ни лугов, ни леса, ни чистого песка. Мы вступили в коралловое царство.

В отделе зоофитов в классе альцион выделяется отряд горгоний в трех своих группах — горгоний, изид и кораллов. К последней и принадлежит коралл — весьма любопытное существо, которое ученые поочередно переводили из царства минерального в растительное и затем в животное; лекарство у древних, украшение у современников — коралл только в 1694 году марсельцем Пейсоннелем окончательно зачислен в царство животных.

Кораллы — это микроскопические животные, соединенные в полипняки каменистого и хрупкого строения. Эти полипы имеют одного прародителя, от которого произошли путем почкования, и из них каждый имеет самостоятельное существование, но в то же время участвует и в общей жизни. Это своего рода социализм в при-

роде. Я был знаком с результатами последних исследований этих странных зоофитов, которые целиком минерализуются, принимая форму дерева. И лично для меня представляло огромный интерес побывать в одном из таких окаменелых лесов, которые природа насадила на дне моря.

Аппараты Румкорфа приведены были в действие, и мы последовали по коралловой банке, которая продолжает формироваться и со временем загородит эту часть Индийского океана. Наш путь окаймляли переплетающиеся своими искривленными ветвями кустарники, покрытые белыми звездообразными цветами. Только в противоположность земным растениям эти деревца, прикрепленные к скалам, росли сверху вниз.

Свет производил разнообразные эффекты, играя среди этих веток яркого цвета; казалось, что перепончатые и цилиндрические трубочки дрожали от волнения воды. Мне так хотелось нарвать свежих венчиков, украшенных нежными щупальцами, из которых одни только что распустились, другие едва начинали разворачиваться. Но лишь я протягивал руку к этим цветам-животным, к этим чувствительным мимозам, тотчас же в колонии подымалась тревога. Белые венчики входили в свои красивые футляры, цветы исче-

зали на моих глазах, — и кустарник обращался в груду каменистых бугорков.

Случай предоставил мне возможность ознакомиться с самыми драгоценными образчиками этих зоофитов.

Эти кораллы стоили тех, которые добываются в Средиземном море, на берегах Франции, Италии и Северной Африки. Они вполне заслуживали своим ярким цветом таких поэтических названий, как, например, цветок крови, пена крови, которые в торговле даны лучшим кораллам. Цена кораллов достигает пятисот франков за килограмм, а здесь они и особого вида розовый коралл встречались в таком количестве, что могли обогатить громадную толпу собирателей кораллов.

Однако вскоре кустарники стали плотнее жаться друг к другу, каменные деревья становились выше. Предстали настоящие окаменелые фантастические рощи с капризно извилистыми проходами. Среди коралловых кустарников я встречал много и других интересных полипов; попадались мелиты и присы с суставчатыми разветвлениями, ветки красно-зеленых кораллов — настоящих водорослей, покрытых известковыми слоями и причисленных натуралистами, после долгих споров, к растительному царству; по

замечанию одного из ученых, «это, быть может, то растение, в котором жизнь смутно и медленно пробуждается ото сна, но пока не может от него пробудиться, а является переходной ступенью от растительного к животному царству».

Наконец после двухчасовой ходьбы мы достигли почти трехсот метров глубины, или, говоря иначе, границы, где кончается образование кораллов. Здесь уже не встречались даже одинокие кусты. Мы вошли в беспредельный лес больших минеральных растений и огромных каменных деревьев, которые переплетались гирляндами красивых плумарий — этих настоящих морских лиан всевозможных оттенков. Мы свободно проходили под высоко раскинувшимися ветвями, терявшимися во мраке вод, и шли по ковру из тубипорид, меандрин, морских звезд, лилий и водорослей, усеянных ослепительными блестками.

Какое чудное, не поддающееся описанию зрелище! Ах, зачем мы не могли делиться друг с другом впечатлениями! Зачем мы были заключены в эти металлические и стеклянные маски! Отчего, наконец, мы не могли жить как рыбы или лучше как амфибии, приспособленные к существованию на земле и в воде?

Между тем капитан Немо остановился. Мой

товарищ и я последовали его примеру. Люди экипажа стали размещаться вокруг него, и я заметил, что четверо из них несли на плечах что-то продолговатое.

Мы разместились посреди большой, обширной прогалины, окруженной высоким подводным каменным лесом. Наши лампы светили тусклым светом, отбрасывающим длинные тени. Вокруг прогалины царила глубокая темнота, но и здесь все-таки искрились острые выступы кораллов.

Нед Ленд и Консель стояли возле меня. Мне пришла в голову мысль, что мы будем свидетелями необычайной сцены. Рассматривая почву, я увидел, что она покрыта невысокими холмиками из известковых осадков, и притом до того правильно расположенными, что заставляло заподозрить участие человеческих рук.

Посреди прогалины, на пьедестале из беспорядочно нагроможденных скал, возвышался коралловый крест, который протягивал свои длинные руки цвета окаменелой крови.

По знаку капитана Немо один из его людей направился к кресту и, остановившись от него в нескольких футах, стал рыть яму заступом.

Я понял все! На этой прогалине было кладбище; эта яма — могила; этот продолговатый предмет — труп человека, умершего ночью. Капитан Немо и его люди хоронили своего товарища в этом их общем посмертном жилище, на дне необъятного

океана.

Нет! Никогда мой ум не был поражен до такой степени. Никогда моим мозгом не овладевали более сильные впечатления. Я не хотел видеть того, что видели мои глаза.

Между тем могилу продолжали копать. Рыбы уплывали в различных направлениях. Я слышал звуки железа, ударявшего в известковую почву, железа, дававшего искры при ударе о кремень, встречавшийся в океанской почве. Могила становилась все глубже и шире и вскоре могла уже вместить человеческое тело.

Тогда к ней приблизились носильщики и опустили завернутый в белый саван труп в могилу. Капитан Немо сложил руки на груди крест-накрест, и все его люди опустились на колени в ожидании молитвы. Я и мои товарищи благоговейно склонились.

Могилу засыпали обломками, вырытыми из почвы, и над нею образовался небольшой холм.

Когда все это было окончено, капитан Немо и его люди поднялись, затем, приблизившись к могиле, снова опустились на колени, и каждый протянул руку в знак последнего прости.

Затем погребальная процессия направилась обратно к «Наутилусу», проходя под сводами

леса, среди небольших рощ, вдоль коралловых кустарников и все время поднимаясь кверху.

Наконец показались огни на борту подводного судна. Длинная световая полоса указывала кратчайший к нему путь. На возвращение потребовался час времени.

Я переоделся и тотчас же вышел на палубу; всецело охваченный неотступными мыслями, усталый, я сел около маяка.

Ко мне подошел капитан Немо. Я встал и обратился к нему:

— Итак, согласно моему предсказанию, этот человек умер ночью.

— Да, господин Аронакс, — ответил капитан Немо.

— Но он погребен на коралловом кладбище рядом со своими товарищами?

— Да, забытый всеми, но не нами! Мы вырыли могилу, а полипы возьмут на себя труд сохранить наши трупы на веки веков.

И, торопливо закрыв лицо сжатыми руками, капитан Немо безуспешно старался подавить вырывавшееся рыдание. Затем он воскликнул:

— Да, там, на глубине нескольких сотен футов, — наше тихое кладбище!

— Ваши умершие, капитан, несомненно, спят

там покойно, они в безопасности от акул.

— Да, сударь, — холодно ответил капитан Немо, — от акул и от людей.

Часть вторая

Глава I
Индийский океан

Началась вторая половина нашего подводного плавания. Первая окончилась трогательной сценой на коралловом кладбище, которая произвела на меня глубокое впечатление. Таким образом, жизнь капитана Немо всецело вращалась в недрах этого необъятного моря, в одной из недоступных бездн которого он приготовил себе могилу. Там ни одно из чудовищ не могло нарушить вечного покоя обитателей «Наутилуса», этих друзей, скованных между собой как в жизни, так и в смерти. «И ни один человек не потревожит их», — как добавил капитан Немо.

Всегда то же суровое и неумолимое недоверие к человеческому обществу!

Что касается меня, то я далеко не удовлетворялся теми предположениями, которыми довольствовался Консель. Этот славный малый был твердо убежден, что командир «Наутилуса» — один из неизвестных ученых, который за равнодушие к нему человечества платит последнему презрением. К тому же для Конселя капитан

Немо являлся непонятым гением, утомленным борьбой с неправдою и ложью, который бежал от людей в недоступную им стихию, где не встречал препятствий к удовлетворению своих властных стремлений. Но по моему мнению, эта гипотеза объясняла только одну сторону характера капитана Немо.

И действительно, тайна последней ночи, которую мы провели заключенными в тюрьме, этот непреодолимый сон, эта предосторожность, проявленная капитаном в такой грубой форме, как, например, вырванная из моих рук подзорная труба, когда я осматривал горизонт, а затем эта смертельная рана человека, причиной которой был, по его объяснению, какой-то непонятный толчок, — все это наводило меня на новые предположения. Нет, капитан Немо не довольствовался тем, что бежал от людей. Его чудовищный аппарат служил не только для удовлетворения его стремления к свободе, но, весьма возможно, и для выполнения ужасной мести.

В эту минуту ничего для меня не было очевидным. Все было окутано мраком, только местами пробивался свет, и потому я должен, так сказать, писать под диктовку событий, не анализируя их.

К тому же нас ничто не связывало с капита-

ном Немо. Он прекрасно понимал, что бежать с «Наутилуса» было невозможно. Мы — даже не пленники на слово, никакие обязательства чести нас не связывают. Но мы — заключенные, узники, которых ради вежливости называют гостями. Впрочем, Нед Ленд не оставлял еще надежды возвратить себе свободу. Несомненно, он воспользуется первым благоприятным случаем, который представится. Конечно, я поступлю так же, как и он. И я не буду сожалеть, что унесу с собой те тайны «Наутилуса», которые мне удалось постигнуть благодаря великодушию капитана. Надо же наконец решить, достоин ли этот человек ненависти или восхищения? Жертва ли он или сам палач? А затем, говоря искренне, прежде чем покинуть его навсегда, я очень желал завершить кругосветное подводное плавание, которое так прекрасно началось. Я страстно желал быть очевидцем всей серии чудесных подводных явлений земного шара. Я хотел видеть то, чего до сих пор никто не видел, я охотно заплатил бы жизнью за удовлетворение жажды знания! Что же я до сих пор открыл? Ничего, или почти ничего, и только потому, что мы прошли всего шесть тысяч лье, да и то лишь в Тихом океане.

Между тем я прекрасно знаю, что «Наутилус»

приближается к обитаемым землям, и если представится благоприятный случай к бегству, то с моей стороны было бы слишком жестоко жертвовать своими товарищами ради моей страсти к исследованиям. Придется следовать за ними, вероятно, даже указывать путь. Но представится ли еще раз такой случай? Ученый, насильственно лишенный свободы, может дорожить таким случаем ради жажды знания, но человек, жаждущий свободы, может и не разделять его стремлений.

21 января 1868 года, в полдень, помощник капитана, по обыкновению, явился измерять высоту солнца. Я находился на палубе и, закурив сигару, стал следить за этим процессом. Мне пришлось убедиться, что он не понимает по-французски, так как высказанные вслух мои замечания должны были бы обратить его внимание, между тем он оставался все время равнодушен и нем как рыба.

В то время как он делал свои наблюдения с помощью секстана, один из матросов «Наутилуса», силач, сопровождавший нас в первую экскурсию на остров Креспо, пришел чистить стекло маяка. Я стал рассматривать устройство аппарата, в котором сила света увеличивалась в сто раз благодаря чечевицеобразным стеклам и их особому расположению. Электрический свет, проходя

сквозь эти стекла, значительно возрастал в своей интенсивности. Накаливание углей происходило в безвоздушном пространстве, чем обусловливалась равномерность напряжения света, и острия углей, между которыми появлялась световая дуга, оставались неизменными, так как сам графит не расходовался. Сбережение графита имело важное значение: возобновление его сопряжено было с большими трудностями.

Когда «Наутилус» приготовился начать свое подводное плавание, я возвратился в зал. Подъемную дверь закрыли. Судно держалось направления к западу.

Мы плыли по волнам Индийского океана — беспредельной водной равнине, занимающей пространство в пятьсот пятьдесят пять миллионов гектаров. Воды океана до того прозрачны, что вызывают головокружение, если всматриваться в их глубину. «Наутилус» все время шел на расстоянии ста — двухсот метров от поверхности воды. Так продолжалось несколько дней. Всякому другому на моем месте, не так сильно любящему море, время показалось бы долгим и монотонным; но ежедневные прогулки по палубе, где я освежался, вдыхая живительный воздух океана, эта движущаяся перед окнами салона панорама

богатств океана, чтение книг, имевшихся в библиотеке, редактирование моих мемуаров — все это наполняло мои дни и не давало места скуке и унынию.

Как мое, так и моих товарищей здоровье не оставляло желать лучшего. Установленный на судне режим влиял на нас отлично, и я не придавал значения улучшению нашего стола, о чем всегда хлопотал и чего добивался Нед Ленд.

Более того, несколько повышенная температура во внутренних помещениях оберегала от простуды.

К тому же на судне находился значительный запас полипняка, известного в Провансе под названием морского укропа. Мясо этих полипов служит прекрасным средством против кашля.

В течение нескольких дней мы встречали в огромном числе морских птиц, по преимуществу из породы чаек и рыболовов. Некоторых из них удалось застрелить, и, приготовленные особым манером, они действительно составили весьма вкусное блюдо из морской дичи. Из числа крупных птиц, отличающихся быстрым полетом и обладающих способностью совершать его на огромные расстояния от берега, а в случае усталости отдыхающих на волнах, я увидел

великолепных альбатросов, отвратительный крик которых походит на ослиное ржание; эти птицы принадлежат к семейству длиннокрылых. Представителями семейства веслоногих явились фрегаты, весьма искусно ловящие рыбу на поверхности воды, и многие породы фаэтонов, в том числе фаэтоны с красным хвостом, величиной с голубя, белого с розовым оттенком оперения, за исключением крыльев, которые резко выделяются своим черным цветом.

Сети «Наутилуса» доставляли нам многие породы морских черепах, по преимуществу так называемых каретт с сильно выпуклой спиной, панцирь которых высоко ценится. Эти пресмыкающиеся ловко ныряют и могут долго оставаться под водой, закрыв мясистый клапан, находящийся у наружного отверстия их носового канала. Мясо этих черепах невкусно, но их яйца являются лакомством.

Что касается рыб, то они всегда вызывали в нас удивление; сквозь окно салона мы изучали тайны их водной жизни. Мне пришлось увидеть массу пород, которых я до сих пор нигде не встречал.

Я упомяну прежде всего твердокожих, свойственных Красному морю и части Индийского океана, омывающей берега экваториальной

Африки. Эти рыбы, как черепахи, броненосцы и некоторые ракообразные, защищены броней, которая не известкового и не кремнистого строения, а является настоящей костью. Иногда эта броня принимает форму треугольников, иногда четырехугольников; в числе рыб, снабженных трехгранной броней, встречались экземпляры длиной в полдециметра. Мясо твердокожих рыб очень вкусно и питательно. Я считаю возможным разводить некоторые породы твердокожих в пресных водах, в которых многие рыбы легко приживаются. Далее я назову кузовок четырехгранных, на спине которых помещаются четыре больших нароста; твердокожих кузовок, с белыми точками на брюхе, которых можно сделать ручными, как птиц; тритонов, которые вооружены шипами, образовавшимися удлинением костяного панциря, и которые издают звуки, похожие на хрюканье, почему и получили прозвание морских свиней; наконец, дромадеров с большими конусообразными горбами, отличающихся твердым и жестким мясом.

Далее, пользуясь ежедневными заметками, которые вел Консель, упомяну о некоторых рыбах из рода иглобрюхов, водящихся исключительно в этих морях; о спенглирьенах с красной спиной

и белой грудью, отличающихся тремя продольными рядами мягких нитей; о разных электрических рыбах, достигающих семи дюймов длины и сверкающих яркими цветами. Затем из представителей других родов укажу: овоидов, весьма похожих на яйца темно-коричневого цвета; диодонов, вооруженных шипами, — настоящих морских дикобразов, раздувающихся и тогда получающих вид клубка; морских коньков, населяющих все океаны; летающих пегасов с продолговатыми носами и с плавательными перьями, имеющими скорее вид крыльев; эти плавники-крылья если и не доставляют им возможности летать, то все же позволяют подниматься на незначительную высоту над водой; голубей с хвостом, покрытым множеством чешуйчатых колец; длинночелюстных макрогнатов весьма красивого вида в двадцать пять сантиметров длиной и с чешуей блестящей нежной окраски; плоскоголовиков с шероховатой головой; скакунов с черными полосками и с длинными задними плавательными перьями — эти рыбы скользят с удивительной быстротой по поверхности вод; красивых парусников, подымающих свои плавательные перья, словно распущенные паруса, и при помощи их плывущих по ветру; блестя-

щих курт, которых природа окрасила в желтый, небесной лазури, серебристый и золотистый цвета; трихоптеров с плавательными перьями из волокон; коттов, постоянно испачканных в морском иле и производящих шум при движении; тригл, печень которых сильно ядовита; бодьянов с подвижными веками на глазах; наконец, хельмонов с длинными трубчатыми носами; настоящих океанских мухоловок, вооруженных как бы ружьями, которых не предвидели ни Шасспо, ни Ремингтон, и убивающих насекомых ударом капли воды.

В восемьдесят девятом роду рыб, по классификации Ласепеда, принадлежащих ко второму подклассу костистых, отличающихся присутствием жаберной перепонки, я заметил скаперну, у которой голова была украшена иглами и которая обладала одним плавательным пером на спине; эта порода рыб бывает или покрыта чешуей, или совершенно ее лишена. Второй подрод выставил нам экземпляры дидактилий длиной от трех до четырех дециметров с желтыми волосами: голова этих рыб отличается весьма причудливой формой. Что же касается первого подрода, то он представил образчик весьма странной рыбы, называемой «амарская жаба». Большая голова этой

рыбы изрыта глубокими впадинами, местами раздута в выпуклости, покрыта шипами, сплошь усеяна шишками и ко всему этому обладает кривыми, некрасивыми рогами; все ее тело, включая и хвост, покрыто мозолистыми наростами; шипы ее причиняют опасные раны; вообще, это одно из самых отвратительных и ужасных животных.

С 21 по 23 января «Наутилус» шел со скоростью двухсот пятидесяти миль в сутки, иначе говоря, проходил двадцать две мили в час. Если нам пришлось наблюдать так много пород рыб, то это только благодаря электрическому свету, который действительно их к себе привлекал и заставлял следовать за нами. Но большинство из них вследствие быстрого хода «Наутилуса» вскоре отставало, и только некоторым было под силу держаться некоторое время наряду с ним.

Утром 24-го, находясь под 12° южной широты и 97° 33′ долготы, мы увидели остров Килинг, мадрепоровую возвышенность, покрытую великолепными кокосовыми пальмами, которую посещали Дарвин и капитан Фиц-Рой. «Наутилус» прошел, держась неподалеку от берегов этого пустынного острова.

Вскоре остров Килинг совершенно скрылся за горизонтом, и мы двинулись в северо-запад-

ном направлении к оконечности Индийского океана. Драги выловили множество разнообразных полипов и иглокожих, а также необычных моллюсков. В подводный музей капитана Немо поступило несколько редкостных экземпляров дельфинул, а мне удалось пополнить его коллекцию звездчатым кораллом, который является разновидностью паразитического полипа и живет на раковинах моллюсков.

— Культурные страны, — сказал мне в этот день Нед Ленд, — гораздо интереснее этих островов Папуа, где встречается больше диких людей, чем коз! В этой индийской земле, господин профессор, есть шоссейные дороги, английские, французские железные дороги и индусские города. Не пройти и пяти миль без того, чтобы не встретить соотечественника. Как вы полагаете, не пришло ли время освободиться от капитана Немо?

— Нет, нет, Ленд! — ответил я убежденным тоном. — Пусть будет то, что будет, как говорят моряки. «Наутилус» приближается к обитаемым берегам. Он возвращается в Европу, пусть он туда и довезет нас. Как только мы попадем в наши моря, благоразумие укажет нам, что делать. К тому же я не думаю, чтобы капитан Немо дозволил нам охотиться на Малабарском или Короман-

дельском берегу, как в лесах Новой Гвинеи.

— Нам ни к чему спрашивать его разрешения, можно и без него обойтись.

Я не ответил канадцу. Я не хотел продолжать спор. В сущности, у меня было сильное желание испытать все случайности судьбы, бросившей меня на борт «Наутилуса».

От острова Килинг «Наутилус» пошел средним ходом, он постоянно и капризно менял направление, часто опускался и держался на значительной глубине. Несколько раз приходилось пользоваться наклонными плоскостями, которые с помощью внутренних рычагов располагали под углом в ватерлинии. Мы не раз достигали глубины трех километров, но не могли проверить наибольшую глубину Индийского океана, где зонд в тринадцать тысяч метров не достигает дна. Температура низших слоев оставалась постоянно неизменной, и термометр показывал четыре градуса выше нуля. Я только заметил, что в верхних слоях вода всегда была холоднее ближе к берегу, чем в открытом море.

25 января океан был совершенно пустынен. «Наутилус» провел весь день на поверхности воды, рассекая волны своим могущественным гребным винтом, разбрасывая брызги на огром-

ную высоту. Как было при таких условиях не принять его за гигантского кита?

Три четверти дня были мною проведены на палубе. Я смотрел на море. Горизонт был чист, и только около четырех часов показался вдали с правой стороны борта пароход, державший направление на запад. Его оснастка мелькнула всего на минуту, и он не мог увидеть «Наутилус», слишком незначительно возвышавшийся над поверхностью воды. Я полагаю, что этот пароход принадлежал обществу «Пенинсулар энд Ориентал Компани», держащему рейсы между Цейлоном и Сиднеем, и продолжал путь далее к мысам Короля Георга и Мельбурна. В пять часов вечера, перед наступлением сумерек, быстро соединяющих в тропическом поясе день с ночью, мы с Конселем были очарованы весьма любопытным зрелищем.

Существует премиленькое животное, встреча с которым, по поверью древних, предвещает успех. Аристотель, Атеней, Плиний изучили его нрав и в своих описаниях исчерпали весь поэтический арсенал ученых Греции и Рима. Они называли его *nautilus* и *pompylius*. Но новейшая наука не приняла это название, и этот моллюск известен теперь под названием аргонавт.

Если бы спросили Конселя, то узнали бы от этого славного малого, что тип моллюсков делится на пять классов: первый класс — это головоногие моллюски, из них одни черепокожные, другие — голые; он заключает в себе два семейства — двужаберные и трехжаберные, так и различающиеся по числу своих жабр; семейство двужаберных заключает три рода: аргонавт, кальмар и каракатица, а семейство трехжаберных заключает только один род — кораблик. Если после этой номенклатуры чей-либо мятежный ум смешал бы аргонавта, который снабжен присосками, с корабликом, снабженным щупальцами, — тому нет извинения.

В это время на поверхности океана плыло стадо аргонавтов. Мы могли насчитать их несколько сотен. Они принадлежали к виду *argonauta tuberculata* — весьма обычному в Индийских морях.

Эти грациозные моллюски двигались задом наперед с помощью своих особых двигательных воронок, которые выгоняли воду. Из их восьми щупальцев шесть тонких и длинных расстилались по воде, тогда как два остальных, округленные и несколько схожие с ладонью, исполняли роль легких парусов. Я отчетливо видел

волнистую и спиральную раковину аргонавтов, которую Кювье так метко сравнил с красивой шлюпкой. Действительно, это настоящая лодка, которая перевозит выделившее ее животное, причем животное не прирастает к ней.

— Аргонавт, — пояснил я Конселю, — если бы захотел, мог бы покинуть свою раковину, но он этого никогда не практикует.

— Он поступает так же, как и капитан Немо, — ответил рассудительный Консель. — И капитан лучше бы сделал, если бы назвал свой корабль «Аргонавтом».

В течение почти часа «Наутилус» плыл посреди этого стада моллюсков. Но затем их внезапно охватил какой-то страх. Словно по сигналу, они все разом опустили свои паруса, согнули свои щупальца, съежили тела; раковины, вследствие перемещения центра тяжести, опрокинулись, и вся флотилия исчезла под волнами. Все это совершилось в одно мгновение; никогда корабли самой образцовой эскадры не маневрировали с бо`льшим искусством.

В эту минуту вдруг наступила ночь, и волны, слегка вздымаемые ветром, спокойно расстилались вокруг «Наутилуса».

На следующий день, 25 января, мы пересекли

экватор под 42° долготы и вошли в северное полушарие.

В течение этого дня грозная стая акул составляла наш кортеж. Страшные животные кишат в этих морях и делают их очень опасными. Здесь были акулы филлипы с коричневой спиной и беловатым брюхом, вооруженные зубами в одиннадцать рядов; глазовые акулы, на шее которых находится большое черное пятно, окруженное белой каймой, похожей на глаз; акулы изабеллы с круглой мордой, усеянной темными точками. Часто эти сильные животные с угрожающей яростью набрасывались на оконные стекла салона, желая схватить нас. Нед Ленд уже не в силах был владеть собой. Он хотел вернуться на поверхность волн и пустить в ход против этих чудовищ свой гарпун. Он точил зубы по преимуществу на гладких акул, у которых пасть выстлана зубами, как мозаикой, и на тигровых акул длиною в пять метров. Однако «Наутилус», увеличив скорость хода, вскоре оставил позади себя самых быстрых акул.

27 января, при входе в широкий Бенгальский залив, нам пришлось быть, и не раз, свидетелями ужасного зрелища плавающих на поверхности волн человеческих трупов: это были мертвецы из

индийских городов, которые уносились Гангом в открытое море и которых коршуны, единственные могильщики этой страны, еще не успели расклевать. Но акулы не заставят себя долго ожидать, чтобы совершить должные похороны.

Около семи часов вечера «Наутилусу», наполовину погруженному в воду, пришлось плыть посреди молочного моря. Океан на всем пространстве, насколько можно было окинуть взором, казался молочным. Было ли это явление вызвано лунными лучами? Нет, так как новолуние наступило всего два дня назад, и луна еще терялась за горизонтом в лучах солнца. Все небо, хотя и освещенное звездными лучами, казалось черным по сравнению с белизной вод.

Консель не верил своим глазам и стал меня расспрашивать о причинах такого странного феномена. К счастью, я был в состоянии удовлетворить его любознательность.

— Это то, что называют молочным морем, — сказал я ему, — обширное пространство белых волн, которое можно наблюдать у берегов Амбоины и в этих местах.

— Но, — спросил Консель, — не может ли господин объяснить мне, какие причины вызывают подобное явление? Полагаю, что это не молоко,

превращенное из воды!

— Нет, Консель, и эта белизна, которая тебя так изумляет, происходит лишь от присутствия мириад микроскопических животных вроде светящихся червячков, бесцветных и студенистых, толщиною в волос и длиною не превосходящих одной пятой миллиметра. Некоторые из этих инфузорий сцепляются друг с другом и в таком виде занимают пространство в несколько миль.

— Нескольких миль! — вскрикнул Консель.

— Да, мой славный Консель, и не трудись вычислить число этих инфузорий! Ты ничего не добьешься. Если я не ошибаюсь, то некоторым мореплавателям приходилось проходить по молочным морям расстояние более сорока миль.

Я не знаю, последовал ли Консель моему совету, но он погрузился в глубокие размышления и, наверное, стал вычислять, сколько простейших поместится на площади в сорок квадратных миль, если длина каждого из них равна одной пятой миллиметра. Что же касается меня, то я продолжал наблюдать этот феномен.

В течение нескольких часов «Наутилус» рассекал своим носом эти беловатые волны, и я заметил, что он бесшумно скользил по этой мыльной воде, как будто плыл в тех пенистых

водоворотах, которые образуют в бухтах противоположные течения.

Около полуночи море внезапно приняло свой обычный цвет, но позади нас, вплоть до границ горизонта, небо, отражая белизну вод, долго казалось слабо мерцающим северным сиянием.

Глава II
Новое предложение капитана Немо

28 января, когда «Наутилус» в полдень всплыл на поверхность моря под 9° 4′ северной широты, на расстоянии восьми миль к западу показалась земля. Я тотчас заметил значительную цепь гор, возвышавшихся на две тысячи футов. Когда положение судна было определено, я направился в салон, где отыскал по карте место нахождения судна и таким образом узнал, что мы находимся около острова Цейлон, этой жемчужины, висящей на мочке Индийского полуострова.

Я вошел в библиотеку с намерением прочесть описание этого плодороднейшего на земном шаре острова. И действительно, я нашел там книгу Сирра под заглавием «Цейлон и сингалезы». Возвратясь в салон, я прежде всего отметил все данные, касавшиеся величины и положения Цейлона, которому в древности обильно расточали различные названия. Географическое положение острова определяется между 5° 55′ и 9° 49′ северной широты и между 79° 42′ и 82° 4′ долготы от Гринвичского меридиана. В длину

он простирается на двести семьдесят пять миль, ширина — наибольшая — полтораста миль; его окружность исчисляется в девятьсот миль, а поверхность — в восемьдесят тысяч четыреста сорок восемь квадратных миль; следовательно, своим пространством он немногим уступает Ирландии.

В это время вошли капитан Немо и его помощник.

Капитан взглянул на карту. Затем обернулся ко мне и сказал:

— Остров Цейлон знаменит своей ловлей жемчуга. Не будет ли вам желательно посетить место жемчужного промысла?

— Вне всякого сомнения, капитан.

— Хорошо, это легко устроить. Но мы там не увидим ловцов. Ежегодная эксплуатация еще не началась. Но это не важно. Я приказал приблизиться к Манарскому заливу, куда мы прибудем ночью.

Капитан отдал распоряжение своему помощнику, который тотчас же вышел. Вскоре «Наутилус» снова погрузился в свою жидкую стихию; манометр показывал, что он держится на глубине тридцати футов. Карта была у меня перед глазами, и я стал отыскивать Манарский залив. Я

нашел его на девятом параллельном круге у северо-западного берега Цейлона. Он очерчивается как бы продолжением линии маленького острова Манар. Чтобы войти в Манарский залив, надо обойти весь западный берег Цейлона.

— Господин профессор, — обратился ко мне капитан Немо, — ловлей жемчуга занимаются в Бенгальском заливе, в Индийском море, в морях Китая и Японии, в морях Южной Америки, в Панамском и Калифорнийском заливах; но только на Цейлоне эта ловля достигает наилучших результатов. Правда, мы прибыли несколько рано. Искатели жемчуга собираются на Манарский залив только в марте месяце, и тогда на протяжении тридцати дней они на своих трехстах лодках занимаются самым прибыльным добыванием морских сокровищ. На каждой лодке находятся обычно десять гребцов и десять водолазов. Последние разделяются на две группы; они поочередно ныряют и опускаются на глубину двенадцати метров с помощью тяжелого камня, который обхватывают ногами; к камню привязана веревка, другой же ее конец привязан к лодке.

— Таким образом, оказывается, — заметил я, — что первобытный способ практикуется до

сих пор?

— Да, до сих пор, — ответил капитан, — несмотря на то, что эта ловля принадлежит самому промышленному народу в мире — англичанам, которым ее уступили в 1802 году по Амьенскому трактату.

— Мне кажется, что скафандры вроде ваших были бы весьма пригодны для этой ловли.

— Конечно, бедные водолазы не могут долго оставаться под водой. Англичанин Персиваль в своем путешествии на остров Цейлон говорит, правда, об одном кафре, который мог оставаться под водой пять минут, не возвращаясь на поверхность, но, по-моему, это сомнительный факт. Я знаю, что некоторые водолазы остаются под водой до пятидесяти семи секунд, а очень искусные — и до восьмидесяти семи, но такие явления очень редки, и когда эти несчастные возвращаются на борт, у них из носа и ушей течет вода с кровью. Я полагаю, что водолазы могут оставаться под водой в среднем секунд тридцать, в течение которых они и торопятся наполнить свою маленькую сетку всеми жемчужинами, которые успеют оторвать. Вообще водолазы — искатели жемчуга — не живут долго: у них слабеет зрение, глаза начинают гноиться, тело покрыва-

ется язвами, и часто они умирают на дне моря от апоплексии.

— Да, — сказал я, — это трудное занятие, служащее только для удовлетворения капризов моды. Однако скажите мне, капитан, сколько жемчужин может наловить в день одна лодка?

— От сорока до пятидесяти тысяч. Говорят, что в тысяча восемьсот четырнадцатом году английское правительство, устроив ловлю за свой счет, добыло с помощью тех же водолазов семьдесят шесть миллионов штук за двадцать дней.

— По крайней мере, — поинтересовался я, — этим водолазам платят хорошие деньги?

— Навряд ли, господин профессор. В Панаме они получают всего один доллар в неделю. Чаще всего им платят по одному су за раковину с жемчужиной, а сколько они вытащат пустых!

— По одному су этим бедным, обогащающим своих хозяев! Это гнусно!

— Итак, господин профессор, — обратился ко мне капитан Немо, — вы с вашими компаньонами посетите Манарскую мель, и если мы случайно встретим там искателей жемчуга, прибывших спозаранку, то вы увидите, как происходит ловля.

— Это решено, капитан.

— Да, кстати, господин Аронакс, позвольте вас спросить, вы не боитесь акул?

— Акул?! — вскрикнул я.

Этот вопрос показался мне весьма неуместным.

— Я жду ответа, — настаивал капитан.

— Я должен вам заявить, что не особенно близко знаком с этой породой рыб.

— Ну, мы с ними хорошо знакомы, — ответил капитан Немо, — со временем познакомитесь и вы. Притом мы будем вооружены, и очень возможно, что по пути нам удастся поохотиться на акул. Это интересная охота. Итак, до завтра, господин профессор. Мы выступаем с раннего утра.

Сказав это весьма спокойным тоном, капитан Немо покинул салон.

Вас приглашают охотиться на медведя в швейцарских горах, что вы ответите? «Прекрасно! завтра мы пойдем охотиться на медведя». Вас приглашают охотиться на льва в долинах Атласа или на тигра в джунглях Индии, что вы ответите? «Прекрасно! будем охотиться на тигра или на льва». Но вот вам предлагают охотиться на акулу в ее природной стихии. Что вы ответите? Вы, вероятно, призадумаетесь, прежде чем согласиться на такое приглашение.

Что касается лично меня, то я провел рукой по лбу, на котором выступило несколько капель холодного пота.

— Рассудим, — сказал я себе, — и не будем спешить. Охотиться за выдрами в подводных лесах острова Креспо — это еще имеет смысл. Но рыскать по дну моря, когда почти уверен, что встретишь там акул, — это совсем иное дело! Я прекрасно знаю, что в некоторых странах, особенно на Андаманских островах, негры не колеблясь нападают на акулу с кинжалом в одной руке и с петлей в другой; но я так же прекрасно знаю, что многие из смельчаков, нападающих на страшное животное, не возвращаются с этой охоты! Но помимо того, я не негр, да если бы и был негром, то полагаю, что в таком случае небольшое колебание с моей стороны было бы вполне понятно.

И вот я погрузился в размышления об акулах, представляя себе их огромные челюсти, вооруженные несколькими рядами зубов, способных разрезать человека надвое. Я даже чувствовал боль в пояснице. Затем я никак не мог переварить эту небрежность, с которой капитан сделал предложение. Так можно приглашать разве на облаву в лесу на обыкновенную лисицу.

«Хорошо, — думал я, — Консель не захочет идти,

и это избавит меня от необходимости сопровождать капитана». Что же касается Неда Ленда, то я не мог рассчитывать на его благоразумие. Как бы опасность ни была велика, она всегда имела притягательную силу для его воинственной натуры.

Я снова принялся за чтение книги Сирра, но не мог углубиться и машинально перелистывал страницы. Между строками мне мерещились страшные открытые челюсти.

В эту минуту вошли канадец и Консель. Они были спокойны и даже веселы, конечно не зная, что их ожидает.

— Право, господин профессор, — обратился ко мне Нед Ленд, — ваш капитан, чтобы черт его побрал, сделал нам очень любезное предложение.

— А, — воскликнул я, — вы знаете?

— С позволения господина, — ответил Консель, — командир «Наутилуса» пригласил нас назавтра в сопровождении господина профессора посетить великолепную цейлонскую ловлю жемчуга. Он сделал это предложение в изысканных выражениях и вел себя истым джентльменом.

— И больше он вам ничего не сказал?

— Ничего, господин, — ответил канадец, — кроме того, что уже сообщил вам об этой прогулке.

— Да, говорил, — сказал я. — И он вам не сооб-

щил никаких подробностей относительно…

— Никаких, господин натуралист. Вы, конечно, составите нам компанию.

— Я… конечно да! Я вижу, что это вам нравится, Нед Ленд.

— Да, это весьма любопытно.

— Но быть может, и опасно!

— Опасно? — повторил Нед Ленд. — Опасна простая экскурсия на устричную мель?

Очевидно, капитан Немо не счел нужным предупреждать моих товарищей о возможной встрече с акулами. Я смотрел на Неда Ленда и Конселя испуганными глазами, словно у них уже было растерзано тело или отхвачены члены. Должен ли я их предупредить? Несомненно. Но как это сделать — я не знал.

— Господин профессор, — заговорил Консель, — будет, может быть, столь добр, что сообщит нам некоторые подробности о ловле жемчуга.

— О ловле собственно или о тех приключениях, которые…

— О ловле, — ответил канадец.

— Хорошо, садитесь, друзья мои, я вам расскажу все, что узнал от англичанина Сирра.

Нед Ленд и Консель сели на диван, и канадец тотчас же спросил меня:

— Господин профессор, что такое жемчужина?

— Мой славный Нед, — начал я, — для поэта жемчужина — морская слеза; для жителей Востока — отвердевшая капля росы; для дам — драгоценная бижутерия продолговатой формы со стеклянным блеском, состоящая из перламутрового вещества, которую они носят на пальцах, шее или в ушах; для химика — смесь фосфата и карбоната с небольшим количеством желатина; и, наконец, для натуралиста жемчужина — не более чем болезненное отделение органа, который выделяет перламутр у некоторых двустворчатых мягкотелых.

— Отдел моллюсков, — не мог удержаться от классификации Консель, — класс безголовых, порядок черепокожных.

— Совершенно верно, мой ученый Консель. Все черепокожные, как, например, морские ушки, тридакны, *pinnes-marines*, — одним словом, все отделяющие перламутровое вещество, — то есть особое вещество голубоватого, синеватого, фиолетового или белого цвета, которыми выстилается внутренняя поверхность створок, — способны производить жемчужины.

— И ракушки также? — спросил Консель.

— Да, и ракушки, живущие в быстротекущих

водах Шотландии, Уэльса, Ирландии, Саксонии, Богемии и Франции.

— Прекрасно, и это надо иметь в виду, — заметил канадец.

— Но, — возразил я, — по преимуществу выделяет жемчуг особый вид моллюска, так называемая жемчужница, или перловка. И само зерно жемчуга есть не что иное, как сгустившийся перламутр, принявший сферическую форму. Оно или прикрепляется к скорлупе, или внедряется в складки тела моллюска и держится там свободно. Зерно жемчуга всегда имеет ядро, твердое тело, состоящее или из бесплодного яичка, или из песчинки, вокруг которых в течение нескольких лет постепенно нарастает перламутровое вещество тонкими и концентрическими слоями.

— Случается ли, что в одной раковине находят по нескольку жемчужин? — спросил Консель.

— Случается. Встречаются даже такие раковины, в которых находится целая коллекция жемчужин. Говорят про одну раковину — впрочем, я в этом сомневаюсь, — что в ней нашли полтораста акул.

— Сто пятьдесят акул! — вскрикнул, невольно вытаращив глаза, Нед Ленд.

— Как, разве я сказал — акул? — воскликнул

я. — Я хотел сказать — полтораста жемчужин. Акулы здесь ни при чем.

— Совершенно верно! — согласился Консель. — Но господин профессор, вероятно, нам также расскажет, как добывается этот жемчуг?

— Его добывают различными способами, причем часто практикуют самый простой, а именно — ловцы отрывают приставший к створкам жемчуг щипцами. Но обычный способ добывания жемчуга заключается в собирании или извлечении из воды раковин. Собранные раковины раскладывают на рогожи, разостланные на берегу. Моллюски на воздухе умирают и по прошествии дней десяти начинают гнить. Тогда раковины опускают в большие, наполненные морской водой бассейны и здесь их вскрывают и моют.

С этой минуты начинается двойная работа сортировщиков. Прежде всего они отделяют перламутровые пластинки, известные в торговле под названием *franche argentée, bâtarde blanche* и *bâtarde noire*, которые продаются ящиками от ста двадцати пяти до ста пятидесяти килограммов. Затем сортировщики вынимают мясо моллюска из раковин, кипятят его и пропускают сквозь сито, чтобы добыть даже самую мелкую жем-

чужину.

— Цена жемчужин, конечно, зависит от их величины?

— Нет, не от одной величины, — ответил я, — но также и от их формы, их цвета, или, как выражаются, «воды», и их отсвета, то есть мягкого и разноцветного перелива, который придает особую красоту жемчугу. Самый лучший жемчуг носит название *perles vierges*, он не имеет ни одного пятнышка и всегда находится отдельно в складках тела моллюска; он белый, чаще непрозрачен, но иногда имеет и опаловую прозрачность, и по преимуществу шаровидную или грушеобразную форму. Жемчужины сферической формы идут на украшение браслетов, грушевидные — на подвески, и так как они самые драгоценные, то продаются поштучно. Жемчуг, приставший к внутренней поверхности створок, всегда имеет неправильную форму и продается на вес.

Наконец, мелкий жемчуг составляет низший сорт и употребляется для вышивания на церковных украшениях.

— Однако эта разборка, или сортировка, жемчуга по его величине, должно быть, очень кропотливая и трудная работа? — спросил канадец.

— Нет, мой друг! Эта работа производится при

помощи одиннадцати сит или решет, в каждом из которых дырочки имеют различные размеры. Жемчуг, оставшийся после просевки в решете, в котором от двадцати до восьмидесяти дыр, считается высшим сортом. Тот же, который не прошел сквозь те же размеры решета, имеющего сто восемьдесят дыр, составляет второй сорт. Последнее решето имеет до тысячи дыр, и весь оставшийся в нем жемчуг составляет низший сорт.

— Это очень искусно, — заметил Консель, — таким образом, сортировка жемчуга производится механически. Господину профессору, быть может, известно, какой доход приносит эксплуатация жемчужных отмелей?

— Судя по указаниям книги Сирра, — ответил я, — цейлонские жемчужные ловли отдаются на откуп за три миллиона акул.

— Франков! — поправил Консель.

— Да, франков — три миллиона франков! — подтвердил я. — Впрочем, я думаю, что в настоящее время эта ловля уже не приносит такого дохода. Примером могут служить американские жемчужные ловли, которые в царствование Карла Пятого приносили четыре миллиона франков дохода, а в настоящее время доход их уменьшился на две трети. В круглой сумме общий доход от

добычи жемчуга можно оценить в девять миллионов франков.

— Я слышал, — сказал Консель, — что попадались жемчужины огромной ценности?

— Да, мой друг. Рассказывают, что Юлий Цезарь подарил Сервилии одну жемчужину, стоившую на наши деньги сто двадцать тысяч франков.

— Я слышал, — сказал канадец, — что в древности одна знаменитая дама пила уксус, в котором был растворен жемчуг.

— Это Клеопатра! — сказал Консель.

— Должно быть, невкусно, — добавил Нед Ленд.

— Противно, друг Нед, — ответил Консель, — но рюмка уксуса, стоящая пятнадцать тысяч франков, — хорошая цена.

— Сожалею, что я не женат на этой даме, — сказал канадец.

— Нед Ленд — супруг Клеопатры! — воскликнул Консель.

— Да, я должен был жениться, Консель, — ответил серьезно канадец, — и не моя вина, если дело не заладилось. Я даже купил жемчужное ожерелье Кэти Тендер, моей невесте, но она вышла замуж за другого. И что же, это ожерелье стоило мне не более полутораста долларов, а между тем

господин профессор может мне поверить — жемчужины, из которого оно состояло, не прошли бы сквозь решето, в котором только двадцать дыр.

— Мой славный Нед, — ответил я, — это был искусственный жемчуг, простые стеклянные шарики, наполненные жемчужной эссенцией.

— А эта эссенция, — заинтересовался канадец, — дорого, должно быть, стоит?

— Почти ничего. Это не что иное, как серебристое вещество чешуи уклейки, сохраняемое в аммиаке. Оно не имеет никакой ценности.

— Вот почему Кэти Тендер и вышла за другого, — ответил философски Ленд.

— Но я не думаю, — начал я, возвращаясь к разговору о жемчужинах высокой ценности, — чтобы какой-либо государь владел жемчужиной лучше тех, какие находятся у капитана Немо.

— Как, например, такой, — сказал Консель, указывая на великолепную драгоценность, запертую в витрине.

— Да, и я не ошибусь, если определю ее стоимость… в два миллиона…

— Франков, — поторопился подсказать Консель.

— Да, — сказал я, — два миллиона франков, а капитану Немо стоило только наклониться и

взять ее.

— А, — вскрикнул Нед Ленд, — кто же поручится, что мы завтра, во время нашей прогулки, не найдем такую же!

— Ба! — воскликнул Консель.

— А почему же нет?

— К чему нам миллионы на борту «Наутилуса»!

— На борту, конечно, — ответил Ленд, — но в другом месте…

— О, в другом месте! — проговорил уныло Консель, опустив голову.

— Нед Ленд прав, — сказал я, — если мы привезем когда-нибудь в Европу или в Америку жемчужину, стоящую несколько миллионов, то это придаст и бóльшую достоверность рассказу о наших приключениях.

— Я полагаю, — согласился канадец.

— Разве, — спросил Консель, — ловля жемчуга опасна?

— Нет, — ответил я, — если принять некоторые меры предосторожности.

— Какой же риск в этом промысле! — воскликнул Нед Ленд. — Проглотить несколько глотков морской воды!

— Вы правы, Нед, — ответил я, затем, приняв

развязный тон капитана Немо, спросил: — Вы не боитесь, Нед, акул?

— Я, — воскликнул канадец, — я гарпунщик по ремеслу! Мое ремесло насмехается над ними.

— Вопрос не в том, — сказал я, — то есть не в ловле их рыболовным крюком, не в вытаскивании на палубу судна и не в том, чтобы отрубить им хвост, вырвать сердце, которое бросают в море.

— Значит, дело идет о нападении на них в…

— Именно.

— В воде!

— В воде.

— Отменное дело с хорошим гарпуном. Вы знаете, господин профессор, эти акулы — животные довольно неуклюжие. Необходимо акуле перевернуться вверх брюхом, чтобы вас хапнуть, а этим временем…

Нед Ленд как-то так произнес слово «хапнуть», что у меня холод прошел по телу.

— Ну а ты, Консель, — обратился я к нему, — что ты думаешь об этих акулах?

— Я, — ответил Консель, — согласен с мнением моего господина.

«В добрый час», — подумал я.

— Если господин идет охотиться на акул, — продолжал Консель, — то не знаю, почему мне,

как его верному слуге, не последовать за ним.

Глава III
Жемчужина в десять миллионов

Наступила ночь. Я лег спать и спал очень дурно. Акулы играли главную роль в моих сновидениях, и я находил правильным и неправильным в одно и то же время французскую этимологию, производящую слово «акула» — *requin* — от слова «реквием» — *requiem*.

На следующий день, в четыре часа, меня разбудил матрос, которого капитан Немо назначил мне в услужение. Я быстро встал с постели, оделся и направился в салон.

Капитан Немо меня ожидал.

— Господин Аронакс, — обратился он ко мне, — вы готовы?

— Я готов.

— Прошу следовать за мной.

— А мои товарищи, капитан?

— Они предупреждены и нас ожидают.

— Придется надеть скафандры? — спросил я.

— Пока нет, «Наутилус» не будет приближаться к берегу, хотя мы еще довольно далеко от Манарской отмели. Я приказал приготовить шлюпку,

которая доставит нас прямо до места и избавит от довольно продолжительного путешествия. Водолазные аппараты уже в шлюпке, и мы их наденем, когда начнем наше подводное путешествие.

Капитан Немо повел меня к центральной лестнице, которая вела на палубу. Здесь нас поджидали Консель и Нед, оба восхищенные предстоящей прогулкой. Пять матросов с веслами, вставленными в уключины, сидели в лодке, стоявшей у борта. Ночь была темная. Густые облака покрывали небо; впрочем, изредка виднелись звезды. Я обратил свои взоры в том направлении, где должна находиться земля, но там, на неясно очерченной линии, ничего не видел. «Наутилус», обойдя ночью западный берег Цейлона, находился к западу от бухты или, скорее, залива, образованного этой землей и островом Манар. Там, под темными сводами, расстилалась мель жемчужных раковин, неисчерпаемое жемчужное поле длиною более двадцати миль.

Капитан Немо, Консель, Нед Ленд и я заняли место на корме. Старший гребцов поместился у румпеля; отчалив от судна, гребцы налегли на весла.

Шлюпка неслась по направлению на юг. Греб-

цы не торопились. Я заметил, что удары весел следовали один за другим через десять секунд, как это вообще принято на военных судах.

Мы сидели молча. О чем думал капитан Немо? Может быть, о земле, к которой он приближался и которая казалась ему слишком близкой, вопреки мнению канадца, считавшего ее чересчур отдаленной. Что касается Конселя, то он не выходил из роли любопытного зрителя. Около половины шестого, с началом рассвета, верхняя линия берега обозначилась достаточно отчетливо. Она поднималась в направлении от востока к югу. Мы находились от берега на расстоянии пяти миль. Между ним и нами море было пустынно: ни одной лодки, ни одного водолаза. Полная тишина царила на арене искателей жемчуга. Как заметил капитан Немо, мы явились в эти места месяцем раньше принятого.

К шести часам стало светло с быстротой, свойственной тропическим странам, где не бывает ни утренней зари, ни сумерек.

Солнечные лучи пробивались сквозь облачную завесу, сгустившуюся на восточном горизонте, и лучезарное светило быстро поднялось.

Я отчетливо видел землю, поросшую деревьями.

Лодка приближалась к острову Манар, который принимал на юге круглое очертание. Капитан Немо поднялся со своего места и стал осматривать море.

По данному им знаку был брошен якорь, который почти моментально достал до дна, так как мы находились над одним из самых возвышенных мест жемчужной отмели, над глубиной всего одного метра. Шлюпка тотчас обошла вокруг якоря, гонимая морским отливом, уходившим в открытое море.

— Вот мы и приехали, господин Аронакс, — заявил капитан Немо. — Видите эту узкую бухту? Здесь через месяц соберется множество лодок для добывания жемчуга, и в этих водах водолазы начнут его неутомимо разыскивать. Эта бухта хорошо приспособлена для такого рода ловли. Она защищена от сильных ветров, и море здесь никогда не бывает бурно, что весьма благоприятно для водолазных работ. Теперь облачимся в наши скафандры и начнем прогулку.

Я, ничего не отвечая и продолжая вглядываться в эти подозрительные воды, стал облачаться с помощью матросов в тяжелую морскую куртку. Капитан Немо и оба моих товарища также одевались. Никто из людей «Наутилуса» не должен был нас сопровождать в этой оригинальной экскурсии.

Вскоре мы были заключены по самую шею в каучуковые одежды, и воздушные аппараты были укреплены на наших спинах с помощью ремней. Об аппаратах Румкорфа никто не упоминал. Собираясь надеть на голову медный колпак, я напомнил о них капитану.

— Сегодня мы в них не нуждаемся, — ответил капитан. — Мы не пойдем на большие глубины, и наш путь вполне достаточно осветят солнечные лучи. К тому же неблагоразумно было бы пользоваться в этих водах электрическим фонарем. Его свет может неожиданно привлечь какого-нибудь опасного обитателя здешних мест.

Я обернулся к Конселю и Неду Ленду, но они оба уже надели металлические колпаки и не могли ни слышать, ни отвечать.

Мне оставалось задать капитану Немо последний вопрос.

— А наши ружья? — спросил я его.

— Ружья! На что они? Ваши горцы нападают на медведя с кинжалом в руке. Разве свинец надежнее стали? Вот острый клинок, заткните его за пояс и идемте.

Я взглянул на моих товарищей. Они были так же вооружены, как и я, а Нед Ленд вдобавок размахивал огромной острогой, которую он захватил

с собой, садясь в шлюпку.

Следуя примеру капитана, я дал надеть на голову тяжелый медный колпак, и наши воздушные резервуары были немедленно приведены в действие.

Через минуту матросы спустили нас одного за другим на дно отмели, и мы на глубине полутора метров вступили на гладкий песок. Капитан Немо подал знак рукой, мы последовали за ним по небольшой отлогости и скрылись под волнами.

Здесь, на дне моря, тревожившие мой ум мысли покинули меня. Я стал удивительно спокоен. Легкость движений усиливала мою уверенность, а странное зрелище пленяло воображение.

Солнце посылало достаточно света в подводное пространство: видны были малейшие предметы. Спустя минут десять мы уже находились на глубине пяти метров, и почва становилась почти ровной.

Из-под наших ног, словно стадо бекасов на болоте, подымались стаи интересных рыб из породы одноперых, довольствующихся одним хвостовым плавником. Я узнал явану, настоящую змею, длиной в восемь дециметров, с синеватым брюхом, которую можно было бы спутать с угрем, если бы у нее не было золотистых полосок на

боках. Встречались рыбы с овальным и сплюснутым телом из породы стромат, с яркоцветными спинными плавниками в виде серпа; эти рыбы съедобны, их сушат, маринуют, и они составляют вкусную закуску под названием *karavade*; попадались также и транкьебары, принадлежащие к роду ансифороид, закованные в чешуйчатые латы из восьми продольных полос.

Между тем поднимавшееся солнце все более и более освещало подводное пространство. Почва постепенно изменялась. Чистый песок сменило настоящее шоссе из округленных обломков скал, покрытых ковром из моллюсков и зоофитов. Среди образчиков этих двух разветвлений я заметил плацен с тонкими неровными створками — эти представители группы устричных раковин в изобилии водятся в Индийском океане и Красном море; оранжевых люцин с кругообразной раковиной; шиловок, персидских багрянок, снабжавших «Наутилус» замечательной краской; рогатых каменок в пятнадцать сантиметров длиной, поднимавшихся под водой, словно руки, готовые вас схватить; роговидных кубаревиков, усаженных шипами; двустворчатые раковины — лингул, анатины, съестные раковины, которые продаются на рынках Индостана; пелагий-панопир,

слегка светящихся, и, наконец, восхитительных веерообразных глазчаток, эти красивые веера, представляющие одно из самых интересных воспроизведений деревьев этих морей.

Среди этих животных-растений под тенью водорослей сновали целые легионы неуклюжих суставчатых, в особенности вид зубастая лягушка, оболочка которых походит на слегка закругленный треугольник; бирги, свойственные водам Сорокского моря, и партенопы весьма отвратительного вида. Мне пришлось не раз встречать и другое, не менее отвратительное животное — это был огромных размеров краб, исследованный Дарвином. Природа одарила его инстинктом и достаточной силой, чтобы питаться кокосовыми орехами. Он влезает на прибрежные деревья, отрывает и таким образом сбрасывает орех, который раскалывается при падении, а затем краб размалывает его мощными клещами. Здесь, в этих прозрачных водах, краб бегал с изумительным проворством, тогда как настоящие морские черепахи, часто посещающие берега Малабара, еле-еле передвигались между скалами.

Было около семи часов, когда мы достигли жемчужной отмели, на которой жемчужницы размножаются миллионами.

Эти драгоценные моллюски прирастают к скалам и соединены с ними с помощью бисуса коричневого цвета, который не позволяет им передвигаться; в этом отношении они стоят ниже ракушек, которых природа не лишила до некоторой степени способности передвигаться.

Мелеагрина — жемчужница моря; обе ее створки почти тождественны; она имеет вид округленной раковины с толстыми и снаружи шероховатыми стенками. Некоторые из этих раковин бывают покрыты наслоениями и изборождены зеленоватыми полосами, сходящимися к ее вершине лучами; такой внешний вид присущ только молодым перловкам.

Другие же, твердые и черные снаружи, в возрасте десяти лет и более, по своим размерам достигают пятнадцати сантиметров в ширину.

Капитан Немо показал мне рукой на это удивительное скопление раковин, и я понял, что этот рудник действительно неисчерпаем; да, творческая сила природы превышает разрушительные инстинкты человека. Нед Ленд, как сторонник разрушительных начал, торопился наполнить этими моллюсками сетку, которая торчала у него сбоку.

Но мы не могли задерживаться. Надо было сле-

довать за капитаном, который шел по тропинкам, только ему одному известным. Морское дно стало заметно повышаться, и я иногда, поднимая руку, высовывал ее чуть выше уровня моря. Впрочем, вскоре дно стало опускаться.

Нам часто приходилось обходить высокие скалы, заостренные в виде маленьких пирамид. В их мрачных извилинах большие морские раки, устремив на нас свои неподвижные глаза, стояли на своих высоких ногах, словно военные орудия; под нашими ногами ползали мирианы, глицеры, арисы и анелиды, вытягивая свои усики и щупальца.

В эту минуту перед нами открылась обширная пещера, образовавшаяся в живописном месте между утесами, украшенными разнообразными подводными растениями. Вначале мне эта пещера показалась совершенно темной. Солнечные лучи в ней как бы потухали. Ее неопределенная прозрачность была не что иное, как поглощенный свет.

Капитан Немо вошел в нее. Мы последовали за ним. Мои глаза вскоре освоились в этой относительной темноте. Я мог различать причудливые изгибы свода, который опирался на естественные столбы, крепко стоявшие на гранитном осно-

вании, как колонны тосканской архитектуры. Затем наш неустрашимый гид повел нас во внутренность этой подводной пещеры.

Мы спустились по весьма крутому скату и очутились на дне впадины, похожей на круглый колодец. Здесь капитан Немо остановился и указал нам рукой на предмет, которого мы не заметили.

Мы увидели раковину необычайной величины — гигантскую тридакну. Если бы ее обратить в кропильницу, она бы вместила целую бочку освященной воды; это была бы оригинальная чаша в два с лишним метра в ширину, следовательно, значительно больше того бассейна, который украшал салон «Наутилуса».

Я приблизился к этому моллюску. Своим бисусом он прикреплялся к гранитному столбу и здесь, в спокойных водах, развивался одиноко. По моему мнению, эта тридакна должна весить не менее трехсот килограммов. Следовательно, одно мясо моллюска весит пятнадцать килограммов, и надо обладать гигантским желудком, чтобы проглотить дюжину таких устриц.

Несомненно, что капитану Немо было ранее известно о местонахождении этой двустворчатой раковины. Вероятно, он не раз приходил сюда, и

я был убежден, что он повел нас сюда для того, чтобы показать нам редкое явление природы. Однако я ошибался. Оказалось, что капитан Немо интересовался положением этой тридакны совершенно по другим причинам. Обе створки моллюска были немного раскрыты. Капитан приблизился и вставил свой кинжал между створок, чтобы не дать им замкнуться. Затем он приподнял рукой бахромистую по краям перепончатую оболочку, составлявшую мантию животного.

Там между листовидными складками я увидел ничем не прикрепленную жемчужину величиной с кокосовый орех. Ее шарообразная форма, ее совершенная чистота, ее восхитительный цвет воды делали из нее драгоценность, которой не было цены.

Подстрекаемый любопытством, я протянул руку, чтобы схватить ее, взвесить и ощупать! Но капитан отрицательным знаком меня остановил, быстро вынул кинжал, и обе створки сомкнулись.

Теперь я понял намерение капитана Немо. Оставляя эту жемчужину под плащом тридакны, он предоставлял ей возможность расти и увеличиваться. С каждым годом выделения моллюска прибавляли к ней новые концентрические слои.

Один только капитан Немо знал пещеру, где созревал удивительный плод природы; один он, так сказать, воспитывал его, чтобы со временем поместить в свой драгоценный музей. Быть может, по примеру китайцев и индийцев он сам вызвал развитие этой жемчужины, вложив в складки моллюска кусочек стекла или металла, который стал исподволь покрываться перламутровым выделением.

Во всяком случае, сравнивая эту жемчужину с виденными мной прежде, с теми, которые блестели в коллекции капитана, я оценил ее не менее чем в десять миллионов франков.

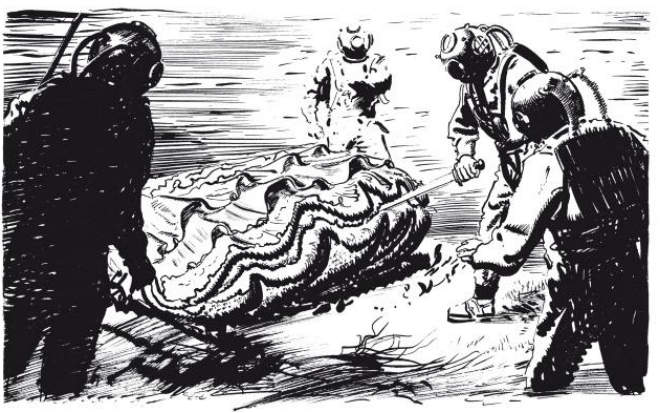
Великолепная редкость природы, но не предмет роскоши: я не знаю, какое женское ухо могло бы выдержать ее.

Визит к восхитительной тридакне был завершен. Капитан Немо покинул пещеру, и мы вышли на жемчужную отмель, которой пока не коснулись водолазы — искатели жемчуга.

Мы шли отдельно друг от друга, каждый останавливался, отставал или удалялся, как ему вздумается. Что касается меня, то я уже не страшился опасностей, столь глупо преувеличенных моим воображением. Дно постоянно повышалось, и вскоре моя голова, при одном метре

глубины, высунулась на поверхность воды. Консель догнал меня и, прижавшись своим большим колпаком к моему, сделал мне глазами дружеское приветствие.

Однако плоская возвышенность занимала поверхность всего в несколько квадратных сажен, и мы вскоре вступили в свою стихию. Я полагаю, что имею теперь право так ее называть.



Спустя минут десять капитан Немо внезапно остановился. Я думал, что он хочет вернуться назад. Однако он жестом приказал нам спрятаться в глубине широкой расщелины. Он указал мне на что-то, и я стал внимательно всматриваться.

В пяти метрах от меня показалась тень, которая спустилась до дна. Тревожная мысль об акулах возникла в моем уме; но я ошибся — на этот раз мы имели дело не с чудовищем океана.

Это был человек, живой человек, индиец, рыболов, несомненно бедняк, пришедший собирать колосья раньше жатвы. Я видел дно его лодки, стоявшей на якоре, в нескольких футах над моей головой. Он поспешно нырял и поднимался на поверхность воды. Камень, вытесанный в виде сахарной головы, привязанный веревкой к его ногам, помогал ему быстрее опускаться на дно моря. Это был его единственный инструмент. Достигнув дна на глубине пяти метров, он бросался на колени и наполнял свои мешки схваченными наудачу раковинами. Затем он всплывал к лодке, взбирался на нее, опоражнивал свой мешок, вытаскивал камень и с его помощью снова погружался на дно, где работал не более тридцати секунд.

Этот водолаз нас не видел. Тень скалы скрыва-

ла нас от его взора. Да у этого бедняка и не было оснований предполагать, что здесь, под водой, находятся существа, подобные ему, которые следят за всеми деталями его ловли.

Много раз он поднимался и погружался таким образом, собирая каждый раз не более десятка раковин, так как их приходилось с силой отрывать. В очень немногих из них обретался жемчуг, из-за которого он рисковал жизнью.

Я следил за ним с глубоким вниманием. Приемы его были уверенны, смелы, и в течение получаса никакая опасность ему не угрожала. Я вполне постиг способ этой интересной ловли, как вдруг, в тот момент, когда индиец опустился на колени, я увидел, что его лицо приняло выражение ужаса; он выпрямился и устремился к поверхности воды.

Я понял его ужас. Над несчастным водолазом показалась гигантская тень. Это была огромной величины акула, двигавшаяся наискосок, с горящими глазами и с открытой пастью.

Я онемел от ужаса и не способен был сделать ни малейшего движения.

Прожорливое животное, благодаря сильным

ударам плавников, стремительно понеслось на индийца. Несчастный успел броситься в сторону и избег зубов акулы, но не успел уклониться от удара ее хвоста; удар пришелся ему в грудь и поверг его на дно.

Эта сцена продолжалась всего несколько секунд. Акула возвратилась и, повернувшись на спину, готовилась уже рассечь индийца надвое, как я почувствовал, что капитан Немо, стоявший возле меня, поспешно встал. Затем, держа кинжал в руке, он пошел прямо на чудовище, готовый вступить с ним в борьбу, что называется, лицом к лицу.

Акула уже готовилась схватить несчастного водолаза, как увидела нового противника. Она повернулась на брюхо и быстро направилась к нему.

У меня до сих пор сохранилась в памяти поза капитана. Готовясь к нападению, он ожидал с полным хладнокровием ужасное животное, и когда оно устремилось на него, капитан, бросившись в сторону, с изумительным проворством избежал удара и вонзил ей кинжал в живот. Но этим все не кончилось. Завязалась ужасная борьба. Кровь волной хлынула из раны акулы. Море окрасилось в красный цвет, и сквозь эту непрозрачную жид-

кость я ничего не мог видеть. До тех пор, пока кругом несколько не просветлело. Тогда я увидел отважного капитана, который, схватившись одной рукой за плавник животного, боролся лицом к лицу с чудовищем и наносил кинжалом удары в живот врагу, но не мог нанести ему смертельного удара в сердце. Разъяренная акула отбивалась, страшно волнуя массу воды, колебания которой грозили меня опрокинуть.

Я хотел бежать на помощь капитану, но, прикованный страхом, не мог сдвинуться с места.

Я следил за борьбой жадным взором и наблюдал все ее фазы. Капитан упал на землю, опрокинутый огромной массой, готовой его раздавить. Затем челюсти акулы широко открылись. Казалось, все было кончено для капитана. Но вот Нед Ленд, быстрый как мысль, бросился с острогой в руках на акулу и вонзил в нее свое страшное оружие.

Вода обагрилась массой крови. Она взволновалась от движения акулы, бившейся в неописуемом бешенстве. Нед Ленд достиг своей цели. Это были предсмертные конвульсии чудовища, пораженного в сердце. Распространившееся сильное волнение опрокинуло Конселя. Между тем Нед Ленд освободил капитана. Последний

сам поднялся на ноги — как оказалось, он не был ранен, — направился к индийцу, быстро перерезал веревку, которая соединяла его с камнем, взял его на руки и сильным ударом ноги поднялся на поверхность воды. Мы все трое, так чудесно спасенные, последовали за ним и через несколько минут достигли лодки искателя жемчуга.

Первой заботой капитана было вернуть к жизни этого несчастного. Я не был уверен, что он добьется этого, но не терял надежды, так как бедняга недолго пробыл под водой; я опасался лишь, что акула ударом хвоста его убила. К счастью, благодаря усердным растираниям Конселя и капитана, утопленник мало-помалу стал приходить в чувство. Он открыл глаза. Каково было его удивление, даже ужас, когда он увидел наклонившиеся над ним четыре большие медные головы.

И в особенности должен был крайне изумиться несчастный ловец жемчуга, когда капитан Немо, вынув из кармана своего платья мешочек с жемчугом, вложил ему в руки. Эта щедрая милостыня человека вод бедному индийцу Цейлона была принята последним дрожащими руками. Его испуганный взгляд свидетельствовал, что индиец не отдавал себе ясного отчета, каким образом он спасся, и считал это делом тех сверхъесте-

ственных существ, которые стояли перед ним и одарили его богатством.

По знаку капитана мы возвратились на жемчужную мель, идя по пройденной уже дороге. После получасового путешествия мы достигли нашей лодки, стоявшей на якоре. Поместившись в нее, мы все с помощью матросов стали освобождаться от тяжелых металлических колпаков.

Первые слова капитана были обращены к канадцу.

— Благодарю вас, господин Ленд, — сказал он.

— Это реванш, — ответил Нед Ленд. — Я был у вас в долгу.

Легкая улыбка скользнула по губам капитана, и этим все ограничилось.

— На «Наутилус»! — воскликнул он.

Лодка понеслась по волнам. Через несколько минут мы встретили плавающий труп акулы. По черному цвету оконечностей плавников я узнал страшное чудовище Индийского моря, принадлежащее к виду собственно акул. Длина его превышала двадцать пять футов, огромная пасть составляла треть тела. Это был экземпляр, достигший полного развития, судя по шести рядам зубов, расположенных в пасти в виде равнобедренных треугольников.

Консель осматривал ее с научным любопытством, и я уверен, что он не преминул причислить ее совершенно правильно к отряду хрящеватых рыб, к группе *Plagiastamo*, к семейству акуловых и к роду акул.

В то время когда я рассматривал эту безжизненную массу, около нашей лодки появилась целая дюжина этих прожорливых рыб. Они, не обращая на нас ни малейшего внимания, набросились на труп и стали оспаривать друг у друга куски мяса.

В половине девятого мы возвратились на борт «Наутилуса».

Я стал размышлять о приключениях нашей поездки на жемчужную Манарскую мель и пришел к такому выводу. Капитан Немо не только безусловно отважный человек, но и отзывчивый к несчастьям до самоотверженности, и это чувство ему присуще, несмотря на то что он бежал от людей в морские глубины. Что бы ни говорил этот странный человек, он все-таки не мог убить в себе сострадания.

Когда я ему высказал это, он ответил мне взволнованным голосом:

— Этот индиец, господин профессор, житель страны угнетенных, и я всегда причисляю и буду причислять себя к этой стране.

Глава IV
Красное море

29 января остров Цейлон скрылся за горизонтом, и «Наутилус», идя со скоростью двадцать миль в час, вступил в лабиринт каналов, отделяющих Мальдивские острова от Лаккадивских. Он обогнул коралловый остров Киттан, открытый Васко да Гамой в 1499 году. Киттан, один из главных девятнадцати островов Лаккадивского архипелага, находится между 10° и 14° 30′ северной широты и 69° и 50° 70′ восточной долготы. Мы прошли уже шестнадцать тысяч двести двадцать миль, или семь тысяч пятьсот лье, от места нашего отплытия в Японском море. На следующий день, 30 января, когда «Наутилус» поднялся на поверхность океана, ни в одном направлении не видно было земли. Судно шло на северо-запад к Оманскому заливу, который находится между Аравией и Индийским полуостровом и служит входом в Персидский залив. Очевидно, перед нами расстилалось необъятное море без всякого выхода. Куда нас вел капитан Немо? Я не мог этого угадать. Это тревожило и канадца, который

в этот день задал мне вопрос: куда мы плывем?

— Мы идем, друг Нед, туда, куда влечет фантазия капитана Немо.

— Эта фантазия, — ответил канадец, — не может нас вести далеко. Персидский залив не имеет выхода, и если мы в него войдем, то вынуждены будем вскоре возвратиться назад.

— Ну что же, мы и возвратимся, мистер Ленд, и, если после Персидского залива «Наутилус» вздумает посетить Красное море, Баб-эль-Мандебский пролив всегда к его услугам.

— Мне не приходится указывать вам, господин профессор, — ответил Нед Ленд, — что Красное море также закрытый залив и Суэцкий перешеек еще не прорыт. Да будь он и прорыт, все равно такое таинственное судно, как «Наутилус», никогда не рискнет войти в его каналы, пересекаемые шлюзами. Из этого следует, что если мы достигнем Европы, то не через Красное море.

— Но я не говорил, что мы возвратимся в Европу.

— Что же вы предполагаете?

— Я полагаю, что после посещения берегов Аравии и Египта «Наутилус» снова вступит в Индийский океан, может быть, Мозамбикским проливом; или направится к Мадагаскарским

островам, чтобы достичь мыса Доброй Надежды.

— Ну, мы достигнем мыса Доброй Надежды! А дальше? — воскликнул канадец.

— Дальше? Мы проникнем в Атлантический океан, с которым мы еще не познакомились… Позвольте, друг Нед! Разве вас утомило это подводное путешествие? Разве вы уже пригляделись к этому зрелищу, нескончаемому по разнообразию подводных чудес? Что касается лично меня, то мне будет очень досадно, если прекратится это путешествие, которое выпало на долю столь незначительного числа людей.

— Но знаете ли вы, господин Аронакс, — ответил канадец, — что уже скоро три месяца, как мы являемся пленниками на борту «Наутилуса»?

— Нет, Нед, я этого не знаю; не хочу знать, я не считаю ни дней, ни часов.

— Но когда же настанет конец этому?

— Конец придет в свое время. К тому же мы ничего не можем предпринять и только понапрасну ведем споры. Если бы вы, мой храбрый Нед, пришли бы сказать мне: «Нам представляется случай к побегу», тогда бы я его стал обсуждать вместе с вами. Но такого случая нет, и, говоря откровенно, я уверен, что капитан Немо не бросится в такую авантюру, как посещение европейских морей.

На основании этого краткого диалога можно прийти к заключению, что я стал горячим почитателем «Наутилуса» и принадлежал душой и телом его капитану.

Что касается Неда Ленда, то он закончил разговор следующим кратким монологом:

— Все хорошо и красиво, но, по моему мнению, где есть стеснение, там уже нет удовольствия.

В течение четырех дней, до 3 февраля, «Наутилус» продолжал свой путь по Оманскому заливу с различной скоростью и на различных глубинах. Казалось, он шел наудачу, как будто колебался, не решаясь выбрать определенный путь, и ни разу не пересек тропика Козерога.

Когда мы покидали это море, перед нами на одну минуту показался Маскат, главный город Оманской земли. Я любовался странным видом города, расположенного среди черных скал, на фоне которых еще резче выделялись его белые дома и укрепления. Я видел круглые купола его мечетей, изящные остроконечные минареты, его свежие, зеленеющие террасы. Но это было только видение — «Наутилус» вскоре погрузился в волны этого мрачного моря.

Потом он прошел на расстоянии шести миль от аравийских берегов Махра, Хадрамаута и

волнистого ряда гор, украшенных несколькими древними развалинами. Наконец 5 февраля мы вступили в Аденский залив, настоящую воронку, вставленную в ту глотку Баб-эль-Мандебского пролива, через которую воды Индийского океана вливаются в Красное море.

6 февраля «Наутилус» шел в виду Адена, расположившегося на мысе, которым оканчивается узкий перешеек. Аден — это тот же неприступный Гибралтар; он укреплен англичанами, которые им завладели в 1839 году. Мне удалось увидеть восьмигранные минареты этого города, который, по рассказу историка Эдризи, был некогда самым богатым торговым местом на этом берегу.

Я был твердо уверен, что, достигнув этого пункта, капитан Немо возвратится назад; однако я ошибся, и, к величайшему моему удивлению, этого не случилось.

На следующий день, 7 февраля, мы вошли в Баб-эль-Мандебский пролив, что на арабском языке значит «ворота слез». Его длина при двадцати милях ширины всего пятьдесят два километра, и «Наутилус», идя полным ходом, прошел его за час. Мне ничего не удалось увидеть, даже острова Перима, который британскими инженерами обращен в передовой форт Адена. В этом узком

проливе плавало много английских и французских кораблей, направлявшихся от Суэца к Бомбею, Калькутте, Мельбурну, островам Бурбон и Маврикия, и «Наутилус» не решался всплывать на поверхность воды. Он благоразумно держался в глубине вод.

Наконец около полудня мы вошли в Красное море. Красное море — знаменитое озеро библейских сказаний, — не освежаемое дождями, не орошаемое ни одной значительной рекой, ежегодно понижается вследствие чрезмерного испарения на полтора метра. Странный залив, который, если бы был закрыт и стал озером, совсем бы высох. Своим испарением он перещеголял соседние моря, уровень которых понижался только до тех пор, пока их испарения не уравновешивались с количеством вливающихся в них вод.

Это Красное море имеет в длину две тысячи шестьсот километров и в ширину — около двухсот сорока километров. Во времена Птолемеев и римских императоров оно было великой торговой артерией Древнего мира, и прорытый канал возвратил ему его древнее значение, которое отчасти восстанавливала и суэцкая железная дорога.

Я не старался даже понять каприза капитана

Немо, побудившего его войти в этот залив-море, и был очень доволен, что «Наутилус» вступил в него. «Наутилус» шел средним ходом, то всплывая на поверхность, то углубляясь в море, чтобы избежать встречи с каким-либо кораблем. В этих условиях мне представилась возможность наблюдать это интересное море и на поверхности, и внутри.

8 февраля, с рассветом, показалась Мокка — город, в настоящее время разрушенный, стены которого могут развалиться от одного звука пушечного выстрела и над которым возвышаются там и сям несколько зеленеющих финиковых пальм. В прежнее время город имел довольно большое значение: в нем обреталось шесть базаров, двадцать шесть мечетей, и его опоясывала каменная стена в три километра длиной, усиленная четырнадцатью фортами.

Затем «Наутилус» подошел к африканским берегам, где море было значительно глубже. Здесь, между двумя течениями кристаллической чистоты, мы могли сквозь окна любоваться кустарниками блестящих кораллов и огромными плоскими скалами, покрытыми великолепным зеленым ковром водорослей. Какое чудное зрелище, сколько разнообразия в пейзажах на гладких

подводных рифах и вулканических островах, которые тянутся вдоль ливийских берегов! Но где вся растительность предстала во всей своей красе — это у восточных берегов, к которым вскоре «Наутилус» приблизился, именно у берегов Тегамы. Там цвели зоофиты; они не только расстилались ниже уровня моря, но и выступали в живописных сплетениях на поверхность воды; последние были причудливее, но не столь ярки, как первые, свежесть которых поддерживалась оживляющей влажной средой.

Сколько прелестных часов провел я таким образом у окон салона! Сколько чудных экземпляров подводной флоры и фауны, освещенных электрическим светом, вызывало мое удивление и восхищение! Водоросли, похожие на грибы, аспидного цвета актинии, расположенные словно флейты и ожидающие дуновения бога Пана; особого вида, свойственные этому морю раковины, приютившиеся в расщелинах скал, образуемых звездчатыми кораллами; наконец, тысячи экземпляров еще не виданного мною до сего времени полипняка — обыкновенной губки.

Класс губок, первый из группы полипов, получил название от того интересного продукта, польза которого общеизвестна. Губка — не рас-

тение, как до сих пор утверждают некоторые натуралисты, но животное низшего порядка — полипняк, который стоит ниже коралла. Что это животное, в том нельзя сомневаться, и приходится откинуть воззрение древних, относивших губку к промежуточной форме между животными и растениями. Впрочем, и современные натуралисты различно смотрят на строение губки. Одни говорят, что это полипняк, другие же, и в том числе Мильн Эдвардс, утверждают, что это единичный и отдельный индивидуум. Класс губок заключает в себе до трехсот видов, которые встречаются в различных морях и даже реках. Последние потому и получили название речных губок. Настоящей родиной губок считаются воды Средиземного моря, Греческого архипелага, берега Сирии и Красного моря. Там обретаются высшие сорта губок, цена которых доходит до ста пятидесяти франков, а также и высоко ценимые и пользующиеся большим спросом светлые сирийские губки, твердые берберийские и прочие.

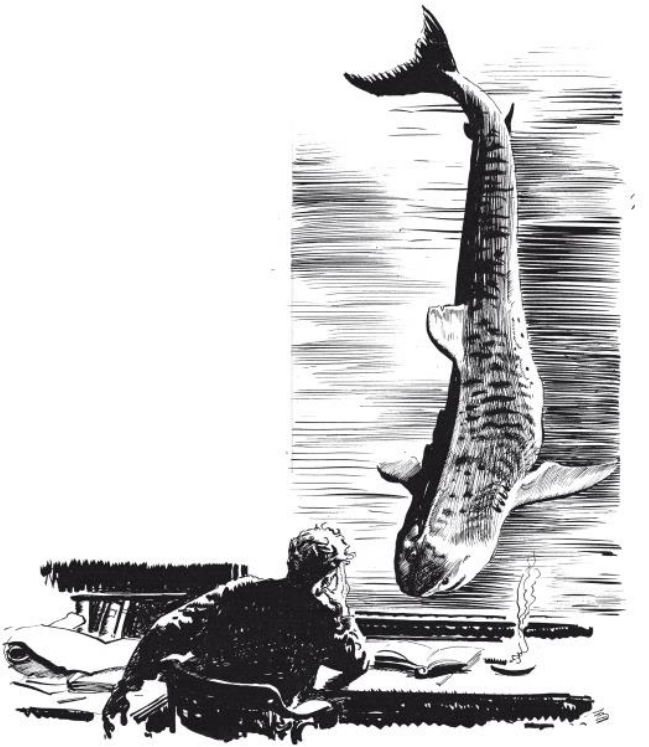
Так как я не рассчитывал изучать этих зоофитов в Левантских водах, которые отделяли нас от Суэцкого перешейка, то воспользовался подходящими условиями и стал изучать их жизнь в водах Красного моря.

Я подозвал к себе Конселя, в то время как «Наутилус» медленно плыл на глубине от восьми до девяти метров мимо прекрасных скал восточного берега.

Тут росли губки всех форм: стеблевидные, листовидные, шаровидные и лапчатые. Они действительно оправдывали названия корзинок, чашек, прялок, лосиного рога, львиной ноги, павлиньего хвоста, нептуновой перчатки, которые даны им рыболовами, руководствовавшимися более поэзией, чем наукой. Из волокнистой ткани губок, пропитанной почти жидким студенистым веществом, постоянно вытекали тонкие струйки воды, которые, доставив пищу клеточкам, выталкивались сократительным движением ткани. Студенистое вещество губки исчезает после смерти полипа, причем при гниении выделяется аммиак; тогда остаются только одни роговидные волокна, в каком виде и является губка в домашнем употреблении; она имеет рыжеватый оттенок и различна по форме, упругости, мягкости и прочности.

Эти полипы-губки прикреплялись к скалам, к раковинам моллюсков и даже к стеблям водорослей. Они наполняли малейшие впадины, то растягивались, то поднимались, то висели, как

коралловые наросты.



Я объяснил Конселю, что губки ловятся двояким способом: иногда драгой, иногда руками. Последний способ, при котором необходимы водолазы, предпочтительнее, так как в этом случае сохраняется ткань полипняка, что значительно подымает его рыночную цену. Прочие зоофиты, расположившиеся среди губчатых полипняков, состояли из медуз очень изящного вида; представителями моллюсков явились разновидности кальмара, которые, по д'Орбиньи, свойственны исключительно Красному морю, а из пресмыкающихся часто встречались черепахи, доставлявшие нашему столу здоровую и вкусную еду.

Что же касается рыб, то они водились здесь в изобилии. Вот название тех, которые чаще всего попадали в сети «Наутилуса»: скаты, среди которых находились лиммы коричневого цвета с неравными голубыми пятнами; главное отличие лимм от скатов составляет двойной губчатый шип; арнаки с серебряной спиной; морские коты с шипом на хвосте и бокаты в виде огромных плащей в два метра длиной; аодоны, совершенно лишенные зубов, хрящеватые рыбы, близкие к акулам; дромадеры длиной в полтора фута, у которых горб заканчивается загнутым шипом;

офидии — настоящие мурены с серебряным хвостом, голубоватой спиной и коричневыми передними плавниками, окаймленными серой полоской; горамисы в четыре дециметра длиной; восхитительные каранксы, украшенные семью поперечными полосами черного цвета, с желтыми и голубыми плавниками и с золотистой чешуей; скары, лабры, балисты и тысячи других рыб, свойственных океанам, которые мы уже проплыли.

9 февраля «Наутилус» проходил по самой широкой части Красного моря, достигающей ста девяноста миль и находящейся между Суакином на западном берегу и Кунфудой на восточном берегу.

В этот день, в полдень, капитан Немо вышел на платформу, где я находился. Я дал себе обещание не отпускать его, не добившись, по крайней мере, намека на его дальнейшие намерения. Он подошел ко мне, как только меня заметил, и, предложив мне весьма любезно сигару, сказал:

— Ну что, господин профессор, как вам нравится Красное море? Успели ли вы осмотреть собранные в нем чудеса, его рыб, зоофитов, его цветники из губок и его коралловые леса? Как вам понравились города, разбросанные по его

берегу?

— Да, капитан, — ответил я, — «Наутилус» приспособлен ко всем этим наблюдениям. Это умное судно!

— Да, господин профессор, умное, отважное и неуязвимое. Ему не страшны ни яростные бури Красного моря, ни его течения, ни его подводные рифы.

— Действительно, — заметил я, — это море для плавания считается одним из худших, и это реноме, если я не ошибаюсь, за ним упрочилось с древних времен.

— Отвратительное, господин Аронакс! Греки и римляне не говорят в его пользу, а Страбон замечает, что оно по преимуществу опасно во время постоянных ветров и в сезон дождей. Араб Эдризи, называя его заливом-кольцом, рассказывает, что множество кораблей погибло на его песчаных банках и что никто не решался плавать по нему ночью. Далее он говорит, что в нем часто свирепствуют ураганы, что оно усеяно негостеприимными островами, что оно не представляет ничего хорошего ни в своих глубинах, ни на поверхности. Того же мнения и Арриан, Агатархит и Артемидор.

— Из чего ясно следует, — заметил я, — что эти

историки не плавали на «Наутилусе».

— Вне сомнения, — ответил, улыбаясь, капитан, — но в этом отношении и современные недалеко ушли от древних. Сколько столетий понадобилось, чтобы приложить к движению силу пара. Может, пройдет еще столетие, а другой «Наутилус» не появится. Прогресс идет медленно, господин Аронакс!

— Конечно, — ответил я, — ваше судно опередило целое столетие, может быть, и несколько столетий. Какое несчастье, что такое великое открытие должно умереть вместе со своим изобретателем!

Капитан Немо ничего мне не ответил. Прошло несколько минут, пока он завел снова речь.

— Я говорил о мнении древних историков относительно опасности плавания в Красном море.

— Да, — ответил я, — но, быть может, их страх был преувеличен?

— Да нет, господин Аронакс, — ответил капитан Немо, который, как мне казалось, знал в совершенстве «свое» Красное море. — То, что не представляет опасности для современного корабля, хорошо оснащенного и прочно выстроенного, свободного в своем движении и направлении благодаря пару, представляло всевозможные

опасности судам древних. Вообразите себе этих первых мореплавателей, пустившихся в опасное море на барках, сделанных из досок, связанных пальмовыми веревками, проконопаченных толченой древесной смолой и смазанных салом акул. Они не имели даже инструментов для определения направления и плыли, исчисляя ход самым грубым способом. Понятно, что при таких условиях случаи кораблекрушения были многочисленны, но в наше время быстроходным пароходам, совершающим срочные рейсы между Суэцем и портами южных морей, бояться этого залива, несмотря на господствующие муссоны, не приходится. Ни капитаны, ни пассажиры этих пароходов перед отъездом умилостивительных жертв не приносят и, совершив переезд, не украшают себя гирляндами и золотыми повязками, чтобы отправиться в храмы вознести благодарение богам.

— Я с этим согласен, — ответил я, — но мне кажется, что пар убил благодарность в сердцах моряков! Однако, капитан, вы, который, видимо, специально изучали это море, не можете ли мне объяснить, отчего получило оно название Красного?

— По этому вопросу существует много различ-

ных толкований. Не хотите ли узнать мнение одного летописца четырнадцатого столетия?

— Охотно!

— Этот фантазер утверждает, что это название было дано морю после перехода через него израильтян, когда фараон со своим войском погиб в его волнах, сомкнувшихся по слову Моисея:

En signe de cette merveille
Devant la mer rouge et vermeille
Non puis ne saurent la nommer
Autrement que la rouge mer[13].

— Это объяснение поэта, капитан Немо, — ответил я, — и оно меня не удовлетворяет. Я бы желал знать ваше личное мнение.

— Вот оно! По-моему, господин Аронакс, в этом названии — Красное море — надо усматривать перевод еврейского слова «эдом», и если в древности было ему дано это имя, то по причине особой окраски его воды.

— До сих пор я видел только чистые воды, без

---

[13] Примечания: 13

В знак этого чуда
Море стало красным и алым.
И потому впоследствии
Его назвали Красным морем.

всякой особой окраски.

— До сих пор, это так! Но, пройдя дальше вглубь залива, вы заметите красную окраску. Я помню, что видел бухту Тар совершенно красной, как озеро крови.

— И этот цвет вы объясняете присутствием микроскопической водоросли?

— Да, это пурпурное слизистое вещество, выходящее из мелких растений, известных под названием триходесмий, которых понадобится сорок тысяч, чтобы покрыть пространство в один квадратный миллиметр. Эту окраску воды вам, быть может, придется увидеть, если мы будем в заливе Тар.

— Следовательно, капитан, вы не в первый раз посещаете на «Наутилусе» Красное море?

— Нет, не первый.

— Позвольте спросить, не пытались ли вы исследовать под водой то упомянутое вами место, где евреи перешли море, а египтяне нашли свою смерть?

— Нет, господин профессор, и по весьма понятным причинам.

— Каким?

— Потому что местность, по которой прошел Моисей вместе со своим народом, до того зане-

сена песком, что теперь, когда по ней проходят верблюды, вода еле доходит им до колен. Вы понимаете, что для моего «Наутилуса» там слишком мало воды.

— А где это место находится?

— Это место находится немного выше Суэца, в рукаве, составлявшем прежде глубокий лиман, и именно в то время, когда Красное море доходило до горьких озер. Израильтяне перешли это место, направляясь в Землю обетованную, и то же место послужило могилой фараонову войску. Я полагаю, что при раскопках этих песков нашлось бы много египетского оружия и различных инструментов.

— Это очевидно, — ответил я, — надо надеяться, что, к удовольствию археологов, эти раскопки будут предприняты рано или поздно, после того как возникнут на перешейке новые города с прорытием Суэцкого канала. Впрочем, канал для вашего «Наутилуса» бесполезен.

— Для «Наутилуса» — да, но зато полезный для целого мира, — сказал капитан Немо. — Древние народы прекрасно понимали значение для их торговых предприятий возможности сообщения между Красным и Средиземным морями, но они и не мечтали о прямом канале и рассчитывали

на Нил как на посредника. Вероятно, канал, соединяющий Нил с Красным морем, был начат при Сезострисе, если ссылаться на предание. Достоверно, что за шестьсот пятнадцать лет до Рождества Христова Нехо предпринял работы по устройству канала, которому доставлял воду Нил, и что этот канал проходил поперек египетской низменности, лежащей против Аравии. По этому каналу можно было подняться вверх за четыре дня, и он был настолько широк, что две триремы могли идти в нем рядом. Работы продолжались Дарием, сыном Гистаспа, и закончены были, вероятно, при Птолемее Втором. Страбон видел, как на нем ходили суда, но незначительность его падения от Бубаста до Красного моря была причиной, что им могли пользоваться только несколько месяцев в году. Этот канал служил для торговли до века Антонинов. Затем он стал мелеть и был заброшен, но снова восстановлен по повелению халифа Омара. В 761 или 762 году он был уже окончательно засыпан халифом Аль-Манзором с целью воспрепятствовать привозу съестных припасов Мохаммеду-бен-Ауллаху, восставшему против него. Во времена египетской экспедиции генерала Бонапарта последний нашел еще следы этих работ в пустыне Суэца и,

застигнутый приливом, чуть не погиб за несколько часов до приезда в Гаджерот на том самом месте, где Моисей расположил лагерь три тысячи лет тому назад.

— И что же, капитан, чего не могли предпринять древние — соединения морей, сокращающего путь от Кадикса до Индии на девять тысяч километров, того уже достигает господин Лессепс, и вскоре он обратит Африку в громадный остров.

— Да, господин Аронакс, вы вправе гордиться вашим соотечественником. Этот человек доставляет нации больше чести, чем величайшие полководцы. Поначалу, как и многих других, его преследовали неудачи, но в конце концов он восторжествовал благодаря своей гениальной воле. Грустно подумать, что это творение, которое должно было стать достоянием всего государства, создано энергией одного человека. Итак, честь и слава Лессепсу!

— Да, честь и слава этому великому гражданину! — ответил я, сильно удивленный тем увлечением, с которым говорил капитан Немо.

— К сожалению, — продолжал капитан Немо, — я не могу вести вас через Суэцкий канал, но тем не менее вам представится возможность послезавтра увидеть длинные насыпи Порт-Саида,

когда мы войдем в Средиземное море.

— В Средиземное море! — вскрикнул я.

— Да, господин профессор. И это вас удивляет?

— Меня удивляет то, что мы будем там послезавтра.

— Правда?

— Да, капитан, и несмотря на то, что я отучился удивляться с тех пор, как нахожусь на «Наутилусе».

— Но что вас, собственно, удивляет?

— Главным образом та поразительная скорость хода, которую вы придадите «Наутилусу». Если послезавтра он войдет в Средиземное море, то, следовательно, он за это время обогнет мыс Доброй Надежды, обойдя почти вокруг всей Африки?

— Кто вам говорил, что он обогнет мыс Доброй Надежды?

— Надеюсь, «Наутилус» не плавает по твердой земле и тем более не может пройти над перешейком.

— А под перешейком?

— Под перешейком?!

— Да, под перешейком, — ответил спокойно капитан Немо. — Природа уже давно позаботилась устроить под перешейком то, о чем теперь так

хлопочут люди на его поверхности.

— Что! Как? Существует проход?

— Да, подземный проход, который я назвал Аравийским туннелем. Он начинается под Суэцем и выходит в Пелузиум.

— Но этот перешеек состоит из движущихся песков?

— До известной глубины; но уже на пятидесяти метрах глубины находится непоколебимый слой утесов.

— Вы случайно открыли этот проход? — спросил я, продолжая все более и более удивляться.

— Случай и рассудительность, господин профессор, и более размышлением, чем случаем.

— Капитан, я вас слушаю, но перестаю верить своим ушам.

— Ах, господин профессор! «Aures habent et non audient»[14] имело место во все времена! И я вам скажу, что не только существует этот проход, но я им пользовался уже много раз. Иначе бы я сегодня не рискнул пройти этим проходом в Средиземное море.

— Вы не сочтете нескромным мой вопрос, как вы открыли этот туннель?

---

[14] Примечания: 14

Имеющие уши да не услышат *(лат.)*.

— Сударь, — воскликнул капитан Немо, — между людьми, которые обречены не расставаться друг с другом, секретов не должно быть!

Я не ответил на его намек и стал слушать рассказ капитана Немо.

— Господин профессор, — начал он свое объяснение, — только простое рассуждение натуралиста привело меня к открытию этого прохода, который к тому же только мне одному известен. Я заметил, что как в Красном, так и Средиземном море находятся в большом количестве совершенно одинаковые виды рыб из породы офидий и других. Убедившись в этом, я задал себе вопрос, не существует ли сообщения между этими двумя морями. Если это так, то подземный проток должен выходить из Красного в Средиземное море исключительно в силу разности уровней этих морей. Я наловил множество рыб у окрестностей Суэца, навязал им на хвост медные кольца и снова пустил в море. Несколько месяцев спустя, уже у берегов Сирии, мне попадались некоторые экземпляры рыб с надетыми на хвосты помеченными мною кольцами. Сообщение между морями было вполне доказано. Тогда я стал на моем «Наутилусе» искать проход, нашел его и прошел по нему. Скоро и вы, господин профессор,

пройдете через мой Аравийский туннель.

Глава V
Аравийский туннель

В тот же день я передал Конселю и Неду Ленду ту часть этого разговора, которая должна была их интересовать. Когда я им сообщил, что через два дня мы войдем в Средиземное море, Консель захлопал в ладоши, а канадец пожал плечами.

— Подводный туннель! — вскрикнул он. — Сообщение между двумя морями! Кто бы мог подумать!

— Друг Нед, — сказал Консель, — разве вы слышали когда-нибудь о существовании «Наутилуса»? Нет! А он тем не менее существует. Не пожимайте так легкомысленно плечами и не отрицайте вещей на том основании, что вы никогда о них не слыхали.

— Мы это увидим, — возразил Нед Ленд, покачивая головой. — Впрочем, я готов верить, что проход, о котором говорил капитан Немо, существует, и дай бог, чтобы ему удалось вывести нас в Средиземное море.

В тот же вечер между двадцать первым и тридцатым градусами северной широты, плывя по

поверхности моря, «Наутилус» приблизился к аравийскому берегу. Я увидел Джидду — торговый пункт Египта, Сирии, Турции и обеих Индий.

Я довольно ясно различал общий вид ее построек, корабли, стоявшие вдоль набережной, а также и многие суда, которым пришлось бросить якорь на рейде в связи с их значительной осадкой. Низко спустившееся солнце прямыми лучами освещало дома и еще более подчеркивало их белизну. Расположившиеся вне города деревянные или тростниковые хижины указывали, что этот квартал заселен бедуинами.

Вскоре Джидда скрылась в вечернем сумраке, и «Наутилус» погрузился в воды, слегка фосфоресцирующие.

На следующий день, 10 февраля, появилось несколько кораблей, которые шли нам навстречу. «Наутилус» опять погрузился в воду; но в полдень, когда море было пустынно, он снова поднялся до своей ватерлинии. Я вместе с Конселем и Недом Лендом уселся на палубе. Восточный берег представлялся какой-то неопределенной массой, смутно очерченной в сыром тумане. Облокотившись на край шлюпки, мы разговаривали о том о сем, как вдруг Нед Ленд, протянув руки по направлению к какому-то предмету,

обратился ко мне:

— Видите ли вы там что-нибудь, господин профессор?

— Нед Ленд, — ответил я, — но ведь вы знаете, что я не обладаю вашей дальнозоркостью.

— Смотрите хорошенько, — ответил Нед, — туда, вперед, со стороны штирборта, почти на высоте маяка!.. Разве вы не видите какую-то двигающуюся массу?

— Действительно, — ответил я после внимательного всматривания, — я вижу на поверхности воды какое-то длинное черное тело.

— Другой «Наутилус»? — сказал Консель.

— Нет, — ответил канадец, — если я не ошибаюсь, это какое-то морское животное.

— Разве киты водятся в Красном море? — спросил Консель.

— Да, — ответил я, — они иногда встречаются в нем.

— Это вовсе не кит, — возразил Нед Ленд, не спуская глаз с двигающегося предмета. — Киты — мои старые знакомые, и я бы узнал кита тотчас.

— Подождем, — сказал Консель. — «Наутилус» направляется к этому предмету, и вскоре мы узнаем, что нам делать.

Действительно, черноватый предмет вскоре

находился от нас на расстоянии не более мили. Он походил на большой риф, плывущий посреди моря. Что бы это могло быть? Я не мог на это ответить.

— А он плывет, он ныряет! — вскрикнул Нед Ленд. — Тысяча чертей! Какое это могло бы быть животное? Хвост у него не раздвоен, как у китов или кашалотов, и его плавники похожи на обрубленные члены.

— В таком случае… — начал я.

— Вот он ложится на спину, — перебил меня канадец, — и выставляет свои груди кверху.

— Это сирена! — вскрикнул Консель. — Настоящая сирена, если господин профессор не против.

Это название, сирена, навело меня на истинный путь, и я понял, что животное принадлежит к тому порядку морских животных, которых басня превратила в сирен — наполовину женщин, наполовину рыб.

— Нет, — сказал я Конселю, — это не сирена, но очень любопытное существо, которое всего в нескольких экземплярах продолжает водиться в Красном море. Это — дюгонь.

— Порядок сирен, группа рыбовидных, подкласс дельфиновых, класс млекопитающих, отдел позвоночных, — провозгласил Консель.

А когда Консель так говорил, то возражать ему не приходилось.

Между тем Нед Ленд продолжал смотреть на животное, и его глаза разгорались. Его рука, казалось, готова была метнуть в животное гарпун. Он, по-видимому, выжидал удобную минуту, чтобы броситься в море и напасть на животное в его родной стихии.

— О господин, — обратился он ко мне дрожащим от волнения голосом, — мне ни разу не приходилось убивать такое.

В это слово гарпунщик вложил все, что хотел сказать.

В ту же минуту на палубе показался капитан Немо. Он заметил дюгоня, по одной позе понял, что волнует канадца, и обратился прямо к нему:

— Гарпун, будь он у вас, мистер Ленд, жег бы вам руку.

— Это так, господин.

— Вы бы ничего не имели против того, чтобы снова заняться, хотя бы один день, своим ремеслом и присоединить этого кита к списку уже вами убитых?

— Это было бы мне по душе.

— В таком случае — попытайтесь.

— Благодарю, господин! — воскликнул Нед

Ленд, глаза которого загорелись.

— Только, — продолжал капитан, — я в ваших же интересах советую вам не промахиваться.

— Разве нападение на дюгоня так опасно? — спросил я капитана, несмотря на то что канадец презрительно пожал плечами.

— Да, иногда, — ответил капитан. — Это животное само нападает на своих преследователей и опрокидывает их лодку. Впрочем, мистеру Ленду этого нечего опасаться. Его глаз верен так же, как и рука. И если я советую ему не промахнуться, то ради того, чтобы не лишиться вкусной дичи, тем более что я знаю, что мистер Ленд не пренебрегает вкусным куском.

— А! — воскликнул канадец. — Так он позволяет себе роскошь обладать вкусным мясом?

— Да, мистер Ленд. Мясо дюгоня — настоящая говядина, даже вкуснее, и его берегут во всей Малой Азии для стола принцев. Вот почему это животное так настойчиво преследуется, как и его сородич ламантин, и встречается все реже и реже.

— В таком случае, капитан, — сказал серьезно Консель, — возможно, что это животное — последний экземпляр, а тогда его следует пощадить в интересах науки.

— Быть может, — возразил канадец, — но для пользы кухни его надо убить.

— Принимайтесь за дело! — воскликнул капитан, обращаясь к Ленду.

В ту же минуту шесть человек из экипажа, немых и невозмутимых, как всегда, показались на палубе. Один из них нес гарпун и линь, который употребляют китобойцы. Шлюпку освободили из ее гнезда и спустили на воду. Шесть гребцов поместились на скамейках, рулевой занял свое место. Нед Ленд, Консель и я поместились на корме.

— А вы остаетесь, капитан? — спросил я.

— Да, господин профессор, желаю вам успеха.

Шлюпка отчалила и на своих шести веслах быстро понеслась к дюгоню, находившемуся в двух милях от «Наутилуса». Приблизившись к животному на расстояние нескольких кабельтовых, шлюпка умерила свой ход, и весла бесшумно погружались в спокойные воды. Нед Ленд с гарпуном в руке перешел на нос шлюпки.

Гарпун, который бросают в кита, обычно привязывается к длинной веревке, быстро разматывающейся по мере того, как раненое животное тащит ее за собой. Но имевшаяся веревка не превосходила длиною десяти сажен, другой ее конец был прикреплен к небольшому бочонку,

который, держась на поверхности воды, должен был указывать направление, куда уходит под водой животное.

Я поднялся и стал внимательно следить за противником канадца. Этот дюгонь, носящий также название галикора, очень походил на ламантина. Его продолговатое тело оканчивалось длинным хвостом, а боковые плавники — настоящими пальцами. Отличался же он от ламантина тем, что его верхняя челюсть вооружена двумя длинными и острыми зубами и по обеим сторонам находятся расходящиеся клыки.

Этот дюгонь, которого собирался атаковать Нед Ленд, был колоссальных размеров: длина его тела превышала семь метров. Он не двигался, и казалось, что спит на волнах, — обстоятельство, значительно облегчавшее нападение.

Шлюпка осторожно приблизилась на три сажени к животному. Весла оставались без движения, держась в уключинах. Я наполовину приподнялся. Нед Ленд, откинув корпус несколько назад, потрясал гарпуном привычной и ловкой рукой.

Внезапно раздался сильный свист, и дюгонь исчез. Гарпун, брошенный с силой, казалось, ударил в воду.

— Тысяча чертей! — вскрикнул в ярости кана-

дец. — Я промахнулся.

— Нет, — возразил я, — животное ранено, вот его кровь, но ваша острога не осталась в его теле.

— Мой гарпун! Мой гарпун! — вопил Нед Ленд.

Матросы принялись грести, и рулевой направил лодку к плавающему бочонку. Достав гарпун, мы направились преследовать животное.

Дюгонь временами подымался на поверхность воды для дыхания. Полученная им рана не заставила его ослабеть, так как он плыл с изумительной быстротой. Лодка, приводимая в движение сильными руками, маневрировала, идя по его следам. Она не раз приближалась к нему на несколько сажен, и канадец готовился снова метнуть свой гарпун, но животное неожиданно ныряло, после чего приходилось его вновь нагонять.

Можно судить, какой гнев бушевал в груди пылкого Неда Ленда. Он осыпал несчастного дюгоня самыми энергичными проклятиями на английском языке. Что касается дюгоня, то мне было только досадно, что животное так ловко уворачивается.

Преследование длилось безостановочно целый час, и я уже начинал сомневаться в успехе, как вдруг животному пришла несчастная мысль о

мщении, в чем ему пришлось раскаяться. Оно повернуло к лодке, очевидно, с целью напасть на нее.

Намерение дюгоня не ускользнуло от внимания канадца.

— Внимание! — крикнул он.

Рулевой произнес несколько слов на своем непонятном языке и, вероятно, посоветовал гребцам быть настороже.

Дюгонь приблизился на расстояние футов двадцати от лодки. Он потянул воздух широкими ноздрями, которые расположены у него на верхней части морды. Затем порывисто набросился на нас.

Лодка не успела увернуться от удара; покачнувшись в сторону, она зачерпнула до двух тонн воды, которую пришлось выкачивать. Благодаря ловкости рулевого удар животного пришелся наискось, почему лодка и не опрокинулась. Нед Ленд, стоя на носу, наносил гарпуном удары огромному животному, которое, вонзив зубы в борт, поднимало шлюпку над водой, как лев поднимает козленка. Все мы попадали один на другого, и, право, я не знаю, чем бы окончилась эта авантюра, если бы канадец, продолжавший бороться с животным, не нанес ему удара в серд-

це.

Я слышал скрип зубов по листовому железу, но тотчас же дюгонь нырнул, увлекая с собой и застрявший в его теле гарпун. Вскоре гарпун всплыл на поверхность воды, а несколько минут спустя появилось и тело животного, перевернувшееся на спину. Лодка подошла к трупу, взяла его на буксир и направилась к «Наутилусу».

Пришлось обратиться к помощи особых и сильных кранов, чтобы поднять дюгоня на палубу. Он весил пять тысяч килограммов. Его разрубили на части в присутствии канадца, который следил за всеми подробностями этой операции. В тот же день нам подали на обед несколько кусков мяса дюгоня, искусно приготовленного поваром корабля. Оно показалось мне весьма вкусным, вкуснее телятины, если не говядины.

На другой день, 11 февраля, провиант «Наутилуса» обогатился другой превосходной дичью. Стая морских ласточек опустилась на палубу. Они принадлежали к виду *sterna nilotica*, присущему только Египту. Клюв у них черный, голова серая с пятнами, глаза окружены большими точками, спина, крылья и хвост сероватые, грудь и горло белые, лапки красные. Удалось поймать и несколько дюжин нильских уток. У этих диких

птиц верхняя часть головы и шея испещрены черными пятнами, и мясо их не только съедобно, но и вкусно.

«Наутилус» умерил скорость хода, он шел, так сказать, прогуливаясь. Я заметил, что по мере нашего приближения к Суэцкому перешейку вода в Красном море становилась все менее и менее соленой.

Около пяти часов вечера мы увидели на севере мыс Рас-Мухаммед. Этот мыс, который составляет оконечность Каменистой Аравии, лежит между Суэцким заливом и Акабой. «Наутилус» проник в залив, в пролив Губаль, ведущий в Суэцкий залив. Я отчетливо увидел высокую гору, поднимавшуюся между обоими заливами над мысом Рас-Мухаммед. Это был Синай, на вершинах которого Моисей лицезрел Бога лицом к лицу, и эта гора всегда представляется воображению увенчанной молниями. В шесть часов вечера «Наутилус», то всплывая, то погружаясь в глубину, прошел на высоте города Тора, расположенного в углублении залива, воды которого окрашены в красный цвет, о чем еще до входа в залив заявил мне капитан Немо. Наступила ночь. Глубокая тишина изредка нарушалась неприятным криком пеликана или другой ночной птицы, шумом

прибоя, сердито дробившегося о скалы, или отдаленным стоном парохода и звонким шумом его колес, рассекавших воды залива.

С восьми до десяти часов «Наутилус» плыл все время под водой на глубине нескольких метров. По моим расчетам, мы должны были находиться поблизости от Суэца. Сквозь окна салона я увидел основание огромных скал, ярко освещенных электрическим светом, расточаемым нашим маяком. Мне казалось, что пролив мало-помалу сужается.

В четверть десятого «Наутилус» поднялся на поверхность. Я вышел на палубу. Я горел нетерпением скорей войти в туннель, известный только капитану Немо, и хотел воспользоваться свежим ночным воздухом. Вскоре в ночной тени я заметил бледный огонь, едва видневшийся в тумане на расстоянии одной мили от нас.

— Плавающий маяк, — раздался чей-то голос.

Я обернулся и узнал капитана Немо.

— Это суэцкий плавающий маяк, — повторил он. — Мы не опоздаем войти в туннель.

— Вход, должно быть, труден?

— Нет. К тому же я всегда вхожу в рубку и сам управляю судном. А сейчас попрошу вас, господин Аронакс, сойти вниз. «Наутилус» погрузится

под воду и, только пройдя Аравийский туннель, поднимется на поверхность Средиземного моря.

Я последовал за капитаном Немо. Подъемную дверь закрыли, резервуар наполнили водой, и «Наутилус» погрузился на глубину десять метров. Я хотел войти в свою каюту, но капитан остановил меня.

— Господин профессор, — сказал он, — не желаете ли отправиться вместе со мной в каюту штурмана?

— Я не смел вас просить об этом, — ответил я.

— Идемте. Вы увидите все, что можно увидеть в этом путешествии, одновременно подводном и подземном.

Капитан повел меня к центральной лестнице. Поднявшись на несколько ступенек, он отворил дверь, последовал по переходам и вошел в рубку штурмана, находившуюся, как я уже говорил, на конце палубы. Она была размером в шесть футов вдоль и поперек и напоминала обычные рубки штурманов на пароходах, плавающих по Миссисипи и Гудзону. Посреди находилось рулевое колесо. Четыре окна из чечевицеобразных стекол, вставленные в стены, давали возможность рулевому ориентироваться во всех направлениях.

В рубке было темно, но мои глаза скоро при-

выкли к этому полумраку, и я увидел штурмана, сильного человека, державшегося за ручки рулевого колеса. Море было ярко освещено маяком, находившимся позади, на другом конце платформы.

— Теперь, — сказал капитан Немо, — надо отыскать проход.

Электрические проводники шли из каюты штурмана в машинное отделение. Капитан Немо нажал одну из кнопок. Скорость хода «Наутилуса» сразу уменьшилась.

Я молча стал осматривать высокую и почти отвесную стену, мимо которой нам пришлось в эту минуту проходить. Мы целый час шли вдоль этой стены, всего на расстоянии нескольких метров от нее. Капитан Немо не спускал глаз с компаса, висевшего в каюте на двух концентрических кругах, расположенных один в вертикальной, а другой в горизонтальной плоскости. Штурман все время менял направление «Наутилуса» согласно знакам, подаваемым капитаном Немо.

Я расположился у окна справа и любовался превосходными подводными постройками кораллов, а также зоофитами, водорослями; из расщелин скал ракообразные протягивали свои огромные клешни.

В четверть десятого капитан Немо сам взялся за румпель. Перед нами открылась широкая, темная, глубокая галерея. «Наутилус» смело вошел в нее. Послышался необычный шум. Это шумели воды Красного моря, катившиеся по склону туннеля в Средиземное море. «Наутилус» несся, увлекаемый потоком, как стрела, несмотря на то что был дан задний ход.

На стенах узкого прохода благодаря быстрому движению я различал только блестящие полосы, прямые линии, огненные борозды. Сердце мое сильно билось, и я сдерживал его рукой.

В половине десятого капитан Немо оставил колесо и, обратясь ко мне, сказал:

— Средиземное море!

«Наутилус» прошел туннель, потратив на это менее двадцати минут.

Глава VI
Греческий архипелаг

На следующий день, 12 февраля, «Наутилус» с рассветом поднялся на поверхность воды. Я бросился на палубу. В трех милях к югу виднелся силуэт Пелизиума. Поток перенес нас от одного моря к другому. Однако этот туннель, по которому так легко было спускаться, должен представлять значительные затруднения при подъеме.

Около семи часов вечера ко мне подошли Нед и Консель. Эти неразлучные товарищи прекрасно выспались за ночь, ничуть не интересуясь движениями «Наутилуса».

— А когда же, господин профессор, — обратился ко мне не без иронии канадец, — мы увидим Средиземное море?

— Мы плывем по нему, мой друг.

— Э! — воскликнул Консель. — Следовательно, сегодня ночью…

— Мы прошли на судне перешеек в несколько минут.

— Я этому не верю, — возразил канадец.

— Напрасно, мистер Ленд, — ответил я. — Этот

низкий берег, который закругляется к югу, — Египет.

— Рассказывайте это кому другому, господин! — ответил упорствующий канадец.

— Но если господин это утверждает, — обратился к нему Консель, — господину следует верить.

— К тому же капитан Немо пригласил меня присутствовать при прохождении через этот узкий проход. Я был вместе с ним в рубке штурмана, и сам капитан управлял «Наутилусом».

— Слышите, Нед? — воскликнул Консель.

— Помимо того, вы, Нед, обладаете такой дальнозоркостью, что можете различить выступающие в море молы Порт-Саида.

Канадец стал внимательно всматриваться.

— Да, — ответил он, — вы правы, господин профессор, и ваш капитан молодчина, действительно — мы в Средиземном море. Отлично! Теперь, если вы хотите, мы можем поговорить о нашем деле, но так, чтобы никто нас не мог услышать.

Я понял, о чем хочет говорить канадец. Во всяком случае, мне казалось, лучше удовлетворить его желание и повести беседу. Мы все трое сели возле маяка, где могли укрыться от брызг волн.

— Теперь, Нед, мы вас слушаем, — сказал я. — О чем же вы хотели говорить?

— То, что я хочу вам сказать, весьма просто, — начал канадец. — Мы уже в Европе, и я предлагаю бежать с «Наутилуса» прежде, чем капитану Немо вздумается увезти нас к полярным морям и снова возвратиться в Океанию.

Признаюсь, что все рассуждения по этому вопросу всегда ставили меня в затруднительное положение. Я ни под каким видом не считал себя вправе посягать на свободу действий моих товарищей и в то же время не имел ни малейшего желания расставаться с капитаном Немо. Благодаря ему, благодаря его подводному судну я каждый день обогащал себя знанием, изучал жизнь моря в среде самой стихии и исправлял свой прежний труд о морских глубинах. Представится ли мне когда-либо еще случай наблюдать чудеса океана в такой же обстановке? Конечно нет! И я не мог желать покинуть «Наутилус» раньше выполнения всех намеченных мною исследований.

— Друг Нед, — сказал я, — отвечайте мне откровенно. Скучаете вы на борту? Сожалеете ли вы о том, что судьба бросила вас в руки капитана Немо?

Прошла минута, пока канадец собрался ответить. Затем, сложив на груди руки, он ответил

так:

— Говоря откровенно, я ничуть не сожалею, что имел случай совершить подводное путешествие; более того, я этим очень доволен. Но раз оно сделано, надо, чтобы ему наступил и конец. Вот мое мнение.

— Оно окончится, Нед.

— Где и когда?

— Где? Не знаю. Когда? Не могу ответить, но предполагаю, что окончится, когда эти моря для нас не будут более иметь поучительного значения. Всякое начало на этом свете имеет свой конец.

— Я так же думаю, как господин профессор, — заявил Консель. — И весьма возможно, что капитан Немо, объехав все моря земного шара, всех нас троих отпустит на свободу.

— Отпустит на тот свет, хотите вы сказать! — воскликнул канадец.

— Обойдемся без преувеличения, мистер Ленд, — возразил я, — конечно, нам не приходится опасаться капитана Немо, но я далеко не разделяю мнения Конселя. Мы постигли тайны «Наутилуса», и я не думаю, чтобы их огласка входила в интересы капитана Немо.

— В таком случае на что же вы рассчитывае-

те? — спросил канадец.

— Что встретятся такие обстоятельства, которыми мы можем, вернее, даже должны воспользоваться, но они могут встретиться, быть может, и сегодня, а быть может, и через шесть месяцев.

— Гм! — промычал Нед Ленд. — А где, вы, господин натуралист, полагаете, мы будем находиться через шесть месяцев?

— Быть может — здесь, быть может — в Китае. Вам известно, «Наутилус» — быстрый ходок. Он проносится в океане, как ласточка в воздухе или как курьерский поезд на материке. Он также не боится морей, которые часто посещают корабли. Кто может сказать, что капитан не вздумает объехать берега Франции, Англии, Америки, где нам представится благоприятный случай для бегства.

— Господин Аронакс, — возразил канадец, — ваши аргументы не имеют основания. Вы говорите о будущем: мы будем, мол, там или там-то. Я же говорю о настоящем: мы теперь здесь и надо этим пользоваться.

Я был прижат к стене логикой Неда Ленда и не чувствовал под собой почвы. Я не мог приискать более убедительных аргументов.

— Господин профессор, — продолжал Ленд, —

предположим, что капитан Немо сегодня же предложит нам свободу. Примете вы ее?

— Не знаю, — ответил я.

— А если капитан добавит, что он больше этого предложения не повторит, согласитесь вы принять свободу?

Я молчал.

— А что ответит друг Консель? — спросил Нед Ленд.

— Друг Консель, — спокойно ответил Консель, — ничего об этом не думает. Он совершенно равнодушен к этому вопросу. Он холост, как его господин и товарищ Нед. Ни жена, ни дети, ни родственники — никто не ждет его на родине. Он служит господину профессору, думает и говорит, как профессор, и, к величайшему сожалению, на него нельзя рассчитывать ради получения большинства голосов. К соглашению прийти надо только двум лицам, господину профессору с одной стороны и Неду Ленду — с другой.

Я невольно усмехнулся этой тираде, в которой Консель уничтожал свою личность. Канадец был доволен: он избавлялся от одного противника.

— Итак, господин профессор, — продолжал он, — если Консель не существует, то будем рассуждать вдвоем. Я все сказал. Вы меня выслу-

шали. Очередь за вами.

Пришлось дать категоричный ответ. Увертки мне уже надоели.

— Вот мой ответ, друг Нед, — сказал я, — вы правы, и ваши доводы сильнее моих. Рассчитывать на согласие капитана Немо не приходится; простое благоразумие не позволит ему дать нам свободу. С другой стороны, то же благоразумие обязывает нас воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы бежать с «Наутилуса».

— Прекрасно, господин Аронакс, вот, что называется, умно сказано!

— Однако, — продолжал я, — я должен оговориться. Необходимо, чтобы представляющийся случай был действительно подходящим, вполне гарантирующим удачу побега. Не надо забывать, что если бегство нам не удастся, то повторить его мы не найдем возможности, и капитан Немо не простит нам нашу попытку.

— Это совершенно верно, — заметил канадец, — но ваше замечание одинаково приложимо ко всякой попытке бегства, будь то сегодня, через два дня или через два года. Суть не в последствиях, а в том, что необходимо воспользоваться первым подходящим случаем к тому.

— Я с этим согласен, Нед, но объясните мне, что

вы подразумеваете под словом «подходящий».

— Случай, когда «Наутилус» в темную ночь будет находиться неподалеку от европейских берегов.

— И вы рассчитываете спастись вплавь?

— Да, если судно будет находиться поблизости от берега и на поверхности воды. Нет, даже и тогда, когда мы будем далеко от берега и находиться под водой. В последнем случае я постараюсь овладеть шлюпкой. Я знаю, как ею управлять. Мы забираемся в нее, освобождаем болты и поднимаемся на поверхность. Правда, штурман помещается впереди нее, но он не заметит нашего бегства.

— Хорошо, Нед, будем ждать и воспользуемся таким случаем, но помните, что неудача погубит нас.

— Я не забуду этого, господин Аронакс.

— А теперь, Нед, не пожелаете ли вы узнать мое мнение о нашем проекте?

— Весьма охотно, господин Аронакс.

— Прекрасно, я думаю — заметьте, я не говорю «надеюсь», — что такой благоприятный случай не представится.

— Почему это?

— Потому, что капитан Немо прекрасно созна-

ет, что мы ищем случая возвратить себе свободу, и, понятно, будет на страже вблизи европейских берегов.

— Я вполне согласен с мнением господина профессора! — воскликнул Консель.

— Мы это увидим, — ответил Нед Ленд, покачивая головой.

— А теперь, Нед Ленд, — продолжал я, — довольно об этом, ни слова более. В тот день, в который представится удобный случай, вы предупредите нас, и мы последуем за вами. Я вполне полагаюсь на вас.

Так окончилась наша беседа, которая должна была иметь важные последствия. Теперь я должен сказать, что факты, по-видимому, подтверждали мои предположения, к великому отчаянию канадца. Быть может, капитан Немо не доверял нам во время своего плавания в этих морях, часто посещаемых различными судами различных наций, но возможно, что он только скрывается от этих судов, бороздивших Средиземное море, — я этого не знаю. «Наутилус» все это время по преимуществу плыл под водой и держался далеко от берегов. Случалось, что рубка штурмана выставлялась из воды, но чаще «Наутилус» погружался на весьма значительную

глубину, и здесь, между Греческим архипелагом и Малой Азией, мы не достигали дна, опустившись на две тысячи метров.

Мне удалось увидеть остров Карпатос, принадлежащий к группе Спорадских островов, но ознакомиться с ним мне пришлось только по бессмертным стихам Вергилия, которые продекламировал капитан Немо. Капитан, установив палец на одну из точек планисферы, весьма выразительно процитировал поэта:

Est in Carpothio Neptuni gurgite vates.
Coeruluc Proteus…[15]

Это было действительное античное местопребывание Протея, старого пастуха стад Нептуна, которое в настоящее время носит название острова Скарпанто. Этот остров лежит между Родосом и Критом. Сквозь окна салона мне удалось только видеть его гранитное основание.

---

[15] Примечания: 15

Есть у Нептуна в глубине Карпатосских вод прорицатель. Это лазурный Протей…

(*Вергилий*. Горшки. Кн. IV).

На следующий день, 14 февраля, я рассчитывал уделить несколько часов изучению рыб Греческого архипелага. Но не знаю, по какой причине окна салона оказались герметически закрытыми в течение целого дня. Определяя положение «Наутилуса», я пришел к тому заключению, что он

направляется к Кании, древнему острову Крит. В то время, когда я отправлялся в плавание на «Авраame Линкольне», весь остров был охвачен восстанием за освобождение от турецкого ига. Чем окончилось это восстание, я не знал, и капитан Немо, как не имевший никаких сношений с Европой, ничего не мог об этом сообщить.

Впрочем, я ни одним словом не намекнул на это событие, когда мне пришлось остаться с ним вдвоем в салоне; к тому же мне казалось, что он находился в мрачном, озабоченном настроении. По прошествии некоторого времени он совершенно неожиданно приказал открыть ставни в обоих залах и, переходя из одного в другой, стал внимательно наблюдать, всматриваясь в окружавшую нас воду. Зачем? Я не мог угадать и, в свою очередь, занялся наблюдением за рыбами, проплывавшими за окном.

Между прочим, я встретил особую породу габий, упоминаемых еще Аристотелем и известных в просторечии под именем бычков. Они водятся преимущественно в соленых водах близ дельты Нила. Среди них часто встречается особый вид пагр из семейства морских карасей, издающий фосфорический свет; эту рыбу египтяне считают священной, и появление ее в реке отмечалось

религиозными церемониями, так как оно предшествовало разливу Нила. Мне также пришлось наблюдать некоторые породы костистых рыб, и из них хейлинов в три дециметра длиной с прозрачной чешуей, с синеватого цвета телом, покрытым красноватыми пятнами; эти рыбы съедобны, и мясо их очень вкусно. Гурманы Древнего Рима считали их самым изысканным блюдом: их внутренности, приправленные моло`ками мурен, мозгом павлинов и языками краснокрылов, составляли божественное блюдо, восхищавшее Вителлия.

Другой обитатель этих морей, привлекший мое внимание, также заставил меня углубиться в древние времена. Это был прилипало, который постоянно путешествует, присосавшись к брюху акулы. Древние верили, что эта маленькая рыбка, прицепившись к кораблю, могла его остановить, и рассказывали, что одна из них удержала корабль Антония в морской битве при Акции, чем и способствовала торжеству Августа. Отчего, подумаешь, зависят судьбы народов? Мне пришлось наблюдать и антиас. Греки считали этих рыб священными, приписывая им способность изгонять из вод, в которых они жили, морских чудовищ. Название этих рыб означает «цветок»,

и рыбы вполне его оправдывают своими переливающимися оттенками — от бледно-розового до ярко-рубинового цвета — и волнистыми узорами, украшающими их спину. Я не в силах был оторвать глаза от этих чудес подводного царства, как вдруг меня поразило неожиданное явление.

В воде показался человек, водолаз с кожаным мешочком у пояса. Это не было безжизненное тело, отданное на произвол волн. Это был живой человек, который плыл, сильно работая одной рукой и временами исчезая, чтобы вдохнуть на поверхности воды и снова нырнуть.

Я порывисто обернулся к капитану Немо.

— Утопающий! — вскрикнул я. — Его надо спасти во что бы то ни стало.

Капитан Немо, ничего не ответив, подошел ко мне и облокотился на подоконник. Человек приблизился и, прильнув лицом к стеклу, смотрел на нас.

К величайшему моему изумлению, капитан Немо сделал ему знак. Водолаз, ответив ему, по-видимому, условным движением руки, немедленно стал подниматься на поверхность воды и больше не показывался.

— Не тревожьтесь, — обратился ко мне капитан, — это Николай с мыса Матапан. Его хорошо

знают на всех островах Циклады, где его прозвали рыбой. Это действительно смелый водолаз; вода — его стихия, и он в ней проводит большую часть жизни, беспрестанно переплывая от одного острова до другого, до самой Кандии.

— Вы его знаете, капитан?

— А почему бы нет, господин Аронакс.

Сказав это, капитан Немо направился к несгораемому шкафу, стоявшему слева у окна. Возле шкафа я заметил сундук, окованный железом, на крышке которого находилась медная пластинка с выгравированным на ней шифром «Наутилуса» и его девизом «Mobilis in mobile».

В этот момент капитан Немо, не обращая внимания на мое присутствие, открыл шкаф, заключавший в себе множество слитков золота. Откуда добыт был этот драгоценный металл, представлявший огромную сумму денег? Откуда доставал капитан это золото и что он с ним делал?

Я не проронил ни одного слова. Я только смотрел. Капитан Немо брал по одному слитку, укладывал их в порядке в сундук и наполнил ими его доверху. По моим расчетам, в нем уместилось более тысячи килограммов золота, иначе говоря, около пяти миллионов франков.

Капитан Немо тщательно запер сундук и что-то написал на его крышке, кажется, на новогреческом языке. Сделав это, он нажал на кнопку, от которой шел проводник, сообщающийся с дежурной комнатой экипажа. Появились четверо людей, которые с трудом вынесли из салона сундук. Я слышал, как поднимали его по железной лестнице с помощью тали.

В эту минуту капитан Немо обратился ко мне.

— Что вы хотели сказать, господин профессор? — спросил он.

— Я ничего не говорил, капитан!

— В таком случае позвольте вам пожелать доброго вечера.

И с этими словами он покинул салон.

Я вошел в свою комнату, понятно, сильно заинтересованный. Напрасно я старался уснуть. Я хотел найти связь между появлением этого водолаза и этим сундуком, наполненным золотом. По боковой и килевой качке судна я догадывался, что «Наутилус» плывет по поверхности волн. Вскоре я услышал шум шагов на палубе. Я понял, что шлюпку выводят из ее помещения и спускают на воду. Она ударилась о корпус «Наутилуса», и затем все стихло.

Через два часа повторился тот же шум и разда-

лись те же шаги. На палубе шлюпку втащили на судно и поставили в углубление, а затем «Наутилус» погрузился в воду. Итак, эти миллионы были отправлены по назначению. На какую часть материка? С кем же сообщался капитан Немо?

На следующий день я сообщил Конселю и канадцу обо всем происшедшем этой ночью, возбудившем в высшей степени мое любопытство. Мои товарищи были изумлены не менее меня.

— Откуда он достает эти миллионы? — спросил канадец.

Что я мог ему ответить?

Позавтракав, я отправился в салон и сел за работу; до пяти часов вечера я исправлял свои заметки. В эту минуту — приписать ли это явление моему настроению — я почувствовал сильный жар и должен был снять с себя одежду из биссуса. Явление непонятное, ибо мы находились не в тропическом поясе, к тому же «Наутилус», идя под водой, вообще не должен был испытывать повышения температуры. Я взглянул на манометр. Он показывал глубину в шестьдесят метров, докуда атмосферное тепло уже не доходило. Я продолжал работать, но температура воздуха настолько повысилась, что уже становилась невыносимой.

«Уж не пожар ли на корабле?» — проговорил

я мысленно.

Только я хотел выйти из салона, как вошел капитан Немо. Он подошел к термометру, справился о показании его и, обернувшись ко мне, объявил:

— Сорок два градуса!

— Я это чувствую, капитан, — сказал я, — и если жар хоть немного усилится, мы не в состоянии будем его вынести.

— О, господин профессор, жар может усилиться только в том случае, если мы этого захотим.

— Вы можете умерить температуру насколько хотите?

— Нет, но я могу удалиться от источника тепла.

— Так он внешний?

— Конечно. Мы плывем в кипящей воде.

— Возможно ли это? — вскрикнул я.

— Взгляните.

Ставни открылись, и я увидел, что «Наутилус» плывет в совершенно белой воде. Дым сернистых паров клубился в волнах, кипевших, как вода в котле. Я прикоснулся рукой к стеклу окна; оно было настолько горячо, что я тотчас быстро отнял руку, чтобы не обжечься.

— Где мы? — воскликнул я.

— Поблизости от острова Санторин, господин профессор, — ответил капитан, — и именно в канале, отделяющем остров Неа-Каменни от острова Палеа-Каменни. Я хотел показать вам любопытное зрелище подводного извержения.

— Я думал, — ответил я, — что образование этих новых островов уже закончено.

— Ничто никогда не прекращается в вулканических местностях, — ответил капитан Немо, — и в земном шаре подземный огонь продолжает работать. Уже в девятнадцатом году нашей эры, по Кассиодору и Плинию, новый остров, божественная Теа, появился на том месте, где недавно образовались эти островки. Потом он исчез в волнах, чтобы появиться в шестьдесят девятом году. С этого времени до наших дней плутонические работы остановились. Но в 1866 году, 3 февраля, среди серных испарений появился новый островок Георгия возле Неа-Каменни и соединился с ним 6-го числа того же месяца. Спустя семь дней, 16 февраля, показался остров Афроесса, который отделял от Неа-Каменни канал шириной в десять метров. Когда произошел этот феномен, я плавал в этих морях и мог проследить все его фазы. Островок Афроесса круглой формы, имел триста футов в диаметре и тридцать футов высоты. Он

состоял из черной стекловидной лавы, смешанной с обломками полевого шпата. Наконец, 10 марта, около Неа-Каменни показался еще меньший островок, названный Рэка, и с тех пор эти три островка, соединившись вместе, образовали один большой нынешний островок.

— А канал, который мы проходим в настоящую минуту? — спросил я.

— Вот он, — ответил капитан Немо, указывая на карту архипелага. — Вы видите, что я отметил здесь эти новые островки.

— Но на месте канала может выступить земля?

— Очень возможно, господин Аронакс, потому что в 1866 году восемь маленьких островков поднялись против порта Святого Николая, на острове Палеа-Каменни. Я полагаю, Неа и Палеа скоро соединятся. Если в Тихом океане суша образуется кораллами, то здесь работают вулканические силы. Взгляните, профессор, какая работа идет под водой.

Я вернулся к окну. «Наутилус» уже не двигался. Жар становился нестерпимым. Белая вода окрасилась в красный цвет от присутствия в ней железистой соли; она имела вид красного пламени, столь яркого, что при нем бледнел электрический свет. Несмотря на то что салон

был герметически закупорен, в него проникал удушливый серный запах.

Я был весь в поту и задыхался. Да, я действительно чувствовал, что зажариваюсь.

— Я не могу дольше выносить этого жара! — вскрикнул я, обращаясь к капитану.

— Да, это будет неблагоразумно! — ответил бесстрастный капитан.

Он отдал приказание. «Наутилус» взял в сторону и вышел из этой преисподней. Спустя четверть часа мы вздохнули на поверхности воды. Мне пришла в голову мысль, что если бы Нед Ленд избрал эту местность для побега, то мы не вышли бы живыми из этого огненного моря. Назавтра, 16 февраля, мы покинули этот бассейн, в котором глубина между островами Родос и Александрия доходит до трех тысяч метров, и «Наутилус», пройдя на высоте Цериго, вышел из Греческого архипелага, обогнув мыс Матапан.

Глава VII
Через Средиземное море за сорок восемь часов

Средиземное море, глубокое, «великое море» иудеев, море греков, «mare nostrum»[16] римлян, окаймленное апельсиновыми деревьями, алоэ, кактусами, морскими соснами, раздушенное запахом мирт, обрамленное неприступными горами, насыщенное чистым, прозрачным воздухом, но подверженное непрерывному действию огня, является настоящим полем битвы, где Нептун и Плутон еще продолжают оспаривать друг у друга власть над миром. Это здесь, на его берегах и над водою, говорит Мишле, человек подкрепляет свои силы, как в одном из самых благотворных климатов земного шара.

Но сколь ни красив этот бассейн, мне удалось только мельком увидеть его поверхность, занимающую два миллиона квадратных километров. Даже личными сведениями капитана Немо я не мог воспользоваться, так как этот загадочный человек ни разу не показался в течение нашего

---

[16] Примечания: 16
Наше море *(лат.)*.

быстрого перехода через море. Я полагаю, что «Наутилус» прошел в этом море под водой около шестисот лье, совершив переход за двое суток. Покинув 16 февраля берега Греции, он 18-го с восходом солнца прошел Гибралтарский пролив.

Мне стало очевидным, что это Средиземное море, сжатое землями, которых Немо избегал, ему не нравилось. Волны и ветры этого моря приносили ему много воспоминаний, точнее, разочарований. Здесь он уже не мог пользоваться той свободой и независимостью в маневрированиях, как в прочих океанах. Здесь «Наутилусу» было тесно между сблизившимися берегами Европы и Африки.

Нечего говорить, что Нед Ленд, к своему величайшему огорчению, должен был отбросить всякие надежды на бегство во время нашего перехода через Средиземное море. Он не мог воспользоваться шлюпкой, которая все время двигалась, притороченная к месту, со скоростью двенадцати-тринадцати метров в секунду. Бежать с «Наутилуса» при таких обстоятельствах было так же безрассудно, как броситься на ходу из вагона поезда. К тому же судно всплывало на поверхность воды только ночью и с целью возобновить запас воздуха.

Ввиду этого мне пришлось увидеть в Средиземном море только то, что может различить пассажир экспресса в пейзажах, мелькающих перед его глазами, то есть отдаленные горизонты, но не планы на первом месте, которые мелькали с быстротою молнии. Однако мне и Конселю удалось наблюдать некоторых рыб Средиземного моря, сильные плавники которых позволяли держаться некоторое время около «Наутилуса». Мы все время не отходили от окон салона, и наши заметки дают мне возможность описать подробнее интересную ихтиологию этого моря.

Из различных обитающих в нем пород рыб мне пришлось наблюдать лишь некоторые, не говоря уже о тех, которые, вследствие значительной скорости хода «Наутилуса», совершенно ускользали от наших наблюдений.

Да позволено будет мне их классифицировать и поделиться моими мимолетными наблюдениями.

В массе вод, ярко освещенных снопами электрических лучей, извивались, как змеи, свойственные всем морям миноги в метр длиною. Острорылые скаты в пять футов шириной, с белым животом и серовато-пепельной спиной, расстилались, словно шали, уносимые течением.

Некоторые скаты проносились так быстро, что вполне заслуживали прозвание орлов, данное им греками, правда современные рыбаки уже переименовали их в крыс, жаб и летучих мышей. Нередко встречались быстро перегонявшие одна другую акулы-сопуны в двенадцать футов длины, весьма опасные для водолазов. Морские лисицы длиной в восемь футов, обладающие удивительно тонким чутьем, появлялись подобно большим голубоватым теням. Дорады из породы морских карасей, достигавшие огромной длины, мелькали в своей серебряной и лазуревой одежде, окаймленной полосками, резко выступающими на темном фоне их плавников. Эти рыбы посвящены Венере, и глаза у них окаймлены золотой бровью; эта редкая порода обитает в морях, озерах, реках, легко переносит любой климат и разные температуры воды. Эта порода существовала еще в древнейшие геологические периоды и сохранила неприкосновенной свою красоту.

Встречались великолепные осетры, плавающие изумительно быстро; они часто ударяли своими могучими хвостами по стеклам окна, причем мы любовались их синеватыми спинами с маленькими коричневыми пятнышками; они отчасти походили на акул, но, конечно, не могли

соперничать с последними в ловкости и силе. Осетры встречаются во всех морях, но весной они заходят в большие реки, подымаются вверх по течению Волги, Дуная, По, Рейна, Луары, Одера, питаются сельдями, макрелями, лососиной, треской и навагой; хотя они и принадлежат к классу хрящеватых рыб, но очень вкусны; их едят в свежем виде, сушеном, маринованном, соленом; иногда их торжественно подавали в целом виде к столу Лукулла.

Но из различных обитателей Средиземного моря, когда «Наутилус» приближался к поверхности вод, мне пришлось всего успешней наблюдать представителей, принадлежащих к шестьдесят третьему роду костистых рыб. Это были тунцы, или тоны, с черновато-синей спиной, серебристым животом и с весьма красивыми спинными плавниками, отливающими золотом. О них рассказывают, будто они следуют за кораблями, стараясь в прохладной тени их найти защиту от палящих лучей тропического солнца. И они как бы подтверждали этот рассказ, сопровождая «Наутилус», как некогда следовали за кораблями Лаперуза. В продолжение нескольких часов они спорили со скоростью нашего судна. Я не мог достаточно наглядеться на этих рыб, наилучшим

образом приспособленных к быстрому плаванию. Голова у них мала, тело гладкое и веретенообразное, некоторые экземпляры имеют в длину более трех метров, грудные плавники отличаются замечательной силой, а хвостовые раздвоены. Они плыли треугольником, как летают стаи некоторых птиц, которым они не уступали в скорости. Та форма построения стаи, которой они держались, дала основание в древние времена утверждать, что эти рыбы знакомы со стратегией и тактикой. Впрочем, им не удается спастись от преследования провансальцев, которые ценят их не ниже жителей Пропонтиды и Италии; ища спасения, тунцы в беспорядке и сослепу бросаются и гибнут в марсельских западнях.

Я назову на память и тех рыб Средиземного моря, которых Консель и я видели мельком: это были беловатые и нежные *gymnotes fierasfers*, которые плыли как неуловимые пары`; мурены от трех до четырех футов длиной, зеленого, голубого и желтого цветов; и совершенно похожие на змей *gades merlus* длиной в три фута, печень которых составляет лакомое блюдо; *coeples tenias*, плавающие как тонкие водоросли; *trygles*, которых поэты прозвали рыбы-лиры, а моряки — рыбы-свистуны и у которых рот украшен двумя треугольными

зубчатыми пластинками, изображающими как бы лиру старика Гомера; триглы-ласточки, плавающие так же быстро, как летают те птички, от которых получили свое название; великолепные тюрбо — эти фазаны моря, похожие на ромбы с желтыми плавниками; наконец, стаи восхитительных барбутов — настоящих райских птиц океана, за которых римляне платили по десять тысяч сестерциев за штуку и которых заставляли умирать на своих глазах, чтобы следить за изменением их цвета, переходившего из ярко-красного цвета живой рыбы в белый, бледный цвет мертвой.

Если я не мог наблюдать балист, тетродан, гипокамп, морских коньков, центриск, сурмулет, лабр, анчоусов, пагель и прочих представителей порядка *pleuranectes*, а также лиманд, флецов, скатов, коралет, весьма обычных в Атлантическом океане и Средиземном море, то в этом приходится обвинить ту головокружительную скорость, с которой несся «Наутилус» по этим богатым рыбами водам.

Что же касается морских млекопитающих, то я, кажется, узнал, проходя мимо входа в Адриатическое море, двух или трех кашалотов со спинными плавниками, принадлежащих к роду *pyseteres*,

нескольких дельфинов из породы, свойственной только Средиземному морю; пришлось встретить двенадцать штук тюленей трехметровой длины с белым животом и черными ластами, известных под названием монахов и действительно напоминающих доминиканцев.

Конселю посчастливилось увидеть черепаху в шесть футов шириной, украшенную выдающимися продольными выступами. Я очень сожалел, что мне не удалось ее увидеть; по описанию Конселя я заключил, что он встретил *sphargis coriacea* — породу весьма редкую. Мне же из числа пресмыкающихся пришлось видеть только несколько какуан с продолговатыми черепами.

Что касается зоофитов, я мог любоваться на протяжении нескольких минут восхитительной оранжевой галеолерой, которая пристала к стеклу окна по левому борту судна. Это было длинное, тонкое волоконце, разветвлявшееся на множество отпрысков и имевшее вид тонкого кружева, столь тонкого, как паутина. К сожалению, нельзя было добыть этот удивительный экземпляр животного-растения, и мне не удалось бы увидеть больше ни одного зоофита Средиземного моря, если бы «Наутилус» не замедлил значительно своего хода.

Последнее случилось при таких обстоятельствах.

Мы проходили тогда между Сицилией и берегом Туниса. В этом сжатом пространстве у мыса Бон в Мессинском проливе дно морское повышается почти внезапно. Здесь образовался настоящий гребень, но не достигающий уровня вод всего на семнадцать метров, тогда как по обе его стороны глубина доходит до ста семидесяти метров. «Наутилус» должен был идти очень осторожно, чтобы не наткнуться на подводную преграду.

Я показал Конселю на карте Средиземного моря место, занимаемое этим длинным рифом.

— С позволения господина, — сказал Консель, — это настоящий перешеек, который соединяет Европу с Африкой.

— Да, — ответил я, — он совершенно загораживает пролив Ливийский, и исследования Смита доказали, что прежде материки были соединены между собой мысом Бон и мысом Фарина.

— Охотно этому верю, — ответил Консель.

— И прибавлю, — продолжал я, — что такая преграда находится между Гибралтаром и Суэтой, которая в геологические времена обращала Средиземное море в озеро.

— Ах, если бы вулканическая работа в один прекрасный день выдвинула эти барьеры поверх уровня моря!

— Это невозможно, Консель, — ответил я.

— Впрочем, если бы это произошло, то было бы очень неприятно господину Лессепсу, который работает над прорытием перешейка.

— С этим я согласен; но повторяю тебе, Консель, что этого не может случиться. Напряжение подземных сил постоянно ослабевает. Вулканы, столь многочисленные в первые дни мира, мало-помалу угасают. Внутренний жар постепенно ослабевает, температура нижних слоев земного шара заметно понижается в каждое столетие, и понижается в ущерб нашей планете. А надо тебе заметить, что внутренним жаром Земли обусловливается ее жизнь.

— А солнце?

— Одного солнца недостаточно, Консель. Разве может оно возвратить жизнь трупу?

— Насколько я понимаю, нет.

— Итак, мой друг, Земля в один прекрасный день обратится в охладевший труп. Она станет необитаема так же, как Луна, которая уже давно потеряла свою внутреннюю, или жизненную, теплоту.

— Через сколько же веков может это произойти? — спросил Консель.

— Через несколько сотен тысячелетий, мой друг.

— В таком случае мы успеем окончить наше путешествие, — ответил Консель, — если только Нед Ленд не вмешается в дело.

Успокоившись, Консель принялся изучать подводную гору, мимо которой «Наутилус» шел с умеренной скоростью. Там на вулканической и скалистой почве распускалась вся подводная флора: губки, голотурии, прозрачные циниды, украшенные красноватыми бахромами, испускающими фосфоресцирующий свет; бероэ, известные в просторечии под названием морских огурцов, переливавшие всеми цветами солнечного спектра; странствующие коматулы в метр шириной, окрашивающие воду своим пурпуром; поразительной красоты древовидные эвриолы, павлинохвосты на длинных стеблях, множество различных видов съедобных морских ежей и зеленых актиний с серым стволом и коричневым диском, терявшихся в густой шевелюре своих оливковых щупальцев.

Консель специально занялся моллюсками и членистоногими, и хотя номенклатура их суха, я

не хочу обижать этого славного малого и потому занесу его личные наблюдения.

Из отдела моллюсков он упоминает о встреченных им в изобилии гребешках, которые держались кучами; треугольных донациях; трезубнях с желтыми плавниками и прозрачными раковинами стеклушек; оранжевых голых моллюсках-плевробранкиях; ежах, испещренных или усеянных зеленоватыми точками; аплизиях, известных также под именем морских зайцев; морских ушах, раковина которых доставляет лучший перламутр; огненных морских гребешках; аномиях, которых жители Лангедока предпочитают устрицам; кловисе, столь высоко ценимой марсельцами; кламах, в изобилии водящихся в морях, омывающих Северную Америку, и составляющих предмет значительной торговли Нью-Йорка; морских гребешках различных цветов; финиках-литодомусах, съедобных и как бы самой природой приправленных перцем; рубчатых венерикардиях, раковина которых на верхушке имеет шарообразную выпуклость; цинтиях, усаженных красными наростами; коринариях с загнутыми оконечностями, похожими на легкие гондолы; атлантах со спиральными раковинами; серых оретидах, прикрытых бе-

ло-пятнистой мантией, отороченной бахромой; эолидах, имеющих вид маленьких улиток; ползущих на спине каволинах и прочих.

Членистых Консель в своих заметках совершенно правильно распределил на шесть классов, из которых ракообразные принадлежат морской фауне.

Ракообразные разделяются на девять порядков, и первый из них включает десятиногих, то есть животных, голова и туловище которых большей частью соединены с грудью, рот снабжен несколькими парами видоизмененных ног, которые имеют четыре, пять или шесть пар грудных ног, служащих для передвижения. Консель следовал методу нашего учителя Мильна Эдвардса, который распределял десятиногих на три секции: короткохвостых, длиннохвостых и среднехвостых. Названия эти звучат несколько варварски, но они точны и ясны. Между макрурами, или длиннохвостыми, Консель отмечает аматий, у которых лоб вооружен двумя большими расходящимися шипами; вид крабов-инахусов, которые — я не знаю почему — считались у греков символом мудрости; крабов-ломбров, вероятно случайно попавших на эту подводную гору, так как они обыкновенно живут на значительной

глубине. Затем у Конселя следует ряд названий, как, например, ксанто, пилумуны, калляпы, с его пометкой, что они легко перевариваются желудком, а затем зубчатые користа, эбалии и прочие.

Между длиннохвостыми *(macrura)*, составляющими пять семейств, Консель назвал обыкновенных лангустов, мясо самок которых очень вкусно; раков-медведей, гебий и другие многочисленные виды съедобных раков; однако он ничего не говорит о семействе астацид, к которому принадлежат омары, так как лангусты — единственные омары Средиземного моря. Наконец, среди среднехвостых он отметил обыкновенных дроцин, укрывшихся, как он отмечает, в обыкновенную раковину, которой они овладели; гомолей с шипами на голове; раков-отшельников и прочих.

Здесь работа Конселя оканчивалась. Ему не хватило времени пополнить класс ракообразных исследованием ротоногих бокоплавов, равноногих, листоногих, усоногих, ракушковых, или остракод, и некоторых других низших ракообразных. Чтобы заключить обзор морских членистых, он должен был также перечислить виды усоногих, как, например, циклопов, аргулусов и класс кольчецов.

Но «Наутилус», миновав надводную гору Ли-

вийского пролива, снова погрузился в глубину и увеличил ход, почему и не пришлось наблюдать ни мягкотелых, ни членистых, ни зоофитов. Мы могли едва различать больших рыб, которые мелькали, как тени.

В ночь на 17 февраля мы вошли во второй бассейн Средиземного моря, наибольшая глубина в котором доходила до трех тысяч метров. Гребной винт «Наутилуса» быстро вращался, и судно, повинуясь рулю, все более углублялось, пока не достигло нижних слоев моря. Там вместо естественных чудес перед моим взором открылось множество ужасных и волнующих душу картин. И действительно, мы прошли всю ту часть Средиземного моря, которая так знаменита несчастьями. Сколько погибло судов между берегами Алжира и Прованса!

В сравнении с обширной водной равниной Тихого океана Средиземное море не более чем озеро. Но это капризное озеро, и волны его коварны. Сегодня оно в хорошем настроении и ластится к хрупкой барке, плывущей между двойной лазурью вод и небес; завтра оно угрюмо, сердится, бурно вздымается ветрами и разбивает самые крепкие корабли беспрестанными ударами своих коротких, но сильных волн.

Сколько во время этой стремительной прогулки по морским глубинам встретил я на дне разбитых судов! Некоторые из них уже были покрыты кораллами, другие — пока слоем ржавчины. Тут же находились якоря, пушки, лопасти, винты, обломки машин, котлы без дна, наконец, целые корпуса судов, плавающие по подводным течениям, одни — опрокинутые кверху дном, другие — лежа на боку.

Некоторые из этих утонувших судов погибли от столкновения с другим судном, другие — наткнувшись на гранитные скалы.

Я встречал и такие, которые пошли ко дну отвесно и с полной и неповрежденной оснасткой; они казались стоявшими на якоре, на рейде, и только ожидали приказания идти в плавание. «Наутилус» проходил мимо, озаряя их своим электрическим светом, и эти корабли, чудилось мне, готовы были приветствовать его флагами и салютами. Но только чудилось: на этом поле гибели царили одно молчание и смерть.

Я заметил, что по мере приближения «Наутилуса» к Гибралтарскому проливу дно Средиземного моря было все более усеяно остатками погибших кораблей. Берега Африки и Европы сближаются в этом узком пространстве, и поэтому здесь часто

случаются столкновения. Я видел множество железных корпусов и фантастических остовов пароходов; одни из них лежали, другие стояли прямо, напоминая огромных животных. Одно такое судно с пробитым боком, изогнутой трубой, с колесами, от которых уцелела одна оковка, с рулем, отделившимся от кормы и висевшим на железной цепи с планширом, изъеденным морскими солями, представляло ужасную картину! Сколько людей погибло при этом кораблекрушении, став добычей волн! Спасся ли хотя бы один матрос, чтобы поведать о случившемся несчастье, или море до сих пор хранит это в тайне? Не знаю почему, но мне пришло в голову, что судно, покоившееся на дне моря, было «Атлас», исчезнувший с людьми и грузом двадцать лет назад и о котором с тех пор не было никаких известий. Как ужасна была бы история Средиземного моря, этого обширного кладбища, где погибло столько сокровищ, где столько людей обрели смерть!

Между тем «Наутилус», равнодушный и быстрый, несся полным ходом между этими разбитыми кораблями.

18 февраля, около трех часов утра, он уже находился у входа в Гибралтарский пролив.

В проливе существуют два течения: одно верх-

нее и давно известное, которое несет воды океана в Средиземное море; другое — нижнее течение, оно имеет противоположное направление, и его существование доказано теоретически. И действительно, количество воды Средиземного моря беспрерывно возрастает впадающими в него реками Европы, а потому уровень Средиземного моря должен бы был постоянно подниматься ввиду того, что одного испарения моря далеко не достаточно для восстановления равновесия. А так как уровень Средиземного моря наблюдается неизменным, то приходится признать существование нижнего течения, которое через Гибралтарский пролив изливает в Атлантический океан весь избыток воды.

Это факт, не подлежащий сомнению. Именно нижним противоположным течением и воспользовался «Наутилус». Он быстро пошел вперед в узком проходе. На одну секунду я мог увидеть чудесные развалины храма Геркулеса, по словам Плиния и Авиценны провалившегося вместе с низменным островом, на котором он был воздвигнут. Спустя несколько минут мы уже плыли по волнам Атлантического океана.

Глава VIII
Залив Виго

Атлантический океан — обширное пространство воды, покрывающее двадцать пять миллионов квадратных миль, расстилается в длину на девять тысяч миль и в ширину в среднем до двух тысяч семисот миль. Важное по своему значению, это море почти не было известно древним, за исключением, быть может, карфагенян, этих голландцев древних времен, которые в своих торговых путешествиях следовали вдоль западных берегов Европы и Африки. Океан, берега которого параллельными изгибами обнимают огромный периметр, орошаемый величайшими реками в мире: Святого Лаврентия, Миссисипи, Амазонкой, Ла-Платой, Ориноко, Нигером, Сенегалом, Эльбой, Луарой, Рейном, — которые несут ему воды как из самых цивилизованных стран, так и, наоборот, из самых диких. Великолепная равнина, по которой беспрерывно плавают корабли всех наций под флагами всего мира и которую ограничивают два мыса, столь страшные мореплавателям, — мыс Горн и мыс Бурь.

«Наутилус» рассекал воды океана острым ребром своего киля. Он уже прошел за три с половиной месяца около десяти тысяч лье — пробег, превосходящий длину наибольшего круга земного шара. Куда мы теперь шли и что нас ожидало в будущем?

Выйдя из Гибралтарского пролива, «Наутилус» вступил в открытое море. Он поднялся на поверхность волн, и наши ежедневные прогулки по палубе возобновились.

Я тотчас отправился на палубу в сопровождении Неда Ленда и Конселя. На расстоянии двадцати миль смутно виднелся мыс Святого Винцента, составляющий юго-западную оконечность Пиренейского полуострова. Дул довольно сильный южный ветер. Море волновалось и бушевало. Оно подвергало значительной боковой качке «Наутилус». Было почти невозможно стоять на палубе, которую ежеминутно обдавали огромные волны. Вдохнув несколько глотков свежего воздуха, мы вынуждены были покинуть палубу. Я возвратился в свою комнату. Консель отправился в каюту, но канадец с озабоченным видом последовал за мной. Наш быстрый переход через Средиземное море не дал ему возможности привести в исполнение свой план бегства, и он

не скрывал своего разочарования.

Когда дверь моей комнаты за нами затворилась, он сел и молчаливо устремил на меня взор.

— Друг Нед, — сказал я, — я вас вполне понимаю, но вы не можете ни в чем себя упрекнуть. Помышлять о бегстве при тех условиях, в каких находился «Наутилус», — безумие.

Нед Ленд ничего не ответил. Его сжатые губы и нахмуренные брови свидетельствовали, что им всецело овладела неотступная мысль.

— Посмотрим, — продолжал я, — надежда еще не потеряна. Мы подымаемся вдоль берега Португалии. Поблизости находятся Франция и Англия, где так легко найти убежище. Вот если бы «Наутилус» при выходе из Гибралтарского пролива повернул к югу, если бы он увлекал нас в те края, где мало материков, тогда бы я разделял ваше беспокойство. Но нам теперь известно, что капитан Немо не избегает морей цивилизованных, и я полагаю, что через несколько дней вы сможете действовать с безопасностью.

Нед Ленд посмотрел на меня еще пристальнее и наконец разжал губы.

— Сегодня вечером, — ответил он.

Я быстро приподнялся. Признаюсь, я никак не ожидал такого ответа. Я хотел возразить канадцу,

но не находил слов.

— Мы условились, — продолжал канадец, — выжидать удобного случая. Такой случай в нашем распоряжении. Сегодня вечером мы будем находиться в нескольких милях от берегов Испании. Ночь темна, ветер дует с моря. Я заручился вашим словом, господин профессор, и я полагаюсь на вас.

Я продолжал молчать. Нед Ленд встал и подошел ко мне.

— Вечером в девять, — отчеканил он. — Я предупредил Конселя. Капитан Немо к этому времени запрется в своей комнате и, вероятно, уже будет в постели. Ни машинисты, ни матросы нас не увидят. Я и Консель проберемся к центральной лестнице. Вы, господин Аронакс, будете в библиотеке, в двух шагах от нас, ожидать сигнала. Весла, мачта и парус в шлюпке, мне также удалось уложить туда небольшой запас провианта. Я добыл английский ключ, чтобы отвинтить гайки, которыми шлюпка прикрепляется к корпусу «Наутилуса». Итак, все готово. Сегодня вечером.

— Море неспокойно! — воскликнул я.

— Согласен, — ответил канадец, — но что делать, придется рисковать. Свобода этого стоит, к тому же лодка надежна, и несколько миль

при попутном ветре, в сущности, пустяк. Кто знает, где мы будем завтра, может быть, уйдем в открытое море на сто миль от берега! Если мы сегодня не погибнем и обстоятельства будут нам благоприятствовать, то нам представится возможность между десятью и одиннадцатью часами высадиться где-либо на берегу. Итак, с Божьей помощью, сегодня вечером.

С этими словами канадец удалился, оставив меня в ошеломленном состоянии. Я всегда полагал, что если случай к бегству представится, то я буду иметь возможность его обдумать и обсудить. Упрямый канадец лишил меня этой возможности. И что бы я ему мог возразить в данном случае? Он сто раз был прав. Удобный случай был налицо, и он им пользовался. Мог ли я отказаться от своего слова и принять на себя ответственность, рискуя ради личных интересов будущим товарищей? И действительно, разве завтра капитан Немо не мог нас увести в даль открытого моря?

В эту минуту раздался довольно сильный и знакомый мне свист. Резервуары «Наутилуса» наполнялись водой, и он стал постепенно погружаться в воды Атлантического океана.

Я оставался у себя в комнате. Я хотел избег-

нуть встречи с капитаном, чтобы скрыть от него охватившее меня волнение. Это был грустный день, проведенный в борьбе между желанием возвратить себе и товарищам свободу и сожалением, что я должен покинуть этот удивительный «Наутилус», оставив неоконченными все свои подводные исследования. Покинуть так Атлантический океан, покинуть «мой Атлантический океан», как я охотно его называл, не увидев его самых нижних слоев, не постигнув тайн, которые мне открыли Индийский и Тихий океаны!

Книга выпала у меня из рук на самой интересной странице. О, как мучительно тянулись часы! То я видел себя в безопасности, на твердой земле, с товарищами, то наперекор рассудку желал, чтобы какое-либо неотразимое обстоятельство помешало осуществлению плана Неда Ленда.

Два раза я входил в салон. Я хотел взглянуть на компас, чтобы узнать, в каком направлении идет «Наутилус», а отсюда вывести заключение, приближаемся ли мы или удаляемся от берега. Оказалось, что «Наутилус» продолжает находиться в португальских водах. Он шел к северу, держась берега.

Пришлось подчиниться благоприятному случаю и готовиться к побегу. Мой багаж был

невелик: мои заметки и ничего более.

По отношению к капитану Немо я задавался вопросом, что он подумает, узнав о нашем исчезновении. Сколько тревог, беспокойств, наконец, вреда оно может ему причинить, и как он поступит, если наше бегство будет преждевременно раскрыто или почему-либо не удастся? Конечно, я не имел причин быть им недовольным, скорее наоборот, трудно встретить более радушное и искреннее гостеприимство. Покидая его, я не заслуживал упрека в неблагодарности. Никакая клятва не связывала нас с ним. Он не рассчитывал на наше слово, а силой обстоятельств удерживал нас навсегда при себе. И вот это его намерение удерживать нас в плену на своем корабле оправдывало нашу попытку возвратить себе свободу.

Я не виделся с капитаном со времени нашего пребывания вблизи острова Санторин. Сведет ли меня случай встретиться с ним до нашего бегства? Я этого сильно желал и в то же время боялся. Я прислушивался, не раздадутся ли его шаги в комнате, смежной с моей. Но ни малейший шум не доходил до моего слуха. Эта комната, должно быть, была пуста.

Тогда я стал спрашивать себя: на корабле ли этот загадочный человек? С той ночи, в которую

лодка «Наутилуса» отправилась для исполнения тайного поручения, мое мнение о капитане Немо несколько изменилось. Я приходил к тому убеждению, что, несмотря на его уверения, он все-таки не вполне порвал с землей свои отношения. Верно ли, что он никогда не покидает своего «Наутилуса»? Не раз случалось, что я не встречал его целыми неделями. Где он находился и что делал в это время? Быть может, когда я считал его в припадке мизантропии уединившимся в своем кабинете, он в это время находился где-нибудь далеко, служа тайному делу, которого я до сих пор не мог постигнуть.

Все эти и тысячи других мыслей теснились у меня в голове. Поле предположений, понятно, сильно расширялось. Я испытывал неотстранимое беспокойство. День напряженного ожидания казался мне бесконечным. Часы тянулись нестерпимо долго.

Обед мне подали, по обыкновению, в моей комнате. Я ел без малейшего аппетита, будучи всецело погружен в свои мысли. В семь часов я встал из-за стола. Сто двадцать минут отделяли меня от того мгновения, когда я должен был присоединиться к Неду Ленду. Мое волнение стало возрастать. Пульс усиленно бился. Я не мог сидеть

спокойно. Я ходил взад и вперед, рассчитывая движением умерить тревожное состояние ума. Мысль о том, что мы можем погибнуть в нашем дерзком предприятии, казалась мне всего менее тягостной, но когда мне приходило в голову, что наше намерение может быть раскрыто, прежде чем нам удастся покинуть «Наутилус», что нас захватят и приведут к капитану Немо, раздраженному и, что еще хуже, огорченному моей изменой, сердце мое замирало.

Мне захотелось заглянуть в последний раз в салон. Я прошел коридором и вошел в музей, где провел столько приятных и поучительных часов. Я стал осматривать все эти богатства и редкости, но смотрел на них, как взирает человек на все ему дорогое накануне своего изгнания навеки, ибо сознавал, что никогда их больше не увижу. Да, я должен был навсегда покинуть все эти чудеса и редкостные произведения искусства, среди которых провел столько лучших дней моей жизни. Меня властно манило желание взглянуть через стекла окон салона на воды Атлантического океана, но, увы, ставни были герметично закрыты, и листовое железо скрывало от меня недра океана, подводную жизнь которого мне еще только предстояло изучить.

Осматривая салон, я подошел к двери, скрывавшейся в скошенной стене и выходившей в каюту капитана Немо. К моему величайшему изумлению, дверь оказалась непритворенной. Я невольно отступил. Если капитан Немо находился внутри, он мог меня видеть. Однако, не слыша никакого шума, я решился подойти ближе. Никого не было. Я толкнул дверь и вошел в комнату. Все в ней было, как всегда, сурово, и она напоминала келью отшельника.

В эту минуту несколько офортов, висевших на стене, которых я не заметил в первое мое посещение, бросились мне в глаза. Это были портреты, портреты тех великих исторических людей, жизнь которых была непрестанным служением великой гуманной идее: Костюшко — герой, который, погибая, воскликнул: «Конец Польше!»; Боцарис — этот Леонид современной Греции; О'Коннель — защитник Ирландии; Вашингтон — основатель Северо-Американских Соединенных Штатов; Манин — итальянский патриот; Линкольн, погибший от пули рабовладельцев, и, наконец, этот мученик за освобождение черной расы — Джон Браун, который был повешен и казнь которого так трагически изобразило перо Виктора Гюго.

Какая связь существовала между душами этих героев и душой капитана Немо? Мог ли я в этом собрании портретов раскрыть тайники души этой загадочной личности — капитана Немо? Был ли он защитником угнетенных? Принимал ли он участие в политических и социальных переворотах нашего века? Был ли он одним из героев ужасной американской войны, печальной, но и всегда славной?

Вдруг часы пробили восемь. С первым ударом часов мои мечты рассеялись. Я вздрогнул, словно устрашенный, что невидимый взор проник в тайны моих мыслей; я бросился вон из комнаты. В салоне мой взор остановился на компасе. Мы продолжали двигаться к северу. Лаг показывал среднюю скорость, манометр — глубину в шестьдесят футов. Обстоятельства, видимо, благоприятствовали проектам канадца.

Я возвратился в свою комнату, где оделся потеплее в морские сапоги, шапку из меха выдры, куртку из биссуса, подбитую кожей тюленя. Я был готов. Я стал ждать. Только одни содрогания гребного винта нарушали глубокое молчание, царившее на корабле. Я напрягал слух, не раздастся ли какой-либо возглас, который пояснит мне, что Нед Ленд пойман за подготовкой к бегству? Меня

охватил смертельный страх. Я тщетно старался овладеть собой.

Без нескольких минут девять я приложил ухо к двери капитана. Никакого шума. Я вышел из своей комнаты и отправился в салон, который был весьма слабо освещен и пуст. Я отворил дверь в комнату библиотеки; там тоже слабый свет и ни души. Я встал около двери, которая вела на центральную лестницу. Я ждал сигнала Неда Ленда.

В эту минуту содрогания гребного винта значительно ослабели и вскоре совершенно прекратились. Почему это произошло? Я не мог понять, благоприятствует ли это планам канадца или, наоборот, вредит.

Теперь полная тишина нарушалась только биением моего сердца. Вдруг я почувствовал слабый толчок. Я понял, что «Наутилус» остановился на дне океана. Мое беспокойство возросло. Сигнал канадца не раздавался. Мне хотелось встретить, найти Неда Ленда и уговорить его отложить попытку. Я чувствовал, что прежние условия, при которых совершалось наше плавание, теперь изменились.

В эту минуту дверь большого салона отворилась и появился капитан Немо. Увидев меня, он подошел ко мне.

— А, господин профессор! — обратился он ко мне без всякого приветствия. — Я вас искал. Знакомы вы с историей Испании?

Можно было знать в совершенстве историю своего государства, но в тех условиях, в каких я находился, растерявшись от волнения и тревог, трудно было бы ответить хоть слово.

— Вы слышали мой вопрос? — спросил капитан. — Знаете ли вы историю Испании?

— Очень дурно! — ответил я.

— Вот вы ученый, — воскликнул капитан, — а не знаете! Ну так садитесь, — добавил он, — и я вам расскажу про один из любопытных эпизодов в этой истории.

Капитан Немо растянулся на диване, а я машинально занял место возле него в полусвете.

— Господин профессор, слушайте меня, — начал свой рассказ капитан. — Эта история вас должна сильно заинтересовать, так как она ответит на один вопрос, который вы не могли разрешить.

— Я вас слушаю, капитан, — ответил я, совершенно не понимая, о каком вопросе идет речь, и в то же время спрашивая себя, не будет ли его сообщение служить намеком на замышляемое нами бегство.

— Господин профессор, — продолжал капи-

тан, — если вы желаете, мы обратимся к тысяча семьсот второму году. Вам известно, что в эту эпоху ваш король Людовик Четырнадцатый, который считал себя настолько могущественным, что довольно было одного его мановения, чтобы заставить Пиренеи скрыться под землей, навязал испанцам в государи своего внука, герцога Анжуйского. Этот принц, царствовавший более или менее дурно под именем Филиппа Пятого, вступил в борьбу с сильными внешними врагами.

Надо заметить, что в предшествовавшем году царственные дома Голландии, Австрии и Англии заключили между собой союз с целью отнять у Филиппа Пятого испанскую корону и возложить ее на голову одного герцога, которому они ранее дали имя Карла Третьего.

Испания должна была вступить в борьбу с этой коалицией. Но она почти совсем не имела ни солдат, ни матросов. Однако у нее был достаточный запас золота и серебра, и она могла им воспользоваться, если бы ее галеонам, нагруженным этим золотом, добытым в Америке, удалось вступить в испанские порты. Итак, в конце 1702 года она ожидала этот богатый транспорт, который конвоировал французский флот, находившийся под командой адмирала Шато-Рено, ввиду того, что

союзный флот крейсировал в Атлантическом океане. Испанский транспорт, выйдя из Америки, направился к Кадиксу, но, узнав, что английские корабли крейсируют в этих местах, адмирал решился направиться в ближайший французский порт. Однако капитаны испанских кораблей на это не согласились. Они непременно хотели идти в испанские порты и за невозможностью достичь Кадикса решили войти в находящуюся на северо-западном берегу Испании бухту Виго, которая не была блокирована.

Адмирал Шато-Рено имел слабость подчиниться этому решению, и испанские галеоны вступили в залив Виго. К несчастью, эта бухта представляет открытый рейд, лишенный прикрытий и защиты. Поэтому следовало поспешно выгрузить галеоны до появления в бухте коалиционного флота. Времени для этого было вполне достаточно, но вдруг неожиданно возник презренный вопрос соперничества.

Вы хорошо следите за сцеплением обстоятельств? — спросил меня капитан Немо.

— Как нельзя лучше, — ответил я, не понимая, с какой стати вздумалось капитану прочесть мне лекцию из истории.

— Я продолжаю. Вот что произошло. Купцы

Кадикса пользовались привилегией получать все товары, идущие из Западной Индии. Выгрузить золото галеонов в порту Виго значило нарушить их право. Они жаловались в Мадриде и добились повеления слабого Филиппа Пятого, чтобы галеоны не разгружались и до удаления неприятельского флота оставались под секретом в бухте Виго.

Но в то время, когда состоялось это решение, а именно 22 октября 1702 года, английские корабли вступили в бухту Виго. Несмотря на свои слабые силы, адмирал Шато-Рено сражался храбро, но, когда он пришел к полному убеждению, что испанские галеоны должны стать трофеями врага, он зажег и потопил галеоны, которые опустились на дно моря со всеми своими сокровищами.

Капитан Немо остановился. Я и теперь не понимал, почему это событие должно было интересовать меня.

— Итак! — воскликнул я.

— Итак, господин Аронакс, мы теперь в этой бухте Виго, и нам остается проникнуть в ее тайны.

Капитан встал и попросил меня следовать за ним. Я имел время оправиться, прийти в себя. Я послушался. В салоне было темно, но сквозь

прозрачные стекла виднелись сияющие волны моря. Я стал смотреть в окно. Вокруг «Наутилуса» на полмили в окружности воды казались насыщенными электрическим светом. Песчаное дно было чисто и светло. И здесь, среди почерневших обломков судов, матросы «Наутилуса», одетые в скафандры, вытаскивали полусгнившие бочонки и изломанные ящики. Из этих ящиков и бочонков сыпались слитки золота, серебра, целые каскады пиастров и драгоценных камней. Песок был ими покрыт. Матросы, отягченные этой драгоценной добычей, возвращались на «Наутилус» и, оставив здесь свою ношу, снова отправлялись забирать золото и серебро потонувших судов.

Теперь я все понял. Здесь театр сражения 22 октября 1702 года. Здесь потонули галеоны, которые везли сокровища испанскому правительству. И здесь, по мере надобности, капитан Немо запасался миллионами, которыми он снабжал свой «Наутилус». Он был единственный, кому Америка отдавала свои драгоценные металлы. Он прямо и безраздельно наследовал сокровища, отнятые у инков и туземцев, побежденных Фердинандом Кортесом.

— Предполагали ли вы, господин профессор, — спросил меня капитан, улыбаясь, — чтобы море

заключало столько сокровищ?

— Я знаю, — ответил я, — что воды морей, как показывают вычисления, содержат два миллиона тонн серебра.

— Это так; но чтобы извлечь это серебро, издержки превзойдут прибыль. Здесь же, наоборот, стоит только наклониться и поднять то, что люди потеряли, и не только в бухте Виго, но в тысяче разных мест, где случились кораблекрушения и которые отмечены на моей карте морского дна. Понимаете ли вы теперь, что я обладаю миллиардами.

— Понимаю, капитан, но позвольте вам заметить, что, эксплуатируя залив Виго, вы только опережаете то общество, которое могло соперничать с вами.

— Какое?

— Общество, которое получило привилегию от испанского правительства производить работы по розыску погибших галеонов. Акционеры рассчитывают на огромные доходы; погибшие сокровища оцениваются в пятьсот миллионов.

— Пятьсот миллионов! — воскликнул Немо. — Они тут были, но теперь их нет!

— Была бы оказана громадная услуга акционерам, если бы их предупредить об этом. Хотя,

конечно, неизвестно, как бы они отнеслись к такому сообщению! Впрочем, игроки больше сожалеют о потере своих надежд, чем денег. Но я не столько жалею акционеров, сколько те тысячи несчастных, материальное положение которых при справедливом распределении этих миллионов могло бы значительно улучшиться. А теперь эти сокровища навсегда для них потеряны.

Только я высказал это сожаление, как почувствовал, что обидел капитана Немо.

— Потеряны! — воскликнул капитан, воодушевляясь. — Неужели вы полагаете, господин профессор, что эти богатства потеряны, раз я их собираю? Неужели вы полагаете, что я их собираю для себя лично? Кто вам сказал, что они не получают полезного назначения? Почему вы полагаете, что мне неизвестно о существовании страждущих и бедствующих людей, угнетенных народов, этих несчастных, которых надо утешить, и этих жертв, за которых следует отомстить? Неужели вы не понимаете…

Капитан Немо оборвал свою речь на последнем слове. Быть может, он сожалел, что слишком высказался. Но теперь я его разгадал. Какие бы ни были мотивы, заставлявшие его искать независимости в глубине вод, прежде всего он оставался

человеком. Его сердце отзывалось на страдания человечества, и его безграничное милосердие распространялось как на угнетенные расы, так и на отдельные личности.

И я понял, кому предназначались миллионы, отправленные капитаном Немо, когда «Наутилус» плавал в водах восставшего Крита.

Глава IX
Исчезнувший материк

На следующий день утром, 19 февраля, канадец вошел ко мне в комнату. Я ожидал его визита.

— Ну что, господин профессор! — обратился он ко мне.

— Что же делать, Нед, обстоятельства вчера сложились против нас.

— Да! Надо же было этому проклятому капитану остановиться как раз в тот час, когда мы собирались бежать с его судна.

— Да, Нед, он имел дело к своему банкиру.

— Банкиру?

— Или, вернее, к своему банку. Я подразумеваю под этим океан, где его богатства находятся в лучшей сохранности, чем в любой из государственных касс.

И я рассказал канадцу об инциденте этой ночи с тайной надеждой навести его на мысль не покидать капитана. Но мой рассказ не имел иного результата, как только высказанного канадцем сожаления, что лично ему не пришлось принять участия в прогулке по полю сражения залива

Виго.

— Во всяком случае, не все еще потеряно! — воскликнул он. — Это только промах удара гарпуна. В другой раз этого не случится, и можно попытаться даже сегодня вечером.

— В каком направлении идет «Наутилус»? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Нед.

— В таком случае в полдень мы узнаем место, где находится судно.

Канадец вышел и направился к Конселю. Одевшись, я пошел в салон. Показание компаса было неутешительно. «Наутилус» шел к юго-западу. Мы повернулись спиной к Европе.

Я с нетерпением ожидал, когда местопребывание судна будет обозначено на карте. Около половины двенадцатого резервуары опорожнились, и наше судно поднялось на поверхность воды. Я бросился на палубу. Нед Ленд уже находился там.

Земли нигде не было видно. Одно только безбрежное море. Только на горизонте виднелось несколько парусов, вероятно, тех судов, которые выжидали попутного ветра, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды и дойти до мыса Рока. День стоял пасмурный, все предвещало шквал.

Нед неистовствовал и старался проникнуть взором сквозь туман, закрывавший горизонт. Он надеялся, что за этим туманом расстилается столь желанная земля.

В полдень на минуту показалось солнце. Штурман этим воспользовался, чтобы определить его высоту. Вскоре волнение на море значительно усилилось, и мы были вынуждены покинуть палубу. Подъемная дверь была затворена.

Спустя час я, посмотрев на карту, увидел, что положение «Наутилуса» обозначалось под 16° 17′ долготы и 32° 2′ широты, в ста пятидесяти милях от ближайшего берега.

Думать о бегстве не приходилось, и можно себе вообразить, до чего возрос гнев канадца, когда я ему сообщил о нашем местонахождении.

Что касается лично меня, то я далеко не сокрушался. Более того, я почувствовал даже какое-то облегчение и мог до некоторой степени спокойно приняться за обычные занятия.

Вечером, часу в одиннадцатом, меня совершенно неожиданно посетил капитан Немо. Он весьма любезно осведомился, не утомила ли меня прошедшая бессонная ночь. Я ответил отрицательно.

— В таком случае, господин Аронакс, я вам

предложу совершить любопытную экскурсию.

— Предлагайте, капитан.

— Вы до сих пор посещали морское дно только днем и при свете солнца. Не желаете ли вы полюбоваться на него в темную ночь?

— С большой охотой.

— Прогулка эта, должен вас предупредить, будет утомительна. Придется долго идти и к тому же взбираться на гору. Дороги здесь не совсем исправны.

— Вы, капитан, сильно подстрекаете мое любопытство. Мне ничто не помешает следовать за вами.

— В таком случае идемте, господин профессор, надевать скафандры.

Войдя в гардеробную, я там никого не застал. Очевидно, ни мои товарищи, ни люди экипажа не будут нас сопровождать в этой экскурсии. Капитан Немо не предлагал мне взять с собой Неда или Конселя.

Через несколько минут мы оделись в скафандры.

Мы прикрепили к спинам резервуары с запасом сжатого воздуха, но электрических лампочек не было. О последнем я заметил капитану.

— Они нам не понадобятся, — ответил он.

Я думал, что не расслышал его ответа, но не мог повторить вопроса, так как голова капитана уже скрылась в металлическом колпаке. Едва я облекся в эту водолазную сбрую, как почувствовал, что мне суют в руки палку с металлическим наконечником. Спустя несколько минут мы обычным способом вступили на дно Атлантического океана на глубине триста метров.

Приближалась полночь. Воды были совершенно темны. Капитан Немо показал мне на отдаленное красное пятно в виде широкого сияния, находившееся в двух милях от «Наутилуса». Что это был за огонь, чем он поддерживался, как, каким образом восстанавливался в этой водной среде — я не мог себе этого объяснить. Во всяком случае, он нас освещал, правда весьма слабо, но я вскоре привык к этой полутьме и совершенно согласился, что аппараты Румкорфа были бы нам бесполезны. Капитан Немо и я шли рядом по направлению к этому огню. Ровное дно возвышалось незаметно. Мы шли большими шагами, опираясь на палки, но в действительности подвигались весьма медленно, так как ноги наши вязли в тине, запутывались в водорослях и натыкались на камни.

Продвигаясь вперед, я почувствовал, что над

моей головой что-то съеживается, скорчивается и иногда происходит шум, сопровождаемый непрерывным треском. По всей видимости, шел сильный дождь. Не понимаю, почему мне пришла в голову мысль, что меня промочит. Водой в воде! Эта дикая мысль заставила меня рассмеяться. Но под толстым скафандром не чувствуешь, что находишься в воде, и думаешь, что окружен атмосферой, которая немного плотнее земной.

После получасовой ходьбы мы достигли каменистой почвы. Медузы, микроскопические ракообразные издавали слабый фосфорический свет. Часто встречались груды камней, покрытых миллионами зоофитов и переплетающимися водными растениями. Ноги мои скользили в этом вязком ковре из водорослей, и без опоры на железную палку я бы упал, и не раз. Оборачиваясь, я постоянно видел беловатый маяк «Наутилуса», свет которого бледнел по мере нашего отдаления.

Эти груды камней, расположенных на дне океана, обратили мое внимание правильностью своего расположения, и я не мог этого себе объяснить. Я видел исполинские поля, которые терялись вдали, во мраке, и длину которых нельзя было определить. Затем я упомяну об одном особом

явлении в области чувств: мне казалось, что мои свинцовые подошвы ступали по слою костей, трещавших каким-то особым сухим шумом. Что же это была за долина? Я хотел спросить капитана, но знаки, с помощью которых он разговаривал с людьми своего экипажа во время подводных экскурсий, были мне еще неизвестны.

Между тем красноватый свет, указывавший нам путь, увеличивался и пламенел на горизонте. Присутствие какого-то гигантского очага под водой меня крайне заинтересовало. Было ли то истечение электричества, вызывавшее свет? Стал ли я свидетелем феномена природы, доселе неизвестного ученым земного шара? Или, быть может, — и эта мысль проникала в мой мозг — здесь участвует рука человеческая? Не она ли раздувала этот пожар? Может быть, я встречу в этих глубоких слоях океана друзей, товарищей капитана Немо, живущих такой же странной жизнью, как и он, и которых он идет навестить? Не встречу ли я там целую колонию изгнанников, которые, утомленные земными страданиями, стали искать и нашли убежище независимости на дне океана? Все эти безумные, несбыточные мысли меня преследовали, и в этом настроении ума, постоянно возбуждаемом рядом чудес, про-

ходивших перед моими глазами, я ничуть не удивился бы, если на дне этого океана увидел один из тех подводных городов, о которых мечтал капитан Немо. Наш путь освещался все более и более. Белеющий свет посылал лучи с вершины горы, имевшей около восьмисот футов высоты. Но то, что я видел, было простым отражением.

Очаг — источник этого необъяснимого света — скрывался на противоположном склоне горы.

Посреди каменистых извилин, бороздивших дно Атлантического океана, капитан Немо шел уверенно. Он знал этот мрачный путь. Нет сомнения, что он часто по нему ходил и не мог заблудиться. Я следовал за ним с непоколебимым доверием. Капитан Немо представлялся мне одним из гениев моря, и, когда он шел впереди, я любовался его высокой фигурой, обрисовывавшейся на светлом фоне горизонта. Был час утра. Мы подошли к первым склонам горы. Но чтобы взойти на них, приходилось карабкаться по труднопроходимым тропинкам обширного леса.

Да, леса, леса мертвых деревьев, без листьев, без сока, деревьев, минерализованных действием морской воды. Там и сям возвышались исполинские сосны. Это была как бы стоящая угольная копь, державшаяся своими корнями в окружав-

шей ее почве. Ветви деревьев, походившие на тонкие вырезки из черной бумаги, ясно очерчивались в верхних слоях воды.

Представьте себе лес Гарца, прицепившийся к склону горы, но лес провалившийся. Тропинки загромождены водорослями и фукусами, среди которых кипел целый мир ракообразных животных. Я шел, подымаясь на скалы, шагая через лежащие стволы, разрывая морские лианы, которые качались, развесившись гирляндами от одного дерева к другому, и пугали рыб, перелетавших с ветки на ветку. Увлеченный, я не чувствовал усталости. Я следовал за своим гидом, не знавшим устали.

Какое зрелище! Как его передать? Как и какими красками нарисовать вид деревьев и скал в этой жидкой среде, снизу мрачных и диких, вверху — озаренных красным отблеском под влиянием света, который усиливался благодаря отражению воды?

Мы взбирались на скалы, которые потом обрушивались огромными глыбами и с глухим шумом лавин. Направо и налево уходили вглубь темные галереи. То там, то в другом месте открывались огромные лужайки, словно расчищенные человеческими руками, и я временами спраши-

вал себя — не появится ли внезапно передо мной какой-либо из жителей этих подводных стран. Но капитан все поднимался. Я не хотел отставать и смело следовал за ним. Моя палка оказывала мне большую услугу. Один неверный шаг грозил гибелью в этих узких проходах, тянувшихся по краям пропасти. Я не подвергался головокружению и шел твердыми шагами по этим опасным проходам. Мне случалось и перепрыгивать через расселины, глубина которых, будь они на земле, заставила бы меня отступить; приходилось переходить по качающимся стволам деревьев, перекинутых через пропасти, причем я старался не глядеть себе под ноги, а только любоваться дикими пейзажами этой местности. Попадались монументальные скалы, наклонившиеся на своих неправильных базисах, которые, казалось, игнорировали закон равновесия. Из впадин и расщелин этих скал вздымались отвесно деревья, словно сильные водометы; различные выступы и природные башни этих скал наклонялись под таким углом, которого законы тяготения не допускают на поверхности земли.

Я чувствую, что этот рассказ о нашей подводной экскурсии покажется неправдоподобным! Тем не менее я остаюсь правдивым историком

необычайных, но реальных и не подлежащих сомнению явлений. Это не был бред. Я видел и чувствовал!

Два часа спустя, после того как мы покинули «Наутилус», мы уже прошли лесную полосу, и над нашими головами возвышалась остроконечная вершина горы, которая закрывала источник света. Там и сям виднелись кустарники. Рыбы подымались целыми стаями из-под наших ног, как птицы из высокой травы. Утесистая масса была почти всюду изрыта расщелинами, глубокими пещерами, бездонными пропастями, в глубине которых мне чудилось движение страшных существ. Кровь приливала к моему сердцу, когда я видел огромный ус, заграждавший мне дорогу, или страшные клешни, которые с шумом скрывались в тени впадин. Тысячи светозарных точек блестели среди тьмы. Это были глаза исполинских ракообразных животных, таившихся в своих норах; гиганты-омары выпрямлялись, словно алебардщики, и с шумом, напоминавшим стук железа, шевелили своими клешнями; титаны-крабы казались прицелившимися пушками на лафетах, и чудовищные осьминоги, переплетаясь своими щупальцами, образовывали живую изгородь.

Что это за чудовищный мир! Ничего подобного я до сих пор себе не представлял. К какому зоологическому порядку относились все эти черепокожные, которым скала служила вторым черепом? В чем кроется тайна природы, дающая возможность их существованию, и сколько веков живут они таким образом в этих низших слоях океана?

Но я не мог останавливаться. Капитан Немо, освоившийся с этими животными, даже не остерегался их. Мы дошли до первого плато, где меня ожидали новые сюрпризы. Там рисовались живописные руины, которые свидетельствовали о труде рук человеческих. Это были огромные груды камней, между которыми различались в смутном очертании части замков, храмов, покрытых целым миром цветкообразных зоофитов и густым покрывалом водорослей.

Что это за часть земного шара, поглощенная наводнением? Кто расположил эти скалы, эти камни, эти дольмены доисторических времен? Где я находился, куда завела меня фантазия капитана Немо?

Я хотел его спросить. Но так как это было невозможно, то я только остановил его. Я схватил его за руку. Он покачал головой и, указывая на по-

следнюю вершину горы, казалось, говорил: «Иди! Иди вперед!»

Я последовал за ним, напрягая остаток сил, и через несколько минут добрался до остроконечной вершины, поднимавшейся на десять метров над всей этой утесистой массой. Я оглянулся на то пространство, которое мы прошли. Гора высилась над равниной не выше семи или восьми сотен футов; но противоположный ее склон был вдвое выше и подымался отвесно над низменным дном части Атлантического океана, служившей подошвой горы. Мой взор устремился вдаль и охватил огромное пространство, освещенное ярким блеском. И действительно, эта гора оказалась действующим вулканом.

В пятидесяти футах ниже пика, среди дождя камней и шлаков, широкий кратер извергал потоки лавы, которые растекались огненными каскадами в недрах жидкой массы. Таким образом, этот огнедышащий вулкан, как необъятный факел, освещал всю внутреннюю равнину до последних пределов горизонта.

Я сказал, что подводный кратер извергал лаву, но не пламя. Для пламени нужен кислород воздуха, и потому оно не может проявляться под водой; но потоки лавы за счет своего внутреннего

процесса накаливания могут развивать жар до белого каления; надобно опасаться этого жидкого элемента, при столкновении с которым легко обратиться в светящиеся раскаленные пары. Быстрые течения увлекали все эти раскаленные газы, и потоки лавы скользили до подошвы горы, как при извержении Везувия.

И действительно, здесь, перед моими глазами, лежал разрушенный, опустошенный, сброшенный вниз, разоренный город; крыши его строений разнесены, его храмы в развалинах, его арки расселись, колонны его портиков лежат на земле, хотя еще не потеряли некоторых признаков их принадлежности к тосканскому ордеру; далее виднелись развалины исполинских акведуков; здесь заплывшее возвышение акрополя и расплывшиеся формы Парфенона; там остатки набережной, той древней гавани исчезнувшего прежнего океана, в которой находили тихую пристань торговые и боевые триремы; там далее виднелись обрушившиеся стены, широкие улицы, раскрывались древние Помпеи, опустившиеся на дно океана и воскрешенные для меня капитаном Немо.

Где я? Где я? Я хотел это знать во что бы то ни стало, я хотел говорить, я хотел сорвать медный

шар, в котором была заключена моя голова!

Но капитан Немо подошел ко мне и остановил меня жестом. Затем, подняв кусок мелового камня, он подошел к черной базальтовой стене и написал следующее слово: «АТЛАНТИДА».

Какая-то молния озарила мой ум! Атлантида, древняя Атлантида Платона, материк, существование которого отрицает Ориген и исчезновение которого Порфирий, Ямвлих, д'Анвиль, Мальт-брён, Гумбольдт считают легендарным рассказом, но существование которого признается Плинием, Аммианом Марцеллином, Тертуллианом, Энгелем, Шерером, Турнефором, Бюффоном и д'Аверзаком. И этот материк был перед моими глазами со всеми неопровержимыми доказательствами постигшей его катастрофы. Это была та поглощенная страна, которая некогда лежала вне Европы, Азии, Ливии, по ту сторону Геркулесовых столбов, страна, где жили могущественные атланты, против которых древние греки вели свои первые войны.

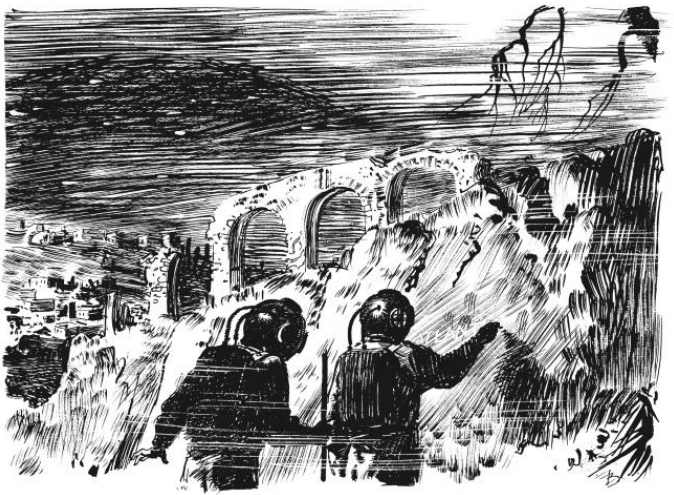
Историк, который занес в свои анналы великие события этого героического времени, был сам Платон. Его диалог между Тимеем и Критием был, так сказать, вдохновлен Солоном, поэтом и законодателем.

Однажды Солон беседовал с некоторыми мудрыми старцами города Саиса, города, существовавшего уже восемьсот лет, как о том свидетельствовали летописи, вырезанные на стенах священного храма. Один из этих старцев рассказал историю другого города, который был древнее Саиса на тысячу лет. Этим афинским городом завладели атланты и разрушили его. Атланты, повествовал он, занимали очень обширный материк, несравненно больший, чем Африка и Азия, вместе взятые, который простирался от двенадцатого до сорок второго градуса северной широты. Их владения являлись смежными даже с Египтом. Они хотели распространить свою власть и на Грецию, но должны были отступить перед неукротимым сопротивлением эллинов. Протекли века. Произошла катастрофа — наводнение и землетрясение. Одной ночи и одного дня было достаточно для исчезновения этой Атлантиды, высшие вершины которой — Мадейра, острова Азорские, Канарские и Зеленого Мыса — выступают над поверхностью океана и в настоящее время.

Таковы были исторические воспоминания, которые пробудила во мне надпись капитана Немо. Таким образом, очутившись здесь по ка-

призу судьбы, я попирал ногами одну из гор этого бывшего материка! Я дотрагивался руками до этих руин, тысячу раз вековых и современных геологическим эпохам, я ходил по тем местам, где ходили современники первого человека! Я попирал своими тяжелыми подошвами скелеты тех животных сказочного времени, которых эти деревья, теперь минерализованные, некогда укрывали под своей тенью.

Почему у меня не было времени! Я хотел спуститься по крутым склонам этой горы и пробежать по всему этому необъятному континенту, который, без сомнения, соединял Африку с Америкой, посетить большие допотопные города. Там, может быть, представился бы моим взорам воинственный Махимос, благочестивый Эусебес, где обитали исполины, жившие по нескольку веков и обладавшие замечательной силой, давшей возможность созидать строения из этих масс, до сих пор еще сопротивляющихся действию воды. Быть может, в один прекрасный день подземный огонь снова выдвинет на поверхность океана эти поглощенные развалины! И теперь в этой части действуют сильные подземные вулканы, и многие корабли испытывали сотрясения, проходя над этими волнующимися глубинами. Некоторые из них слышали глухой шум, вызываемый борьбой стихий; другие видели вулканический пепел, выброшенный на поверхность воды. Вплоть до экватора здешнее морское дно подвержено действию плутонических сил. И кто знает, возможно, что в отдаленную эпоху это морское дно, постоянно подымаясь вследствие наслоения извергаемой лавы, выдвинет на поверхность Атлантического океана и свои огнедышащие горы!



В то время, когда я мечтал таким образом, когда старался запечатлеть в своей памяти все детали этого пейзажа, капитан Немо, облокотившись на какой-то памятник в виде столба, оставался недвижимым и словно окаменелым в немом восторге. Мечтал ли он об этих исчез-

нувших поколениях и спрашивал у них о тайной судьбе человечества? Было ли этим загадочным человеком избрано это место для того, чтобы проникнуться былым временем и прожить мысленно античной жизнью, так как он тяготился современной жизнью? Чего бы я не дал, чтобы узнать его мысли, чтобы разделить их, чтобы понять их!

На этом месте мы оставались на протяжении часа, рассматривая обширную равнину при блеске лавы, который иногда принимал удивительную напряженность. Кипение внутри горы вызывало содрогание почвы, которое быстро пробегало по поверхности горы. Шум, отчетливо слышавшийся в глубине этой жидкой массы, разрастался временами в величественной полноте. В ту минуту сквозь массу воды показалась луна и бледными лучами осветила поглощенный материк. Это был только отблеск луны, ее изображение, но эффект был поразительный, не поддающийся описанию. Капитан Немо выпрямился, бросил последний взгляд на эту необъятную равнину и затем подал мне рукой знак следовать за ним.

Мы быстро спустились с горы. Пройдя минеральный лес, я увидел маяк «Наутилуса», блестевший, как звезда. Капитан Немо шел прямо

на него. Мы вошли на корабль в ту минуту, когда первые лучи рассвета стали белеть на поверхности океана.

Глава X
Подводная каменноугольная копь

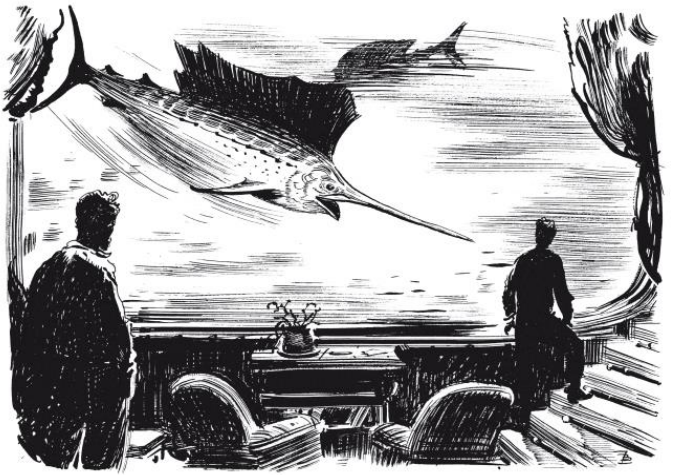
На следующий день, 20 февраля, я встал очень поздно. Ночная усталость вызвала долгий сон, продолжавшийся до одиннадцати часов утра. Встав с постели, я быстро оделся. Мне хотелось поскорее узнать, в каком направлении плывет «Наутилус». Приборы указывали, что он продолжает идти к югу, движется со скоростью двадцать миль в час и держится на глубине ста метров.

Вошел Консель. Я ему рассказал о нашей ночной экскурсии; ставни были открыты, и он мог видеть часть потопленного материка.

И действительно, «Наутилус» шел всего в десяти метрах над дном равнины Атлантиды. Он несся, как воздушный шар, уносимый ветром, над земными горами; впрочем, лучше сказать, что мы находились в нашем салоне, как бы в вагоне экспресс-поезда. Перед нашими глазами проходили на первом плане фантастически очерченные скалы, леса, состоящие из деревьев, перешедших из растительного в минеральное царство; неподвижные, они искривлялись в волнующейся

воде. Можно было различить каменистые массы, скрывавшиеся под ковром асцидий и анемон и усаженные длинными вертикальными водорослями, а также и обломки лав, как-то странно изогнутые, говорившие об ужасающей ярости плутонических извержений.

И в то время, когда эти причудливые ландшафты сияли при свете наших электрических огней, я рассказывал Конселю историю этих атлантов, которые с точки зрения чистого вымысла внушили Бальи столько прекрасных страниц. Я ему говорил о войнах этого героического народа. Я рассуждал об Атлантиде как о факте, не подлежащем сомнению. Однако Консель был рассеян, плохо меня слушал. Вскоре его равнодушное отношение к этому историческому событию разъяснилось.



Действительно, его внимание отвлекали многочисленные рыбы, которые дефилировали перед окном, и, как только они показывались, Консель, погружаясь в бездны классификаций, уносился из мира действительности. В этих случаях мне оставалось только следовать за ним и приниматься вместе с ним за ихтиологические изыскания.

Впрочем, рыбы Атлантического океана ничем особенным не отличались от виденных нами до сих пор. Встречались огромные скаты длиной в пять метров, отличающиеся значительной мускульной силой, благодаря которой они могут подниматься над волнами; различного вида акулы, и среди них порода *carchiorios glaucus* пятнадцати футов длиной, с треугольными острыми зубами, которые настолько прозрачны, что незаметны в воде; бурые морские караси; гумантины в виде призмы, покрытые бородавчатой корой, как латами; осетры, походившие на своих родичей в Средиземном море; морские иглы-трубачи в полтора фута длиной, темно-желтого цвета, снабженные небольшими серыми плавниками, лишенные зубов и языка и извивающиеся, точно тонкие и гибкие змеи.

Среди костистых рыб Конселю довелось увидеть черноватых макайр длиной в три метра и вооруженных по верхней челюсти острой шпагой; рыб яркого цвета, известных во времена Аристотеля под названием морских драконов, которых брать в руки опасно, потому что их спинной плавник вооружен острыми иглами; попадались и корифены с коричневой спиной, с голубыми на ней полосками и украшенные золо-

той каймой; красивые доадры; кризостозы-луны в виде дисков с лазоревым отливом, казавшиеся серебряными пятнами, когда солнечный свет падал сверху; наконец, меч-рыбы в восемь метров длиной, плавающие стаями, снабженные желтоватыми плавниками в виде серпов и вооруженные длинными мечами в шесть футов; эти неустрашимые меч-рыбы, скорее травоядные, нежели рыбоядные животные, повинуются малейшему знаку самок, как хорошо выдрессированные мужья.

Наблюдая все эти различные образчики морской фауны, я в то же время рассматривал и расположение обширной равнины Атлантиды. На ней местами группировались возвышенности, которые замедляли ход нашего судна. «Наутилус» начинал идти тише и изумительно ловко лавировал в узких проходах между холмами. Если же лабиринт становился совсем непроходимым, то «Наутилус» подымался кверху и, миновав препятствие, продолжал свое плавание в нескольких метрах ото дна. Удивительное и прелестное плавание, которое напоминало маневры аэростата, но с тем преимуществом, что «Наутилус» был вполне послушен руке рулевого. Около четырех часов вечера почва, состоявшая до сих пор из

густого ила, перемешанного с окаменелыми растениями, стала постепенно видоизменяться; она сделалась более каменистой и казалась усеянной конгломератами, базальтовыми туфами, обломками лавы и сернистыми обсидианами.

Я полагал, что вскоре последует горная область; и действительно, я вскоре заметил, что южный горизонт загромождала высокая стена, заграждающая выход. Очевидно, вершина ее подымается над уровнем океана. Это должен быть материк и, вероятно, остров Зеленого Мыса. Местонахождение судна, возможно, что и умышленно, не было обозначено, и я не знал, где мы находились. Во всяком случае, указанная мною стена определяла границу Атлантиды, только незначительная часть которой была нами пройдена.

Я продолжал свои наблюдения и ночью. Консель ушел в свою каюту, и я оставался один. «Наутилус» шел тихим ходом, плывя над массами неясно обозначавшейся почвы, то слегка касаясь ее, как бы с намерением здесь остановиться, то по капризу поднимаясь на поверхность волн. В последних случаях мне пришлось, хоть мельком, видеть сквозь кристальные воды несколько ярких созвездий.

Я долго еще стоял перед окном, любуясь красо-

тами моря и неба, как вдруг ставни закрылись. В эту минуту «Наутилус» подошел к отвесному скату стены. Как он ее обойдет, я не мог себе представить. Я возвратился в свою каюту. «Наутилус» не двигался. Я уснул, чувствуя сильное утомление.

На следующий день, когда я вошел в салон, было восемь часов. Я посмотрел на манометр. Он показывал, что «Наутилус» плыл по поверхности океана. Надо мной на палубе слышались чьи-то шаги.

Я направился к подъемной двери; она оказалась открытой, но вместо ожидаемого света я очутился в полной темноте. Где мы? Не ошибся ли я? Может быть, ночь еще не миновала? Нет! Не было ни одной звездочки, да и ночью не бывает такой непроглядной тьмы.

Я не знал, что подумать, как раздался чей-то голос:

— Господин профессор, это вы?

— А, капитан Немо! — ответил я. — Где мы находимся?

— Под землей, господин профессор.

— Под землей! — вскрикнул я. — Но «Наутилус» продолжает плыть?

— Он всегда держится в воде.

— Я ничего не понимаю.

— Подождите несколько минут, наш прожектор загорится, и если вы любите во всем ясность, то будете удовлетворены.

Я вышел на палубу и стал ждать. Было до того темно, что я не мог даже видеть капитана Немо. Между тем, взглянув вверх, я заметил какой-то полусвет, проникавший сквозь круглое отверстие. Но в эту секунду как раз внезапно засветил маяк, и в его ярком свете исчезло это световое пятно.

Я закрыл на минуту глаза, ослепленные электрическими лучами, затем стал осматриваться кругом. «Наутилус» стоял на месте и слегка качался около высокого берега, похожего на набережную. «Море», в котором он находился в эту минуту, было не что иное, как озеро, имевшее в диаметре мили две и заключенное между стен.

Уровень воды озера не разнился, как показывал манометр, с внешним уровнем, следовательно, между морем и озером существовало сообщение. Высокие стены своим расположением представляли как бы огромную перевернутую воронку высотой в пятьсот или шестьсот метров. На вершине ее открывалось кругообразное отверстие, в котором я видел полусвет, очевидно принадле-

жавший дневным лучам.

Но прежде чем внимательно рассмотреть устройство этой гигантской пещеры, я задал себе вопрос: создание ли это рук человеческих или природы?

Я подошел к капитану Немо.

— Где мы? — спросил я.

— В жерле потухшего вулкана, — ответил капитан, — вулкана, внутренность которого залита была морем вследствие сильных потрясений земной коры. В то время, когда вы спали, господин профессор, «Наутилус» проник в это маленькое озеро через естественный канал, находящийся в десяти метрах ниже морского уровня. Здесь его настоящая гавань, гавань надежная, тихая, никому не известная, укрытая от всех порывов ветра. Найдите на берегах материков или островов другое такое тихое пристанище, где можно укрыться от ярости урагана.

— Действительно, — ответил я, — здесь вы в полной безопасности, капитан Немо. Кто отыщет вас в центре вулкана? Мне показалось, что на его вершине находится отверстие.

— Да, это кратер, который некогда был наполнен лавой, парами и пламенем, а в настоящее время служит проходом воздуху, которым мы с

вами дышим.

— Но что это за вулканическая гора? — спросил я.

— Она принадлежит одному из многочисленных островов, которыми усеяно это море, простой риф для кораблей, для нас же — огромная пещера. Я открыл ее случайно, и это оказало мне большую услугу.

— Можно проникнуть в это отверстие?

— Нет, ни подняться, ни спуститься в это отверстие нельзя. По внутренним стенам можно взобраться футов на сто, но выше они сужаются в виде свода и потому непроходимы.

— Я вижу, капитан, что природа вам всегда и везде оказывает услуги. Вы вполне в безопасности на этом озере, и никто, кроме вас, не знает о его существовании. Но для чего вам убежище? Разве «Наутилус» нуждается в гавани?

— Как в тихой пристани — нет, господин профессор, но ему необходимо электричество для движения, элементы для производства электричества; ему нужен натрий для элементов, уголь для добывания натрия и каменноугольные копи для добывания угля. А именно здесь море скрывает целые леса, но со времен давно минувших геологических эпох эти леса давным-давно ми-

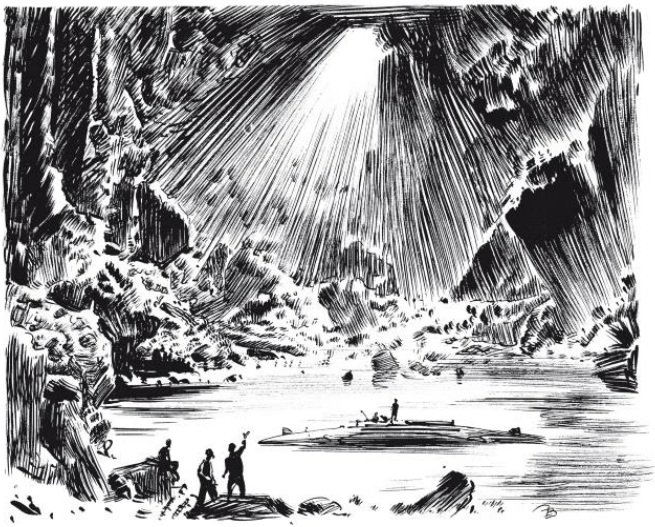
нерализовались, превратившись в каменный уголь, и служат мне неисчерпаемым рудником.

— Следовательно, ваши люди, капитан, работают здесь в качестве рудокопов?

— Совершенно верно. Эти копи простираются под волнами, как шахты Ньюкасла. Здесь мои люди, одетые в скафандры, с кирками и заступами в руках добывают уголь, и таким путем я избегаю необходимости обращаться к копям на земле. Когда я сжигаю уголь, чтобы добыть натрий, дым, выходящий из кратера горы, придает ей вид действующего вулкана.

— И мы увидим ваших товарищей за работой?

— На этот раз нет, я спешу продолжить кругосветное путешествие. Сегодня я ограничусь имеющимся здесь у меня запасом натрия. Наша остановка поэтому продлится не более суток, то есть времени, необходимого для погрузки. Если вы, господин Аронакс, желаете осмотреть эту пещеру и обойти маленькую лагуну, то воспользуйтесь этим днем.



Я поблагодарил капитана и отправился к своим товарищам, которые еще не выходили из своей каюты. Я предложил им следовать за мной, не говоря им, где они находятся. Мы вышли на палубу. Консель, который ничему не удивлялся, находил вполне естественным — уснуть под волнами и

проснуться под горой. Но у Неда Ленда упорно засела мысль — не имеет ли эта пещера где-нибудь выхода. После завтрака, часу в десятом, мы вышли на крутой берег.

— Вот мы снова на земле! — воскликнул Консель.

— Я не считаю это землей, — возразил канадец, — не говоря уже о том, что мы не на ней, а под ней.

Между подошвами крутых стен и водами озера находился песчаный берег шириной не более пятисот футов. По этому плоскому берегу озеро было легко обойти. Но подошва высоких стен представляла собой весьма неровную местность; повсюду грудами лежали в живописном беспорядке вулканические обломки и огромные куски пемзы. Все эти разбросанные массы от действия подземного огня были покрыты глянцевитой эмалью и блестели электрическим светом, расточаемым маяком. Блестящая пыль, поднятая нашими ногами, взлетала, как множество искр.

Мы вскоре дошли до извилистых входов, настоящих уступов, позволявших подниматься мало-помалу; идти посреди конгломератов, ничем не связанных между собой, приходилось весьма осторожно, потому что ноги скользили

по стекловидным трахитам, состоявшим из кристаллов полевого шпата и кварца.

Вулканическое происхождение этой огромной впадины подтверждалось на каждом шагу. Я обратил на это внимание моих товарищей.

— Вы теперь можете себе представить, — добавил я, — что происходило здесь, когда внутренность вулкана наполнялась кипящей лавой и уровень этой раскаленной жидкости поднимался до самого отверстия кратера, как расплавленный металл внутри горна.

— Я отлично себе это представляю, — ответил Консель. — Но быть может, господин профессор знает, почему великий плавильщик остановил свои работы и каким образом произошло, что горнило обратилось в спокойное озеро?

— Вероятно, потому, что катастрофа пробила ниже уровня океана отверстие, послужившее проходом для «Наутилуса». Когда воды Атлантического океана устремились во внутренность вулкана, произошла ужасная борьба между двумя стихиями, кончившаяся победой Нептуна. С тех пор прошли века, много веков, и в затопленном вулкане образовалось озеро.

— Прекрасно! — воскликнул Нед Ленд. — Я удовлетворяюсь этим объяснением, но, имея в

виду нашу главную цель, очень сожалею, что этот прорыв не произошел выше уровня моря.

— Но если бы такой проход не был подводным, — заметил Консель, — то и «Наутилус» не имел бы возможности проникнуть в него.

— А я добавлю, Ленд, — вскричал я, — что тогда воды не проникли бы во внутренность вулкана, и он, быть может, продолжал бы действовать до сих пор. Следовательно, ваши сожаления напрасны.

Мы продолжали подыматься. Уступы становились все круче и круче. Иногда их пересекали глубокие трещины, через которые приходилось переходить. Местами же приходилось обходить низко спустившиеся своды. Мы пробирались на коленях, ползали на животе. Благодаря силе канадца и ловкости Конселя удалось преодолеть все препятствия.

На высоте примерно тридцати метров свойства почвы изменились, но она продолжала оставаться по-прежнему весьма неудобной для ходьбы. Конгломераты и трахиты сменились черными базальтами; здесь они расстилались скатертью на шероховатой от застывших пузырей почве; местами встречались колоннады правильных призм, и одна из таких колоннад, поддерживая заплечье огромного свода, представляла собой

удивительный образец естественной архитектуры. Между базальтами извивались длинные потоки охладевшей лавы, инкрустированной смолистыми полосами; кое-где расстилались широкие ковры серы. В верхнем кратере был светлый день, проникшие через отверстие яркие солнечные лучи обливали своим неопределенным светом все эти вулканические извержения, навсегда похороненные в недрах потухшего вулкана. Однако вскоре наш подъем на высоте почти двухсот пятидесяти футов был задержан непреодолимыми препятствиями. Внутренний выгиб поднимался сводом, и восхождение должно было перейти в прогулку вокруг озера. Здесь царство растительности начинало уже вступать в борьбу с минеральным.

Несколько кустов, даже деревьев, выступали из извилин стены. Я заметил несколько молочайников, из которых вытекал ядовитый сок. Гелиотропы не способны были оправдать свое имя, потому что солнечные лучи никогда не достигали до них, и они печально опускали свои ветки с полуотцветшими и почти лишенными запаха цветами. Там и сям несколько маргариток робко поднимались под защитой длинных листьев алоэ, но эти маргаритки были жалки и

болезненны.

Между потоками лавы попадались маленькие фиалки, еще не потерявшие легкого запаха, и признаюсь, я с наслаждением нюхал их. Запах — душа цветка, и, увы, морские цветы, эти великолепные водоросли, не имеют души!

Только мы подошли к группе драконовых деревьев, крепкие корни которых раздвигали расселины скал, как внезапно Нед вскрикнул:

— Господин профессор, улей!

— Улей! — воскликнул я, не доверяя его словам.

— Да, улей, — повторил канадец, — и вокруг него жужжат пчелы.

Я подошел и с изумлением увидел следующее. В дупле драконового дерева копошились тысячи этих насекомых, столь обычных на всех Канарских островах, где продукция их особенно ценится.

Канадец, понятно, пожелал воспользоваться медом, и было бы весьма нелюбезно с моей стороны этому воспрепятствовать. Мы помогли ему собрать кучу сухих листьев, смешали их с серой. Он зажег кучу искрой от своего огнива и стал выкуривать пчел. Мало-помалу жужжание стихло, пчелы покинули улей, оставив нам в

добычу несколько фунтов душистого меда. Нед Ленд наполнил им свою сумку.

— Смешав этот мед с тестом хлебного дерева, — сказал он, — я вас угощу вкусным пирожным.

— Браво! — воскликнул Консель. — Это, по-моему, выйдет пряник.

— Пускай пряник, — сказал я, — но продолжим нашу интересную прогулку.

С тех немногих мест, где тропинка, по которой мы шли, делала повороты, можно было обозревать озеро на всем его протяжении. Маяк сплошь освещал эту тихую пристань, на поверхности которой нигде не было видно даже ряби. «Наутилус» стоял совершенно неподвижно. На его палубе и на крутом берегу двигались члены экипажа — черные тени, резко выделявшиеся на светлом фоне. В эту минуту мы обходили возвышенный хребет первых скалистых уступов, которые поддерживали свод. Теперь я мог убедиться, что пчелы были не единственными представителями животного царства внутри этого вулкана.

Хищные птицы кружились и парили в тени или вылетали из своих гнезд, прикрепленных к остроконечникам утеса. Это были голубятники с белыми животами и крикливые пустельги. По скатам быстро уносились быстроногие, жирные

дрофы. Предоставляю читателю судить, с какой жадностью смотрел канадец на вкусную дичь и как сожалел, что не захватил с собой ружья. Он стал метать в них камешки, и после многих бесполезных попыток ему удалось подбить одну из великолепных дроф. Я ничуть не преувеличиваю, говоря, что он двадцать раз рисковал своей жизнью, чтобы овладеть раненой птицей, и она наконец нашла место в мешке рядом с тем продуктом, который предназначался для медовых пирожков.

Однако вскоре мы вынуждены были сойти на берег, так как дальнейший путь оказался непроходимым. Зияющий над нами кратер походил на широкое отверстие колодца. С этого места было видно ясное небо, по которому неслись в беспорядке обрывки гонимых западным ветром облаков.

Спустя полчаса мы снова достигли внутреннего берега. Здесь флора представилась уже в виде широких ковров из морского укропа — вида зонтичных растений, который, будучи сварен в сахаре, очень вкусен. Что же касается фауны, то можно было насчитать тысячи ракообразных животных всевозможных видов, как, например, омары, крабы-отшельники, креветки и множе-

ство раковин.

В этом месте открывался великолепный грот. Я и мои товарищи с удовольствием растянулись на его мягком песке. Глянцевитые стены грота, осыпанные слюдяной пылью, сверкали.

Разговор наш коснулся неотступного намерения бежать. Я поддерживал надежду предположением, что капитан Немо направился к югу только ради пополнения запаса натрия. Я уверял, что теперь «Наутилус» направится к берегам Европы или Америки, и до некоторой степени утешил канадца. Мы пробыли в гроте целый час. Вначале весьма оживленный разговор вскоре стал вялым. Нами овладевала сонливость, и я поддался глубокой дремоте. Мне снилось — мы не господа наших снов, — что мое существование походит на растительную жизнь моллюска и этот грот составляет двойные стенки моей раковины.

Вдруг меня разбудил голос Конселя.

— Живей, живей! — кричал он.

— Что случилось? — спросил я.

— Вода к нам приближается.

Я вскочил на ноги. Море, словно поток, устремлялось в наше убежище, и так как мы не были моллюсками, то приходилось спасаться.

Через несколько минут мы находились в без-

опасности, взобравшись на вершину грота.

— Что происходит? — спросил Консель. — Какой-то новый феномен!

— Нет, друзья мои, — ответил я, — это морской прилив, только прилив, который чуть не захватил нас врасплох, как одного героя Вальтера Скотта! Океан вздувается, и по естественному закону равновесия уровень воды в озере поднимается. Мы отделались полуванной. Идем на «Наутилус» переодеваться.

Через три четверти часа наша прогулка вокруг озера была окончена, и мы взошли на борт судна. Люди экипажа заканчивали к этому времени погрузку натрия, и «Наутилус» мог тотчас отправляться.

Между тем капитан Немо не отдавал никаких приказаний. Не хотел ли он дождаться ночи и тогда тайно пройти своим подводным ходом?..

Как бы там ни было, на следующий день «Наутилус» покинул свою пристань и плыл уже в открытом море на несколько метров ниже поверхности Атлантического океана.

Глава XI
Саргассово море

Своего направления «Наутилус» не изменил. Всякая надежда на возвращение в европейские моря должна была быть отброшена. Капитан Немо шел к югу. Куда он нас увлекал? Я не стал даже гадать.

В этот день «Наутилус» проходил одну из замечательных частей океана. Каждый знает о существовании великого течения теплой воды, называемого Гольфстримом.

По выходе своем из каналов Флориды оно направляется к Шпицбергену. Но прежде чем войти в Мексиканский залив около 4° северной широты, течение разбивается на два рукава: главный несет свои воды к берегам Ирландии и Норвегии, а второй рукав, вначале направляясь к югу до Азорских островов, затем, дойдя до африканских берегов, очерчивает продолговатую дугу и снова возвращается к Антильским островам. Этот второй рукав обнимает своей теплой водой ту холодную, спокойную и неподвижную часть океана, которая называется Саргассовым

морем, — настоящее озеро в Атлантической равнине. Водам великого течения требуется не менее трех лет, чтобы совершить свой тур.

Собственно говоря, Саргассово море покрывает всю часть Атлантиды, погрузившейся в море. Некоторые авторы полагали даже, что многочисленные растения, которыми оно усеяно, принадлежали прежде лугам этого древнего материка. Однако более достоверной кажется та гипотеза, что эти травы и водоросли оторваны от берегов Европы и Америки и занесены в этот пояс Гольфстримом. Это и послужило основанием Колумбу предположить существование Нового Света, когда корабли отважного искателя достигли Саргассова моря. Они с трудом могли плыть среди этих растений, которые, к великому ужасу экипажа, задержали плавание и заставили потерять три месяца, чтобы обойти эту часть моря.

Вот какой вид имеет то место, где в настоящую минуту находился «Наутилус»: настоящий луг, плотный ковер из водорослей и тропического винограда — ковер до того плотный и толстый, что киль судна в состоянии его разрывать только с большим трудом. И капитан Немо, не желая допускать работы гребного винта «Наутилуса» в этой травянистой массе, держался несколько-

ми метрами ниже поверхности воды.

Название «Саргассово море» происходит от испанского слова «sargazo», которое означает водоросль. Эта водоросль и составляет главным образом эту обширную плавучую мель. Вот мнение ученого Мори, автора физической географии земного шара, о причине того, что водоросли собираются в этом тихом бассейне Атлантического океана.

«Объяснение, которое можно дать, — говорит он, — является результатом наблюдения, известного всему свету. Если положить в чашку с водой кусочки пробки или иного плавающего тела и сообщить воде круговое движение, то разбросанные кусочки будут отплывать к центру водной поверхности, как к месту менее деятельному. В занимающем нас феномене вода является Атлантическим океаном, Гольфстрим — циркуляцией воды, а Саргассово море — той центральной частью, куда собираются плавающие тела».

Я разделяю мнение Мори и мог изучать феномен в той исключительной среде, куда не попасть кораблям. Над нами плавали тела самого различного происхождения, застрявшие в этой коричневой травянистой массе; стволы деревьев, вырванных с корнем в Андах и Ска-

листых горах и принесенных Амазонкой или Миссисипи; многочисленные обломки судов, остатки килей, корпусов, оторванные доски, до того отяжелевшие от раковин и усоногих раков, что были не в состоянии всплыть на поверхность воды. Время подтвердит когда-нибудь и другое мнение Мори, что все эти предметы на протяжении целых веков в воде минерализуются ею и образуют неисчерпаемые каменноугольные залежи — драгоценный запас, который заготавливает предусмотрительная природа к тому времени, когда люди используют все копи материков.

Посреди этого травянистого болота, преимущественно из водорослей, я заметил много прелестных звездчатых алцион розового цвета; актиний, раскинувших свои длинные косматые щупальца; красных и голубых медуз и в огромном числе больших корнеротов Кювье, имеющих вид голубоватых зонтиков, окаймленных фиолетовыми фестонами. Весь день 22 февраля мы провели в Саргассовом море, где рыбы и ракообразные животные жили в зелени и находили изобильную пищу. На следующий день океан принял свой обычный вид.

С этого времени в течение девятнадцати дней, с 23 февраля по 12 марта, «Наутилус» держался

середины Атлантического океана и шел со скоростью ста лье в сутки. Очевидно, капитан Немо придерживался программы своего подводного путешествия, и я ничуть не сомневался, что он намеревается обогнуть мыс Горн и затем вернуться к тропической части океана.

Итак, Нед Ленд имел основание опасаться: в этих обширных морях, лишенных островов, нечего было и думать о побеге. Понятно, что не было надежды и противодействовать воле капитана Немо. Оставался единственный исход — покориться; но я думаю, что в том, чего нельзя достичь силой или хитростью, убеждение может иметь успех. Может быть, капитан Немо по окончании своего путешествия согласится возвратить нам свободу, обязав нас клятвой никогда и никому не рассказывать тайны его существования. Клятвой чести, которую мы бы, конечно, сдержали. Но по этому щекотливому вопросу необходимо предварительно иметь объяснение. А как он отнесется к нашему притязанию на свободу?

Ведь он с самого начала весьма категорично заявил нам, что ввиду сохранения тайны его существования необходимо нас подвергнуть вечному заточению на борту «Наутилуса». Мое

молчание в течение четырех месяцев может быть принято за мое согласие подчиниться его решению. Заведя речь о нашем освобождении, мы можем вызвать в нем подозрение, которое, в свою очередь, может повредить нашим намерениям, если впоследствии представится благоприятный случай для бегства.

Я взвешивал, обдумывал все эти доводы, излагал их Конселю, который находился в таком же затруднении, как и я. Хотя я не принадлежу к числу лиц, которые легко поддаются унынию, но вполне сознавал, что наши шансы увидеть когда-либо себе подобных уменьшаются с каждым днем, и в особенности с того времени, когда капитан Немо повел «Наутилус» к югу Атлантического океана.

В продолжение девятнадцати дней, о которых я упоминал выше, наше путешествие не сопровождалось никакими особенными приключениями. Я редко видел капитана Немо. Он часто работал в библиотеке, и я иногда находил оставленные им полуоткрытыми книги, преимущественно труды по естественной истории. Мое сочинение о морском дне, которое он перелистывал, было покрыто отметками на полях и примечаниями, которые иногда противоречили моим теориям и

системам. По-видимому, капитан Немо остался доволен моим сочинением о морском дне и, несомненно, отнесся к нему более чем внимательно. Он этим ограничился, так как весьма редко со мной рассуждал о моем труде. Иногда до меня доносились меланхолические звуки органа, на котором он играл весьма выразительно, но только по ночам, среди таинственного мрака, когда «Наутилус» засыпал в пустынях океана.

Эту часть путешествия мы совершили, плывя целыми днями на поверхности океана. Море было почти пустынно. Только изредка показывались парусные суда с грузами для Индии, державшие путь к мысу Доброй Надежды. Впрочем, был случай, когда нас стало преследовать китобойное судно, вероятно приняв «Наутилус» за огромного кита высокой ценности. Капитан Немо, не желая, чтобы эти честные люди тратили даром время и труд, положил конец охоте, заставив «Наутилус» идти под водой. Этот инцидент, казалось, очень заинтересовал Неда Ленда, и я не ошибусь, если скажу, что канадец весьма сожалел, что наше китообразное животное создано из стали и железа, а потому не могло быть убито гарпуном встреченных китобойцев.

Рыбы, которых Консель и я наблюдали в этот

период нашего плавания, мало отличались от тех, которых мы изучали под другими широтами. Из них главное наше внимание остановили на себе те экземпляры страшного и свирепого рода хрящеватых, разделяемых на три подрода, которые насчитывают не менее тридцати двух видов, а именно: полосатые акулы длиной в пять метров, с плоской головой и более широкой, чем туловище, с округленным хвостовым плавником и с семью большими черными продольными полосами на спине; жемчужные акулы серо-пепельного цвета с семью открытыми жаберными отверстиями, снабженные одним только спинным плавником, находящимся почти посреди спины.

Проходили также большие морские собаки — рыбы, замечательные своей прожорливостью. Можно не верить рассказам рыболовов, но вот что они сообщают: в желудке одной из этих обжор нашли голову буйвола, целого теленка, у другой — двух тунцов и матроса в форменной одежде, у третьей — солдата с саблей и, наконец, у четвертой — кавалериста с его лошадью. Все это, говоря по правде, может лишь быть предметом нерассуждающей веры. Впрочем, ни одно из этих животных не попало в наши сети, и я не могу удостовериться в их прожорливости.

Стаи резвых дельфинов сопровождали нас целыми днями; они шли отрядами по пять-шесть, сообща охотясь, как волки в полях. Дельфины также весьма прожорливые животные; если опять-таки верить сообщениям копенгагенского профессора, то он нашел в желудке дельфина тринадцать морских свиней и пятнадцать тюленей. Правда, то был дельфин-гладиатор, представитель самого крупного вида, имеющий в длину двадцать четыре фута. Семейство дельфинов имеет десять родов, и те, которых мы встретили, принадлежали к роду длинноносых дельфинов, отличающихся чрезвычайно узкой мордой, превосходящей в четыре раза длину черепа; туловище их было длиной около трех метров, тело черное сверху, внизу — бледно-розовое и усеянное очень редкими маленькими пятнышками.

Я упомяну также интересные экземпляры из отряда колючеперых семейства горбылей. Некоторые авторы — впрочем, более поэты — утверждают, что эти рыбы весьма мелодичны и что их соединенные голоса составляют концерт, с которым не может сравниться хор человеческих голосов. Я не утверждаю, что это неправда, но сожалею, что сциены при встрече с нами не удостоили нас серенадой.

В заключение Консель принялся классифицировать встреченных нами во множестве летучих рыб. Весьма интересна охота за ними дельфинов, которые нападают на них с удивительной ловкостью. Куда бы ни направляли свой полет эти рыбы, хотя бы перелетали через «Наутилус», повсюду встречали открытые рты дельфинов, готовые их схватить. Летучие рыбы, нами встречаемые, принадлежали к виду exococtus evolans или dactylopterus volitans, рот у которых светится. Ночью, когда эти рыбы перелетают небольшие пространства над поверхностью океана и снова опускаются в воду, они кажутся падающими звездами.

До 13 марта наше плавание продолжалось в таких же условиях. В этот день «Наутилус» занимался измерением глубины, что меня весьма заинтересовало.

К этому дню весь пройденный нами путь доходил до тринадцати тысяч лье. Место наше на карте определялось 45° 37′ южной широты и 37° 35′ западной долготы. Это было то самое место, где капитан Дэнхэм, командир судна «Герольд», опустил зонд на четырнадцать тысяч метров глубины и не достал дна. Тут же Паркер, лейтенант американского фрегата «Конгресс», не мог

достать дна на глубине пятнадцати тысяч ста сорока метров.

Капитан Немо решился опуститься на «Наутилусе» на самую большую глубину, чтобы проверить прежние измерения. Я приготовился отметить все результаты предстоящего исследования. Ставни окон в салоне были открыты, и капитан стал маневрировать, чтобы достичь глубочайших слоев океана. О том, что первым делом пришлось наполнить резервуары, не приходится упоминать. Вероятно, наполнение резервуаров не должно было быть доведено до значительного увеличения удельного веса «Наутилуса», потому что при его подъеме пришлось бы освободиться от этой излишней тяжести, а затем и неизвестно, в состоянии были бы насосы преодолеть внешнее давление.

Капитан Немо решил спуститься на дно по длинной диагонали, пользуясь бортовыми наклонными плоскостями, поставленными ввиду этого к ватерлинии «Наутилуса» под углом в сорок пять градусов. Скорость вращения гребного винта была доведена до максимума, и его четыре лопасти рассекали воду с небывалой свирепостью.

Под этим могучим напором корпус «Наутилу-

са» дрожал, как натянутая струна, и равномерно погружался в глубину вод. Я с капитаном стоял в салоне и следил за стрелкой манометра, которая быстро отклонялась. Вскоре мы миновали тот пояс, в котором живет большинство рыб. Если некоторые рыбы держатся только в верхних слоях океанов и морей, то другие, менее многочисленные, живут исключительно на значительных глубинах. Среди последних я увидел вид морской собаки с шестью дыхательными отверстиями; телескоп с огромными глазами; покрытые панцирем рыбки-кузовки с серыми хвостовыми и черными грудными плавниками, с нагрудником из бледно-розовых костяных пластинок и, наконец, гренадера, который живет на глубине тысячи двухсот метров и, таким образом, выносит давление в сто двадцать атмосфер.

Я спросил капитана Немо, видел ли он рыб на более значительной глубине.

— Рыб? — переспросил он. — Редко! А какой ответ на это дает современная наука?

— Следующий, капитан! Известно, что при проникновении в глубину океана растительная жизнь раньше исчезает, чем животная, и там, где встречаются живые существа, не растет уже ни одной водоросли. Также известно, что устрицы,

гребешки живут на глубине в две тысячи метров, и Мак-Клинток, герой полярных экспедиций, вытащил морскую звезду с глубины двух тысяч пятисот метров. Также известно, что экипаж фрегата «Бульдог», английского королевского флота, вытащил морскую звезду уже с глубины в две тысячи шестьсот двадцать сажен, следовательно, глубины более одного лье. Но, капитан Немо, может быть, вы мне скажете, что мы ничего не знаем?

— Нет, господин профессор, — отвечал капитан, — я не буду столь невежлив. Но я желал бы знать, как вы объясняете способность животных жить на таких глубинах?

— Я объясняю это двумя причинами, — ответил я. — Прежде всего, тем, что вертикальные течения, вызываемые различием солености и плотности вод, являются вполне достаточными для поддержания рудиментарной жизни в морских лилиях и звездах.

— Справедливо, — заметил капитан.

— Вторая причина заключается в том, что если кислород есть основание жизни, то известно, что количество кислорода, заключающегося в морской воде, увеличивается вместе с глубиной, вместо того чтобы уменьшаться, и что давление,

испытываемое нижними слоями, способствует его сжатию.

— Как, и это известно? — воскликнул Немо, несколько изумившись. — Да, все это совершенно верно. Но я должен только добавить, что плавательный пузырь рыб содержит в себе больше азота, чем кислорода, когда эти животные ловятся на поверхности воды, и, наоборот, у пойманных на больших глубинах в нем более кислорода, чем азота, что также служит подтверждением вашего взгляда. Однако будем продолжать наши наблюдения.

Я взглянул на манометр; стрелка показывала глубину в шесть тысяч метров. Наше погружение длилось уже целый час. «Наутилус», скользивший на своих наклонных плоскостях, продолжал погружаться. Пустынные воды отличались такой прозрачностью, описать которую слова не в состоянии. Спустя четверть часа мы опустились на глубину тринадцать тысяч метров, или около трех с четвертью лье, а между тем ничто не указывало на близость дна океана.

Но на глубине четырнадцати тысяч метров я увидел черноватые остроконечные вершины, поднимавшиеся посреди воды. Эти вершины могли принадлежать такой же высоты подвод-

ным горам, как Монблан или Гималайские, даже и более высоким, и глубина этих бездн была неизмерима.

«Наутилус» опустился еще глубже, несмотря на то сопротивление, которое он испытывал. Я чувствовал, как дрожало листовое железо в тех местах, где соединялись болты; его брусья сгибались; его перегородки коробились; стекла в окнах салона, казалось, выпячивались внутрь под давлением воды. И этому прочному аппарату пришлось бы, без сомнения, сдаться, если бы он, как выражался капитан Немо, не был в состоянии сопротивляться, как сплошная масса.

Проходя мимо склонов этих скал, скрытых под водой, я заметил еще несколько раковин, серпул, живых спинообрисов и несколько морских звезд.

Но вскоре и эти последние представители животного мира исчезли, и, опустившись ниже трех лье, «Наутилус» перешел границу подводной жизни, как это бывает с воздушным шаром, когда он подымается в воздухе уже в зону, в которой нельзя дышать. Мы достигли глубины шестнадцати тысяч метров, то есть четырех лье, и стенки «Наутилуса» подвергались давлению шестнадцати тысяч атмосфер, иначе говоря, тысячи

шестисот килограммов на каждый квадратный сантиметр всей поверхности судна.

— Какое положение! — воскликнул я. — Находиться в этих глубоких слоях, куда человек еще никогда не проникал! Взгляните, капитан, на эти великолепные скалы, на эти необитаемые пещеры, на эти последние вместилища земного шара, где уже жизнь невозможна, какие неведомые области, и почему мы должны ограничиться одним воспоминанием о них?!

— Не желаете ли, — обратился ко мне капитан Немо, — вынести отсюда нечто большее, чем воспоминание?

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что ничего нет легче, чем воспользоваться фотоаппаратом и снять вид этой подводной области.

Я не успел выразить удивление, вызванное этим новым предложением, как по приказанию капитана Немо в салон был внесен аппарат. Сквозь широко раскрытые ставни жидкая среда, освещенная электричеством, просвечивала совершенно ясно. Нигде ни тени, нигде ни малейшего ослабления света не вызывало наше искусственное освещение. Солнце ничуть не благоприятствовало бы для производства снимка.

«Наутилус», двигаемый быстрым вращением гребного винта, но в то же время задерживаемый своими бортовыми наклонными плоскостями, оставался неподвижным. Аппарат был установлен для получения изображения ландшафта морского дна, и через несколько секунд был получен весьма отчетливый негатив.

На позитивном оттиске, который я впоследствии изготовил, видны эти первобытные скалы, которые никогда не знали света неба, эти нижние слои гранита, составляющие непоколебимое основание земного шара, эти глубокие пещеры, вырезанные в каменистых массах, эти профили, замечательно отчетливые, и очертания вершин, которые черны, словно они вышли из-под кисти знаменитых фламандских мастеров; затем далее видно, как горизонт замыкается волнистой линией гор, которая составляет задний план ландшафта. Я не в силах описать общий вид этих гладких, черных, глянцевитых, без малейшего пятнышка скал столь причудливых форм, прочно утвержденных на песчаном ковре, который блестел от лучей электрического света. Между тем капитан Немо, окончив свою работу, сказал мне:

— Поднимемся, господин профессор, не надо злоупотреблять своим положением и подвергать

слишком долго «Наутилус» подобному давлению.

— Поднимемся! — ответил я.

— Держитесь крепче!

Не успел я сообразить, почему капитан обращается ко мне с таким предупреждением, как меня сбросило на ковер.

По сигналу капитана Немо гребной винт был остановлен, наклонным плоскостям придано вертикальное положение, и «Наутилус», уносимый вверх, как воздушный шар, стал подниматься с неимоверной быстротой, шумно рассекая воду. Нельзя было ничего разглядеть. В четыре минуты он прошел четыре лье, то расстояние, которое его отделяло от поверхности воды, и, вынырнув, словно летучая рыба, снова упал в воду, подняв вокруг себя брызги на ужасающую высоту.

Глава XII
Кашалоты и киты

В ночь на 14 марта «Наутилус» взял курс на юг. Я предполагал, что на широте мыса Горн он войдет в воды Тихого океана и закончит свое кругосветное плавание. Однако судно продолжало идти на юг, приближаясь к полярным берегам. Куда же оно шло? К полюсу? Это было бессмысленно. Я начинал верить, что опасения Неда Ленда вполне оправдываются безрассудством капитана.

Канадец с некоторого времени уже не говорил со мной о своих проектах бегства. Он становился не только менее общительным, но почти молчаливым; я видел, что это продолжительное заключение крайне его тяготило. Я чувствовал, что гнев его разрастается. При встрече с капитаном глаза его разгорались, и в них светился зловещий огонек; приходилось опасаться, что природная горячность доведет его до какой-нибудь крайности.

В этот день, 14 марта, Консель и Нед вошли в мою комнату. Я спросил о причине их визита.

— Мы пришли задать вам, господин профессор,

один вопрос, — ответил канадец.

— Говорите, Нед.

— Сколько, вы полагаете, находится людей на борту «Наутилуса»?

— Не сумею ответить, мой друг.

— Мне кажется, — сказал Нед, — что для управления им не требуется многочисленного экипажа.

— Я того же мнения, — ответил я, — по-моему, он может обойтись командой в десять человек.

— В таком случае, — ответил канадец, — зачем же и предполагать, что их больше?

— Для чего? — переспросил я.

Я пристально взглянул на Ленда; угадать его мысль было нетрудно.

— Потому, — продолжал я, — что доверяю моим предчувствиям, и насколько я понимаю капитана Немо и саму цель постройки «Наутилуса», последний не судно, а убежище для тех, которые порвали контакты с землей.

— Может быть, — ответил Консель, — но, во всяком случае, «Наутилус» может вмещать в себя только известное число людей. Не может ли господин профессор определить этот максимум?

— Как же это сделать, Консель?

— Путем вычисления. Принять в расчет вме-

стимость корабля, которая известна господину профессору, а следовательно, известно и количество вмещающегося воздуха. Затем господину профессору также известно количество воздуха, которое каждый человек ежедневно расходует для дыхания. А раз «Наутилус» через каждые двадцать четыре часа должен подыматься на поверхность воды для пополнения своего запаса воздуха…

Я, не дожидаясь окончания мысли Конселя, прервал его:

— Я тебя понимаю, это вычисление весьма просто, но оно не дает числа с достаточно удовлетворительным приближением к действительности.

— Это ничего не значит, — упорствовал Нед Ленд.

— В таком случае вот вам вычисление! — воскликнул я. — Каждый человек расходует в час весь кислород, содержащийся в ста литрах воздуха; следовательно, за двадцать четыре часа он поглотит весь кислород, содержащийся в двух тысячах четырехстах литрах воздуха. Теперь нам остается вычислить, сколько раз содержит в себе внутреннее помещение «Наутилуса» объемов в две тысячи четыреста литров каждый.

— Совершенно верно, — сказал Консель.

— Продолжаю, — ответил я. — «Наутилус» вмещает полторы тысячи тонн, каждая тонна содержит в себе один миллион пятьсот тысяч литров воздуха; разделим это число на две тысячи четыреста, — я быстро произвел деление при помощи карандаша, — получаем в частном шестьсот двадцать пять. Итак, «Наутилус» вмещает количество воздуха, вполне достаточное для дыхания шестисот двадцати пяти человек в течение двадцати четырех часов.

— Шестьсот двадцать пять! — воскликнул Нед.

— Но вы можете быть уверены, — успокоил я канадца, — что все мы, то есть пассажиры, матросы и офицеры, не составляем и десятой части этого числа.

— И этого слишком достаточно для трех человек, — пробормотал Консель.

— Итак, мой бедный Нед, все, что я могу вам посоветовать, — это терпение.

— И даже лучше, чем терпение, — покорность, — заметил Консель, найдя подходящее слово.

— Как бы там ни было, — продолжал я, — капитан Немо не может же все идти к югу. Ему необходимо будет остановиться, хотя бы перед сплошными льдами, и возвратиться в европей-

ские моря! Тогда наступит время осуществления проекта Неда Ленда.

Канадец покачал головой, провел рукой по лбу и удалился, не говоря ни слова.

— Господин, вероятно, позволит, — обратился ко мне Консель, — высказать мое мнение о бедном Неде. Он все мечтает о том, чего нельзя достичь. Ему припоминается все из прошлой жизни. Все, что нам запрещено, ему кажется огромным лишением. Воспоминания о прошлом гнетут его и раздражают. Надо его понять. Что ему здесь делать? Он не ученый, как господин профессор, и не может, как мы, находить удовольствие в созерцании чудес моря. Он готов рискнуть чем угодно ради того только, чтобы побывать в таверне своей родины.

Несомненно, что монотонная жизнь на борту судна должна была быть невыносимой канадцу, привыкшему к свободной и деятельной жизни.

События, возбуждавшие в нем интерес, были весьма редки. Впрочем, в сегодняшний день одно происшествие напомнило ему счастливое время из его жизни китобойца. Около одиннадцати часов, находясь на поверхности океана, «Наутилус» окружило стадо китов. Встреча с ними ничуть меня не удивила; я знал, что эти животные, ко-

торых так усердно преследуют, водятся в морях высоких широт.

Та роль, которую играл кит в морском мире, имела значительное влияние на географические открытия.

Киты любят посещать южные и северные полярные моря. Древние легенды гласят, что киты привели китобойцев чуть ли не на самый полюс, на расстояние семи лье от Северного полюса. Если это и вымышленное сообщение, то тем не менее наступит день, когда это осуществится, и, вероятно, таким путем, что, преследуя китов в арктических и антарктических странах, люди достигнут двух этих неизвестных точек земного шара. Мы сидели молча на палубе; море было спокойно. Октябрь по исчислению этих широт дарил нас прекрасными осенними днями. Канадец — в этом случае он не мог ошибиться — сообщил нам, что увидел в западном направлении на горизонте кита.

Всматриваясь внимательно, можно было различить на расстоянии пяти миль от «Наутилуса» черноватую спину животного, которое то поднималось над волнами, то скрывалось в воде.

— А! — вскрикнул Нед Ленд. — Если бы я находился на борту китобойного судна, эта встреча

доставила бы мне огромное удовольствие! Это животное очень больших размеров. Смотрите, с какой силой оно выбрасывает фонтан пара и воды. Тысяча чертей, я прикован к этому куску железа!

— Как, Нед, — обратился я к нему, — в вас еще говорит страсть к вашим китобойным подвигам?

— Разве китобоец может забыть свое прежнее ремесло, господин профессор? Разве можно освободиться от тех эмоций, которые вызывает эта охота?

— Вы, Нед, никогда не охотились в этих морях?

— Никогда, господин профессор. Я охотился только в северных морях, в Беринговом и в Девисовом проливах.

— Следовательно, южный кит вам еще незнаком. Киты, на которых вы охотились, не решаются проходить через теплые воды экватора.

— Ах, господин профессор, что вы мне говорите! — воскликнул канадец недоверчиво.

— Я говорю то, что знаю.

— А вот пример! В шестьдесят пятом году, два с половиной года назад, близ Гренландии я сам убил кита, у которого в боку находилась острога с клеймом китобойного судна, бывшего в Берин-

говом проливе. Итак, я вас спрашиваю: каким образом животное, раненное на западе Америки, могло попасть на восток, если оно не перешло экватора, обогнув мыс Горн или Доброй Надежды?

— Я так же думаю, как друг Нед, — заявил Консель, — но жду, что ответит господин профессор.

— Господин профессор ответит вам, друзья мои, что киты обитают, смотря по своей породе, в различных морях и не покидают их. И если одно из этих животных перешло из Берингова пролива в Девисов, то это объясняется тем, что между двумя названными морями существует проход или у берегов Америки, или у берегов Азии.

— Так ли это? — спросил канадец, прищуривая один глаз.

— Господину профессору следует верить, — заметил Консель.

— Следовательно, — сказал канадец, — так как я никогда не охотился в этих водах, то мне совершенно неизвестны живущие здесь киты.

— Я этого не говорю, Нед.

— Тем более следует с ними познакомиться, — снова заметил Консель.

— Смотрите, смотрите, — вскрикнул канадец взволнованным голосом, — он приближается! Он идет на нас! Он меня дразнит! Он знает, что я

ничего не могу ему сделать.

Нед топал ногами. Рука его сжимала и потрясала воображаемый гарпун.

— Эти киты, — спросил он, — такой же величины, как и живущие в северных морях?

— Почти, Нед.

— Я видел огромных китов, господин профессор, — китов, достигавших в длину ста футов. Я слышал, что киты Алеутских островов бывают более ста пятидесяти футов.

— Ну, это мне кажется преувеличенным, — ответил я. — Эти животные принадлежат к роду *balaenoptera*; они снабжены спинными плавниками и такие же, как кашалоты, которые вообще меньше настоящих китов.

— Ах! — вскрикнул канадец, не спускавший глаз с поверхности океана. — Он все приближается, он идет в кильватере «Наутилуса».

Затем он продолжил прерванный разговор:

— Вы говорите о кашалотах как о маленьких животных. Между тем, говорят, существуют исполинские кашалоты. Это самые смышленые из китообразных. Некоторые из них, как говорят, покрываются водорослями, и их принимают за островки. К ним пристают, на них размещаются, разводят огонь…

— Строят дома, — добавил Консель.

— Да, шутник! — ответил Нед Ленд. — Потом в один прекрасный день животное погружается и уносит в глубину океана всех своих жителей.

— Как в путешествиях моряка Синдбада! — воскликнул я, рассмеявшись. — Да, друг Ленд, вы, по-видимому, большой охотник до необыкновенных рассказов. Я уверен, что вы сами не верите в таких кашалотов.

— Господин натуралист, — ответил серьезно канадец, — можно всему поверить относительно китов. Смотрите, как он плывет! Он уже исчезает из виду! Утверждают, что киты могут обойти вокруг света за пятнадцать дней.

— Я этого не отрицаю.

— Вам, господин Аронакс, конечно, должно быть известно, что в начале мира киты плавали еще быстрее?

— В самом деле? Почему же это?

— Потому что у них хвост расположен был поперек, как у рыб; иначе говоря, этот сплющенный хвост, расположенный вертикально, двигался в воде справа налево и слева направо. Творец вселенной, заметив, что они двигаются слишком быстро, свернул им хвост, и с этого времени они стали двигать хвостом уже сверху вниз и обратно,

что замедляет скорость их плавания.

— Хорошо, Нед, но не знаю, верить ли вам, — ответил я.

— Не особенно, — ответил Нед Ленд, — не более того, как если бы я вам сказал, что существуют киты в триста футов длиной и весом в сто тысяч фунтов.

— Это действительно что-то очень много, — ответил я. — Впрочем, некоторые китообразные животные достигают значительных размеров, и некоторые экземпляры доставляют до ста двадцати тонн жира.

— Я могу лично об этом свидетельствовать, — сказал канадец.

— И этому я охотно верю, Нед, как верю тому, что некоторые киты равняются по весу ста слонам. Теперь представьте себе, какое действие должна произвести эта масса, движущаяся с большой скоростью.

— Правда ли, что они могут потопить корабль?

— Корабль — не думаю, — ответил я. — Впрочем, рассказывают, что в тысяча восемьсот двадцатом году в этих самых южных морях один кит кинулся на «Эссекс» и отбросил его со скоростью четырех метров в секунду. Волны проникли в корму, и «Эссекс» потонул почти в ту же минуту.

Нед лукаво взглянул на меня.

— Что касается меня, — сказал он, — то однажды кит ударил меня хвостом — разумеется, по нашей лодке. Меня и моих товарищей подбросило на шесть метров в высоту. Но в сравнении с таким китом, про которого говорил господин профессор, мой кит не больше чем котенок.

— Киты долго живут? — спросил Консель.

— Тысячу лет, — ответил канадец не задумываясь.

— Откуда вы это знаете, Нед?

— Потому что так говорят.

— А почему так говорят?

— Потому что знают.

— Нет, Нед, этого не знают, но только предполагают, и вот рассуждение, на которое опираются: прошло уже четыреста лет с тех пор, как впервые стали охотиться на китов; тогда эти животные были больше ростом, чем теперь. И вот, в силу логики, предполагают, что меньший рост нынешних китов происходит оттого, что они не успели вполне вырасти, и это мнение разделял Бюффон, который полагал, что китообразные животные могут и должны жить по тысяче лет. Теперь вы понимаете?

Но Нед Ленд ничего не мог понимать. Он уже

не слушал. Кит приближался. Нед пожирал его глазами.

— А, — воскликнул он, — это уже не один кит, их много, это целое стадо! И ничего нельзя сделать!.. Приходится стоять со связанными руками и ногами.

— Однако, друг Нед, — сказал Консель, — почему вы не спросите у Немо позволения поохотиться?..

Но не успел Консель закончить свою фразу, как Нед Ленд бросился опрометью разыскивать капитана Немо и скрылся в подъемной двери. Через несколько минут они оба показались на палубе!

Капитан Немо стал смотреть на стадо китов, которые резвились на поверхности волн на расстоянии одной мили от «Наутилуса».

— Это южные киты, — сказал капитан, — здесь фортуна для целого китобойного флота.

— Господин капитан, — начал китобоец, — позвольте мне поохотиться на них, хотя бы ради того, чтобы не забыть прежнего своего ремесла гарпунщика.

— Зачем, — возразил капитан Немо, — с единственной целью убить животное? «Наутилус» не нуждается в китовом жире. Тогда дело шло, чтобы достать свежего мяса для моего экипажа.

Теперь же убийство будет совершено ради убийства. Я прекрасно понимаю, что это привилегия человека, но допустить у себя таких жестоких забав не могу. Истребляя южных китов как существ совершенно безвредных и добрых, ваши товарищи по ремеслу, господин Ленд, поступали очень дурно. Благодаря им теперь почти перевелись киты в Баффиновом заливе, и в скором времени совершенно исчезнет целый класс этих полезных животных. Оставьте в покое несчастных китов. У них и без того много естественных врагов, как, например, кашалоты, меч-рыба, пила-рыба.

Предоставляю читателю вообразить выражение лица канадца во время этой короткой речи о морали. Но приводить такие доводы охотнику — значит только даром терять время. Нед Ленд изумленно смотрел на капитана Немо и, очевидно, не понимал, что тот хочет ему сказать. Между тем капитан был прав: корыстолюбивые и хищнические инстинкты китобоев вскоре приведут к тому, что не останется ни одного кита в океане.

Нед Ленд просвистел сквозь зубы свое «Янки дудль», засунул руки в карманы и повернулся к нам спиной.

Капитан Немо, продолжая наблюдать за стадом китов, обратился ко мне со следующими

словами:

— Я был прав, утверждая, что, кроме человека, киты имеют много естественных врагов. И этим китам придется вскоре иметь дело с беспощадным противником. Видите ли вы, господин Аронакс, в восьми милях под ветром эти двигающиеся черные точки?

— Да, капитан, — ответил я.

— Это кашалоты, ужасные животные; мне их приходилось встречать стадами от двухсот до трехсот штук. Вот этих свирепых и вредных животных надо действительно истреблять.

При последних словах канадец быстро обернулся.

— В таком случае, капитан, — сказал я, — есть еще время, которым можно воспользоваться в интересах самих китов.

— Бесполезная и опасная попытка, господин профессор, так как «Наутилус» сам их разгонит. Он вооружен стальным бивнем, который, полагаю, не уступит гарпуну господина Неда Ленда.

Канадец иронично пожал плечами. Напасть на кашалотов, действуя бивнем! Слыханное ли это дело?

— Подождите, господин Аронакс! — воскликнул капитан Немо. — Мы вам покажем охоту,

какой вы никогда не видели. Пощады этим свирепым животным не будет; они состоят только из пасти и зубов.

Пасть и зубы! Лучше нельзя охарактеризовать большеголового кашалота, длина которого превосходит иногда двадцать пять метров. Огромная голова этого китообразного животного составляет треть туловища. Гораздо лучше вооруженные, чем настоящие киты, у которых челюсти снабжены только так называемым китовым усом, кашалот имеет двадцать пять больших цилиндрическо-конических зубов, каждый длиной в двадцать сантиметров и весом в два фунта. В верхней части его огромной головы, в больших полостях, разделенных хрящом, находится от трехсот до четырехсот килограммов того драгоценного масла, которое называют спермацетом. Кашалот — животное неуклюжее, скорее головастик, чем рыба, по замечанию Фредоля. Он дурно сложен и, так сказать, не удался всей левой частью своего туловища: у него зачастую зряч один только правый глаз.

Между тем чудовищное стадо приближалось. Оно заметило китов и готовилось на них напасть. Можно было заранее предсказать победу кашалотов, не только потому, что они были луч-

ше вооружены для битвы, чем их беззащитные противники, но и потому, что обладают способностью дольше оставаться под водой, не подымаясь на ее поверхность для дыхания.

Наступило время идти на помощь китам. «Наутилус» погрузился в воду. Консель, Нед и я встали перед окнами салона. Капитан Немо пошел к рулевому, чтобы действовать своим аппаратом как истребительной машиной. Вскоре я почувствовал ускоренные удары гребного винта; быстрота хода увеличивалась.

Борьба между китами и кашалотами уже началась, когда к ним подошел «Наутилус». Судно

маневрировало таким образом, чтобы врезаться в стадо кашалотов. Вначале они не обращали внимания на новое чудовище, вмешавшееся в их битву, но вскоре должны были отступить под его ударами.

Какая борьба! Скоро сам Нед Ленд, охваченный энтузиазмом, стал хлопать в ладоши. «Наутилус» предстал чудовищным гарпуном, управляемым рукой своего капитана. Он врезался в эти мясистые массы и рассекал их надвое. Страшные удары хвостов, хлеставших его бока, не были ему чувствительны. Уничтожив одного кашалота, он устремлялся на другого, поворачиваясь на неподвижной точке; чтобы не упустить добычи, он стремительно двигался вперед и назад, то погружался, преследуя ищущее спасения в глубине животное, то снова всплывал на поверхность и снова наносил удары кашалотам то прямо, то вкось, рассекал, разрывал, прокалывал их во всех направлениях своим ужасным бивнем.

Какая беспощадная резня! Какой шум на поверхности волн, какие пронзительные свисты и своеобразные хрипения этих испуганных животных! На месте битвы, где воды были сравнительно покойны, кашалоты своими хвостами развели сильное волнение.

Целый час длилась эта героическая битва, от которой большеголовые не могли найти спасения. Не раз соединившись по десять или по двенадцать, они пытались раздавить своей массой «Наутилус». Сквозь стекла окна видны были их огромные пасти, усеянные зубами, и их ужасные глаза. Нед Ленд уже не владел собой, грозил им и проклинал их. Мы чувствовали, как они взбирались на наш корабль, как натравленные собаки на кабана. Но «Наутилус», успешно работая гребным винтом, увлекал их за собой или поднимал их на поверхность волн, невзирая на огромный вес и силу.

Наконец стадо кашалотов рассеялось, и волнение прекратилось. Я почувствовал, что мы поднимаемся на поверхность океана. Подъемную дверь открыли; мы бросились на палубу. Море было покрыто обезображенными трупами. Ужасный взрыв не мог бы с большею силой раскромсать, разорвать и распластать эти мясистые массы. Мы плыли среди гигантских трупов, синеватых на спине, с беловатыми животами и покрытых огромными ранами. На горизонте видно было несколько испуганных кашалотов, спасавшихся бегством. Вода окрасилась кровью на несколько миль, и «Наутилус» плыл в крови.

К нам подошел капитан Немо.

— Ну что, мистер Ленд? — обратился он к канадцу.

— Ну что же, господин капитан, — ответил Нед, восторг которого успел остыть. — Это действительно ужасное зрелище. Но я не мясник, а охотник, а это была бойня.

— Это убийство вредных животных, — ответил капитан, — и «Наутилус» не нож мясника.

— Я предпочитаю свою острогу, — возразил канадец.

— У каждого свое оружие, — ответил капитан, не спуская глаз с Неда Ленда.

Я боялся, что Нед Ленд не сумеет сдержаться и позволит себе буйную выходку, которая могла вызвать печальные последствия. Но его, по счастью, отвлек кит, на которого он обратил все свое внимание и к которому подходил в это время «Наутилус».

Этот кит не успел спастись от зубов кашалотов. Я узнал южного кита с плоской головой и совершенно черного. Его анатомическое отличие от обычного кита состоит в том, что у него семь шейных позвонков срослись между собой и двумя ребрами больше, чем у его родичей. Несчастное животное лежало на боку с проку-

шенным в нескольких местах животом и было мертво. На конце его изуродованного плавника висел маленький китенок, его матери не удалось спасти. Из открытого рта большого трупа текла вода, журчавшая между усами.

Капитан Немо направил «Наутилус» к трупу. Двое матросов взошли на него, и я не без изумления увидел, как они стали извлекать из грудей самки кита содержащееся в них молоко, которого набралось от двух до трех бочек. Немо предложил мне чашку еще парного молока. Я не мог не высказать ему своего отвращения к напитку. Но он заявил мне, что молоко превосходно и ничем не отличается от коровьего.

Тогда я его попробовал и вполне согласился с его мнением. Это было для нас полезным приобретением, так как это молоко в виде соленого масла или сыра вносило приятное разнообразие в наш обыденный стол.

С этого дня я стал с беспокойством замечать, что отношение Неда Ленда к капитану Немо день ото дня становилось все враждебнее, и решил зорко следить за всеми поступками и поведением канадца.

Глава XIII
Ледяные поля

«Наутилус» снова взял прежний курс на юг. Он следовал по пятидесятому меридиану со значительной скоростью. Хотел ли он достичь полюса? Я так не думал, потому что все попытки добраться до этой точки земного шара не имели успеха. К тому же сезон был неподходящим, потому что 13 марта в антарктических странах соответствует 13 сентября северного полушария, когда начинается холодный период года.

14 марта под 55° широты встретились плавающие льды — полупрозрачные голубоватые глыбы в двадцать и двадцать пять футов, о которые разбивались волны. «Наутилус» держался на поверхности океана. Неду Ленду картины полярных стран были не в диковинку, так как он и прежде охотился в арктических морях. Но я и Консель любовались ими в первый раз.

На южном горизонте тянулась ослепительной белизны полоса, которой английские китобойцы дали название *iceblink*[17]. Какой бы густоты ни

[17] Примечания: 17
Отблеск полярных льдов *(англ.).*

были облака, они не могут затмить этого блеска, извещающего о близости ледяного поля.

Действительно, вскоре показались значительные площади льда, блеск которых изменялся в зависимости от каприза тумана. На некоторых из этих масс льда виднелись зеленые жилы в виде волнистых линий, окрашенных сульфатом меди. Некоторые глыбы, словно огромные аметисты, просвечивали насквозь. Иные отражали дневной свет тысячами своих граней. Масс льда или глыб со всеми нюансами ярких отражений хватило бы на постройку целого города.

Чем дальше мы спускались к югу, тем эти плавающие острова становились обширнее и многочисленнее. Полярные птицы гнездились на них тысячами. Это были пингвины, буревестники и глупыши, оглушавшие нас своим криком. Некоторые из них, вероятно приняв «Наутилус» за труп кита, садились на него и пытались клевать его звонкое железо.

Во время этой навигации среди льдов капитан Немо весьма часто выходил на палубу. Он внимательно смотрел на эти пустынные пространства. Я заметил, что его спокойный взгляд временами оживлялся. Не говорил ли он себе, что здесь, в этих полярных морях, недоступных для человека,

он у себя дома, что он властелин этих недосягаемых пространств? Но он не разговаривал, оставался неподвижен и только тогда уходил, когда страсть кораблевождения одерживала верх. Тогда, управляя своим «Наутилусом» с изумительным искусством, он избегал столкновения с ледяными массами, которые достигали в длину нескольких миль при высоте от семидесяти до восьмидесяти метров. Часто горизонт казался совершенно замкнутым. На высоте шестидесятого градуса широты все проходы исчезли. Но капитан продолжал их разыскивать и, обнаружив щель, смело вводил в нее судно, сознавая, что она тотчас же за ним сомкнется.

Таким образом, управляемый опытной рукой «Наутилус» прошел все эти льды, классифицированные по их форме или величине с точностью, восхищавшей Конселя: айсберги, или ледяные горы, ледяные ровные и беспредельные поля, круглые или удлиненные льды, пак, или взломанные ледяные поля, называемые дрейфующими.

Температура стояла довольно низкая. Термометр, выставленный на воздух, показывал три градуса ниже нуля. Мы были тепло одеты в куртки из тюленьей шкуры и шубы из медвежьего меха. Внутри «Наутилуса» воздух нагревался

электрическими аппаратами, которые поддерживали ровную температуру, несмотря на самые лютые морозы. Но помимо того, ему стоило только погрузиться в воду на несколько метров, чтобы достичь сносной температуры.

Два месяца назад мы наслаждались бы под этой широтой постоянным днем; но теперь ночь уже длилась двадцать три часа, через непродолжительное время она станет плотной на срок шести месяцев — это обычное явление в полярных странах.

15 марта мы миновали широту Шетландских и Южных Оркнейских островов. Капитан Немо сообщил мне, что на эти острова собирались на лежку многочисленные стада тюленей, но американские и английские китобойцы, обуреваемые страстью к наживе, перебили такую массу тюленей, не щадя и беременных самок, что водворили мертвую пустыню там, где до них кипела жизнь.

16 марта, около восьми часов утра, «Наутилус», следуя по пятьдесят пятому меридиану, пересек полярный антарктический пояс. Льды окружали нас со всех сторон и закрывали горизонт. Между тем капитан Немо продвигался вперед, искусно пользуясь проходами.

— Куда же он идет? — спросил я.

— Вперед, — ответил Консель, — а когда ему нельзя будет идти дальше, он остановится.

— За это я не поручусь, — ответил я.

И, говоря откровенно, эта авантюрная экспедиция мне нравилась. Я не могу выразить, до какой степени охватывал меня восторг при созерцании красот новых стран. Льды принимали самые фантастические формы. Здесь своей группировкой они создавали какой-то восточный город с многочисленными минаретами и мечетями; там — руины зданий, словно опрокинутых землетрясением. Вид льдов постоянно менялся в зависимости от угла падения солнечных лучей; впрочем, нередко эти чудные картины исчезали в сыром тумане или застилались снежным ураганом. Часто раздавался сильный шум и треск от обвалов ледяных гор, и пещеры тогда изменялись, как в панораме.

Когда «Наутилус» находился под водой и происходили обвалы, то шум распространялся в воде со страшной силой, а падение ледяных глыб производило водовороты значительной глубины. Если это случалось поблизости от «Наутилуса», то ему приходилось нырять носом, как судну, брошенному на произвол волн.

Часто, не видя никакого выхода, я полагал, что

мы окончательно заперты, но какой-то путеводный инстинкт указывал капитану Немо новые проходы, о которых нельзя было и подозревать. И что всего замечательнее, он никогда не ошибался. Отчасти я это приписывал тому, что он и прежде не раз посещал антарктические моря.

Однако 16 марта ледяные поля совершенно преградили нам путь. Это не был сплошной лед, но лишь обширные ледяные поля, сильно окрепшие от холода. Однако это препятствие не остановило капитана Немо; его «Наутилус» со страшной силой врезался в ледяное поле. Железное судно входило, как клин, в хрупкую массу и раскалывало ее с ужасным треском. «Наутилус» можно было уподобить древнему тарану, пущенному с непрерывной чудовищной силой; осколки взлетавшего льда падали градом вокруг нас.

Одной только силой поступательного движения судно прорезало себе канал. Иногда оно поднималось на ледяное поле и давлением своей тяжести проламывало лед, иногда, подойдя вплотную под лед, оно его разбивало просто своей качкой, производя в нем широкие расселины. В эти дни нас осаждали свирепые шквалы. Туманы иной раз были до того густы, что с одного конца палубы ничего не было видно на другом конце.

Ветер неожиданно и внезапно менялся по всем делениям компаса. Снег до того плотно слеживался, что приходилось разбивать его кирками. Когда термометр опускался на пять градусов ниже нуля, все внешние части «Наутилуса» покрывались льдом. Такелаж не мог действовать, и только судно без парусов, приводимое в движение электричеством и обходящееся без угля, могло отваживаться проникнуть в эти высокие широты.

В таких условиях барометр держался вообще низко. Он упал даже до семисот тридцати пяти миллиметров ртутного столба. Указания компаса становились все менее надежными. Его стрелки давали все более противоречащие показания по мере приближения к антарктическому магнитному поясу, который не совпадает с Южным полюсом земного шара. И действительно, по Ганстену, этот полюс находится почти под 70° широты и 130° долготы, а по наблюдениям Дюпере, под 73° 30′ широты и 135° долготы. Приходилось делать много наблюдений с различных мест и все-таки руководствоваться средней цифрой. Чтобы определить пройденный путь, часто принимали в расчет скорость хода судна, хотя способ был далеко не убедителен, так как приходилось

идти по извилистым проходам, общее направление которых постоянно менялось.

Наконец 18 марта, несмотря на все усилия, «Наутилус» застрял во льдах. И то, что его задержало, были не ледяные горы, не ледяные поля, а беспредельная, неподвижная преграда из сплотившихся в одно целое льдов.

— Сплошной лед! — воскликнул канадец.

Я сразу понял, что не только для канадца, но и для всех предшествовавших нам мореплавателей эта ледяная преграда была непреодолимой.

В полдень солнце показалось на минуту. К этому времени капитан Немо сделал верное наблюдение, которое определило наше положение под 51° 30′ долготы и 67° 39′ южной широты. Это была уже весьма отдаленная точка в антарктических странах.

Мы уже более не видели ни моря, ни малейших признаков водной поверхности. Перед нами расстилалась обширная волнистая равнина, загроможденная обломками льда причудливых форм и разбросанных в беспорядке; она имела такой же вид, как поверхность реки перед ее вскрытием, но в гигантских размерах. Повсюду виднелись остроконечные вершины, тонкие обелиски, поднимавшиеся на высоту двухсот

футов, обрисовывались крутые утесы, остроконечные и окутанные серыми тенями; блестели широкие зеркала, отражавшие лучи до половины потонувшего в тумане солнца. И над этой печальной природой царила тишина, лишь изредка прерываемая ударами крыльев глупышей и пингвинов. Все сковал холод, даже и «Наутилус», который должен был остановиться посреди ледяных полей.

— Господин профессор, — обратился ко мне в этот день Нед Ленд, — если ваш капитан вздумает идти дальше…

— Ну что же.

— Он будет молодчина.

— Почему, Нед?

— Потому что никто до сих пор не мог проникнуть в места, лежащие за сплошным льдом. Тысяча чертей! Он могуществен, наш капитан, но он не могущественнее природы, и там, где она положила предел, хочешь не хочешь, а надо остановиться.

— Вы правы, Нед Ленд, а между тем я бы хотел знать, что находится за сплошным льдом. Перед нами стена, и это больше всего меня раздражает.

— Господин прав, — заявил Консель, — стены выдуманы, чтобы только дразнить ученых. Нигде

не должно быть стен.

— Хорошо! — ответил канадец. — Что находится за сплошным льдом — известно.

— Что же?

— Лед, лед и лед!

— Вы это считаете фактом, Нед, а я нет, — возразил я. — Вот почему я желал бы убедиться воочию.

— Отлично, господин профессор, — ответил канадец, — но вам все-таки надо отказаться от этой мысли. Вы дошли до сплошного льда, и этого достаточно, — далее не сделаете шагу ни вы, ни капитан Немо, ни его «Наутилус». И хочет он или не хочет, но мы вернемся к северу, так сказать, в страну честных людей.

Я должен был согласиться, что Нед Ленд был прав и, пока корабли не будут приспособлены к тому, чтобы плавать по ледяным полям, им придется останавливаться перед сплошным льдом.

Действительно, несмотря на свои усилия, несмотря на могущественные средства, пользуясь которыми можно разламывать и раздвигать лед, «Наутилус» обречен был на бездействие. Обычно тот, кто не может идти дальше вперед, возвращается назад. Но здесь вернуться было одинаково невозможно, как и идти вперед, так

как проходы позади нас уже сомкнулись. Но помимо того, надвигалась другая опасность. Если бы «Наутилусу» пришлось простоять и недолгое время на месте, то, без сомнения, лед не замедлит его обложить. Это и случилось около двух часов вечера, и молодой лед образовался около него с удивительной быстротой. Я должен заявить, что поведение капитана Немо в таком случае было более чем неосторожно.

Я находился на палубе. Капитан Немо, который осматривал положение судна, обратился ко мне:

— Господин профессор, какого вы мнения о нашем положении?

— Я думаю, капитан, что мы заперты.

— Заперты! Что вы хотите этим сказать?

— Что мы не можем идти ни вперед, ни назад, ни в сторону. Это я и называю быть запертым, как это понимают у нас, на материках.

— Следовательно, господин Аронакс, вы полагаете, что «Наутилус» не в состоянии освободиться?

— Именно, капитан, так как в это время года нельзя рассчитывать на вскрытие льда.

— А, господин профессор, — ответил капитан Немо иронично, — вы все тот же. Вы видите только преграды и препятствия! Я же смело могу вас

заверить, что «Наутилус» не только освободится, но и пойдет еще дальше вперед.

— Еще дальше по направлению к югу? — воскликнул я, изумленно смотря на капитана.

— Да, сударь, он пойдет к полюсу.

— К полюсу! — вскрикнул я, будучи не в состоянии удержаться от недоверчивого жеста.

— Да, — ответил холодно капитан, — к антарктическому полюсу, к той незнакомой нам точке, в которой пересекаются все меридианы земного шара. Вы знаете, что я делаю с «Наутилусом» все, что хочу.

Да, я это знал. Я знал также, что этот человек смел до безрассудности. Но достичь Южного полюса еще труднее, чем Северного, которого не могли до сих пор достичь самые смелые мореплаватели, это было предприятием, безусловно, бессмысленным и могло прийти в голову только сумасшедшему.

Я невольно спросил капитана Немо, не открыл ли он уже этот полюс, на который не ступала нога человека.

— Нет, сударь, — ответил он, — и мы его откроем вместе. Там, где другие испытывали неудачу, я буду иметь успех. До сих пор я никогда так далеко не заходил в моря Южного полюса, но повторяю

вам: «Наутилус» пойдет еще дальше.

— Я бы желал вам верить, капитан, — ответил я несколько иронично, — я вам верю! Идемте вперед! Нет никаких препятствий. Разобьем этот сплошной лед. Взорвем его, а если он будет сопротивляться, дадим крылья «Наутилусу», чтобы он мог пронестись над ним!

— Над ним, господин профессор? — спокойно спросил капитан Немо. — Нет, не над ним, а под ним.

— Под ним! — вскрикнул я.

Теперь я понял, каким путем желает капитан Немо привести свое намерение в исполнение. Да, я понял. Чудесные свойства «Наутилуса» должны были ему служить к достижению цели в этом сверхъестественном предприятии.

— Я вижу, что мы начинаем понимать друг друга! — сказал капитан Немо, слегка улыбаясь. — Вы уже предвидите возможность, я же лично уверен в успехе этого предприятия. То, что неисполнимо для обычного корабля, легко выполняется «Наутилусом». Если полюс находится на материке, то мы остановимся у самого материка. Если же, наоборот, полюс находится в открытом море, мы доплывем до самого полюса.

— Действительно, — ответил я, увлеченный

рассуждениями капитана Немо. — Если поверхность моря покрыта толстой коркой льда, его нижние слои все же свободны в силу того провиденциального разума природы, по которому наибольшая плотность воды соответствует температуре на четыре градуса выше точки замерзания. И если не ошибаюсь, то погрузившаяся часть ледяной горы относится к части того же льда, выступающей за поверхность воды, как четыре к пяти.

— Почти, господин профессор. На каждый фут высоты ледяных гор, поднимающихся над поверхностью воды, их осадка доходит до трех футов. А так как высота этих ледяных гор не превосходит ста метров, то, следовательно, они сидят в воде не глубже трехсот метров. А какое имеют значение эти триста метров для «Наутилуса»?

— Ни малейшего, капитан.

— Он может значительно глубже опуститься, чтобы достигнуть равномерной для всех морей температуры, где можно уже будет безнаказанно игнорировать температуру над поверхностью вод в тридцать и сорок градусов холода.

— Правда, капитан, вы совершенно правы! — воскликнул я, воодушевляясь.

— Единственное затруднение состоит в том, —

продолжал капитан Немо, — что нам придется пробыть несколько дней в воде, не возобновляя запаса воздуха.

— Только-то, — возразил я. — Но «Наутилус» располагает весьма объемными резервуарами; мы их наполним, и они будут доставлять необходимый кислород.

— Отлично придумано, господин Аронакс! — воскликнул капитан. — Но я не желал бы, чтобы вы могли меня обвинить в безрассудстве, и потому заранее предлагаю вам все мои возражения.

— Разве они у вас есть?

— Одно. Возможно, что то место моря, где лежит полюс, сплошь покрыто льдом, и в таком случае нам не удастся выбраться на поверхность.

— Хорошо, капитан, но вы забыли, что «Наутилус» вооружен сильным бивнем, и вы можете его направить по диагонали против этих ледяных полей: лед расколется от удара.

— Э, господин профессор, вы сегодня очень находчивы.

— К тому же, капитан, — продолжал я, увлекаясь все более и более, — почему же не предположить, что у Южного полюса море так же свободно, как и у Северного? Полюсы земли и полюсы холода не совпадают ни в северном по-

лушарии, ни в южном, и пока не будет доказано противное, надо предполагать, что в обеих этих диаметрально противоположных точках земного шара находится или океан, свободный ото льда, или континент.

— Я того же мнения, господин Аронакс, — ответил капитан Немо. — Но я вам замечу, что вы, представив столько возражений против моего проекта, теперь же выставляете много доводов в его пользу.

Капитан Немо говорил правду, я был смелее его. Теперь я увлекал его к полюсу. Я его опередил, я заставлял его идти позади. Но нет! Жалкий глупец! Капитан Немо знал лучше тебя, что говорит «за» и «против» предприятия; он только забавлялся, видя, как ты увлекался мечтами о невозможном!

Однако он не терял ни одной минуты. По данному сигналу появился его помощник. Они вступили в спор между собой на своем непонятном языке. Был ли помощник капитана заранее предупрежден, или он нашел предприятие исполнимым, только он не выказал ни малейшего удивления.

Если помощник капитана и выказал полное спокойствие, тем не менее его значительно

превзошел своей апатией Консель, когда я ему сообщил о нашем отправлении к полюсу. Обычное «как угодно будет господину» было его ответом, и я должен был этим удовлетвориться. Что же касается Неда Ленда, то я полагаю, что ничьи плечи так высоко не поднимались в знак сомнения.

— Вот что должен я вам сказать, господин профессор, — ответил Ленд, — вы и ваш капитан Немо вызываете во мне сожаление.

— Тем не менее мы отправимся к полюсу.

— Это может быть, но вы оттуда не вернетесь!

И Нед Ленд направился в свою каюту, чтобы не причинить несчастья, как он заявил на прощание.

Между тем начались приготовления к этой смелой попытке. Сильные насосы «Наутилуса» накачивали воздух в резервуары и подвергали его значительному давлению. Около четырех часов капитан Немо сообщил мне, что подъемные двери, выходящие на палубу, сейчас закроются. Я взглянул в последний раз на толстый сплошной лед, под который нам предстояло спуститься. Погода была ясная, термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля, но так как ветер к этому времени стих, то температура казалась сносной.

Двенадцать человек из экипажа, вооруженных кирками, разместились у самых бортов «Наутилуса», разбили лед вокруг его корпуса, и судно очутилось в продолговатой проруби. Работу быстро исполнили, потому что молодой лед не успел достаточно отвердеть.

Мы все вошли во внутренние помещения «Наутилуса». Резервуары, предназначенные для увеличения тяжести судна, были настолько наполнены водой, что «Наутилус» стал уже опускаться в глубь океана.

Я расположился вместе с Конселем в салоне. Мы смотрели в окно на нижние слои полярного океана. Термометр поднимался. Стрелка манометра отклонялась на циферблате.

Почти на трехсотметровой глубине мы, как это и предвидел капитан Немо, могли свободно плыть под волнообразной нижней поверхностью ледяного поля. Однако «Наутилус» опустился еще глубже. Он достиг глубины восьмисот метров. Температура воды была уже не двенадцать градусов, как на поверхности, а всего одиннадцать градусов. Один градус был выигран. Само собой разумеется, что температура внутри «Наутилуса», согреваемого особыми аппаратами, была значительно выше. Судно маневрировало заме-

чательно плавно.

— С вашего позволения, — обратился ко мне Консель, — я полагаю, что судно пройдет.

— Я вполне на это рассчитываю! — ответил я тоном глубокого убеждения.

В свободной воде под толстым слоем льда «Наутилус» держался прямого направления к полюсу, не уклоняясь в сторону от тридцать второго меридиана, и предстояло пройти широты от 67° 30′ до 90°, то есть расстояние в двадцать два с половиной градуса широты, следовательно, немного более пятисот лье. «Наутилус» шел средним ходом, совершая двадцать миль в час — это скорость курьерского поезда. Если он не задержит хода, то через сорок часов достигнет полюса.

Новизна положения заставила меня и Конселя провести часть ночи перед окнами салона. Море осветилось лучами электрического света, посылаемыми маяком. Однако оно было пустынно. Оно не задерживало у себя в плену даже на день рыб. Они только проходят этими водами, направляясь из Атлантического океана к свободному морю полюса. Мы шли быстро. Это чувствовалось по содроганию длинного стального корпуса «Наутилуса».

Около двух часов утра я отправился отдохнуть

на несколько часов. Консель последовал моему примеру. Проходя по коридорам, я встретил капитана Немо. Я предполагал, что он находился в рубке рулевого.

На следующий день, 19 марта, в пять часов утра я снова занял свой пост в салоне. Электрический лаг показывал, что скорость хода «Наутилуса» уменьшалась. В это время он поднимался на поверхность, но весьма осторожно, медленно опорожняя свои балластовые резервуары. Сердце мое усиленно билось. Встретим ли мы свободное море на полюсе?

Нет. Сотрясение «Наутилуса» указало мне, что он ударился о нижнюю поверхность сплошного льда, и, несомненно, значительной толщины, судя по глухому звуку. Действительно, мы коснулись дна, говоря языком моряков, но в обратном смысле, и на глубине трех тысяч футов. Следовательно, толщина льда доходила до четырех тысяч футов, и, значит, тысяча футов выходила за поверхность воды. Итак, в этом месте сплошной лед значительно толще по сравнению с толщиной того его края, где мы его измеряли. Это обстоятельство ничего хорошего не предвещало.

В продолжение всего дня «Наутилус» не раз проделывал тот же опыт, но всякий раз встречал

одинаковой толщины непроницаемый потолок. Были случаи, что этот потолок встречался на глубине девятисот метров, следовательно, здесь его толщина достигала тысячи двухсот метров, из которых триста метров поднимались над поверхностью океана.

Я тщательно отмечал эти различные глубины и, таким образом, получил подводный профиль сплошного льда, расстилавшегося над нами, на нашем пути.

Вечером не произошло никакой перемены в нашем положении. Все время мы шли подо льдом на глубине от четырехсот до пятисот метров. Хотя толщина сплошного льда и уменьшилась, но все же нас отделял от поверхности океана достаточно значительной толщины слой льда. Было восемь часов вечера. Еще четыре часа тому назад воздух во внутренних помещениях «Наутилуса» должен был быть возобновлен, так, как это делалось ежедневно на судне. Но сегодня этого не было сделано. Впрочем, я не чувствовал порчи воздуха. Капитан Немо еще не расходовал свой запас кислорода, хранившийся в резервуарах.

Эту ночь я провел в тревожном сне. Меня поочередно волновали страх и надежда. Я вставал несколько раз. Попытки «Наутилуса» выбраться

на поверхность океана продолжались. К трем часам дня я стал замечать, что толщина сплошного льда уменьшается и его нижняя поверхность встречается уже на глубине всего пятидесяти метров. Итак, всего сто пятьдесят футов отделяли нас от поверхности воды. Горы обращались в равнину.

Я не спускал глаз с манометра. Мы все время шли по диагонали, под блестящей поверхностью, которую освещали лучи электрического света. Толщина ледяного покрова уменьшалась, и с каждой милей она продолжала становиться все тоньше. Наконец, в шесть часов вечера этого памятного дня, 19 марта, дверь салона отворилась. Появился капитан Немо.

— Свободное море! — объявил он.

Глава XIV
Южный полюс

Я бросился на палубу.

Да, открытое море! Лишь кое-где виднеется несколько разрозненных глыб льда и несколько плавающих ледяных гор, вдали же широкое свободное море; целый мир птиц в воздухе и мириады рыб в этих водах, которые в зависимости от дна принимают все оттенки цвета, начиная от голубого и кончая зелено-оливковым. Термометр Цельсия показывал три градуса выше нуля.

На этом пространстве, отделенном на северной стороне горизонта огромными массами вздыбившегося льда, как будто царила весна.

— Мы у полюса? — спросил я у капитана; сердце мое трепетало.

— Не знаю, — ответил он. — В полдень мы определим положение.

— Но солнце может не показаться из-за этого тумана, — заметил я, смотря на серое небо.

— Хотя бы чуть выглянуло, и этого будет достаточно, — ответил капитан.

В десяти милях к югу виднелся уединенный

остров, возвышавшийся над уровнем моря примерно на двести метров. Мы шли по направлению к нему весьма осторожно, так как предполагали, что здесь много подводных рифов.

Спустя час мы достигли островка, а спустя два часа успели обогнуть его кругом. Он имел в окружности от четырех до пяти миль. Узкий канал отделял его от обширной земли, быть может — материка, границы которого уходили за горизонт. Существование этой земли должно было оправдывать гипотезу Мори. Гениальный американец заметил, что между Северным полюсом и шестидесятой параллелью море покрыто плавучими льдами огромных размеров, какие никогда не встречаются на севере Атлантического океана. Из этого факта он сделал вывод, что антарктический круг заключает значительные земли, потому что ледяные горы не могут образовываться в открытом море, а только у берегов. По его вычислениям, масса льдов, окружающих Южный полюс, образует большое кольцо, ширина которого доходит до четырех тысяч километров. Между тем «Наутилус» из опасения наскочить на мель остановился на расстоянии трех кабельтовых от морского берега, над которым возвышалась красиво сгруппированная масса

скал. В море спустили лодку. Капитан Немо, двое его матросов, несшие инструменты, Консель и я сели в нее. Было десять часов утра. Я не видел Ленда. Канадец, несомненно, не хотел сдаваться даже при виде Южного полюса.

Несколько ударов весел, и лодка врезалась в песчаный берег. В ту минуту, как Консель намеревался спрыгнуть на землю, я остановил его.

— Это вам, капитан, — обратился я к капитану Немо, — принадлежит честь первому ступить на эту землю.

— Да, господин профессор, — ответил он, — и если я не отказываюсь ступить на эту полярную почву, то только потому, что до сих пор ни одна человеческая нога никогда на нее не ступала.

С этими словами он легко спрыгнул на песок. Сердце его сильно билось от волнения. Он взобрался на скалу, которая круто поднималась над небольшим возвышением, и там, скрестив на груди руки, с пылавшим взором, неподвижный, молчаливый, он, казалось, принимал в свое владение эти полярные области. Через пять минут он обернулся к нам.

— Прошу вас! — крикнул он мне, приглашая жестом руки присоединиться к нему.

Я высадился вместе с Конселем, оставив в лодке

двоих матросов.

Почва на большом протяжении состояла из красноватого цвета туфа и казалась усыпанной толченым кирпичом; шлаки, потоки лавы, пемза повсюду покрывали ее. Не могло быть сомнения в ее вулканическом происхождении. В некоторых местах легкая струйка дыма с серным запахом свидетельствовала, что работа подземного огня еще не закончилась. Однако, со значительной высоты, я не видел на протяжении нескольких миль ни одного вулкана. Я знал, что в этих антарктических странах Джеймс Росс нашел два действующих вулкана — Эребус и Террор — на сто шестьдесят седьмом меридиане и под 77° 32′ широты.

Растительность этого пустынного материка представилась мне чрезвычайно бедной. Несколько лишаев вида usnea melanxantha расстилались на горных скалах. Какие-то микроскопические растения, рудиментарные диатомеи в виде клеточек, расположенных между двумя кварцеватыми створками, длинные пурпурные и пунцовые фукусы, поддерживаемые маленькими плавательными пузырьками, выбрасываемые на берег прибоем, составляли всю чахлую флору этой области.

Берег был усеян моллюсками, маленькими ра-

кушками, имеющими форму сердца, и особенно клионами, с продолговатым перепончатым телом и головой, состоящей из двух лопастей. Мне также пришлось встретить мириады клионов северных длиной в три сантиметра, которых кит поглощает тысячами в один глоток. Крылоногие, настоящие морские бабочки оживляли свободные воды, омывающие берег.

Из числа прочих зоофитов встречались в верхних слоях воды древовидные кораллы, принадлежащие к тому виду, который, по наблюдениям Джеймса Росса, живет в антарктических морях на глубине почти тысячи метров. Затем маленькие альционы, а также в большом числе астерии, свойственные этому климату, и морские звезды, которые покрывали почву.

Но где жизнь кипела ключом — это в воздухе. Там тысячами летали, носились, парили, перелетали и собирались в стаи птицы различных видов, оглушавшие нас своим криком. Иные, усевшись на скалах, смело смотрели на нас, а некоторые без боязни теснились у самых наших ног. Встречались массы пингвинов, которые сколь подвижны и гибки в воде, где их принимали иногда за быстрых банитов, столь же неуклюжи и тяжелы на земле. Они испускали

раздирающие крики и, собравшись многочисленными обществами, сидели неподвижно, не переставая кричать.

А среди птиц я встретил белых ржанок из отряда голенастых, величиной с голубя, в белом оперении, с коротким коническим клювом и глазами с красным ободком. Консель поймал этих пернатых, так как, умело приготовленные, они очень вкусны. В воздухе проносились альбатросы, у которых распростертые крылья имеют в длину четыре метра и которых справедливо называют коршунами океана; огромные глупыши, и в их числе буревестники (костоломы) с дугообразными крыльями; кайский буревестник, род маленьких уток, верхняя часть тела которых наполовину черная, наполовину белая; наконец, целая серия петрелей — некоторые с большими крыльями, окаймленными коричневым поясом, другие голубого оперения и свойственные только антарктическим морям, третьи настолько жирные, что про них говорят, будто жители Феррарских островов их зажигают, вставляя в тело только фитиль.

— Еще немного, — заметил Консель, — и получились бы отличные лампы. Впрочем, нельзя же требовать, чтобы сама природа снабжала их

фитилем.

На расстоянии полумили почва оказалась уже повсюду изрытой гнездами, имевшими вид ямок, предназначенных для кладок яиц, и действительно, из гнезд вылетали птицы. Позднее капитан Немо приказал поймать их несколько сотен, так как их черное мясо годно в пищу. Они издавали крики, похожие на ослиный рев. Эти птицы ростом не больше гуся, со спиной аспидного цвета, белым животом, с лимонного цвета полоской на горле, они, не пытаясь спастись, позволяли себя убивать камнями.

Между тем туман не поднимался, и в одиннадцать часов солнце еще не показывалось. Отсутствие его меня беспокоило. Без него были невозможны никакие наблюдения. Как в таком случае определить, действительно ли мы достигли полюса?

Когда я присоединился к капитану Немо, я застал его стоящим в глубоком раздумье, опирающимся на скалу и смотрящим на небо. Мне казалось, что он досадовал и чего-то ждал. Но этот смелый и могущественный человек не мог командовать солнцем, как морем. Наступил полдень, но небесное светило все не показывалось. Нельзя было даже распознать места, позади ко-

торого оно скрывалось за густой завесой тумана. Однако вскоре туман разрешился снегом.

— До завтра, — сказал просто капитан Немо, и мы направились к «Наутилусу», двигаясь среди поднявшегося вихря.

Во время нашего отсутствия были закинуты сети, и я с удовольствием стал рассматривать рыб, которых вытащили на борт. Антарктические моря служат убежищем очень большому числу мигрирующих рыб, которые спасаются от бурь, уходя в более северные широты, причем, правда, часто попадают в зубы моржей и тюленей. Я заметил несколько южных бычков, из породы хрящеватых, длиной в дециметр, белых, пересеченных синеватыми полосами и вооруженных шипами; антарктических химер в три фута длиной, с очень длинным телом, с белой, серебристой, лоснящейся кожей, круглой головой, спиной, снабженной тремя плавниками, и рылом, оканчивающимся хоботком, загибающимся кверху. Я попробовал их мясо, но нашел его безвкусным, вопреки мнению Конселя, которому оно очень понравилось.

Снежный ураган продолжался до следующего дня. Не было возможности стоять на палубе. В салоне, где я записывал все происшествия во время

нашей экскурсии на полярный материк, слышались крики петрелей и альбатросов, носившихся посреди бури. «Наутилус» не стоял на месте, он обогнул берег в полусвете, распространяемом солнцем, касавшимся края горизонта, продвинулся всего миль на десять к югу. На следующий день, 20 марта, снег перестал идти. Стало холоднее. Термометр показывал два градуса ниже нуля. Туман поднялся, и я рассчитывал, что сегодня нам удастся провести наблюдения.

Капитан Немо еще не выходил из своего кабинета, а я с Конселем сел в лодку и отправился на землю. Почва и здесь оказалась вулканического происхождения; повсюду лава, шлаки, базальты, но вулкана, который все это изверг, нигде не было видно.

Мириады птиц также оживляли эту часть полярного материка. Но здесь и в это время пернатые разделяли свои владения со стадами млекопитающих, и последние кротко взирали на нас своими добрыми глазами. Это были тюлени различных видов; некоторые из них лежали на земле, другие на льдинах, носившихся по воле ветра, иные выходили из воды или возвращались туда.

Эти тюлени еще не сталкивались с человеком,

поэтому они и не пугались нас. Их было очень много и хватило бы для нескольких сотен кораблей.

— Ну, право, — воскликнул Консель, — я очень рад, что Нед Ленд не отправился с нами.

— Почему это?

— Потому что, как ярый охотник, он перебил бы всех зверей, какие здесь есть.

— Ну, положим, не всех, хотя я и полагаю, что нам не удалось бы удержать нашего ретивого канадца приколоть острогой некоторых из этих ластоногих животных. А это было бы неприятно капитану Немо, который противник пролития крови безвредных животных.

— Он прав.

— Вне сомнения, Консель. Но скажи мне, ты, вероятно, уже классифицировал этих прекрасных представителей морской фауны.

— Вашей милости известно, — ответил Консель, — что я не очень-то силен на практике. Вот если бы вы соизволили сообщить мне имена этих животных…

— Это тюлени и моржи.

— Два рода, принадлежащие к семейству ластоногих, — поспешил сказать мой ученый Консель, — порядок *cornassiers*, группа *unguicules*,

подкласс *monodelphines*, класс млекопитающих, тип позвоночных.

— Прекрасно, Консель, — ответил я, — но эти два рода тюленей и моржей разделяются на виды, и если я не ошибаюсь, то здесь нам представляется случай наблюдать их. Идем!

Было восемь часов утра. В нашем распоряжении оставалось четыре часа до того времени, когда надо было приступить к наблюдениям за солнцем. Я направился к большому заливу, который врезался в гранитные скалы берега. Здесь я могу сказать, что, куда бы ни проникал мой взор, земля и ледяные глыбы были сплошь покрыты морскими млекопитающими, и именно ластоногими, и я невольно искал глазами старого Протея, мифологического пастуха бесчисленных стад Нептуна. Больше всего тут было тюленей. Самцы с самками размещались отдельными группами; отцы бдительно присматривали за своей семьей, матери кормили грудью детенышей, а молодые, уже достаточно окрепшие, беззаботно играли в некотором отдалении. Когда тюленям приходилось перемещаться, они подвигались маленькими, неуклюжими скачками при помощи сокращения тела и отталкивания ластами; последние у них составляют настоящее предплечье.

Я должен сказать, что в воде, их главной стихии, они, как животные с подвижным спинным хребтом, узким тазом, гладкой, короткой шерстью и с сильными плавниками, плавают превосходно. Впрочем, и на суше, на отдыхе, они принимают чрезвычайно грациозные позы. Вот почему древние натуралисты, наблюдая их добродушную физиономию и выразительный взгляд, с которым не в состоянии состязаться самый прекрасный женский взор, их бархатистые, ясные глаза, изящные позы, поэтизировали их по-своему, превращая самцов в тритонов, а самок в сирен.

Я указал Конселю на значительное развитие мозговых полушарий у этих умных ластоногих животных. Ни одно млекопитающее, за исключением человека, не имеет больше мозгового вещества. Вследствие этого тюлени способны к некоторому воспитанию; они легко привыкают, приручаются, и я вполне разделяю мнение некоторых натуралистов, что умело выдрессированные тюлени могли бы оказать большие услуги в рыбной ловле.

Большинство тюленей спали на скалах и на песке. Между этими, так сказать, настоящими тюленями, не имеющими внешнего уха, — их отличие от сивучей, ухо которых выдается, — я

наблюдал несколько разновидностей стеноринхов длиной в три метра, с белой шерстью, головой бульдога, вооруженных десятью коренными зубами на каждой челюсти, четырьмя резцами на верхней и нижней и двумя клыками, имеющими форму лилии. Между ними ползали морские слоны, животные, похожие на тюленей, с коротким подвижным хоботом — гигантского вида тюлени, которые при окружности тела в двадцать футов имеют в длину десять метров. Они при нашем приближении продолжали лежать совершенно спокойно.

— Эти животные не опасны? — спросил меня Консель.

— Нет, — отвечал я, — по крайней мере, когда на них не нападают. Но если тюлень защищает своего детеныша, его гнев ужасен, и нередки случаи, что он разбивает вдребезги лодку его преследователей.

— Он прав, — заметил Консель.

— И я не говорю, что нет.

Мы прошли еще две мили и остановились перед возвышенностью, которая защищала залив от южных ветров. Она отвесно спускалась к морю и была покрыта пеной от прибоя волн. Вдали раздавалось мычание, словно там паслось стадо

жвачных.

— Ба! — воскликнул Консель. — Стадо быков.

— Нет, — возразил я, — концерт моржей.

— Они дерутся!

— Дерутся или играют.

— Если господин ничего не имеет против, любопытно взглянуть.

И вот мы направились по черноватым скалам, посреди ледяных обломков и по скользким обледенелым камням. Не раз мне приходилось скатываться и биться боками. Консель, ступая осторожнее или тверже, не спотыкался; он поднимал меня, приговаривая:

— Если бы вы старались шире расставлять ноги, то сохраняли бы равновесие.

Дойдя до верхнего гребня, я увидел обширную белую равнину, покрытую моржами. Животные резвились, издавая крики веселья.

Моржи походят на тюленей формой своего тела и расположением частей. Но у них в нижней челюсти недостает клыков и резцов, а верхние клыки, или бивни, весьма значительные по размерам, достигают в длину восьмидесяти сантиметров и тридцати трех сантиметров в окружности при выходе наружу. Бивни состоят из кости очень плотной и без полосок; кость

тверже, чем слоновая, меньше желтеет и потому дороже ценится. Вот почему моржей так ожесточенно преследуют, и, вероятно, они будут вскоре истреблены до последнего, тем более что охота на моржей ведется варварским образом. Охотники безразлично убивают как молодых самцов, так и беременных маток. Ежегодно истребляется более четырех тысяч экземпляров.

Проходя мимо этих интересных животных, я мог внимательно их рассматривать, потому что они не шевелились. Кожа у них толстая и бородавчатая, желто-коричневого цвета, пере-

ходящего в рыжий, шерсть короткая, редкая. Некоторые из них имели до четырех метров в длину. Более смелые, чем северные моржи, они не поручали избранной страже оберегать границы своего лагеря.

После осмотра лежки моржей я хотел вернуться назад. Было одиннадцать часов, и если капитан Немо находился в благоприятных условиях для производства наблюдения, то мне, не желавшему упустить случая присутствовать при его занятиях, следовало поторопиться на «Наутилус». Однако я не рассчитывал, чтобы солнце показа-

лось в этот день. Облака скрывали его от наших глаз. Казалось, что ревнивое светило не хотело показывать человеческим существам эту недосягаемую точку земного шара.

Пришлось отправиться в обратный путь. Мы шли по узкому косогору, извивавшемуся на вершине утеса. В половине двенадцатого мы достигли того места, где причалили. К этому времени капитан Немо уже высадился со шлюпки на землю. Я увидел его на базальтовой скале. Инструменты были при нем. Он стоял, устремив взор на северную часть горизонта, где солнце двигалось в это время по своей длинной дуге.

Я поместился возле него и ждал молча. Настал полдень, но, как и накануне, солнце не показывалось.

Это было фатально. Наблюдения не могло быть. Если не удастся его сделать и завтра, то придется окончательно отказаться от возможности определить наше географическое положение.

И действительно, было 20 марта; на следующий день, 21 марта, наступало равноденствие, и если не принимать в расчет преломление лучей, солнце исчезнет за горизонтом на шесть месяцев, а с его исчезновением начнется продолжительная полярная ночь. С сентябрьского равноденствия

оно снова выйдет из-за северного горизонта и станет подниматься по удлиняющимся спиралям до 21 декабря. В эпоху солнцестояния в полярных странах оно начинает опускаться и на завтрашнее число (21 марта) бросает им свои последние лучи.

Я сообщил мои опасения капитану Немо.

— Вы правы, господин Аронакс, — ответил он, — если завтра мне не удастся определить высоту солнца, то придется отложить исследование на шесть месяцев. Но в то же время благодаря случайностям плавания, которые меня привели сюда именно к двадцать первому марта, мои наблюдения значительно облегчаются, если только в полдень перед нашими глазами покажется солнце.

— Почему, капитан?

— Потому, что дневное светило описывает столь отлогие спирали, что трудно с точностью определить его высоту над горизонтом, и инструменты могут дать очень грубые ошибки.

— Как же вы думаете поступить?

— Я воспользуюсь только хронометром, — ответил капитан Немо. — Если завтра, двадцать первого марта, в полдень солнечный диск будет, принимая во внимание рефракцию, точно пере-

сечен пополам северным горизонтом, это значит, что я нахожусь на Южном полюсе.

— Действительно, — сказал я, — но этот вывод нестрог в математическом смысле, так как равноденствие не совпадает с полднем.

— Конечно, будет ошибка, но незначительная, она не больше ста метров, и это для нас не имеет особого значения. Итак, до завтра.

Капитан вернулся на судно. Консель и я остались до пяти часов, расхаживая по берегу, наблюдая и изучая. Я не встретил ни одного любопытного предмета, не считая яйца пингвина, замечательного по своей величине, за которое любитель заплатил бы более тысячи франков. Его планшевый цвет, полоски и знаки, которые украшали его в виде иероглифов, делали его редкостной вещицей. Я вручил яйцо Конселю, и осторожный малый, идя твердой поступью, держал его в руках, точно драгоценный китайский фарфор, и доставил на «Наутилус» в полной целости. Там я положил это редкое яйцо в одну из витрин музея. Я с аппетитом поужинал прекрасным по вкусу куском тюленьей печени, напоминающей свиное мясо. Затем я лег в постель, не забыв, как индус, призвать на себя благорасположение лучезарного светила. На

следующий день, 21 марта, в пять часов утра я уже находился на палубе. Там я застал капитана Немо.

— Небо очищается, — сказал он. — Есть надежда! После завтрака мы отправимся на берег и выберем удобный пункт для наблюдения.

Ввиду этого решения я отправился к Неду Ленду. Мне хотелось взять его с собой. Но упрямый канадец не согласился, и я заметил, что его дурное расположение духа с каждым днем возрастает. Впрочем, говоря откровенно, на этот раз я ничуть не сожалел, что он упрямится. На берегу было множество тюленей, зачем было подвергать искушению страстного охотника? Окончив завтрак, я отправился на берег. За ночь «Наутилус» продвинулся еще на несколько миль. Он находился в открытом море в миле от берега, над которым красовалась вершина в триста — четыреста футов высотой, оканчивающаяся пиком. Вскоре мы вместе с капитаном Немо уже плыли на лодке. Все необходимые инструменты были взяты с собой, а именно: хронометр, барометр и зрительная труба.

Когда мы плыли к берегу, мне удалось увидеть многих китов, принадлежащих к трем разновидностям, свойственным южным морям. Тут был

настоящий кит, или гладкий кит-англичанин, не имеющий плавника; кит-горбач, с животом, испещренным складками, с широкими беловатыми плавниками, но не исполняющими своего назначения; и финвал коричнево-желтоватого цвета, самый подвижный из всех. Последний весьма могущественное животное; он дает о себе знать издали, выбрасывая на значительную высоту столб воздуха и пара, которые вырываются из его ноздрей, словно вихрь дыма. Эти млекопитающие, собравшись стадами, резвились в спокойных водах, и я решил, что в настоящее время бассейн антарктического полюса служил убежищем китам, которых так беспощадно преследуют китобойцы.

Я также заметил длинные беловатые кордоны сальп, род соединившихся вместе моллюсков, а также медуз большой величины, которые качались на волнах.

В девять часов мы пристали к берегу. Облака неслись к югу. Небо стало очищаться. Туман покидал холодную поверхность вод. Капитан Немо направился к пику, откуда, по всей вероятности, он намеревался производить наблюдения. Восхождение среди обломков лавы и пемзы было утомительно, к тому же воздух был пропитан

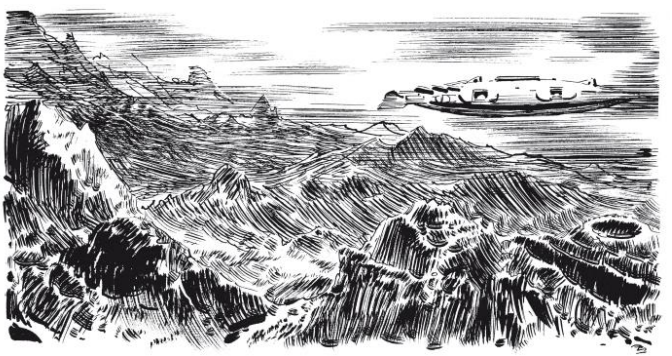
сернистыми испарениями маленьких кратеров. Меня удивило, что капитан, несмотря на то что давно отвык от путешествий по земле, тем не менее взбирался по самым крутым скатам легко и с необыкновенной гибкостью, так что я едва успевал следовать за ним; ему мог позавидовать охотник за альпийскими сернами.

Нам понадобилось два часа времени, чтобы взобраться на вершину пика, состоявшего наполовину из порфира, наполовину из базальта. Отсюда наш взор обнимал обширное море, которое на севере обозначалось резкой линией на фоне неба. У наших ног расстилались поля ослепительной белизны. Над нами высился бледно-голубой свод, очистившийся от тумана. На севере солнечный диск, как огненный шар, казался обрезанным острым краем горизонта. Из вод подымались сотнями фонтаны. Невдалеке на поверхности волн слегка покачивался «Наутилус» и казался спящим китом. Позади к югу и востоку тянулась, по-видимому, беспредельная земля — хаотическое скопление скал и льдов.

Взойдя на вершину пика, капитан Немо тщательно определил с помощью барометра ее высоту, которая должна была быть принята в соображение при наблюдении.

В три четверти двенадцатого солнце, видимое до сих пор вследствие рефракции, показалось золотым диском и рассеивало свои прощальные лучи по всему этому пустынному материку и морям, которых никогда не посещал ни один человек.

Капитан Немо, вооружившись зрительной трубой, которая с помощью особого зеркала корректировала преломление лучей, стал наблюдать солнце. Дневное светило стало мало-помалу погружаться в воду, описывая очень длинную диагональ.



Я следил за хронометром. Сердце мое сильно билось. Если половина солнечного диска скроется за горизонтом в тот момент, когда хронометр укажет полдень, то мы на самом полюсе.

— Полдень! — вскрикнул я.

— Южный полюс! — ответил капитан Немо низким, с расстановкой голосом, передавая мне подзорную трубу, глядя в которую я увидел дневное светило, наполовину закрытое горизонтом.

Я смотрел, как последние лучи венчали пик. По его скатам стали ложиться распространяющиеся тени.

В эту минуту капитан Немо, положив руку на мое плечо, сказал:

— В 1600 году голландец Герик, увлеченный течениями и бурями, достиг 60° южной широты и открыл Южно-Шотландские острова. В 1773 году, 17 января, славный Кук, следуя по 38-му меридиану, достиг 60° 30′ широты и в 1774 году, 30 января, на 110-м меридиане достиг 71° 15′ широты. В 1819 году русский Беллинсгаузен находился на 69-й параллели на 111-м градусе западной долготы. В 1820 году англичанин Брансфилд остановился на 65-м градусе. В том же году американец Морелл, рассказы которого подлежат сомнению, поднимаясь по 42-му меридиану, встретил под 70° 14′

широты свободное море. В 1825 году англичанин Поуэлл не мог перейти 62-го градуса. В том же году простой охотник за тюленями, англичанин Уэдел, поднялся до 72° 14′ широты по 35-му меридиану и до 74° 15′ широты по 36-му. В 1829 году англичанин Форстер, командир «Шантеклера», принял во владение антарктический материк под 62° 26′ широты и 66° 26′ долготы. В 1831 году англичанин Биско открыл землю Эндерби под 68° 80′ широты, 5 февраля — землю Аделаиды под 67° широты и 21 февраля — землю Грогам под 64° 45′ широты. В 1838 году француз Дюмон-Дюрвиль, остановленный сплошными льдами под 62° 57′ широты, определил положение земли Луи-Филиппа; два года спустя, 21 января, он под 66° 30′ открыл остров Адели, а через восемь дней под 64° 40′ берег Кларанс. В 1838 году англичанин Уилкс достиг 69-й параллели на 100-м меридиане. В 1839 году англичанин Баллени открыл землю Сабрина на границе полярного круга. Наконец, в 1842 году, 12 января, англичанин Джеймс Росс с кораблями «Эребус» и «Террор» открыл землю Виктории под 76° 56′ широты и 171° 7′ долготы. 23-го того же месяца он достиг 74-й параллели — высшего пункта, какого до тех пор достигали. 27-го он находился под 76° 8′; 28-го — под 77° 32′;

2 февраля — под 78° 4′, и в 1842 году он возвратился к 71°, за который не мог перейти. Теперь я, капитан Немо, 21 марта 1868 года достиг Южного полюса под 90° и принимаю во владение эту часть земного шара, равную одной шестой всех известных материков.

— Во имя кого, капитан?

— Во имя Немо!

И, говоря это, капитан развернул черное знамя с буквой N, вышитой золотом. Затем, повернувшись по направлению к светилу дня, последние лучи которого лобызали горизонт моря, он воскликнул:

— Прощай, солнце! Исчезай, лучезарная звезда. Ложись за этим свободным морем, и пусть шестимесячная ночь покроет мраком мои новые владения.

Глава XV
Несчастье или приключение?

На следующий день, 22 марта, в шесть часов вечера, шли приготовления к отъезду. Последние отблески сумерек слились с ночной тьмой. Холод был сильный. Созвездия блестели с удивительной ясностью. У зенита сиял Южный Крест — полярное созвездие антарктических стран.

Термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля, и когда подымался ветер, резало лицо. Море повсюду уже собиралось покрыться сплошной массой льдин. Видневшиеся на его поверхности черноватые прогалины предвещали скорое образование сплошного льда. Очевидно, что южный бассейн, замерзающий на шесть месяцев, в это время недоступен. Что делается с китами в этот период? Несомненно, они покидают места, покрытые сплошным льдом, и отыскивают более теплые воды. Что же касается тюленей и моржей, привыкших жить в самом суровом климате, то они могут и не покидать этих ледяных пространств. Эти животные инстинктивно пробивают отверстия во льду и держат

их постоянно открытыми. Такими отверстиями они пользуются как отдушинами. Когда птицы, гонимые холодом, улетают к северу, то морские млекопитающие остаются единственными властелинами полярного континента.

Между тем резервуары были наполнены водою, и «Наутилус» стал медленно погружаться. На глубине тысячи футов он остановился. Гребной винт его стал работать, и он направился прямо к северу со скоростью пятнадцати миль в час. К вечеру он уже плыл под толстым покровом сплошного льда.

Ставни в окнах были заперты из предосторожности, чтобы не разбились стекла при столкновении судна с какой-либо плавающей в воде ледяной глыбой. Весь этот день я провел в переписывании набело своих заметок. Я всецело отдался воспоминаниям о полюсе. Мы достигли этой недоступной точки без труда и опасностей, как в вагоне, катящемся по рельсам железной дороги. Теперь мы совершали обратный путь. Я был уверен, что он подарит мне какие-либо неожиданности, — подводные чудеса неисчерпаемы.

Вот уже пять с половиной месяцев прошло с того времени, как случай забросил нас на это подводное судно. Мы прошли четырнадцать

тысяч лье. Сколько приключений, любопытных или ужасных, очаровывали нас на этом пути, длина которого превышала длину земного экватора! Охота в лесах Креспо, невольная задержка в Торресовом проливе, коралловое кладбище, жемчужная ловля на Цейлоне, Аравийский туннель, подземные огни Санторина, миллионы в бухте Виго, Атлантида, Южный полюс!

Всю ночь эти воспоминания вставали предо мной, как чудные видения, и лишали меня сна. В три часа утра я был разбужен сильным толчком. Приподнявшись на постели, я стал прислушиваться среди полной темноты, как вдруг был отброшен на середину комнаты. Очевидно, «Наутилус» на что-то наткнулся.

Опираясь о стены, я прошел узкими коридорами в салон, который освещался сияющим потолком. Мебель оказалась опрокинутой. К счастью, витрины на укрепленных ножках держались твердо. Картины, повешенные с правой стороны, прижались к стене, тогда как картины на левой стороне отставали от нее нижней частью своей рамы на целый фут. Очевидно, «Наутилус» накренился направо и остановился.

Я слышал шум шагов и неясные голоса, раздававшиеся во внутренних помещениях судна.

Капитан Немо не показывался. В ту минуту, как я входил в зал, туда вошли Нед Ленд и Консель.

— Что такое? — обратился я поспешно к ним.

— Я пришел об этом спросить господина, — ответил Консель.

— Тысяча чертей! — воскликнул канадец. — Я прекрасно понимаю, в чем дело. «Наутилус» на что-то напоролся и, судя по толчку, не так скоро счастливо освободится, как в Торресовом проливе.

— Но по крайней мере, — спросил я, — поднялся ли он на поверхность воды?

— Мы этого не знаем, — ответил Консель.

— Но в этом легко убедиться, — сказал я.

Я взглянул на манометр. К моему великому огорчению, он показывал, что мы находимся на глубине трехсот шестидесяти метров.

— Что бы это значило? — вскрикнул я.

— Надо спросить капитана Немо, — ответил Консель.

— Но где мы его найдем? — спросил Нед Ленд.

— Следуйте за мной, — сказал я своим товарищам.

Мы покинули салон. В библиотеке никого не оказалось.

Предполагая, что капитан Немо находится в

будке рулевого, я решил, что лучше будет его подождать. Мы все трое возвратились в салон. Я обойду молчанием жалобы канадца. Это был его день, он мог раздражаться, сколько было ему угодно, никто ему не возражал.

Мы пробыли, таким образом, почти двадцать минут, прислушиваясь к малейшему шуму, раздававшемуся внутри «Наутилуса», когда в салон вошел капитан Немо. По-видимому, он нас не заметил. Его обычно бесстрастное лицо на этот раз выражало беспокойство. Он молча посмотрел на компас, на манометр и установил палец на ту часть карты, которая изображала моря Южного полюса. Я не хотел его прерывать. Но спустя несколько минут, когда он обернулся ко мне, я обратился к нему с теми же словами, которые им были сказаны в Торресовом проливе:

— Приключение, капитан?

— Нет, господин профессор, — ответил он, — на этот раз неприятность.

— Серьезная?

— Возможно!

— Угрожает опасность?

— Нет!

— «Наутилус» сел на мель?

— Да!

— И это произошло от…

— От каприза природы, но не от неопытности людей. В маневрировании судна не было ни одной ошибки. Судно должно было подчиниться закону равновесия. Можно противиться людским законам, но не законам природы.

Странную минуту выбрал капитан Немо для выражения своих философских мыслей. К тому же его ответ ничего мне не разъяснил.

— Позвольте спросить вас, капитан, — обратился я к нему, — какова причина этого происшествия?

— Огромная ледяная глыба, целая гора, перевернулась, — ответил он. — Когда основания ледяных гор подмывают более теплые воды, центр тяжести всей массы льда перемещается — подымается выше, тогда они переворачиваются или опрокидываются. Это самое и случилось. Одна из ледяных глыб, опрокинувшись, столкнулась с «Наутилусом», который шел под водой. Затем она подвернулась под его корпус и приподняла его. «Наутилус», врезавшись в эту глыбу, свалился набок, и в этом положении находится до сих пор.

— Разве нельзя освободить его, опорожнив его резервуары, чтобы восстановить равновесие?

— Это и делается теперь, господин профессор. Вы должны слышать, как работают насосы. Взгляните на стрелку манометра, она показывает, что «Наутилус» поднимается, но вместе с ним поднимается и ледяная глыба, и положение судна не изменится до тех пор, пока какое-нибудь обстоятельство не поможет судну от нее освободиться.

Действительно, «Наутилус» продолжал лежать, сильно накренившись на правую сторону. Очевидно, что он выпрямится, как только отделится от глыбы. Но кто знает, что к этому времени мы не столкнемся с толстым слоем льда, покрывающим поверхность воды, и не будем, таким образом, сжаты льдами сверху и снизу?

Я размышлял обо всех возможных последствиях нашего положения, в то время когда капитан Немо продолжал следить за движением стрелки манометра. «Наутилус» после столкновения успел подняться почти на сто пятьдесят футов, но по-прежнему находился под тем же углом в наклонном положении.

Внезапно в его корпусе произошло легкое движение, и «Наутилус» стал понемногу выпрямляться. Предметы, висевшие в салоне, стали принимать свое нормальное положение. Стены приближались к вертикальной линии. Все мы

хранили полное молчание. Мы наблюдали со взволнованными сердцами и чувствовали это выпрямление. Пол под нами принимал все более и более горизонтальное положение. Так прошло десять минут.

— Наконец мы стоим прямо! — вскрикнул я.

— Да, — подтвердил капитан Немо, направляясь к дверям салона.

— Судно может дальше плыть? — спросил я его.

— Конечно, — ответил он, — как только резервуары будут опорожнены, «Наутилус» немедля поднимется на поверхность воды.

Капитан вышел. Вскоре по его приказанию «Наутилус» был остановлен и перестал всплывать. Оказалось, что судно ударилось о нижнюю поверхность сплошного льда. Таким образом, «Наутилусу» приходилось оставаться под водой.

— Мы удачно выбрались! — воскликнул Консель.

— Да, — ответил я, — нас бы могло раздавить между этими ледяными массами, или по меньшей мере мы могли быть заперты. И тогда, за отсутствием воздуха… Да, мы счастливо избежали опасности.

— Миновала ли опасность? — тихо проговорил

Нед Ленд.

Я не хотел вступать с канадцем в бесполезный спор и потому ничего ему не ответил. К тому же в эту минуту ставни раскрылись, и внешний свет ворвался в салон.

Мы, как я уже говорил, находились под водой, и по обеим сторонам «Наутилуса» на расстоянии десяти метров поднимались прозрачные ледяные стены. Вверху нижняя поверхность сплошного льда образовала необъятный потолок. Внизу перевернувшаяся глыба льда задержалась, встретив сопротивление своему подъему в боковых стенах, и продолжала оставаться в этом положении. Таким образом, мы оказались заключенными в ледяном туннеле, имевшем двадцать метров в ширину и наполненном водой. Следовательно, «Наутилусу» можно было выйти отсюда, двигаясь вперед или назад вдоль туннеля, а затем, пройдя его и опустившись на достаточную глубину, свободно продолжать путь под сплошным льдом. Свет, посылаемый потолком, погас, но салон продолжал быть ярко освещенным. Ледяные стены отражали свет маяка с изумительной силой. Я не нахожу слов, чтобы выразить тот эффект, который производили электрические лучи, проникавшие в эти громадные и причудливого

очертания массы льда; каждый уголок, каждое ребро, каждая площадка сияли различными световыми переливами основных цветов. Казалось, перед нами ослепительная копь драгоценных камней, и в особенности сапфиров, голубые лучи которых сливались с зеленым блеском изумрудов. Местами появлялись нежные опаловые оттенки среди ярко сверкавших искр, похожих на бриллианты, блеск которых не мог вынести глаз. Напряженность электрического света удесятерялась, так как он проходил сквозь выпуклые стекла маяка и светил на близком расстоянии.

— Как это красиво! О, как красиво! — воскликнул Консель.

— Да, — ответил я, — это чудесное зрелище! Не правда ли, Нед?

— Тысяча чертей, — согласился канадец. — Это восхитительно! И я досадую, что должен с этим согласиться. Никто не мог видеть ничего подобного. Но это зрелище может нам дорого обойтись. И я полагаю, что мы видим здесь то, что Бог пожелал скрыть от взоров людей.

Нед был прав. Это было слишком красиво. Вдруг раздался крик Конселя. Я обернулся.

— Что такое? — спросил я.

— Пусть господин закроет глаза! Пусть госпо-

дин не смотрит!

Проговорив это, Консель быстро сомкнул веки и закрыл глаза руками.

— Что с тобой, мой славный Консель?

— Я ослеплен, я слеп!

Мои глаза обратились невольно к окну, но и я не мог вынести того яркого пламени, которое увидел.

Тем не менее я понял, что произошло. «Наутилус» пошел самым быстрым ходом. Тогда ровный, спокойный блеск ледяных стен предстал уже сверкающими полосами. Огни мириад бриллиантов, благодаря быстрому ходу судна, превращались в огневые линии, и казалось, что «Наутилус» плывет, окруженный сетью, сотканной из молнии.

Но вот ставни в окнах закрылись. Но мы продолжали закрывать глаза руками. И нам продолжали видеться концентрические сияющие круги, наподобие тех, которые носятся перед сетчаткой после наблюдения солнца. Прошло некоторое время, прежде чем наше раздраженное зрение успокоилось.

Наконец мы отняли руки от глаз.

— Ей-ей, я никогда бы этому не поверил! — воскликнул канадец.

— Когда мы вернемся на землю, — продолжал Консель, — насмотревшись на столько чудес природы, как мы будем относиться к этим ничтожным континентам и ко всем произведениям рук человеческих? Нет, населенный мир слишком жалок.

Эти слова в устах апатичного фламандца могут служить показателем той степени возбуждения, которое охватило нас. Но и тут канадец не обошелся, чтобы не плеснуть холодной воды.

— Населенный мир! Гм! — воскликнул он, покачивая головой. — Будьте покойны, друг Консель, мы туда не возвратимся.

Было пять часов утра. «Наутилус» снова обо что-то стукнулся, но уже носом. Я понял, что это его бивень ударился в глыбу льда. Это могло произойти только оттого, что судно продолжало идти туннелем, заваленным льдом; почему капитан Немо держался этого пути, я не знаю; но что меня сильно изумило, это то, что «Наутилус» предпринял отступление.

— Мы идем назад! — воскликнул Консель.

— Да, — ответил я. — Должно быть, с этой стороны туннель не имеет выхода.

— И тогда?

— Тогда, — ответил я, — маневр очень прост.

Мы вернемся назад тем же путем и выйдем через южное отверстие. Вот и все.

Говоря таким образом, я хотел казаться более уверенным, чем это было в действительности. Между тем «Наутилус» шел задним ходом и постоянно ускорял его.

— Произошла задержка, — заметил Нед.

— Что значит несколько часов раньше или позже — лишь бы выйти.

Я прогуливался несколько минут из салона в библиотеку и обратно. Мои же товарищи продолжали молча сидеть. Вскоре я кинулся на диван и взял книгу, которую стал машинально просматривать.

Спустя четверть часа Консель подошел ко мне и спросил:

— Господин читает интересную книгу?

— Очень интересную, — ответил я.

— Я этому верю. Книга, которую читает мой господин, его книга.

— Моя книга?

И действительно, я держал в руках свой труд «Морские глубины», чего никак не подозревал. Закрыв книгу, я снова стал ходить.

Нед Ленд и Консель встали, чтобы уйти.

— Останьтесь, друзья мои, — стал я их удержи-

вать. — Будем вместе до тех пор, пока не выйдем из этого безвыходного положения.

— Как будет угодно господину, — ответил Консель.

Прошло несколько часов. Я часто посматривал на инструменты, висевшие на стене салона. Манометр указывал, что «Наутилус» держится на глубине трехсот метров, компас — что он направляется на юг, лаг — что он идет со скоростью двадцати миль в час — изумительная скорость в таком узком пространстве. Но капитан Немо знал, что он не мог задерживаться, так как теперь минуты стоили веков.

Было двадцать пять минут девятого, когда «Наутилус» снова на что-то наткнулся, но на этот раз своей кормовой частью. Я побледнел. Мои товарищи приблизились ко мне. Я схватил руку Конселя. Мы вопросительно смотрели друг на друга и передавали выражением глаз мысли друг другу, быть может, больше, чем могли выразить словами.

В эту минуту в салон вошел капитан. Я подошел к нему.

— Путь на юг загражден? — спросил я его.

— Да, господин профессор. Ледяная гора перевернулась и загородила проход.

— Мы заперты?
— Да!

Глава XVI
Недостаток воздуха

Итак, вокруг «Наутилуса» — и сверху и снизу — непроницаемая ледяная стена. Мы стали пленниками сплошного льда. Канадец ударил со всех сил по столу своим страшным кулаком. Консель молчал. Я смотрел на капитана. На его лице застыло обычное спокойное выражение. Он скрестил руки на груди. Он размышлял. «Наутилус» не двигался.

Капитан обратился к нам.

— Господа, — начал он тихим голосом, — при условиях, в которых мы находимся, можно ожидать двух видов смерти.

Этот необъяснимый человек имел вид профессора математики, излагающего доказательства перед своими слушателями.

— Во-первых, — продолжал он, — смерть оттого, что мы будем раздавлены. Во-вторых, смерть от удушья из-за недостатка воздуха. Я не говорю о возможности умереть с голоду, потому что съестных припасов хватит на значительно большее время, чем протянется наша жизнь. Итак,

примем меры, чтобы не быть раздавленными, а также чтобы не быть и задушенными.

— Что касается удушения, капитан, — ответил я, — его опасаться не приходится, так как наши резервуары полны сжатого воздуха.

— Верно, — воскликнул капитан, — но этого воздуха хватит всего на два дня! Мы уже тридцать шесть часов находимся беспрерывно под водой, и отяжелевший воздух «Наутилуса» требует возобновления. Через сорок восемь часов весь запас воздуха истощится.

— Ну что же, капитан, освободимся до истечения сорока восьми часов.

— Мы это попытаемся сделать — и станем пробивать окружающую нас стену.

— С какой стороны? — спросил я.

— Это как покажет зонд. Я поставлю «Наутилус» на внутреннюю мель, и мой экипаж, одетый в скафандры, постарается пробить ледяную стену в том месте, где она менее всего толста.

— Можно открыть ставни в салоне?

— Без всякого затруднения. Мы теперь стоим.

Капитан Немо вышел. Вскоре знакомый свист оповестил меня, что вода входит в резервуары. «Наутилус» стал медленно опускаться и остановился на поверхности нижнего слоя льда, на

глубине трехсот метров.

— Друзья мои, — сказал я, — положение наше очень серьезно, но я вполне рассчитываю на ваше мужество и энергию.

— Господин профессор, — обратился ко мне канадец, — теперь не такое время, чтобы я вам надоедал своими сетованиями. Я готов на все для нашего общего спасения.

— Хорошо, Нед, — ответил я, протягивая ему руку.

— Я прибавлю еще, — продолжал канадец, — что владею так же искусно киркой, как гарпуном, и, если могу быть полезен капитану, он может всецело мной располагать.

Я провел Неда в ту комнату, где команда «Наутилуса» одевалась в скафандры. Я сообщил капитану о предложении своих услуг Недом, и они были приняты. Канадец стал облачаться в морской костюм и вскоре вместе с товарищами был уже готов приступить к работе. Каждый из них имел за спиной приготовленный снаряд Румкорфа, резервуары которого содержали достаточный запас чистого воздуха. Хотя приходилось тратить воздух, но трата была умеренная, в пределах необходимости. Что же касается ламп Румкорфа, то в них надобности не было, так как

вода и льды вполне освещались электрическим светом.

Когда Нед Ленд оделся, я вышел в салон. Ставни окон уже были открыты, и я, встав рядом с Конселем, принялся сквозь стекла изучать положение «Наутилуса» в окружающей его среде.

Спустя несколько минут мы увидели двенадцать человек экипажа, которые ступили на лед, и среди них Неда Ленда, выделявшегося своим высоким ростом. Капитан Немо был с ними. Но прежде чем начать пробивать стену, капитан приказал сверлить ее буравом, чтобы дать работам кратчайшее направление. Длинные зонды проникли в боковые стены, но, углубясь на пятнадцать метров, они все-таки не могли пройти стену насквозь. Буравить верхний слой не пытались, это было бесполезно, так как в этом месте толщина льда доходила до четырехсот метров. Капитан Немо сразу указал на нижние слои. Здесь толщина стены, отделявшей нас от воды, была не более десяти метров. Итак, нам предстояло пробить проход в глыбе льда таких размеров, чтобы «Наутилус» мог пройти под ледяное поле. Предстояла выемка льда в количестве шести тысяч пятисот кубических метров.

Работа началась немедленно и велась с неослаб-

ной энергией. Вместо того чтобы вырубить лед вокруг «Наутилуса», что сопряжено было с большими затруднениями, капитан Немо наметил место для огромного проруба с левой стороны судна и в восьми метрах от кормы. Люди рабочей команды одновременно сделали винтовые нарезы метчиком во многих местах по очерченной окружности проруба и, не задерживаясь, стали откалывать глыбы льда. Благодаря действию удельного веса все эти отколотые куски и глыбы льда, как менее тяжелые, чем вода, взлетали, так сказать, к своду туннеля, который утолщался сверху настолько, насколько становился тоньше снизу. Но что было за дело до этого, раз нижний слой уменьшался. После двух часов энергичной работы Нед Ленд возвратился утомленный. Его товарищи и он были заменены новой сменой рабочих, к которым присоединились Консель и я. Нашими работами руководил штурман «Наутилуса».

Вода мне показалась особенно холодной, но я быстро согрелся от усердной работы киркой. Я не чувствовал стеснения при движениях, несмотря на то что испытывал давление в тридцать атмосфер.

Когда после двухчасовой работы я возвратился,

чтобы подкрепить свои силы и отдохнуть, то нашел значительную разницу между чистым воздухом, который доставлял мне аппарат Румкорфа, и атмосферой «Наутилуса», уже насытившейся углекислотой. Воздух не был обновлен в течение сорока восьми часов, и его животворные качества значительно ослабли. Между тем в течение двенадцати часов мы успели только снять с очерченной поверхности пласт льда толщиной всего в один метр, иначе, около шестисот кубических метров. Предполагая, что работа будет идти с тем же успехом, необходимо было вести ее пять ночей и четыре дня, чтобы окончательно завершить начатое.

— Пять ночей и четыре дня, — заявил я своим товарищам, — а запас воздуха имеется только на два дня.

— Не считая того, — заметил Нед Ленд, — что, вырвавшись из этой проклятой тюрьмы, придется еще находиться под сплошным льдом без всякого сообщения с атмосферой.

Верное замечание. Нет возможности установить минимум времени, необходимого для нашего освобождения. Мы можем задохнуться раньше, чем «Наутилус» выберется на поверхность воды. Не суждено ли ему быть погребенным

в этой ледяной могиле вместе со всеми в нем заключенными? Судьба ужасная! Но каждый из нас смотрел прямо в глаза опасности, и все решились нести свои обязанности до конца.

По моим соображениям, нам удалось вырубить пласт льда толщиной в один метр. На следующий день, когда я утром проходил в этой жидкой массе, имевшей температуру от шести до семи градусов ниже нуля, я заметил, что боковые стены мало-помалу сближались. Слои воды, находившиеся далее проруба и не согретые работой и движением орудий, казалось, готовы были отвердеть. Появлялась новая опасность. Как ее предотвратить? Как не допустить превратиться в лед этой жидкой стихии, которая могла бы раздавить, как стекло, стены «Наутилуса»?

Я не сказал об этой опасности ни полслова моим товарищам. Я не хотел ослаблять их надежду и убивать в них энергию, с которой они работали для спасения «Наутилуса». Но, возвратившись на борт корабля, я счел нужным обратить на это внимание капитана Немо.

— Я это знаю, — ответил он своим спокойным голосом, который не изменялся при самых ужасных обстоятельствах. — Еще одной опасностью больше, и опасностью, которую предотвратить

я не вижу никакой возможности. Впрочем, есть средство ее предупредить, и притом очень простое! Мы должны опередить отвердение. Вот и все!

Опередить! Хорошо сказано. Впрочем, я должен был привыкнуть к подобным решениям.

В этот день я усердно работал киркой в течение нескольких часов. Эта работа поддерживала меня. К тому же работать значило уходить с «Наутилуса», дышать чистым воздухом, полученным из резервуаров, которым наполнялись наши аппараты, значило покидать обедневшую и испорченную атмосферу.

К вечеру был снят еще слой льда в метр толщиной. Когда я вошел на борт судна, едва не задохнулся от углекислоты, которой был насыщен воздух. Как жаль, что мы не имели химических средств, которыми можно было изгнать этот вредный газ! В кислороде недостатка не было. Вся масса воды содержала его в значительном количестве, так что, разлагая воду могущественными гальваническими батареями «Наутилуса», мы могли добывать этот жизненный газ. Я об этом много думал, но что в том пользы, когда продукт нашего выдыхания — углекислота — наполнил все части «Наутилуса». Чтобы нейтрализовать ее,

следовало наполнить приемники едким калием и непрерывно приводить их в действие. Но этого нужного вещества не было на корабле, и нечем было его заменить. В этот вечер капитан Немо должен был открыть краны своих резервуаров и впустить некоторое количество чистого воздуха во внутренние помещения «Наутилуса». Без этой предосторожности мы бы не проснулись. На другой день, 26 марта, я снова принялся за работу по выемке пятиметрового слоя. Боковые стены и нижняя поверхность сплошного льда заметно утолщались. Ясно было, что он соединится раньше, чем освободится «Наутилус». На минуту мною овладело отчаяние. Кирка едва не выпала из рук. К чему работать, если уже суждено погибнуть, быть раздавленным водой, обратившейся в камень, или быть постепенно задушенным, то есть подвергнуться пытке, какую не могла придумать даже жестокость дикарей! Мне казалось, что я нахожусь в ужасных челюстях животного, которые медленно и непреодолимо смыкаются.

В эту минуту капитан Немо, управляя работами и сам работая, прошел возле меня. Я дотронулся до его руки и показал ему на стены нашей тюрьмы. Стена с правого борта приблизилась по меньшей мере на четыре метра к корпусу «Наутилуса».

Капитан понял меня и сделал знак следовать за ним. Мы взошли на борт. Сняв свой скафандр, я последовал за ним в салон.

— Господин Аронакс, — обратился он ко мне, — надо испытать что-то особенное, иначе мы будем замурованы в этой отвердевшей, как цемент, воде.

— Да, — согласился я, — но что предпринять?

— А! — воскликнул он. — Если бы мой «Наутилус» мог выдержать это давление и не быть раздавленным!

— Что же тогда? — спросил я, не улавливая мысли капитана.

— Разве вы не догадываетесь, — ответил он, — что замерзание воды может оказать нам помощь. Разве вы не понимаете, что, отвердев, она бы разломала эти ледяные поля, в которых мы заключены. Ведь вы знаете, что вода, замерзая, разрывает камни самых твердых пород. Разве вам теперь не понятно, что замерзшая вода явилась бы источником нашего спасения вместо нынешней роли разрушительной силы?

— Это возможно, капитан. Но, как ни велика сила, которой обладает «Наутилус», чтобы сопротивляться давлению, он такого ужасного давления не выдержит и сплющится, как желез-

ный лист.

— Я знаю это, сударь. Надо рассчитывать не на помощь природы, но только на самих себя. Надо предотвратить это отвердение. Надо его задержать. Не только боковые стены сближаются, но не остается десяти футов воды ни спереди, ни сзади «Наутилуса». Замерзание идет со всех сторон.

— Сколько времени, — спросил я, — запас воздуха в резервуарах даст нам возможность оставаться на «Наутилусе»?

Капитан взглянул мне прямо в лицо.

— Послезавтра, — ответил он, — резервуары будут пусты.

У меня выступил холодный пот. А между тем должен ли я был удивиться такому ответу? 22 марта «Наутилус» погрузился в свободные воды полюса. Сегодня было 26 марта. Вот уже пятый день, как мы живем за счет запаса воздуха в резервуарах, а помимо того, этот запас надо было беречь и для работников. Даже сейчас, когда я все это описываю, мое впечатление еще так живо, что невольный ужас охватывает все мое существо и моим легким как будто недостает воздуха.

Между тем капитан Немо, молчаливый и неподвижный, о чем-то размышлял. Очевидно, какая-то мысль пришла ему в голову, но он оттал-

кивал ее. Он отрицал ее, беседуя с самим собою. Но вот у него сорвались следующие два слова.

— Горячая вода! — прошептал он.

— Кипящая вода? — воскликнул я.

— Да, сударь! Мы заключены в весьма ограниченном пространстве. Разве струи горячей воды, непрерывно выбрасываемые насосами «Наутилуса», не повысят температуры этой среды и таким образом не задержат ее замерзания?

— Надо попробовать, — ответил я решительно.

— Попробуем, господин профессор.

Термометр показывал, что температура окружающей нас среды ниже семи градусов. Капитан Немо повел меня на кухню, где действовали объемистые дистиллизационные аппараты, доставлявшие путем выпаривания годную для питья воду. Эти аппараты наполнили водой, и все вырабатываемое электричеством тепло было передано змеевикам, а через их посредство воде. Через несколько минут температура воды поднялась до ста градусов. Ее направили к насосам, но в то же время продолжали наполнять аппараты свежей водой взамен расходуемой насосами. Теплота, развиваемая при помощи электрических батарей, была настолько высока, что холодная вода моря, пройдя через аппараты, поступала в

насосы уже горячей.

По мере выкачивания горячей воды температура окружающей нас среды стала повышаться, и по прошествии трех часов термометр показывал шесть градусов ниже нуля. Один градус был выигран. Спустя еще два часа термометр показывал только четыре градуса.

— Мы успеваем! — воскликнул я, обращаясь к капитану после проверки многочисленными наблюдениями успехов этой операции.

— Полагаю, — ответил он, — теперь мы уже не будем раздавлены. Остается опасаться только удушения.

К ночи температура воды поднялась до одного градуса ниже нуля. Дальнейшее выкачивание горячей воды уже не могло поднять ее ни на градус выше.

Но так как морская вода замерзает не менее чем при двух градусах холода, то я вполне убедился, что опасность замерзания не может нам грозить.

На следующий день, 27 марта, в предназначенной проруби был еще слой льда толщиной в четыре метра. Оставалось пробить последний четырехметровый слой. Эта работа требовала сорока восьми часов времени.

Воздух во внутренних помещениях «Наути-

луса» уже не мог обновляться. Итак, с этого дня положение наше становилось час от часу все хуже.

Невыносимая тяжесть давила меня. К трем часам вечера это томительное чувство достигло высшего предела. От зевоты стало ломить челюсти. Легкие трепетали, жаждая той освежающей и необходимой струи свежего воздуха, который теперь все более уплотнялся и тяжелел. Душевное оцепенение овладело мной. Я лежал совершенно обессиленный и почти без сознания. Мой славный Консель, страдавший не меньше моего, не покидал меня, и я расслышал его шепот:

— Ах! Если бы я мог не дышать, чтобы сохранить больше воздуха для господина!

Слезы наворачивались у меня на глаза, когда я слышал эти слова. Если в этом отношении наше положение на корабле было одинаково тягостно для всех, то с какой поспешностью, с каким наслаждением облекались в скафандры те, которым приходила очередь идти на работы.

Кирки работали усердно; правда, руки уставали, кожа трескалась, но что значила эта усталость, что за важность, что тело было изранено! Живительный воздух проникал в легкие! Можно было дышать, дышать!

А между тем никто не продолжал дольше урочного времени свою подводную работу. Каждый, окончив свой урок, отдавал своим задыхающимся товарищам резервуар, который вливал в них жизнь. Капитан Немо подавал пример и первый подчинился этой строгой дисциплине.

В назначенный час он уступал свой аппарат другому и возвращался в отравленную атмосферу корабля, всегда спокойный, без признаков утомления, безропотный.

В этот день привычная работа исполнялась с большим напряжением. Оставалось только вырубить всего двухметровый слой льда, который нас отделял от свободного моря. Однако в резервуарах уже почти не осталось воздуха. Немногое, что оставалось, должно было быть сохранено для рабочих. Для внутренних же помещений «Наутилуса» — ни одного атома!

В этот день — шестой день нашего заточения — капитан Немо, находя, что работы киркой и мотыгой идут медленно, решил раздавить ледяной слой, отделявший нас от поверхности.

Этот человек не терял ни хладнокровия, ни энергии. Он подчинял своей нравственной силе физические боли. Он всегда соображал, комбинировал, действовал. По его приказанию судно было

облегчено, и вследствие изменения в удельном весе оно приподнялось с ледяного слоя.

Когда оно поплыло, его направили к пробиваемой проруби, имевшей форму горизонтального сечения судна. Затем резервуары наполнили водой, и оно опустилось во впадину.

В эту минуту весь экипаж взошел на борт, и двойная коммуникационная дверь затворилась. Итак, теперь «Наутилус» лежал в выемке углубления ледяного слоя в метр толщиной, причем этот слой был во многих местах пробит зондами.

Открыли краны резервуаров, и сто кубических метров устремились туда, увеличивая вес «Наутилуса» на сто тысяч килограммов.

Мы ждали, мы слушали, забывая наши страдания, все еще надеялись. Мы ставили на последнюю карту наше спасение.

Несмотря на шум в голове, я вскоре услышал треск под корпусом «Наутилуса». Судно стало оседать. Лед трещал как-то особенно, словно рвали бумагу. «Наутилус» продолжал опускаться.

— Мы проходим, — прошептал мне на ухо Консель.

Я не в состоянии был ему ответить. Схватив его руку, я сжал ее в невольной конвульсии.

Вдруг, увлекаемый своим тяжелым грузом, «На-

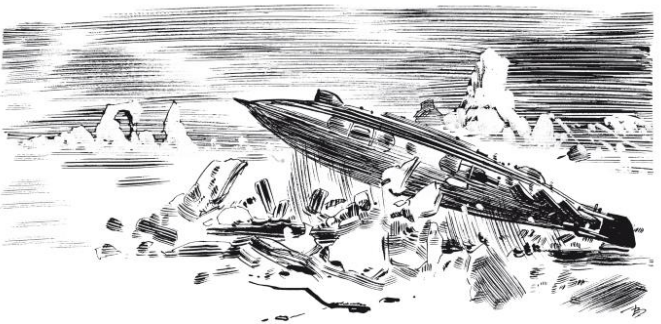
утилус» устремился в воду, как пушечное ядро, или как бы падал в пустое пространство.

Тогда вся электрическая энергия была направлена на работу насосов, которые стали гнать воду из резервуаров; через несколько минут наше падение было задержано. Вскоре манометр уже указывал, что судно поднимается вверх.

Гребной винт, вращаясь с предельной скоростью, приводил в содрогание весь корпус, не исключая болтов, и заставлял «Наутилус» нестись на север.

Сколько же времени должно продолжаться это плавание под ледяным полем? Когда же мы достигнем свободного ото льда моря? Еще день? Я умру раньше!

Полулежа на диване в библиотеке, я задыхался. Мое лицо стало фиолетовым, губы синими, силы меня покинули. Я более ничего не видел и ничего не слышал. Представление о времени исчезло. Мускулы уже не сокращались.



Я не могу указать точно, сколько времени провел в таком состоянии, но что со мной началась агония — я ясно сознавал. Я понимал, что умираю...

Вдруг я пришел в себя. Несколько глотков воздуха проникли в мои легкие. Не поднялись ли мы на поверхность волн? Быть может, мы уже вышли из-под ледяного поля? Нет! Это Консель и Нед, два моих истинных друга, жертвовали собой, чтобы спасти меня. Несколько литров воздуха оставалось еще на дне одного аппарата. И вот

вместо того, чтобы им дышать, они его сохранили для меня и, задыхаясь сами, вливали мне жизнь каплю за каплей.

Я хотел оттолкнуть аппарат, но они удержали мои руки, и в течение нескольких минут я дышал с наслаждением.

Мой взор остановился на часах. Оказалось одиннадцать часов утра. Должно было быть 28 марта. «Наутилус» шел с ужасающей скоростью, делая по сорок миль в час. Он несся, как птица в воздухе.

Где был капитан Немо? Не погиб ли он? Не умерли ли и его товарищи вместе с ним?

В эту минуту манометр указывал, что мы находимся всего в двадцати футах от поверхности воды. Поверхность из сплошного ледяного пласта. Нельзя ли пробить его?

Может быть! Во всяком случае, «Наутилус» должен сделать эту попытку. И действительно, вскоре я почувствовал, что судно принимает наклонное положение, опускаясь кормой и поднимая бивень. Достаточно было впустить немного воды в некоторые резервуары, чтобы переместить точку равновесия. Затем, толкаемый своим могучим гребным винтом, он устремился на ледяное поле снизу, как чудовищных разме-

ров таран. Он стал пробивать лед постепенно; он не раз опускался, чтобы снова с разбегу ударить в том же месте слои льда, и наконец сильным ударом пробился насквозь и, вскочив на поверхность ледяного поля, раздавил под собой лед своей тяжестью.

Подъемная дверь была открыта или, вернее сказать, сорвана — и свежий воздух ворвался в помещение «Наутилуса».

Глава XVII
От мыса Горн до реки Амазонки

Как я очутился на палубе, я не могу объяснить. Быть может, меня перенес туда канадец. Но я дышал, я глотал живительный морской воздух. Оба моих товарища находились возле меня и пьянели от его освежающего действия.

Несчастные, которые бывают подвергнуты продолжительному голоду, не должны сразу бросаться на пищу. Но мы, напротив, не имели надобности воздерживаться, мы могли вбирать полными легкими свежий воздух, а это был морской ветерок, этот чудный ветерок, который вливал в нас сладостное опьянение.

— А, — воскликнул Консель, — как хорош кислород! Пусть господин не стесняется дышать. Его хватит для всего света.

Что же касается Неда Ленда, то он не говорил, зато так широко раскрывал рот, что мог испугать акулу. И что за могущественное дыхание! Канадец втягивал в себя воздух, словно разгоревшаяся печь.

Силы быстро к нам возвратились, и когда я

оглянулся вокруг себя, то увидел, что мы остаемся одни на палубе. Ни одного человека из экипажа. Не было даже капитана Немо. Эти стройные матросы «Наутилуса» довольствовались тем воздухом, который циркулировал в их помещении. Никто не пришел насладиться чистой атмосферой.

Первые слова, произнесенные мною, были слова благодарности и признательности, обращенные к моим товарищам: Нед Ленд и Консель продлили мое существование на те последние часы, которые я лежал в долгой агонии. Всей моей признательности было мало, чтобы заплатить за такую преданность.

— Хорошо, господин профессор, — ответил Нед Ленд, — об этом не стоит говорить! В чем тут наша заслуга? Это просто расчет. Ваша жизнь дороже нашей. Следовательно, надо было ее сохранить.

— Нет, Нед, — ответил я, — она не дороже вашей. Никто не может быть превосходнее великодушного и доброго человека, а вы таковые и есть.

— Хорошо, хорошо, — повторял смущенный канадец.

— А ты, мой хороший Консель, ты сильно страдал?

— Не особенно. Если говорить честно, то мне, правда, недоставало нескольких глотков воздуха, но я думаю, что мог и без них обойтись. К тому же я видел, что господин в обмороке, и это не давало и мне дышать. Это, как говорится, захватило у меня дух…

Он смутился и не докончил своего объяснения.

— Друзья мои, — ответил я, сильно взволнованный, — мы связаны друг с другом навсегда, и вы имеете на меня права…

— Которыми я воспользуюсь, — заявил канадец.

— Гм! — воскликнул Консель.

— Да, — продолжал Нед Ленд, — правом захватить вас с собой, когда я покину этот адский «Наутилус»!

— Это так! — согласился Консель. — Однако идем ли мы куда надо?

— Да, — ответил я, — так как мы идем к солнцу, а здесь солнце на севере.

— Без сомнения, — сказал Нед Ленд, — но надо знать, придерживаемся ли мы Тихого или Атлантического океана, иначе, пустынного или часто посещаемого кораблями моря?

На это я ничего не мог ответить и боялся, что капитан Немо поведет нас скорее в тот обшир-

ный океан, который омывает сразу берега Азии и Америки. Таким образом, он выполнил бы свое подводное кругосветное путешествие и вернулся бы в те моря, где «Наутилус» мог пользоваться полной независимостью. Но если мы вернемся в Тихий океан и будем вдали от всех обитаемых земель, что тогда будет с проектами Неда Ленда?

Мы должны были, не теряя времени, разрешить этот неотложный вопрос. «Наутилус» шел быстро. Полярный круг был вскоре пройден, и взято направление на мыс Горн. 31 марта в семь часов вечера мы находились против оконечности Южной Америки.

Вскоре все прежние наши страдания были забыты. Воспоминание об этом заточении во льдах мало-помалу изглаживалось из нашей памяти. Мы думали только о будущем. Капитан Немо не показывался более ни на судне, ни на палубе. Ежедневное обозначение пункта нашего местонахождения на планисфере производил помощник капитана. Это обозначение позволяло мне следить с точностью за курсом «Наутилуса». И в этот вечер мне, к великому моему удовольствию, стало очевидным, что мы возвращаемся к северу через Атлантический океан.

Я сообщил канадцу и Конселю о результате

моих наблюдений.

— Добрая весть, — ответил канадец, — но куда идет «Наутилус»?

— Не сумею ответить, Нед.

— Не хочет ли его капитан, побывав у Южного полюса, прогуляться к Северному и возвратиться в Тихий океан знаменитым северо-западным проходом?

— Трудно поручиться, что это не взбредет ему в голову, — заметил Консель.

— Ну что же, — сказал канадец, — только мы предварительно покинем его общество.

— Во всяком случае, — заметил Консель, — капитан Немо молодец, и нам не приходится сожалеть, что познакомились с ним.

— Особенно когда с ним расстанемся, — добавил Нед Ленд.

На другой день, 1 апреля, когда «Наутилус» поднялся на поверхность волн за несколько минут до полудня, мы могли ознакомиться с лежащим на востоке берегом. Это была Огненная Земля, которой дали это название первые мореплаватели потому, что увидели множество костров около хижин туземцев. Огненная Земля состоит из значительного числа островов, занимающих пространство в тридцать миль длины и

восемьдесят миль ширины, и лежит между 53° и 56° южной широты и 66° 50′ и 77° 15′ восточной долготы. Берег мне показался низменным, но вдали виднелись горы. Мне даже казалось, что я различаю гору Сармиенто, возвышающуюся на две тысячи семьдесят метров над уровнем моря. Эта сланцевая масса имела пирамидальный вид с весьма острой вершиной. Последняя, как мне заявил Нед Ленд, смотря по тому, окутывается ли она облаками или нет, предсказывает хорошую или дурную погоду.

— Замечательный барометр, мой друг, — ответил я канадцу.

— Да, господин, природный барометр, который ни разу меня не обманул во время моего плавания в проходах Магелланова пролива.

В эту минуту пик горы отчетливо обрисовался на фоне неба. Это предвещало хорошую погоду, что и оказалось на деле.

«Наутилус», погрузившись в воду, стал приближаться к берегу, но не доходил до него нескольких миль. В окна салона можно было видеть длинные лианы и гигантские водоросли, те самые грушевидные водоросли, экземпляры которых нам встречались в свободном море около полюса; вместе со своими гладкими и липкими волок-

нами они достигали трехсот метров в длину; это настоящие канаты толщиной более дюйма и очень крепкие, и ими часто пользуются для оснастки судов. Другая трава, известная под названием *velp*, с листьями длиной в четыре фута и усаженными коралловыми отложениями, покрывала морское дно. Эта трава служит гнездом и пищей миллиардам ракообразных животных и моллюсков, а также крабам и спрутам. Здесь тюлени и выдры пользуются прекрасным столом и, следуя обыкновению англичан, пожирают рыбу вместе с морскими овощами.

Над этим роскошным и плодоносным дном «Наутилус» пронесся с поразительной быстротой.

К вечеру он приблизился к архипелагу Фолклендских островов, суровые вершины которых я рассмотрел только на следующий день. Глубина моря здесь средняя. Я думаю, и не без основания, что оба этих больших острова вместе с окружающими их маленькими островами составляли некогда часть Магеллановой земли. Фолклендские острова открыты знаменитым Джоном Девисом, который и окрестил их Южными островами и островами Девиса. Позже Ричард Хаукинс назвал их Мейден-Айленд — островами Девы Марии. Затем, в начале XVIII столетия, эти же

острова были названы рыболовами из Сен-Мало Мальвинскими, и, наконец, англичане, которым они принадлежат в настоящее время, переименовали их в Фолклендские острова.

В проходах этого архипелага наши сети вытащили прекрасные виды водорослей, и в том числе фукус, между корнями которого оказались ракушки, самые вкусные в целом свете. Удалось подстрелить несколько десятков гусей и уток, которые упали на палубу «Наутилуса» и внесли разнообразие в наш стол.

Я наблюдал рыб, главным образом костистых из группы бычков, и преимущественно *boulerots*, в два дециметра длиной и сплошь усеянных беловатыми и желтыми пятнами.

Я также пользовался случаем любоваться многочисленными медузами и самыми красивыми представителями рода хризаоров, свойственными только водам Фолклендских островов. Они фигурировали то в виде полусферического плоского зонтика с темно-красными полосами, окаймленного двенадцатью правильными фестонами, то имели вид корзинки, из которой грациозно выходили широкие листья и длинные красные ветки. Они плыли, работая своими четырьмя листовидными «руками», а роскошные

пряди их щупальцев развевались по течению. Я хотел сохранить несколько экземпляров этих нежных зоофитов, но они оказались облаками, тенями, привидениями, которые испарялись, исчезали при первом к ним прикосновении.

Как только последние высоты Фолклендских островов исчезли за горизонтом, «Наутилус» снова погрузился на глубину от двадцати до двадцати пяти метров и направился вдоль американского берега. Капитан Немо не показывался.

До 3 апреля мы держались берегов Патагонии, плывя то под водой, то на поверхности океана. Пройдя широкий лиман, образуемый устьем Ла-Платы, «Наутилус» 4 апреля вышел на траверс в пятидесяти милях от Уругвая, затем он взял направление на север и обогнул длинные извилистые берега Южной Америки. Со времени нашего отплытия в Японском море мы сделали уже шестнадцать тысяч лье.

К одиннадцати часам утра мы пересекли тропик Козерога под тридцать седьмым меридианом и прошли широту мыса Фрио. Капитан Немо, к великому огорчению Неда Ленда, видимо, недолюбливал соседства населенных берегов Бразилии, так как «Наутилус» шел с головокружительной скоростью. Ни одна рыба, ни одна

птица из самых быстрых не могли следовать за ним, и естественные достопримечательности этих морей не могли быть мною наблюдаемы.

С такой быстротой мы шли в течение нескольких дней и вечером 9 апреля увидели самую крайнюю восточную оконечность Южной Америки — мыс Сент-Рока. Здесь «Наутилус» стал удаляться от берега, погрузился на значительную глубину и пошел подводной долиной, лежащей между этим мысом и Сьерра-Леоне, находящимся на африканском берегу. Эта долина раздваивается на высоте Антильских островов и оканчивается к северу огромной котловиной в девять тысяч метров глубиной. Если рассматривать геологический срез этого места в океане, то вплоть до малых Антильских островов тянется отвесная скала в шесть километров вышиной, а на широте островов Зеленого Мыса начинается другой горный массив, весьма внушительный, и именно в этом месте покоится в морской глубине целый материк — Атлантида. Подводный пейзаж оживляют холмы и несколько горных вершин. Судить об этом я могу, так как изучил карты в библиотеке «Наутилуса», созданные, вероятно, самим капитаном Немо на основе его личных наблюдений.

В продолжение двух дней, пользуясь своими наклонными плоскостями, «Наутилус» пребывал в этих пустынных и глубоких водах, плывя на желаемой глубине. Но 11 апреля он вдруг всплыл на поверхность волн, и перед нами снова показалась земля и устье Амазонки, образующей обширный лиман. Количество воды, изливаемое Амазонкой в море, так велико, что она опресняет морскую воду на несколько миль.

Экватор был пройден. В двадцати милях к западу лежала Гвиана — французская земля, где мы легко могли бы найти убежище, но дул морской ветер, и бешеные волны не позволяли пуститься в море в утлой лодке. Несомненно, что Нед Ленд это сознавал, так как ничего не говорил о бегстве. Я же, со своей стороны, также об этом не заикался, так как не хотел наталкивать его на попытку, в которой почти отсутствовали шансы на успех.

Наше бегство задерживалось, зато я получил возможность произвести многие весьма интересные наблюдения. Днем 11 и 12 апреля «Наутилус» не погружался в воду, и его сети доставляли интересную добычу в виде зоофитов, рыб и пресмыкающихся.

Некоторые зоофиты оторвало от морского дна цепью. В большинстве случаев это были пре-

красные фикталинии из семейства актиний, и в числе других видов *phyictale protexta* — весьма обыкновенная в этой части океана; она имеет вид маленького цилиндра с вертикальными линиями, испещренного красными точками и увенчанного красиво распускающимися щупальцами. Что же касается моллюсков, то попадались только те виды, которые я наблюдал раньше, а именно: турителлы, оливы, порфиры с правильно перекрещенными линиями и рыжеватыми пятнами, ярко выступавшими на фоне телесного цвета; фантастические птероцеры, похожие на окаменелых скорпионов; аргонавты; каракатицы, отличающиеся превосходным вкусом, а также некоторые виды кальмаров, причисляемых древними натуралистами к породе летучих рыб и служащих приманкой для ловли трески.

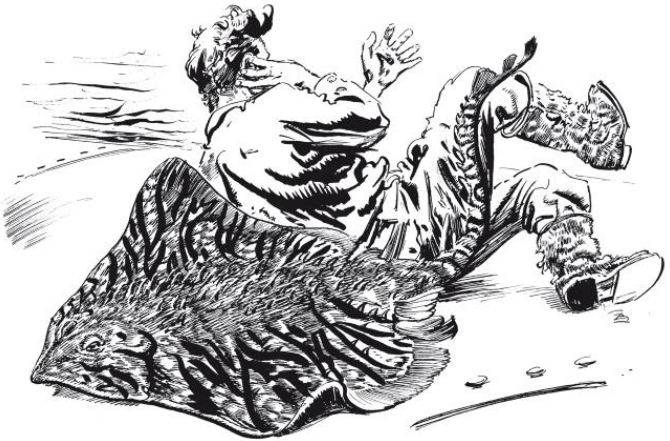
Из числа свойственных этим водам различных видов рыб, которых мне пришлось наблюдать, я отмечу: из хрящеватых миног-прикка — род угря длиною в пятнадцать дюймов, с зеленого цвета головой, фиолетовыми плавниками, серо-голубоватой спиной, коричнево-серебристым брюхом, усеянным яркими пятнами, глазами, окаймленными золотом, весьма интересные рыбы, которых заносит в море, вероятно, течение

Амазонки; бугорчатые скаты — с острым рылом, тонким и длинным хвостом, вооруженные длинным зубчатым шипом; небольшие акулы в метр длиною, с серой и беловатой кожей, у которых зубы, расположенные в несколько рядов, загнуты назад и которые более известны под названием понтуфмеров; рыба — летучая мышь в виде красноватых равнобедренных треугольников в полметра длиною, с грудными плавниками, расположенными на мясистых удлинениях, что придает им сходство с летучими мышами, или нетопырями, но из-за имеющегося у них около ноздрей роговидного выступающего нароста их прозвали морскими единорогами; наконец, несколько видов балист; панцирников с брюхом, испещренным точками и блестящим, как золото.

Я заканчиваю эту несколько сухую номенклатуру, но весьма точную по отношению к той серии костистых рыб, которых я наблюдал. Перехожу к роду антеронотов, с очень тупым, снежной белизны рылом, но с совершенно черной остальной частью тела. Упомяну угревидных одонтогнатов — длинных сардинок в три метра длиной, блестящих, как ртуть; скумбрий с двумя передними плавниками; центронот-негров, совершенно черной окраски, которых ловят особыми сетями,

эти рыбы достигают длины двух футов, обладают жирным белым мясом, но несколько твердым, которое в вареном и жареном виде напоминает по вкусу угря, а в сушеном — копченую лососину; лабров полукрасных и наполовину покрытых чешуей; хризоптер, переливчатого цвета золота, серебра, рубина и топаза; золотых спаресов, мясо которых высоко ценится и которые, испуская фосфорический свет, выдают свое присутствие в воде; спар-проб оранжевого цвета с тонким языком; сциен-коро; суринамских аноблен и так далее.

Впрочем, несмотря на это «и так далее», упомяну еще одну рыбу, которую долго сохранит в своей памяти Консель — и не без причины.



Одна из наших сетей доставила ската, очень плоского, который, если у него отрезать хвост, представлял бы совершенный диск и который весил двадцать килограммов. Он был снизу белый, сверху красноватый, с большими круглыми темно-голубоватыми пятнами, окруженными черной каемкой, гладкой кожей и снабженный двумя плавниками. Выброшенный на палубу,

он стал биться в конвульсиях, старался перевернуться и едва не выпрыгнул за борт. Консель, не желавший упустить ската, бросился к нему и схватил его обеими руками.

Но тотчас же Консель опрокинулся вверх ногами; половина его тела была парализована. Он кричал:

— Учитель, учитель! Идите ко мне!

Это было в первый раз, когда бедняга обратился ко мне не в третьем лице. Канадец и я подняли его и стали растирать самым старательным образом. Когда он оправился, этот вечный классификатор прошептал прерывающимся голосом:

— Класс хрящеватых, отряд хрящеперых, с неподвижными жабрами, семейство скатов, вид рес или торпиль!

— Да, мой друг, — ответил я, — это электрический скат, который привел тебя в такое плачевное состояние.

— Ах, господин может мне поверить!.. — возразил Консель. — Я отомщу этому животному.

— Как?

— Я его съем.

Так он и сделал в тот же вечер, из мести, хотя, говоря откровенно, мясо было очень жестко.

Несчастный Консель наткнулся на самый опас-

ный вид электрических скатов — кумана. Это странное животное в воде, которая служит хорошим проводником, поражает рыб на расстоянии нескольких метров; так могущественно действие его электрического органа, обе главные поверхности которого имеют не менее двадцати семи квадратных футов.

Я знал об этом феномене и раньше, но случай с Конселем убедил меня в справедливости описаний натуралистов и рассказов очевидцев относительно электрической силы, присущей этой породе скатов.

На другой день, 12 апреля, «Наутилус» еще до полудня приблизился к голландскому берегу около устья Марони.

Здесь жили небольшими группами ламантины. Это был особый их вид, иначе называемый морской коровой, который, как дюгонь и стелер, принадлежит к порядку сирен. Эти прибрежные животные, кроткие, безвредные и беззащитные, длиною от шести до семи метров, весят по меньшей мере четыре тысячи килограммов. Я указал Неду Ленду и Конселю, что предусмотрительная природа назначила этим млекопитающим важную роль. Действительно, они и тюлени, как бы пасущиеся на подводных лугах, препятствуют

таким образом чересчур обильному произрастанию трав, которые иначе засорили бы устья тропических рек.

— А знаете ли вы, — прибавил я, — что произошло с тех пор, как человек почти совершенно уничтожил этих полезных животных? То, что гниющие травы стали заражать воздух, а зараженный воздух порождает желтую лихорадку, которая жестоко свирепствует в этих восхитительных странах. Зараза, наверное, распространилась бы по всем морям жаркого пояса и берегам от устья Рио-де-Ла-Платы до Флориды.

И если верить Туссенелю, бич этот ничто в сравнении с тем несчастьем, какое ожидает наше потомство, когда будут истреблены все киты и тюлени. Тогда кишащие спрутами, медузами, кальмарами моря станут источниками заражения, потому что в их водах не будет более тех огромных желудков, которым Бог предназначил очищать поверхность морей.

Однако экипаж «Наутилуса», не пренебрегая этими теориями, все-таки наловил полдюжины ламантинов. И действительно, необходимо было запастись хорошим мясом, вкуснее телятины. Охота не представлялась интересной. Несколько тысяч килограммов мяса, назначенного для суш-

ки, сложено было на борт.

В этот день практиковалась и другая ловля, также пополнившая запасы «Наутилуса», — так эти моря обильны дичью. Невод принес значительное количество рыбы, у которой голова оканчивалась плоским овальным щитом с мясистыми краями. Это были так называемые лоцманы, или прилипалы, принадлежащие к третьему семейству мягкоперых. Их плоский диск состоит из хрящевых, поперечных, подвижных пластинок, между которыми животное может образовать пустоту, что и дает ему возможность присасываться и прилипать к разным предметам подобно кровососным рожкам.

Одного из прилипал я наблюдал в Средиземном море. Но те, о которых шла речь, принадлежали к особому виду, свойственному только этому морю. Матросы выбросили прилипал из сетей в ведра, наполненные водой.

Окончив ловлю, «Наутилус» приблизился к берегу. Здесь невдалеке от него масса морских черепах спала на поверхности воды. Поймать этих драгоценных пресмыкающихся очень трудно, потому что малейший шум будит их, а их твердый панцирь непроницаем для гарпуна. Но прилипалы тут-то нам и оказали большую услу-

гу в поимке добычи. Эти рыбы действительно живой крючок, который принес бы счастье и богатство рыбаку-удильщику.

Матросы «Наутилуса» надели прилипалам на хвосты по кольцу, достаточно широкому, чтобы не стеснять движений рыбы, и к этим кольцам прикрепили длинные бечевки, привязав их другим концом к борту судна, а затем выбросили прилипал в море.

Прилипалы, попав в воду, тотчас принялись исполнять свою роль: они устремились на черепах. Они, как оказалось, настолько сильно присасывались или прилипали к панцирю черепах, что скорее бы допустили себя разорвать, чем выпустить добычу. Рыб вытащили на борт, а вместе с ними и черепах, к которым они присосались.

Таким образом было поймано несколько черепах-какуан длиною в один метр, весивших двести килограммов. Их панцирь состоял из роговых пластинок, тонких, прозрачных, каштанового цвета с белыми и желтыми пятнами, и составлял их ценность. Но помимо того, они были ценны как съедобные животные и немногим уступали по вкусу тем черепахам, которые пользуются уважением гурманов.

Этой ловлей закончилось наше пребывание

около устья Амазонки, и с наступлением ночи «Наутилус» возвратился в открытое море.

Глава XVIII
Осьминоги

В продолжение нескольких дней «Наутилус» удалялся от американского берега. Он, видимо, избегал Мексиканского залива и Антильского моря. Причиной этого никоим образом не могло служить мелководье, так как средняя глубина этих морей составляет тысячу восемьсот метров. Вероятно, капитану Немо не по душе приходились эти пространства, усеянные островами и оживленные движением пароходов.

16 апреля мы ознакомились с Мартиникой и Гваделупой на расстоянии почти тридцати миль. На минуту я увидел высоко вздымающиеся вершины их гор.

Канадец, который рассчитывал привести в исполнение свои проекты в Мексиканском заливе, — достичь земли, если подойти к одному из многочисленных судов, совершающих рейсы между островами, — был разочарован и очень недоволен. Бегство могло быть удачным, если бы Неду Ленду скрытно от капитана удалось овладеть шлюпкой. В открытом океане нечего было и

помышлять о бегстве.

Канадец, Консель и я по этому предмету имели очень длинный разговор. В течение шести месяцев мы были пленниками на борту «Наутилуса». Мы прошли семнадцать тысяч лье и, как говорил Нед Ленд, не имели ни малейшего основания рассчитывать, что наше плавание когда-либо закончится. Канадец сделал мне предложение, которого я никак не ожидал. Оно заключалось в постановке следующего категорического вопроса капитану Немо: рассчитывает ли капитан держать нас вечно на своем «Наутилусе»?

Это предложение я считал неподходящим. Успеха оно, по моему мнению, не могло иметь. Мы должны были рассчитывать не на капитана Немо, а на самих себя. К тому же за последнее время этот человек сделался мрачным, сосредоточенным и менее общительным. По-видимому, он избегал меня. Я встречал его весьма редко. Прежде он охотно объяснял мне подводные чудеса, теперь же предоставлял меня моим занятиям и не входил в салон.

Почему в нем произошла такая перемена? Какая этому причина? Быть может, наше присутствие на его судне ему надоело и он стал тяготиться нами? Нет, этого не могло быть, так

как мы пользовались прежней свободой, хотя и относительной, вроде той, какой пользуется заключенный в крепости с правом гулять по крепостному двору. Не обратиться ли мне и в самом деле к этому загадочному человеку с просьбой отпустить нас на свободу и высадить на какой-нибудь остров, хотя бы и необитаемый. Но я не надеялся, что эта просьба будет исполнена. Я никак не мог допустить, чтобы такой человек решился отпустить нас на свободу.

Я попросил Неда дать время на размышление и пока не действовал.

Но помимо всего этого, сама просьба нас освободить была до некоторой степени рискованным поступком. Капитан Немо мог рассердиться, что отразилось бы на нашем положении: оно ухудшилось бы и проекты Неда Ленда рухнули. Причем я должен заявить, что мы не могли даже сослаться на плохое состояние нашего здоровья. Если не считать тяжелого испытания, которому мы подверглись около Южного полюса, когда были затерты льдом, мы никогда в жизни не чувствовали себя так хорошо, как теперь. Здоровая атмосфера, превосходная питательная пища, правильная жизнь, равномерная температура, постоянно поддерживаемая внутри судна, — все

это не могло не действовать весьма благоприятно на наш организм. Я вполне сознавал, что существование в таких условиях вполне возможно для людей, порвавших всякую связь с землей. Здесь капитан Немо всюду у себя дома, он идет куда хочет, подчиняясь особым законам, таинственным для прочих, и достигает своей цели. Да, я это понимаю. Но мы, мы не порывали связи с человечеством. Что касается лично меня, то я вовсе не желал быть похороненным вместе с теми интересными работами, которые мною были сделаны во время плавания на «Наутилусе». Теперь я имею возможность написать правдивую книгу о море и желаю, чтобы эта книга рано или поздно вышла в свет.

И здесь, в Антильских водах, плывя под водой на глубине десяти метров, смотря в окно салона, сколько я вижу интересных существ, наблюдения над которыми я заношу в свои заметки. Среди зоофитов я встречаю галер, известных под названием сифонофоры-физалии, они имеют вид больших продолговатых пузырей с перламутровым отливом, распускают по ветру свою перепонку и спускают в воду голубоватые щупальца, словно шелковые нити; медуз, очень красивых с виду, но жгущих, как крапива, так

как выделяют едкую жидкость, когда до них дотрагиваются. Между членистоногими часто встречались аннелиды в полтора метра длиной, с розоватым хоботом и снабженные тысячью семьюстами двигательными органами. Извиваясь в волнах, точно змеи, они сверкали всеми цветами солнечного спектра, когда плыли перед нами. Из отдела рыб мне пришлось наблюдать огромных скатов длиной в десять футов и весом в шестьсот фунтов, с треугольным грудным плавником, несколько выпуклой посредине спиной; глаза у них находятся на передней оконечности головы; плывя, они казались обломками разбитого корабля и часто вплотную приставали к стеклу. Встречались и балисты американские, которых природа нарядила в два цвета — белый и черный; длинные и мясистые гобии с желтыми плавниками и выдвинутой челюстью; корифены длиной в шестнадцать дециметров, с короткими и острыми зубами, мелкой чешуей, причисляемые к виду *albicores*. Затем упомяну краснобородок, плывших стаями, в корсетах из золотых поясков и с сияющими плавниками. Эти интересные рыбки походили на художественно отделанные вещицы, в древности они были посвящены Диане, и их держали у себя в бассейнах

богатые римляне; про них существовала даже поговорка: тот, кто их держит, не ест их. Наконец, золотые помаканты, одетые словно в бархат и шелк и украшенные изумрудными полосками, проходили перед нашими восхищенными взорами, точно синьоры Веронезе; красные сиги с острыми нагрудными плавниками порывисто рассекали воды; серебряные селены, достойные своего названия, сияли лунным блеском.

А сколько еще других чудесных и новых экземпляров пришлось бы мне наблюдать, если бы «Наутилус» мало-помалу не опускался в более глубокие слои воды. Наклонные плоскости увлекали его в глубину от двух до трех тысяч пятисот метров. И тогда здесь представителями животного царства являлись только морские звезды, прелестные прентакины, «головки медузы», у которых стебель поддерживал маленькую чашечку, и другие.

20 апреля мы поднялись и держались на глубине около полутора тысяч метров. Ближайшей землей оказался архипелаг Лукайских островов, словно вымощенный на поверхности моря. Там поднимались высокие подводные скалы и почти прямые стены, выровненные водой из обломков, расположенных на широких основаниях;

местами чернелись расселины, до дна которых не проникали электрические лучи «Наутилуса». Эти скалы были окутаны огромными ламинариями, гигантскими фукусами и представляли настоящую изгородь, достойную мира титанов. Пораженные грандиозностью размеров этих растений, я, Консель и Нед Ленд весьма естественно завели речь о гигантских животных, живущих в море. Однако за окнами «Наутилуса», почти стоявшего на месте, я мог подметить в этих длинных волнах только крупных представителей из отдела членистых — длинноногих крабов лилового цвета, весьма распространенных в водах, омывающих Атлантические острова.

Было около одиннадцати часов, когда Нед Ленд обратил мое внимание на сильное как бы кипение воды, происходившее между большими водорослями.

— Это настоящие пещеры осьминогов, — сказал я, — и я ничуть не удивлюсь, если увижу здесь этих чудовищ.

— Как, — воскликнул Консель, — кальмаров, простых кальмаров из класса головоногих?

— Нет, — ответил я, — осьминогов больших размеров. Но друг Нед, должно быть, ошибается; я больше ничего не вижу.

— Сожалею, — заявил Консель. — Я бы также очень хотел увидеть вблизи одного из этих осьминогов, про которых говорят, что они могут утаскивать в морские бездны корабли. Эти животные называются крак…

— Крак… и достаточно, — заметил канадец.

— Кракенами, — продолжал Консель, не обращая внимания на своего друга.

— Никогда не поверю, чтобы могли существовать такие животные! — воскликнул Нед Ленд.

— Отчего же нет? — спросил Консель. — Ведь верили же мы в нарвала его милости.

— Мы ошибались, Консель, — поспешил я оправдаться.

— Конечно, но, вероятно, другие продолжают верить.

— Весьма вероятно, но я, со своей стороны, решил не верить в существование таких чудовищ, пока не проанатомирую одного из них.

— Следовательно, — обратился ко мне Консель, — господин не верит в существование огромных осьминогов?

— Да кто же, черт возьми, когда-нибудь в них верил! — вскрикнул канадец.

— Очень многие люди, — стоял на своем Консель.

— Только не рыболовы. Ученые — это может быть!

— Извините, Нед, и ученые, и рыболовы!

— Но я, который вам это говорил, — продолжал Консель самым серьезным тоном, — я отлично помню, что видел большое судно, увлеченное в глубину таким головоногим.

— Вы… вы это видели? — спросил канадец.

— Да, Нед.

— Вашими собственными глазами?

— Собственными глазами.

— Где, не соблаговолите ли сказать?

— В Сен-Мало, — продолжал невозмутимо Консель.

— В гавани? — спросил иронично Нед Ленд.

— Нет, в церкви, — ответил Консель.

— В церкви? — воскликнул изумленный канадец.

— Да, друг Нед! Это была картина, представлявшая того самого осьминога, о котором идет речь.

— Отлично! — воскликнул Нед, разражаясь хохотом. — Господину Конселю желательно дурачить меня.

— Нет, он прав, — сказал я. — Я сам слышал об этой картине; ее сюжет заимствован из одной легенды, а вы знаете, какое имеют значение ле-

генды в естественной истории. К тому же когда говорят о чудовищах, то всегда поддаются игре воображения. И я вам скажу, что не только утверждали, что осьминог может утащить на дно моря корабль, но известный Олаф Великий говорил об одном головоногом длиною в милю, который скорее походил на остров, чем на животное. Рассказывают также, что епископ Нидросский поставил однажды алтарь на огромной скале. Когда обедня окончилась, скала двинулась и ушла в море: скалой оказался осьминог.

— И это все? — спросил канадец.

— Нет, — ответил я. — Другой епископ, Понтоппидам, из Бергена, говорил также об одном осьминоге, на котором мог маневрировать кавалерийский полк.

— Молодцы подчас ваши епископы! — заметил Нед Ленд.

— Наконец, — продолжал я, — натуралисты древних времен упоминают о чудовищах, пасть которых походила на залив и которые достигали таких размеров, что не могли проходить Гибралтарский пролив.

— В добрый час — и эти не хуже, — снова заметил Нед Ленд.

— Однако есть ли правда во всех этих расска-

зах? — спросил Консель.

— Ничуть, друзья мои, ни одного слова, и все, что переходит за пределы вероятного, становится уже басней или легендой. Но во всяком случае, такое воображение должно иметь причину или повод. Нельзя отрицать существование осьминогов или кальмаров огромных размеров, хотя, понятно, гораздо меньших, чем киты. Аристотель констатирует размер кальмара в пять локтей, иначе говоря, в три метра. Наши рыбаки иногда встречают этих чудовищ, величина которых достигает двух метров. В музеях Триеста и Монпелье хранятся скелеты осьминогов в два метра длиной. Причем, по вычислению натуралистов, головоногое животное с туловищем в шесть футов длиной должно быть снабжено щупальцами в двадцать семь футов длины. И уже одного этого вполне достаточно, чтобы оно явилось страшным чудовищем.

— И их ловят в настоящее время? — спросил канадец.

— Если и не ловят, то моряки иногда их видят. Один из моих друзей, капитан Голь Бос из Гавра, уверял меня, что ему пришлось встретить таких размеров чудовище в морях Индийского океана. Но самый изумительный факт, после которого

уже не приходится сомневаться в существовании подобных чудовищ, наблюдался несколько лет назад.

— Какой факт? — спросил Нед Ленд.

— Следующий, — ответил я. — В тысяча восемьсот шестьдесят первом году к северо-востоку от Тенерифе, почти на той же высоте, на которой мы теперь находимся, экипаж судна «Алектон» увидел невдалеке плывшее чудовище. Капитан судна Буге пошел навстречу животному и напал на него, атакуя его гарпунами и ружейными выстрелами. Нападение не имело успеха, так как гарпуны и пули проникали в мягкое тело животного, как в студенистую массу. После многих неудачных попыток экипажу наконец удалось накинуть на его тело петлю. Затянутая петля съехала до хвостового плавника, где и задержалась. Тогда принялись затаскивать чудовище на борт, но тяжесть оказалась столь значительной, что задняя часть тела оторвалась, и, лишенное этого украшения, оно исчезло в волнах.

— Если это так, то это факт! — воскликнул Нед Ленд.

— Неоспоримый факт, мой храбрый Нед. И поэтому предложили назвать этого осьминога кальмаром Буге.

— А каких размеров был этот кальмар? — поинтересовался канадец.

— Не достигал ли он длины около шести метров? — спросил Консель, который, стоя у окна, внимательно всматривался в неровности и углубления скал.

— Как раз такой длины, — ответил я.

— Голова его, — продолжал Консель, — была снабжена восемью щупальцами, извивавшимися, как гнездо змей?

— Совершенно верно, Консель.

— Глаза его были очень больших размеров?

— Да, Консель.

— И его пасть походила скорее на клюв попугая, но ужасный клюв?

— Действительно так, Консель.

— Прекрасно! С позволения господина, — спокойно продолжал Консель, — если это не кальмар Буге, то вот один из его братьев.

Я изумленно взглянул на Конселя. Нед Ленд бросился к окну.

— Страшное животное! — воскликнул он.

Я взглянул, в свою очередь, и не мог освободиться от чувства отвращения. Перед моими глазами двигалось ужасное чудовище, достойное фигурировать в легендах.

Это был колоссальных размеров кальмар, достигавший в длину восьми метров. Он двигался, пятясь с чрезвычайной быстротой по направлению к «Наутилусу». Он смотрел на нас своими огромными глазами серо-зеленоватого цвета. Его восемь рук, или, скорее, ног, растущих из головы, — почему эти животные и названы головоногими — были вдвое длиннее всего его тела и извивались, как волосы фурий. Все двести пятьдесят присосок, расположенных на нижней наружной стороне щупальцев, были отчетливо видны и имели вид полусферических капсул. Временами эти присоски, благодаря вытягиванию воздуха, приставали или присасывались к стеклу окна салона. Пасть этого чудовища — роговой клюв, весьма схожий с клювом попугая, — открывалась в вертикальном движении. Его язык, также из рогового вещества, снабженный несколькими рядами острых зубов, высовывался из этих настоящих клещей.

Какая странная фантазия природы! Птичий

клюв у моллюска! Его веретенообразное тело, выпяченное, вздутое к своей средней части, составляло мясистую массу, которая должна была весить двадцать — двадцать пять тысяч килограммов. Его непостоянный цвет быстро изменялся, смотря по степени раздражения животного, переходя постепенно от серовато-зеленого до коричнево-красного. Что раздражало это животное? Без сомнения, близость «Наутилуса», который превосходил его своей величиной и для которого не были ужасны ни его сосущие руки, ни острые челюсти.

Однако что за чудовища эти осьминоги! Какой живучестью наделил их Творец, сколько неустанной силы в их движениях, так как они имеют три сердца!

Случай столкнул нас с этим кальмаром, и я хотел им воспользоваться, чтобы обстоятельно изучить этого представителя головоногих. Я поборол отвращение, которое внушал мне его вид, и, схватив карандаш, стал его срисовывать.

— Это, быть может, тот самый, которого видел «Алектон», — заметил Консель.

— Нет, — ответил канадец, — этот целый, а тот потерял свой хвост.

— Это не довод, — вмешался я в их разговор, —

ноги и хвост у них быстро вырастают вновь, и за семь лет хвост кальмара Буге, конечно, успел вырасти.

— В таком случае, — ответил Нед, — если этот не тот самый, то, вероятно, один из таких!

И действительно, у стекла правого борта показались другие осьминоги. Я насчитал семь штук. Они образовали кортеж «Наутилуса», и я слышал, как скрипели их клювы, хватавшие железную обшивку судна. Мы были вполне довольны!

Я продолжал свою работу. Эти чудовища держались вблизи нас с таким упорством, что казались неподвижными, и я мог их скопировать на стекле.

Впрочем, надо заметить, что мы шли средним ходом. Вдруг «Наутилус» остановился. Удар заставил его содрогнуться всем корпусом.

— Мы наткнулись на что-то? — воскликнул я.

— Во всяком случае, оно осталось позади, — ответил канадец, — так как мы плывем дальше.

Вне сомнения, «Наутилус» продолжал плыть, но в том смысле, что двигался только по инерции. Лопасти его винта уже не рассекали волн. Прошла минута. Капитан Немо в сопровождении своего помощника вошел в салон. Я не видел его некоторое время. Он мне показался мрачным. Не

говоря с нами, быть может и не замечая нас, он подошел к окну, взглянул на осьминога и что-то сказал своему помощнику.

Тот покинул салон. Вскоре ставни задвинулись, потолок осветился.

Я подошел к капитану.

— Интересная коллекция осьминогов, — обратился я к нему тем развязным тоном, каким бы говорил любитель, стоя перед зрительным стеклом аквариума.

— Да, господин натуралист, — ответил он, — и мы вступим с ними в рукопашную схватку.

Я изумленно посмотрел на капитана. Мне казалось, что я его не расслышал.

— В рукопашную схватку?.. — повторил я.

— Да, сударь. Винт остановился. Я думаю, что роговые челюсти одного из этих кальмаров попали в лопасти винта; это и задержало его вращение.

— Что же вы думаете делать?

— Подняться на поверхность воды и убить всех этих гадов.

— Трудное мероприятие.

— Верно, но электрические пули недействительны против этих мягких масс, в которых не встречают достаточного сопротивления для своего разрыва. Мы нападем на них с топорами.

— И с гарпуном, господин, — воскликнул канадец, — если вы пожелаете воспользоваться моей помощью!

— Принимаю, господин Нед.

— Мы пойдем с вами, — сказал я, следуя за капитаном Немо.

Мы направились к центральной лестнице.

Там человек двенадцать из экипажа, держа в руках абордажные топоры, уже готовы были к нападению. Консель и я также вооружились топорами. Нед Ленд схватил гарпун.

«Наутилус» поднялся на поверхность волн. Один из матросов, стоявших на верхней ступени, отвинчивал закрепы подъемной двери. Как только гайки были вывинчены, дверь моментально открылась с поразительной силой, очевидно, щупальцами осьминогов.

И тотчас одна из длинных рук проскользнула, словно змея, в отверстие, и за ней последовало еще двадцать таких же змеевидных рук. Ударом топора капитан Немо отрубил первое проскользнувшее чудовищное щупальце, которое скатилось по ступеням, продолжая извиваться. В то время как мы, столпившись, протискивались на палубу, две руки, или ноги, одного из осьминогов, извиваясь в воздухе, охватили матроса,

стоявшего перед капитаном Немо, и подняли его с неудержимой силой.

Капитан Немо вскрикнул и бросился вперед. Мы, в свою очередь, бросились к нему.

Какая сцена! Несчастный, обхваченный щупальцем, со впившимися в его тело присосками, качался в воздухе по прихоти этого огромного хобота. Он хрипел, задыхался и кричал: «Ко мне, ко мне!» Эти крики на французском языке привели меня в изумление. Следовательно, на борту судна находился мой соотечественник, и быть может, их несколько! О, этот душераздирающий призыв я буду слышать всю жизнь!

Несчастный уже погиб! Кто мог освободить его от этих могущественных объятий? Но тем не менее капитан Немо набросился на осьминога и ударом топора отрубил ему еще руку. Помощник капитана яростно боролся с другими чудовищами, которые вползали на борт «Наутилуса». Экипаж дрался топорами. Канадец, Консель и я вонзали наше оружие в эти мясистые массы. Одуряющий запах мускуса наполнял воздух. Это было ужасно!

Была минута, когда я рассчитывал, что несчастный, схваченный осьминогом, освободится от страшных присосок. Из восьми рук семь были от-

рублены. Только одна, размахивая жертвой, как перышком, корчилась в воздухе. Капитан Немо и его помощник бросились на животное, но оно в этот самый момент выпустило столб черноватой жидкости, выделенной мешком, находящимся у него внутри брюха. Мы были ослеплены. Когда это облако рассеялось, кальмар успел исчезнуть, и вместе с ним — мой несчастный соотечественник. С какой тогда яростью мы набросились на этих чудовищ! Мы уже не владели собой!

Десять или двенадцать осьминогов взобрались на палубу «Наутилуса». Мы в суматохе двигались посреди обрубков рук, которые извивались на палубе в потоках крови и чернил. Казалось, что эти скользкие щупальца возрождались, как головы гидры. Гарпун Неда Ленда с каждым ударом проникал в серо-зеленые глаза чудовища и прокалывал их. Но мой смелый товарищ был внезапно опрокинут щупальцами одного чудовища, от которых он не успел увернуться.

О! как мое сердце не разбилось от волнения и ужаса! Страшный клюв кальмара раскрылся над Недом Лендом. Несчастному предстояло быть рассеченным надвое. Я устремился к нему, но капитан Немо опередил меня. Его топор исчез между огромными челюстями осьминога, и спа-

сенный чудом канадец, поднявшись на ноги, вонзил свою острогу в осьминога и пробил ему сердце.

— Я был в долгу перед вами, — обратился капитан Немо к канадцу.

Нед молча поклонился.

Бой продолжался четверть часа, чудовища, побежденные, изувеченные, смертельно раненные, покинули поле битвы и исчезли в волнах.

Капитан Немо, весь покрытый кровью, стоял неподвижно возле маяка, смотря на море, которое поглотило еще одного из его товарищей, и крупные слезы катились из его глаз.

Глава XIX
Гольфстрим

Эту ужасную сцену 20 апреля никто из нас никогда не забудет. Я ее описал под свежим впечатлением. После я перечитывал рассказ. Я читал его Конселю и канадцу. Они нашли, что он изложен точно, но недостаточно эффектен для нужного впечатления. Чтобы рисовать такие картины, надо обладать пером знаменитейшего из наших поэтов, автора «Тружеников моря». Я упоминал, что капитан Немо смотрел на море и плакал. Его печаль была беспредельна. Это был уже второй из его товарищей, которого он терял со дня нашего прибытия. И какая смерть! Этот друг, раздавленный, задушенный, разломанный страшными руками осьминога, растерзанный его железными челюстями, не будет покоиться в тихих водах кораллового кладбища!

Среди этой борьбы крик отчаяния, вырвавшийся из груди несчастного, раздирал мое сердце на части. Бедный француз, забыв условное наречие, заговорил языком своей страны, своей матери, чтобы выразить свою последнюю моль-

бу! Среди людей экипажа «Наутилуса», душой и телом связанных с капитаном Немо, избегающих, как и он, сообщества прочих людей, я встретил соотечественника! Был ли он единственным представителем Франции в этом таинственном обществе, очевидно состоявшем из людей различных национальностей? Это явилось новой неразрешимой загадкой среди тех, которые постоянно роились в моем уме.

Капитан Немо вошел в свою комнату, и я не видел его в течение некоторого времени. Но до чего он был печален, нерешителен и растерян, можно было судить по кораблю, душой которого он был и на котором все это отражалось. «Наутилус» уже не держался определенного направления. Он, как труп, носился во все стороны по воле волн. Вращение гребного винта уже ничто не задерживало, но он не работал.

Корабль плыл наугад. Казалось, он не мог оторваться от театра последней борьбы, от места в море, поглотившего одного из тех, которые назывались на «Наутилусе» своими.

Так прошло десять дней. И только 1 мая «Наутилус» снова решительно направился к северу, пройдя около Лукайских островов у входа в Багамский канал.

Мы вошли в течение одной из самых больших рек моря, которая имеет свои берега, своих рыб и свою температуру. Я говорю о Гольфстриме.

Это действительно река, которая свободно течет посреди Атлантического океана и воды которой не смешиваются с водами океана. Это соленая река, более соленая, нежели окружающие ее моря. Средняя глубина ее — три тысячи футов, средняя ширина — шестьдесят миль. В некоторых местах ее течение достигает скорости четырех километров в час. Общий объем ее вод значительно превосходит объемы вод всех рек земного шара.

Настоящий источник Гольфстрима, открытый капитаном Мори, или, правильнее выражаясь, его исходная точка, находится в Бискайском заливе. Там начинают собираться его воды, температура и цвет которых еще не вполне определены. Затем он направляется к югу, проходит вдоль экваториальной Африки, согревает в жарком поясе свои воды, пересекает Атлантический океан, достигает мыса Сент-Рок на бразильском берегу и отсюда разделяется на два рукава, причем один из них, направляясь к северу, продолжает согреваться горячими водами Антильского моря. Тогда Гольфстрим, назначение которого — вос-

становить равновесие между температурами и смешать южные воды с северными, приступает к исполнению своей роли регулятора. Нагретый в Мексиканском заливе, он поднимается к северу, омывая американские берега, доходит до Новой Земли и, гонимый холодным потоком Девисова пролива, возвращается в океан, где, следуя локсодромической линией, под сорок третьим градусом разделяется на два рукава. Один из этих рукавов при содействии северо-восточного пассата возвращается к Гасконскому заливу и Азорским островам, а другой, согрев берега Ирландии и Норвегии, доходит до Шпицбергена, где его температура падает до четырех градусов и где он вступает в открытое Полярное море.

По этой реке океана и плыл «Наутилус». Но, выходя из канала Багама, Гольфстрим на протяжении четырнадцати миль в ширину и на триста пятьдесят метров в глубину течет со скоростью восьми километров в час. С приближением его к северу скорость течения постепенно уменьшается; и надо желать, чтобы эта постепенность была правильна, так как уже замечено некоторыми, что если бы его скорость и направление подвергались резким изменениям, скачкам, то европейский климат подвергся бы таким

пертурбациям, последствия которых нельзя и предвидеть.

Около полудня я вместе с Конселем находился на палубе. Я рассказывал ему о некоторых особенностях Гольфстрима и предложил ему опустить руку в поток.

Консель послушался и был весьма удивлен, что не ощущает ни холода, ни тепла.

— Это происходит оттого, — пояснил я, — что температура вод Гольфстрима по его выходе из Мексиканского залива почти не отличается от температуры крови. Этот Гольфстрим в известном смысле — огромная теплопроводная труба, благодаря которой берега Европы вечно в зелени, и, как говорит Мори, если бы теплоту этого течения утилизировать сполна, то ее было бы достаточно, чтобы держать в расплавленном состоянии реку железа величиной с Амазонку или Миссури.

В эту минуту скорость течения Гольфстрима доходила до двух с четвертью метров в секунду. Течение резко выделялось на фоне окружающей его поверхности океана. Темные и более насыщенные солью воды Гольфстрима отличались чистым синим цветом от зеленых вод океана, причем черта раздела была до того ясна, что

близ Каролинских островов было видно, как нос «Наутилуса» рассекает волны океана, тогда как его гребной винт продолжал вращаться в водах Гольфстрима.

Это течение несло с собой целый мир живых существ. Аргонавты, свойственные Средиземному морю, плавали многочисленными стадами. Среди хрящеватых рыб встречались чаще всего скаты в двадцать пять футов длиной, с очень тонкими хвостами, длиной превосходящими в два раза тело; затем маленькие акулы длиной в метр, с большой головой, короткими и круглыми челюстями, с острыми зубами, усаженными в несколько рядов, тело которых было покрыто чешуей.

Из числа костистых рыб я отмечу: губанов, обычных для этих морей; спаров, блестевших как огонь; сциен метровой длины, с широкой пастью, усеянной маленькими зубами; был даже слышен их легкий крик; цитрот-негров, о которых я уже говорил; голубых корифен, украшенных в золото и серебро, — этих настоящих радуг океана, которые могут соперничать своими яркими цветами с красивейшими тропическими птицами; морских собачек с треугольными головами; голубых косоуголок, не имеющих чешуи; батрахоид с жел-

той полосой, с поперечинами в виде буквы «Г» (греческой «гаммы»); большие стада маленьких бычков, покрытых коричневыми пятнышками; перозубов с серебристой головой и желтым хвостом; различные экземпляры семгиковых; муглиморов, тонких, длинных, блестевших нежным отблеском, которых Ласепед посвятил своей любимой подруге жизни; наконец, красивую рыбу — «американского наездника», украшенную орденами и пестрыми лентами, часто посещающую берега этой величественной нации, где ордена и ленты так мало пользуются уважением. Я добавлю еще, что ночью фосфоресцирующие воды Гольфстрима могли поспорить своим блеском с электрическим сиянием нашего маяка, и в особенности во время гроз, которые были тут довольно часты.

8 мая мы все еще были у мыса Гаттерас, на широте Северной Каролины. Здесь ширина Гольфстрима семьдесят пять миль, а глубина двести десять метров. «Наутилус» продолжал плыть наудачу. На борту никого не было видно, и никто ни за чем не следил. Я соглашаюсь, что при таких условиях попытка к бегству могла иметь успех. Действительно, населенные берега повсюду представляли удобное убежище. Море постоян-

но бороздили многие быстроходные пароходы, совершавшие рейсы между Нью-Йорком или Бостоном и портами Мексиканского залива; кроме того, день и ночь шныряли вдоль американского берега между прибрежными пунктами маленькие гоелеты каботажного плавания. Можно было надеяться, что они нас примут. Следовательно, представлялся благоприятный случай, несмотря на то что «Наутилус» находился на расстоянии тридцати миль от берега Соединенных Штатов.

Но одно неблагоприятное обстоятельство расстраивало все проекты канадца. Погода была очень дурная. Мы приблизились к тем местам, где бури часты, к области смерчей и циклонов, регулярно порождаемых Гольфстримом. Пуститься в бурное море на легкой ладье значило идти на верную гибель. Сам Нед Ленд соглашался с этим. Он также скрывал досаду, но был настолько сильно охвачен тоской по родине, что его могло излечить одно только бегство.

— Господин, — обратился он ко мне в этот день, — надо положить этому конец. Я хочу высказаться. Ваш Немо избегает земли и уходит на север. Но я вам заявляю, довольно с меня одного Южного полюса, и я не последую за ним на Северный.

— Но что делать, Нед, когда бегство в настоящее время невозможно?

— Я возвращаюсь к моей мысли. Надо переговорить с капитаном. Вы ничего ему не говорили, когда мы находились в морях вашей страны. Теперь, когда мы в морях моей страны, я буду говорить. Когда я думаю, что через несколько дней «Наутилус» будет находиться на высоте Новой Шотландии, и что там против Новой Земли открывается широкий залив, а в этот залив впадает река Святого Лаврентия, и что река Святого Лаврентия — моя река, река Квебека, моего родного города, когда я об этом только вспоминаю, кровь бросается мне в лицо, мои волосы становятся дыбом! Знайте, господин, я скорее брошусь в море! Я не останусь здесь! Я задыхаюсь!

Очевидно, терпение канадца истощилось. Его сильная натура не могла смириться с таким продолжительным заключением. Его лицо день ото дня становилось мрачнее. Он становился раздражительнее. Я прекрасно понимал, что он страдает, так как и меня уже одолевала тоска по родине. Прошло почти семь месяцев, и мы не имели ни одного известия с земли. Более того, уединение капитана Немо, перемена его настроения, в особенности со дня битвы со спрутами,

его молчаливость — все это заставило меня представлять себе вещи в другом свете. Надо быть таким фламандцем, как Консель, чтобы мириться с этим положением, в этой среде, предназначенной китам и прочим морским животным. И в самом деле, если бы этот славный малый вместо легких обладал жабрами, я охотно верю, он был бы отличной рыбой.

— Что же вы скажете? — настаивал Нед Ленд, не получив от меня ответа.

— Итак, вы, Нед, хотите, чтобы я спросил капитана Немо, каковы его намерения относительно нас?

— Да!

— Несмотря на то, что он уже их высказал?

— Да! Я хочу узнать в последний раз его решительный ответ. Если хотите, говорите обо мне одном, только от моего имени.

— Но я его редко встречаю. Он меня избегает.

— Тем более причин идти к нему.

— Я его спрошу, Нед.

— Когда? — спросил настойчиво канадец.

— Когда его встречу.

— Господин Аронакс, вы хотите, чтобы я пошел к нему сам?

— Нет, я переговорю… Завтра…

— Сегодня, — настаивал Нед Ленд.

— Пусть сегодня. Сегодня я его увижу, — ответил я канадцу, который, наверное, сам испортил бы все дело.

Я остался один. Вопрос был решен, и надо было с ним немедленно покончить. Я предпочитаю конец дела самому делу.

Я вошел в свою комнату. В комнате капитана Немо раздались шаги. Нельзя было упускать случая свидеться с ним. Я постучал в его дверь. Ответа не последовало. Я снова постучал и нажал кнопку. Дверь отворилась.

Я вошел. Капитан был в каюте. Нагнувшись над своим рабочим столом, он был чем-то занят и, видимо, не замечал меня. Решив не уходить, не переговорив с ним, я подошел к нему. Он резко откинул голову, нахмурил брови и обратился ко мне недовольным тоном:

— Вы здесь. Что вам угодно?

— Я хотел с вами говорить, капитан.

— Но я занят, сударь, я работаю. Если я вам предоставляю свободу уединиться, то полагаю, и я имею на это право.

Прием был малоободряющим. Но я был настроен решительно.

— Сударь, — ответил я холодно, — я пришел

переговорить с вами о неотложном деле.

— О каком, сударь? — ответил он не без иронии. — Не сделали ли вы какого-либо открытия, которое ускользнуло от меня? Море, быть может, поведало вам новые тайны?

Мы были далеки от согласия. И прежде чем я успел ответить, он, указывая на манускрипт, лежавший на его столе, продолжал, но уже серьезным тоном:

— Вот, господин Аронакс, манускрипт, написанный на многих языках. Он содержит резюме моих исследований моря, и, если угодно будет Богу, он не погибнет вместе со мной. Эта рукопись, подписанная моим именем, дополненная историей моей жизни, будет заделана в особый футляр, который не будет ни промокать, ни тонуть. Последний из нас, оставшийся в живых на борту «Наутилуса», бросит футляр в море, и он поплывет туда, куда понесут его волны.

Имя этого человека! Его автобиография! Его тайна! Все это будет в один прекрасный день открыто.

Но в данную минуту я видел в этом его сообщении только предлог приступить к делу, по которому я пришел.

— Капитан, — отвечал я, — я могу только ра-

доваться тому, что вы решили так поступить. Плоды ваших изучений и наблюдений не должны погибнуть. Но мне кажется, что вы пользуетесь слишком примитивным средством. Кто знает, куда унесут волны ваш манускрипт и в чьи руки он попадет? Не найдете ли вы более подходящим, если вы и кто-либо из людей вашего экипажа…

— Никогда, господин профессор, — быстро оборвал мое недосказанное предложение капитан Немо.

— Но я и мои товарищи, мы готовы хранить этот манускрипт, если вы возвратите нам свободу.

— Свободу! — воскликнул он, вставая.

— Да, капитан, и именно по этому поводу я и хотел с вами говорить. Вот уже семь месяцев, как мы пребываем на вашем корабле, и я сегодня вас спрашиваю от имени моих товарищей и от моего имени, намерены ли вы нас задержать здесь навсегда?

— Господин Аронакс! — воскликнул капитан Немо. — Я вам отвечу сегодня то же, что я вам ответил семь месяцев тому назад: кто входит на «Наутилус», тот не должен покидать его.

— Ведь вы налагаете на нас рабство!

— Называйте это, как вам угодно.

— Но повсюду раб сохраняет за собой право

возвратить себе свободу! И всякие средства он будет считать хорошими.

— А кто вам отказывает в этом праве? — ответил капитан Немо. — Разве я вас связывал клятвой?

Капитан смотрел на меня в упор, сложив руки на груди.

— Сударь, — ответил я, — еще раз возвратиться к этому вопросу ни я, ни вы не пожелаете. Но раз мы его подняли, то надо с ним и покончить. Я повторяю, что вопрос касается не только меня лично. Для меня наука — помощь, могущественное отвлечение, заставляющее забыть окружающую обстановку и стремление к другим интересам, она для меня наслаждение, страсть. Как и вы, я могу жить в неизвестности, изолированно, одной хрупкой надеждой, что когда-либо в будущем мир ознакомится с результатом моих трудов с помощью таинственного снаряда, доверенного произволу волн и ветра. Одним словом, я могу вами восхищаться, следовать за вами, но у меня есть еще другие взгляды на вашу жизнь, которые заставляют видеть ее окруженной сложностями и тайнами, к которым ни я, ни мои товарищи не имеем никакого отношения. И даже когда наше сердце билось сочувственно

вам, тронутое вашими огорчениями или восхищенное вашим гением и мужеством, мы должны были подавить в себе проявления этих симпатий, которые вызывают красота и добро, не разбирая, проявляет ли их друг или враг. Итак, это сознание, что мы чужды всему, что вас трогает, ставит нас в невозможное положение, крайне тягостное и лично для меня, и в особенности нестерпимое для Неда Ленда. Каждый человек, уже потому, что он человек, стоит того, чтобы о нем думали. Спрашивали ли вы себя, какие планы мщения могли породить любовь к свободе, ненависть к рабству в такой натуре, как канадец; представьте себе его думы, замыслы, попытки…

Я замолчал. Капитан Немо встал:

— Пускай Нед Ленд замышляет, создает планы и покушается на что ему угодно, какое мне до этого дело? Ведь не я его искал! Не для своего же удовольствия я его держу на своем корабле! Что же касается вас, господин Аронакс, то вы можете все понять, даже мое молчание. Больше я ничего не могу вам ответить. Пусть этот первый ваш приход для объяснения этого вопроса будет также и последним, так как во второй раз я не найду нужным даже выслушать вас.

Я удалился. С того дня положение наше стало

очень натянуто. Свой разговор с капитаном я передал моим товарищам.

— Теперь мы знаем, — сказал Нед, — что нам ничего не приходится ожидать от этого человека. «Наутилус» приближается к Лонг-Айленду. Мы бежим, несмотря на погоду.

Но небо становилось все мрачнее и мрачнее. Симптомы урагана были налицо. Атмосфера принимала беловатый, молочный цвет. Верхние облака собирались в грозовые, нижние быстро неслись. Море шумело, производя сильное волнение. Птиц уже не было видно, за исключением спутника бурь — буревестника. Барометр падал, показывал значительное сгущение паров в воздухе, который также насыщался и электричеством. Борьба стихий близилась.

Буря разразилась днем 18 мая, как раз в то время, когда «Наутилус» находился на высоте Лонг-Айленда, в нескольких милях от морских каналов Нью-Йорка. Я могу дать описание этой бури, так как капитан Немо, по какому-то непонятному капризу, не захотел укрыться от нее под водой, и «Наутилус» все время плыл на поверхности бушующего моря.

Дул юго-западный ветер, и весьма свежий, то есть со скоростью пятнадцать метров в секунду,

но к трем часам вечера его скорость возросла до двадцати четырех метров. Эта скорость и порождает бурю.

Капитан Немо, не боявшийся бурь и шквалов, занял место на палубе. Он привязал себя канатом, как поясом, чтобы не быть снесенным чудовищными волнами в море. Я взобрался на палубу и также привязал себя. Я одновременно удивлялся и буре, и этому непостижимому человеку, который перед ней так высоко держал голову.

По волнующемуся морю метались и поглощались волнами огромные клочья облаков. Я не видел ни одной из тех маленьких волн, которые образуются в глубине между большими валами. Ничего, кроме темных, как копоть, длинных валов, гребни которых не разбивались, так как они были весьма плотны. Высота валов быстро возрастала. «Наутилус» то ложился набок, то вздымался, как мачта, подвергаясь сильной качке и ныряя носом.

Около пяти часов вечера пошел проливной дождь, но он не ослабил ни силы ветра, ни силы волнения. Ураган как бы сорвался и приобрел сразу скорость сорока пяти метров в секунду, что составит около сорока лье в час. Такой сильный ураган опрокидывает дома, сносит черепичные

крыши в портах, опрокидывает железные решетки, передвигает двадцатичетырехфунтовые орудия[18].

«Наутилус», выдерживая этот шторм, оправдывал слова ученого инженера: «Надо иметь только прочно построенный корпус, чтобы не опасаться моря». К тому же «Наутилус» не представлял собой неподвижную скалу, о которую разбивались волны: он был стальным веретеном, подвижным, послушным, он не знал такелажа и рангоута и безнаказанно боролся с бушующей стихией.

Между тем я внимательно изучал эти разнузданные и озлобленные валы. Они доходили до пятнадцати метров высоты при длине от семидесяти пяти до полутораста метров; скорость их движения равнялась половине скорости ветра, то есть пятнадцати метрам в секунду. Их объем и мощность возрастали пропорционально глубине. Теперь я понял роль этих волн, которые захватывают воздух и уносят его в глубину моря, где он, столь богатый кислородом, доставляет жизнь.

Максимальная сила давления, производимого волнами, вычислена и доходит до трех тысяч килограммов на квадратный фут поверхности.

---

[18] Примечания: 18
Мера веса, оценивающая калибр орудий.

Такие волны сдвинули с места на Гебридских островах большую глыбу, весившую восемьдесят четыре тысячи фунтов.

Почти той же силы волны в бурю 23 декабря 1864 года, после того как разрушили половину города Йедо в Японии, разбились у берегов Америки, пройдя Тихий океан со скоростью семисот километров в час.

Ярость урагана к ночи возросла. Барометр, как и во время известного циклона в 1860 году, опустился до черты, показывающей семьсот десять миллиметров. С наступлением ночи на горизонте показался большой корабль, с трудом боровшийся с бурей. Он лежал на дрейфе, поддерживая небольшие пары, чтобы идти против волн. Должно быть, это был скороходный пароход, который совершал рейсы между Нью-Йорком и Ливерпулем или Гавром. Он вскоре исчез в потемках. В десять часов вечера небо было в огне. Сильные молнии полосами сверкали в воздухе. Я не мог выносить их блеска, тогда как капитан Немо смотрел на них прямо и, казалось, вдыхал в себя душу бури. Страшный шум наполнял воздух, это был сложный шум, состоящий из воя разбиваемых волн, стенания ветра, грохота грома. Ветер проносился по всем сторонам горизонта,

а циклон несся с востока навстречу вихревым бурям южного полушария.

О, этот Гольфстрим! Он оправдывает свое название царя бурь. Он создает ужасные циклоны различием температуры в слоях воздуха, расстилающихся над поверхностью его течения.

За дождем последовали потоки огня. Дождевые капли обратились в искры. Можно было предположить, что капитан Немо ищет достойной себя смерти — смерти от молнии. В эту бурю «Наутилус» подвергся столь сильной килевой качке, что его стальной бивень высоко поднимался, служил громоотводом, и я видел, как из него сыпалась масса искр.

Весь разбитый, измученный, я приполз к подъемной двери. Я открыл ее и вошел в салон. Стоять внутри «Наутилуса» было невозможно.

В полночь, по приказанию капитана Немо, резервуары стали наполняться водой, и «Наутилус» тихо погрузился в глубь вод. Сквозь окна салона я видел испуганных больших рыб, которые неслись, как привидения, в огненных водах. Некоторые из них были убиты грозой на моих глазах.

«Наутилус» продолжал погружаться. Я полагал, что он найдет спокойствие на глубине пятна-

дцати метров. Нет! Верхние слои были слишком взволнованы. Чтобы достичь полосы спокойствия, пришлось опуститься в недра моря на пятьдесят метров.

Но зато здесь какое спокойствие, какая тишина, какая тихая среда! Кто бы сказал, что на поверхности океана свирепствует страшный ураган!

Глава XX
Под 47° 24′ широты и 17° 28′ долготы

Последствием этой бури было то, что нас отбросило далеко на восток. Всякая надежда на бегство вблизи Нью-Йорка или Святого Лаврентия исчезла. Бедный Нед в отчаянии уединился, как бы следуя примеру капитана Немо. Консель и я, мы больше уже не расставались.

Я сказал, что «Наутилус» отнесло на восток. Следует выразиться точнее: к северо-востоку. В течение нескольких дней он блуждал то под водой, то на поверхности волн, среди морских туманов, столь опасных для мореплавателей. Эти туманы вызывают главным образом таяние льда, что и поддерживает влажность атмосферы. Сколько кораблей погибло в этих местах, когда они, блуждая в прибрежных водах, старались разглядеть огни на берегу! Сколько было несчастных случаев от сгущенного до непрозрачности тумана! Сколько кораблей подвергалось ударам о подводные камни, шум прибоя волн о которые заглушался шумом ветра! Сколько столкновений между кораблями, несмотря на сторожевые

огни, на предостережение свистков и вестовых колоколов!

Теперь понятно, почему дно этих морей походило на поле сражения, где лежали корабли, побежденные океаном; некоторые из них, давно погибшие, были уже затянуты илом, другие, недавние жертвы, отражали лучи нашего маяка своими железными и медными частями. Среди них многие погибли со всем своим грузом, экипажем и эмигрантами. Статистика подвела итоги жертв в таких опасных пунктах, как мыс Рас, остров Святого Павла, пролив Бель-Иль и залив Святого Лаврентия. В течение всего нескольких месяцев сколько погибших кораблей занесено в погребальные списки обществ, совершающих рейсы в Рояль-Маль, Инман и Монреаль: «Сольвейг», «Изида», «Пароматта», «Венгерец», «Канадец», «Англосакс», «Гумбольдт», «Соединенные Штаты» — все сели на мель; «Арктик», «Лионец» — пошли ко дну вследствие полученных пробоин от столкновения; «Президент», «Тихий океан», «Город Глазго» — погибли по неизвестным причинам. Только «Наутилус» безопасно проходил среди этих мрачных развалин, словно производя смотр мертвецам.

15 мая мы достигли южной оконечности Нью-

фаундлендской мели. Эта мель образовалась из морской наносной земли — из значительного скопления органических остатков, — занесенной сюда экваториальным течением Гольфстрима или противоположным холодным течением от Северного полюса, которое идет вдоль американского берега.

Там также скапливаются при вскрытии льда неправильной формы глыбы, которые уносит течение. И в этих глыбах также находятся груды костей, остатки рыб, моллюсков и зоофитов, погибающих миллиардами.

Глубина моря у банки Новой Земли незначительна: не более нескольких сотен сажен, но к югу вдруг образуется глубокая впадина — пропасть глубиной в три тысячи метров. Здесь Гольфстрим расширяется — это разлив его вод; скорость и его температура уменьшаются, он становится морем.

Среди рыб, которых встревожил проход «Наутилуса», я назову циклоптера метровой длины, с черноватой спиной и оранжевым брюхом; он подает пример супружеской верности своим родичам, но находит мало последователей; зубаток с большими глазами и большой головой, весьма схожей с головой собаки; длиннохвостов,

оправдывающих свое название, сияющих блеском серебра; и несколько быстроплавающих рыб, живущих вдали от северных морей.

В сети попалась также смелая, отважная, сильная рыба с крепкими мускулами, вооруженная щитами на голове и иглами на плавниках, настоящий скорпион величиной от двух до трех метров; он жестокий враг трески, наваги и семги. Это боец северных морей, в кольчуге темного цвета и с красивыми плавниками. Рыболовы «Наутилуса» с трудом овладели этим животным, которое благодаря устройству своих жаберных крышек может держать влажными жабры и таким образом жить некоторое время вне воды.

Упомянув еще на память колбней, маленьких рыб, которые долго следуют за кораблями в северных морях, и остроносых ряпушек, столь обычных в северной части Атлантического океана, перехожу к треске и преимущественно к виду лабордан, которых я видел в этих любимых ими водах на мели Новой Земли.

Можно сказать, что треска — горная рыба, потому что Новая Земля, в сущности, подводная гора. Когда «Наутилус» стал прокладывать себе путь среди их тесно сомкнутых фаланг, Консель не преминул обратиться к классификации.

— Это, оказывается, треска! — воскликнул он. — А я думал, что треска плоская, как камбала или скаты.

— Это очень наивно! — ответил я. — Треска имеет плоский вид только в торговле, так как ее предварительно разрезают вдоль и распластывают. Живая же треска имеет веретенообразную форму, весьма удобную для быстрого плавания.

— Охотно желаю верить господину, — ответил Консель. — Какое их множество… пропасть сколько!

— Э, мой друг, их было бы несравненно больше, если бы они не имели врагов в лице некоторых рыб и людей. Знаешь ли ты, сколько яичек содержится в икре, которую мечет самка?

— Скажем, самое большее — около полумиллиона.

— Одиннадцать миллионов, мой друг.

— Одиннадцать миллионов! — вскрикнул изумленно флегматичный фламандец. — Вот чему я никак не могу поверить, пока сам не сосчитаю!

— Сосчитай, Консель. Но ты много выиграешь во времени, если мне поверишь. Надо тебе сказать, что французы, англичане, американцы, датчане, норвежцы ловят треску тысячами. Ее

употребляют в громадном количестве, и если бы эти рыбы не отличались такой изумительной плодовитостью, то вскоре они были бы истреблены во всех морях. В одной Англии и Америке ежегодно отправляются на лов трески пять тысяч кораблей с семьюдесятью пятью тысячами матросов. И каждый корабль привозит в среднем сорок тысяч штук, что составляет двадцать пять миллионов. У берегов Норвегии ловля трески идет в таких же больших масштабах.

— Хорошо, — ответил Консель. — Я соглашаюсь с их милостью и не стану считать их.

— Кого?

— Одиннадцать миллионов икринок. Но я сделаю одно замечание.

— Какое?

— То, что если бы все эти яйца вылуплялись, то четырех этих рыб было бы вполне достаточно, чтобы их семейством снабдить и Англию, и Америку, и Норвегию.

В то время как мы плыли вдоль мели Новой Земли, мне удалось наблюдать способ ловли трески с помощью крючков, привязанных к длинной и тонкой веревке. Каждая веревка имеет до двухсот крючков, и каждая лодка снабжена дюжиной таких привязанных к ней веревок.

Веревка бросается в воду, и один ее конец, благодаря прикрепленному к ней грузику, опускается на дно, а другой при помощи поплавка из пробки держится на поверхности воды.

«Наутилус» должен был весьма искусно лавировать, чтобы не порвать эти рыболовные снасти.

Однако мы недолго оставались в этих местах, часто посещаемых рыболовами, и «Наутилус» вскоре поднялся к сорок второму градусу широты Сен-Жана на Ньюфаундленде и Хертс-Контента, где оканчивается трансатлантический кабель.

«Наутилус» вместо того, чтобы продолжать свой путь к северу, принял направление к востоку, словно хотел следовать по тому телеграфному плоскогорью, на котором покоится кабель и рельеф которого исследован с возможной точностью благодаря многократному зондированию.

17 мая, в пятистах милях от Хертс-Контента, на глубине тысячи восьмисот метров, я впервые увидел лежащий на морском дне кабель. Консель, которого я не предупредил, принял канат за гигантскую морскую змею и, по своему обыкновению, приготовился ее классифицировать. Но я вывел из заблуждения славного малого и, чтобы его утешить, рассказал ему следующие подробности погружения этого кабеля.

Первый кабель был проложен в 1857 и 1858 годах; но после передачи около четырехсот телеграмм он перестал действовать. В 1863 году инженеры уложили новый кабель длиной в три тысячи четыреста километров, весивший четыре тысячи пятьсот тонн, которым нагрузили «Грейт-Истерн». Однако и эта попытка была неудачна.

25 мая «Наутилус», погрузившись на глубину трех тысяч восьмисот метров, находился на том самом месте, где произошел разрыв кабеля, помешавший выполнению предприятия. Это было в шестистах тридцати восьми милях от берега Ирландии. В два часа пополудни заметили, что сообщение с Европой прекратилось. Инженеры, бывшие на корабле, решили исправить поврежденную часть. К одиннадцати часам операция была закончена, и кабель был снова погружен в воду. Но через несколько дней он снова порвался, и на этот раз его уже не могли вытащить.

Американцы не унывали. Отважный Кирус Фильд — главный руководитель предприятий, рисковавший ради успеха всем своим состоянием, — устроил новую подписку. Она была тотчас же покрыта.

Другой кабель был устроен прочнее и более удовлетворял условиям его погружения и прокладки.

Пук проводников (проволок), изолированных слоем гуттаперчи, заключен был в канат с металлической обкладкой. Нагруженный этим канатом, «Грейт-Истерн» вышел в море 13 июня 1866 года.

Работа по укладке кабеля шла успешно. Однако возникло препятствие. Не раз, раскручивая канат, инженеры замечали, что в него недавно были воткнуты гвозди, чтобы испортить его внутреннюю часть. Капитан Андерсон, его офицеры и инженеры собрались для совещания и объявили, что если найдут виновного на корабле, то его выбросят в море без всякого суда. С этих пор преступные попытки больше не возобновлялись.

23 июля «Грейт-Истерн» находился всего в восьмистах километрах от Новой Земли, когда ему телеграфировали из Ирландии о перемирии, заключенном между Австрией и Пруссией после сражения при Садовой. 27 июля, среди густого тумана, он подошел к гавани Хертс-Контента. Предприятие окончилось вполне удачно, и в первой же депеше, с которой молодая Америка обратилась к Европе, заключались следующие мудрые, но, к сожалению, редко понимаемые в своем глубоком значении слова: «Слава в вышних Богу, и на земле мир и в людях благоволение».

Я не ожидал, что найду телеграфный кабель в его первоначальном виде, то есть в таком, в каком он был выпущен из рабочих мастерских. Длинная змея, усаженная раковинами и фораминиферами, была покрыта корой из кремнистых и известковых отложений, надежно ее защищающей от моллюсков, которые могли бы ее просверлить. Она под давлением своего веса опустилась на дно и, защищенная от морского волнения, спокойно растянулась почти без напряжения; все это весьма благоприятствовало правильному действию электрического тока, который проходит от Америки до Европы в тридцать две сотых секунды.

Прочность каната вполне удовлетворительна, к тому же, по многим тщательным наблюдениям, оказывается, что гуттаперчевая его оболочка постепенно уплотняется и твердеет благодаря пребыванию в морской воде.

Помимо того, на этом плато, или плоскогорье, столь удачно выбранном, кабель не погружается так глубоко, чтобы мог оборваться. Мне пришлось проследить за ним до наибольшей глубины его погружения, доходящей до четырех тысяч четырехсот тридцати одного метра, и там он лежал, не испытывая ни малейшего натяжения. Вскоре

«Наутилус» подошел к тому месту, где произошел разрыв в 1863 году.

Здесь дно океана образовало широкую равнину шириной в сто двадцать километров, на которой могла бы уместиться гора Монблан, причем ее вершина не выступала бы на поверхности океана. Эта равнина замкнута с восточной стороны отвесной стеной в две тысячи метров. Мы прибыли сюда 28 мая. «Наутилус» находился всего в полуторастах километрах от берега Ирландии. Не намерен ли капитан Немо снова подняться, чтобы подойти к берегам Британских островов? Нет… К моему величайшему удивлению, он снова спустился к югу и возвратился к европейским морям. Когда судно обходило Изумрудовый остров, я на одну минуту увидел мыс Клир и огонь Фастонет, который освещает путь тысяче кораблей, выходящих из Глазго или Ливерпуля.

Тут в мою голову засел неотвязный вопрос: осмелится ли «Наутилус» войти в пролив Ла-Манш? Нед Ленд, появившийся в то время, когда мы подходили к земле, несколько раз задавал мне этот вопрос. Что я мог ему ответить? Капитан Немо оставался невидимым. Показав канадцу берега Америки, не думает ли он показать и мне берега Франции?

Между тем «Наутилус» направился к югу. 30 мая он прошел в виду Лендс-энда, между крайней оконечностью Англии и островами Силли, которые он оставил с правой стороны.

Если он хотел войти в Ла-Манш, ему следовало идти прямо на восток. Но он этого не сделал.

В течение всего дня 31 мая «Наутилус» описывал на море серию кругов, что меня сильно заинтересовало. Казалось, он отыскивал определенное место, которое ему было трудно найти. В полдень капитан Немо появился на палубе, чтобы определить местоположение «Наутилуса». Он не обратился ко мне ни с одним словом. Он мне показался более мрачным, чем обычно… Что могло его огорчить?.. Может быть, близость европейских берегов тому причина? Что испытывал он в это время? Раскаяние или сожаление? Долго эта мысль занимала меня, и у меня было предчувствие, что случай скоро откроет нам тайну капитана Немо.

На следующий день «Наутилус» продолжал те же самые маневры. Очевидно, он искал определенную точку в океане. Капитан Немо пришел, так же как и накануне, определять высоту солнца. Море было прекрасно, небо чисто. В восьми милях на восток на линии горизонта обрисовы-

вался большой пароход. Однако никакого флага на его гафеле не было видно, и я не мог узнать, какой стране он принадлежит.

За несколько минут до того, как солнце должно было пройти через меридиан, капитан Немо взял свой секстан и произвел наблюдение с необыкновенной точностью. Совершенно спокойное море способствовало его работе; неподвижный «Наутилус» не испытывал ни боковой, ни килевой качки. В эту минуту я находился на палубе. Когда капитан Немо окончил свои наблюдения, он произнес только два слова:

— Это здесь!

Он вышел. Видел ли он судно, о котором я упомянул и которое, по-видимому, приближалось к нам, я не сумею ответить.

Я возвратился в салон. Подъемная дверь опустилась, и я услышал шум воды, наполняющей резервуары. «Наутилус» стал погружаться, следуя по вертикальной линии, гребной винт перестал работать и потому не передавал судну поступательного движения.

Через несколько минут «Наутилус» остановился на глубине восьмисот тридцати метров и коснулся килем дна.

Свет на потолке салона погас, ставни от-

крылись, и сквозь стекло я увидел море, ярко освещенное электрическими лучами маяка на полмили в окружности.

Я взглянул с левой стороны борта, но ничего, кроме необъятного пространства тихих вод, не видел.

С правой же стороны борта что-то виднелось вдали и привлекло мое внимание. Можно сказать, что это были какие-то развалины, погребенные под слоем беловатых раковин, как под снежным покровом. Рассматривая внимательно эту массу, я мог различить формы корабля, лишенного мачт и опустившегося на дно носовой частью. Это несчастье, несомненно, произошло в отдаленную эпоху, так как корпус корабля сплошь оброс известковыми отложениями морской воды.

Какой нации принадлежало это судно и что это был за корабль? Почему «Наутилус» посетил эту могилу? Неужели это судно увлечено было на дно моря вследствие кораблекрушения?

Я терялся в предположениях, как вдруг услышал голос подошедшего ко мне капитана Немо:

— Некогда этот корабль назывался «Марсельцем». Он был спущен на воду в 1762 году и был вооружен семьюдесятью пятью пушками. В 1778 году, 13 августа, под командой Лапойп-Вертрие

он храбро сражался с «Престоном». В 1779 году, 4 июля, он вместе с эскадрой адмирала Эстена участвовал при взятии Гренады. В 1781 году, 5 сентября, он принял участие в бою, который вел граф де Грасс в бухте Чесапик. В 1794 году Французская республика дала «Марсельцу» другое название. 19 апреля того же года он присоединился в Бресте к эскадре Вилларэ-Жуайоза, назначенной конвоировать морской транспорт пшеницы, шедший из Америки под командой адмирала ван Стабеля. 11 и 12 прериаля[19] 1794 года эта эскадра встретилась с английскими кораблями. Господин профессор, сегодня 13 прериаля, 1 июня 1868 года. Семьдесят четыре года назад на этом самом месте, под 47° 24′ широты и 17° 28′ долготы, этот корабль после геройского сражения, потеряв свои три мачты, с каютами, наполненными водой, потеряв треть наличного состава экипажа, предпочел быть поглощенным морскими недрами со всеми своими тремястами пятьюдесятью моряками, чем сдаться неприятелю. Его флаг был прибит к корме, и он исчез под волнами под крик команды: «Да здравствует Республика!»

— «Мститель»! — вскричал я.

---

[19] Примечания: 19

9-й месяц французского республиканского календаря, соответствующий 20/21 мая — 18/19 июня.

— Да, господин профессор, «Мститель»! Прекрасное имя! — ответил капитан Немо, скрещивая на груди руки.

Глава XXI
Гекатомба

Эта манера говорить, неожиданность сообщения, эта история с кораблем моих соотечественников, рассказанная так хладнокровно, затем та эмоция, с какой этот странный человек произнес свою последнюю фразу, это имя — «Мститель», значение которого не могло от меня ускользнуть, все это как-то вместе сложилось, чтобы глубже поразить мой ум. Я не спускал глаз с капитана.

А он, протянув руки к морю, смотрел пылающим взором на эти славные останки. Быть может, я не должен был знать, кто он такой, откуда он пришел и куда он идет; но я все более и более убеждался, что этот человек отличается от ученого. Это не была та присущая некоторым мизантропия, которая заставила капитана Немо и его товарищей уединиться на «Наутилусе», нет, это была самая сильная, напряженная месть, которую не в силах было ослабить даже время. Искала ли эта ненависть мщения? Будущее должно было это вскоре показать.

Между тем «Наутилус» медленно поднимался

на поверхность моря, и я смотрел, как мало-помалу исчезали неясные очертания «Мстителя». Вскоре легкая боковая качка возвестила мне, что мы плывем, окруженные воздухом.

В этот момент раздался глухой гул. Я взглянул на капитана Немо. Он не двигался.

— Капитан! — обратился я к нему. Он не отвечал.

Я его покинул и поднялся на палубу. Оказалось, что канадец и Консель меня опередили.

— Откуда этот звук? — спросил я.

Я заметил корабль и стал смотреть по направлению к нему. Он приближался к «Наутилусу», и было видно, что он усиливает пары. Он находился от нас на расстоянии шести миль.

— Пушечный выстрел, — ответил Нед Ленд.

— Какой это корабль, Нед?

— По своему такелажу и по высоте нижних мачт, — отвечал канадец, — это должен быть военный корабль. Может быть, он идет на нас и потопит, если надо будет, этот проклятый «Наутилус».

— Друг Нед, — ответил Консель, — что он может сделать «Наутилусу»? Разве он может атаковать его под волнами? Разве он может стрелять в него в глубине моря?

— Скажите мне, Нед, — спросил я, — можете вы узнать, какой стране принадлежит этот корабль?

Канадец сдвинул брови, прищурил веки, скосил глаза и стал всматриваться в течение нескольких минут, напрягая до последней степени свое зрение.

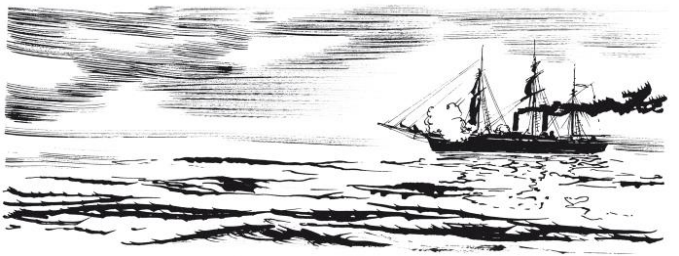
— Нет, господин профессор, — ответил он, — я не могу узнать, какой стране принадлежит этот корабль, его флаг не поднят. Но говорю утвердительно, что это военный корабль, так как на вершине его большой мачты развевается длинный вымпел.

В продолжение четверти часа мы всматривались в приближающийся к нам корабль. Я не могу утверждать, что он увидел «Наутилус» на таком расстоянии и тем более чтобы он знал, что это подводное судно.

Вскоре канадец сообщил мне, что мы встретили большой военный корабль с бивнем или тараном и с двумя бронированными палубами, густой черный дым клубами вырывался из его двух труб. Убранные паруса сливались с линиями рей. Он не нес флага на гафеле. Расстояние не давало возможности различить цвета его вымпела, который развевался, как тонкая лента.

Он быстро приближался. Если бы капитан Немо дозволил ему продолжать приближаться, наши шансы на спасение возросли бы.

— Господин профессор, — обратился ко мне Нед Ленд, — пусть только корабль приблизится еще на одну милю, и я бросаюсь в море. Предлагаю и вам последовать моему примеру.



Я ничего не ответил на предложение канадца и продолжал смотреть на корабль, который быстро рос на глазах; к какой бы нации он ни принадлежал — английской, французской, американской или русской, — несомненно, он принял бы нас к себе на борт, если бы мы могли добраться до него.

— Господин, вероятно, хорошо помнит, — обратился ко мне Консель, — что мы уже имели некоторый опыт в плавании. Он может положиться на меня, а я его пробуксирую до корабля. Я предлагаю господину свою услугу на тот случай, если бы он пожелал следовать за Недом Лендом.

Я только собрался ответить, как вдруг нос корабля окутал белый пар. Затем через несколько секунд вода, взброшенная, поднятая падением тяжелого тела, обдала корму «Наутилуса». Немного спустя раздался внезапный треск в воздухе.

— Как? Они стреляют в нас! — вскрикнул я.

— Молодцы! — прошептал канадец. — Они не принимают нас за потерпевших кораблекрушение и спасающихся на обломках корабля!

— Если позволит господин, хорошо! — воскликнул Консель, отряхиваясь, так как его облило водой от упавшего поблизости ядра. — Если их милость хочет знать, то они узнали прежнего нарвала и стреляют по этому чудовищу.

— Но они должны прекрасно видеть, — вскрикнул я, — что имеют дело с людьми.

— Быть может, потому они и стреляют! — воскликнул Нед Ленд, глядя на меня.

Внезапная мысль мелькнула в моем уме. Вне сомнения, что мнимое чудовище перестало быть загадкой. Также более чем вероятно, что когда Нед Ленд ударил гарпуном в «Наутилус», то Фаррагут мог убедиться, что нарвал на самом деле подводное судно, которое гораздо опаснее сверхъестественного кита.

Да, это, конечно, должно было быть так, и весь-

ма понятно, что теперь во всех морях преследуют эту ужасную разрушительную машину.

Действительно, ужасную, если, как могли предположить, капитан Немо пользуется «Наутилусом» как орудием мщения! В ту ночь, когда он захватил нас в плен в Индийском океане, не нападал ли он и на другой корабль?

Не был ли тот человек, которого похоронили на коралловом кладбище, жертвой такого нападения со стороны «Наутилуса»? Да, еще раз повторяю: так оно должно было быть. Одна сторона таинственного существования капитана Немо прояснилась. И если он еще не был узнан вполне по своей деятельности и с нравственной стороны, то тем не менее нации нашли необходимым объединиться против него и начать преследовать уже не химерное существо, но человека, который питает к ним непримиримую ненависть. Все это ужасное прошлое предстало передо мной. Вместо друзей на этом корабле, который к нам приближался, мы легко могли встретить самых безжалостных врагов.

Между тем ядра стали все чаще и чаще падать вокруг нас. Некоторые, встречая поверхность воды, рикошетили и уже на значительных расстояниях падали в воду. Ни одно ядро не попало

в «Наутилус».

Во время этой канонады броненосный корабль находился от нас не далее трех миль. Но, несмотря на сильную канонаду, капитан Немо не появлялся на палубе.

А между тем достаточно было, чтобы хоть одно из этих конических ядер ударило в перпендикулярном направлении к корпусу «Наутилуса», и судьба его была бы плачевна.

Видя, что канонада усиливается, канадец обратился ко мне с такими словами:

— Господин Аронакс, мы должны на все решиться, чтобы выйти из этого скверного положения. Подадим сигналы! Тысяча чертей! Может быть, они там поймут, что мы честные люди.

Нед Ленд достал свой носовой платок, чтобы им махать в воздухе. Но едва он его развернул, как чьей-то железной рукой, несмотря на свою замечательную силу, повален был на землю.

— Презренный, — воскликнул капитан Немо, — не хочешь ли, чтобы я тебя пригвоздил к бивню «Наутилуса» перед тем, как он пробьет этот корабль!

Страшно было слышать раздраженный крик капитана Немо, еще страшнее было его видеть. Лицо его побледнело от спазма сердца, которое

на минуту даже перестало биться.

Его зрачки сильно расширились. Он уже не говорил, а рычал, наклонившись всем телом вперед; он, казалось, сворачивал плечо канадцу.

Затем, оставив его в покое и обернувшись по направлению к военному кораблю, канонада которого продолжалась, он закричал своим могучим голосом:

— А! Ты знаешь, кто я, корабль проклятой власти! Мне не нужен твой национальный флаг, чтобы узнать тебя! Смотри, я тебе покажу свой флаг!

И капитан Немо развернул на боку палубы черный флаг, совершенно схожий с тем, какой водружен был на Южном полюсе.

В эту минуту ядро попало в корпус «Наутилуса», оно не пробило железа, а рикошетом пролетело близ капитана Немо и упало в море.

Капитан Немо пожал плечами, затем, повернувшись ко мне, сказал повелительным голосом:

— Уходите, уходите, вы и ваши товарищи!

— Сударь, — вскрикнул я, — вы хотите напасть на это судно?

— Сударь, я его потоплю!

— Вы этого не сделаете!

— Я это сделаю, — холодно ответил капитан

Немо. — Не вам судить меня. Судьба вас делает свидетелем того, что вы не должны были видеть. Идет атака. Отпор будет ужасен. Уходите.

— Какой это корабль?

— Вы этого не знаете? Тем лучше! По крайней мере, его национальность останется для вас тайной. Сходите!

Канадцу, Конселю и мне оставалось только подчиниться требованию. Человек пятнадцать матросов «Наутилуса» окружали капитана Немо и с нескрываемым чувством ненависти смотрели на приближающийся корабль. Чувствовалось, что один и тот же дух мести воодушевлял все эти сердца.

Я сошел в ту минуту, когда новый снаряд скользнул по корпусу «Наутилуса» и раздался крик капитана:

— Стреляй, безумный корабль! Расточай свои бесполезные ядра! Ты не уйдешь от бивня «Наутилуса»! Но не на этом месте ты погибнешь! Я не хочу, чтобы твои развалины покрыли останки славного «Мстителя».

Я вошел в свою комнату. Капитан Немо и его помощники остались на палубе. Гребной винт приведен был в движение. «Наутилус» быстро удалялся, стараясь выйти из сферы действия

выстрелов военного корабля. Но последний продолжал его преследовать. Пока капитан Немо довольствовался тем, что держался на определенном расстоянии.

К четырем часам вечера, не имея возможности сдерживать пожиравшие меня нетерпение и беспокойство, я вышел на центральную лестницу. Подъемная дверь была поднята.

Я вышел на палубу. Капитан Немо прогуливался по ней нервными шагами и смотрел все время на корабль, который находился на расстоянии миль пяти-шести. «Наутилус» вертелся вокруг военного судна, как преследуемый зверь, и, дозволяя себя преследовать, увлекал судно к востоку. Но до сих пор «Наутилус» не приступал к нападению: может быть, капитан Немо колебался.

Я желал в последний раз переговорить с капитаном Немо. Но только я обратился к нему, как он заставил меня замолчать.

— Я закон, я справедливость! — воскликнул он. — Я угнетенный, а вот угнетатель. Это он! Все, что я любил, уважал, что дорого было моему сердцу, мать, отец, все это погибло! Все, что я ненавижу, находится там! Замолчите!

Я бросил последний взгляд на военный корабль, усиливавший пары. Затем я присоединился к

Неду и Конселю.

— Мы убежим! — вскрикнул я.

— Непременно! — ответил Нед. — Какой это корабль?

— Не знаю, но какой бы он ни был, он до ночи будет потоплен. Во всяком случае, лучше погибнуть с ним вместе, чем быть причастным к мести, в справедливости которой мы не убеждены.

— Я того же мнения, — ответил холодно Нед Ленд. — Подождем ночи.

Наступила ночь. Глубокая тишина царила на борту «Наутилуса». Компас показывал, что судно изменило свое направление. Я ясно слышал удары лопастей гребного винта, которые рассекали волны с равномерной скоростью, судно держалось на поверхности воды и испытывало незначительную качку из стороны в сторону.

Я и мои товарищи решили бежать в тот момент, когда военный корабль настолько приблизится, что сможет услышать наш крик или увидеть нас, так как луна светила достаточно ярко. Через три часа наступило полнолуние.

Перебравшись на корабль, если бы мы и не могли предотвратить угрожающий ему удар, тем не менее могли бы сделать то, что обстоятельства нам бы позволяли. Не раз мне казалось, что «Нау-

тилус» приступает к нападению. Но оказывалось, что он продолжал заманивать своего противника и, сойдясь с ним ближе, снова обращался в бегство, увеличивая скорость хода.

Часть ночи прошла без приключений. Мы выжидали случая, чтобы действовать. Мы были сильно взволнованы и потому мало говорили. Нед Ленд хотел броситься в море. Я заставил его дождаться удобного момента. По моему мнению, «Наутилус» должен атаковать двухпалубное судно на поверхности воды, и тогда будет не только возможно, но даже легко убежать.

В три часа утра я вышел на палубу; сильно встревоженный капитан Немо до сих пор ее не покидал. Он не сводил глаз с корабля. Его взгляд, необычайно напряженный, казалось, притягивал, охватывал и тащил за собой корабль более надежно, чем буксир.

Луна в это время проходила через меридиан. Юпитер поднимался на востоке посреди общей тишины природы, небо и океан соперничали между собой в спокойствии, и море служило ночным светилам лучшим зеркалом, которое когда-либо отражало их изображения.

И когда я думал об этой глубокой тишине стихий и сравнивал ее с тем гневом, которым кипел

весь пылающий мщением экипаж «Наутилуса», я чувствовал, как дрожь пробегала по моему телу.

Корабль держался в двух милях от нас. Он все приближался, идя по направлению к тому фосфорическому сиянию, которое указывало местонахождение «Наутилуса».

Я видел его сигнальные огни — зеленый и красный — и белый фонарь, висевший на бизань-мачте. Отраженный свет освещал его оснастку; слегка виднелся дым, который свидетельствовал, что судно идет на всех парах. Снопы искр, куски раскаленного угля, вылетая из труб, рассыпались в воздухе, как звезды.

Я оставался на палубе до шести часов утра. Капитан Немо, по-видимому, не замечал меня. Военный корабль находился от нас на расстоянии около полутора миль и с первыми лучами дня снова начал обстрел.

Момент, когда «Наутилус» нападет на своего противника, был близок, и тогда я и мои товарищи покинем навсегда этого человека, судить которого я не смел.

Я собирался сойти, чтобы предупредить товарищей, как на палубу поднялся помощник капитана. Его сопровождали несколько матросов.

Капитан Немо их не заметил или делал вид, что не замечает.

Последовали нужные приготовления, которые можно назвать приготовлениями к бою «Наутилуса». Они были весьма просты. Решетка, которая служила балюстрадой вокруг палубы, была опущена. Также опустились внутрь корпуса, вровень с его поверхностью, рубка помощника капитана и маяк. Теперь поверхность этой длинной сигары из железа и стали не представляла более ни одного выступа, который мог бы стеснять ее маневрирование.

Я возвратился в салон. «Наутилус» продолжал оставаться на поверхности воды. Лучи зарождающегося дня слабо освещали море. Волны легко колыхались. Лучи восходящего солнца уже стали алеть.

Наступил ужасный день — 2 июня.

В пять часов лаг показал мне, что скорость хода «Наутилуса» снизилась. Я понял, что он подпускает военный корабль к себе ближе. К тому же и пушечные выстрелы становились гораздо слышнее. Ядра бороздили воду и пронизывали ее со странным свистом.

— Друзья мои, — сказал я, — момент наступил. Пожмем друг другу руки, и да сохранит нас

Господь!

Нед Ленд был смел, Консель спокоен, я волновался и едва мог владеть собою.

Мы отправились в библиотеку. В тот момент, когда я отворил дверь, ведущую к центральной лестнице, я услышал, что верхняя выходная на палубу дверь быстро затворилась.

Канадец уже начал взбираться по ступенькам, но я остановил его. Знакомый свист указывал мне, что резервуары наполняются водой. И действительно, через несколько минут «Наутилус» погрузился на несколько метров ниже поверхности воды.

Я понял маневр. Предпринять что-либо было слишком поздно. «Наутилус» не хотел нападать на военный корабль на поверхности волн, так как тот был защищен непроницаемой броней, а предпочел нанести удар врагу ниже его ватерлинии, то есть там, где броня его не защищала.

Мы снова были заключены и становились невольными свидетелями предстоящей страшной драмы. Помимо того, мы почти не имели времени на рассуждения. Найдя убежище в моей комнате, мы смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Глубокое оцепенение овладело моим умом. Движение мысли остановилось.

Я находился в том тягостном состоянии, которое предшествует ожиданию ужасного взрыва. Я ждал, я слушал, я жил только чувством слуха.

Между тем «Наутилус» значительно усилил ход: он готовился нанести удар с разбега. Весь его корпус содрогался.

Вдруг я вскрикнул. Произошел удар, но сравнительно легкий. Я почувствовал, с какой силой проникал стальной бивень.

Я слышал скрип и треск. Но «Наутилус», увлекаемый движением вперед, проходил сквозь массу корабля, как игла сквозь парусину.

Я не мог этого выдержать. Растерявшись, обезумев, с поднявшимися дыбом волосами, с непомерно широко раскрытыми глазами, тяжело дыша, без вздохов, без голоса, и все же я смотрел! Непреодолимая сила приковала меня.

Огромный корабль погружался медленно. «Наутилус» продолжал также опускаться, следя за всеми его движениями. Вдруг произошел взрыв. Сжатый воздух заставил взлететь палубу корабля. Толчок воды был до того силен, что «Наутилус» отнесло назад.

Несчастный корабль стал погружаться быст-

рее. Показались его марсы со вскарабкавшимися на них жертвами, затем его реи, сгибавшиеся под тяжестью людей, и, наконец, верхушка его большой мачты. Затем темная масса исчезла, а вместе с ней и ее экипаж, увлекаемый ужасным водоворотом.

Я выбежал из комнаты и бросился в салон.

Здесь находился капитан Немо. Молчаливый, мрачный, неумолимый, он смотрел в окно салона.

Огромная масса тонула под водой, и, чтобы созерцать ее агонию, «Наутилус» опускался в бездну вместе с ней. На расстоянии десяти метров я видел расколотый корпус военного корабля, в него устремлялась вода с громовым рокотом, я также видел два ряда пушек и сети по бортам судна. На палубе двигались какие-то черные тени.

Вода прибывала. Несчастные бросались на ванты, цеплялись за мачты, корчились под водой. Это был человеческий муравейник, застигнутый приливом моря!

Парализованный, скованный томлением, я обернулся к капитану Немо. Этот страшный судья и исполнитель приговора, настоящий архангел мести, все продолжал смотреть. Когда все было кончено, капитан Немо направился к двери своей

комнаты, отворил ее и вошел. Я следил за ним глазами.

На стене сзади, под портретами его героев, я увидел портрет молодой женщины с двумя маленькими детьми. Капитан Немо смотрел на них несколько минут, протянул к ним руки, встал на колени и зарыдал.

Глава XXII
Последние слова капитана Немо

Вслед за этим страшным видением ставни затворились, но салон не осветился. Внутри «Наутилуса» царили мрак и тишина. Он покидал это место разорения и отчаяния в ста футах под водой с поразительной быстротой. Куда он шел? На север или на юг? Куда бежал этот человек после такого ужасного мщения?

Я вошел в свою комнату, где Нед и Консель сидели молча. Я испытывал неопределенный ужас по отношению к капитану Немо. Если ему и пришлось страдать от людей, он все-таки не имел права так им мстить. Он сделал меня если не соучастником, то свидетелем своей мести. Это было уже слишком.

В одиннадцать часов брызнул электрический свет. Я направился в салон. Он был пуст. Я стал справляться с показаниями различных инструментов: «Наутилус» шел в направлении на север со скоростью двадцать пять миль в час то по поверхности моря, то под водой на глубине тридцати футов.

Определив место на карте, я узнал, что мы проходим пролив Ла-Манш и направляемся к северным морям с поразительной скоростью.

Ввиду быстрого хода судна я едва мог уловить общие очертания животных, посещающих эти воды: акул с длинными носами, акул-молотов, морских собак, больших морских орлов, тучи морских коней, похожих на мохнатых коней, множество угрей, извивавшихся, словно фейерверочные огненные змеи; армии крабов, которые убегали в различных направлениях, скрещивая свои клешни над своим карапасом[20]; наконец, морских свинок, которые соперничали быстротой своего плавания с «Наутилусом».

О том, чтобы изучать, классифицировать, и думать не приходилось.

К вечеру мы прошли двести миль в Атлантическом океане. Стемнело, и море покрылось мраком до восхода солнца.

Я отправился в свою комнату. Спать я не мог.

Меня душили кошмары. Ужасная сцена разрушения не выходила у меня из головы.

С этого дня кто бы мог сказать, куда в этом северном бассейне Атлантического океана увлечет

---

[20] Примечания: 20
Череп или панцирь, то есть верхняя твердая оболочка тела.

нас «Наутилус». Все время та же поразительная скорость хода. Все время среди северных туманов! Приблизится ли он к Шпицбергену, к крутым берегам Новой Земли? Проходит ли он по мало исследованным морям, Карскому, Обской губе, архипелагу Ляхова и близ совсем неизвестных североазиатских берегов? Не могу сказать, сколько прошло времени, я его не считал. Казалось, что день и ночь не чередовались правильно, как это наблюдается в полярных странах. Я чувствовал себя увлеченным в ту область чудесного, где такой простор встречает надорванное воображение Эдгара По. Каждую минуту я ожидал увидеть, подобно баснословному Гордону Пиму, «эту одетую в покрывало человеческую фигуру, ростом значительно превосходящую человеческий, лежащую поперек водопада, который заградит доступ к полюсу»!

Я полагаю, может быть, и ошибаюсь, но я полагаю, что этот авантюрный рейс «Наутилуса» продолжался от пятнадцати до двадцати дней, и я не знаю, как долго он мог бы продолжаться, если бы не случилась катастрофа, положившая конец этому путешествию. О капитане Немо уже не было вопроса. Тем более о его помощнике. Ни один человек из экипажа не показывался ни на

одну секунду. «Наутилус» почти все время шел под водой. Когда он поднимался на поверхность для возобновления запаса воздуха, подъемные двери отворялись и запирались автоматически. На планисфере местонахождение судна уже не отмечалось. Я не знал, где мы находимся.

Скажу также, что канадец, истощив все силы и всякое терпение, больше не показывался. Консель не мог вырвать у него ни одного слова и боялся, чтобы с ним, под влиянием сильной тоски, не случился припадок бешенства, который мог закончиться самоубийством. Он следил за ним каждую минуту.

Понятно, что в таких условиях положение наше стало невыносимым.

Однажды утром, которого числа — не сумею сказать, я забылся в первые утренние часы тяжелым и болезненным сном. Когда я пробудился, то увидел Неда Ленда, склонившегося надо мной, и услышал его тихий голос.

— Мы бежим! — сказал он.

Я выпрямился.

— Когда же мы бежим? — спросил я.

— Сегодня ночью. Всякая бдительность на «Наутилусе» уже исчезла. Можно сказать, на борту царит оцепенение. Вы будете готовы?

— Да. Где мы теперь находимся?

— В виду земли, которую мне удалось рассмотреть сегодня утром среди густого тумана. Она лежит на востоке, милях в двадцати.

— Какие это земли?

— Не знаю, какие бы они ни были, мы найдем там убежище.

— Да, Нед, мы бежим в эту ночь, хоть море и поглотит нас!

— Море бурно, ветер очень свеж, но проплыть в легкой шлюпке «Наутилуса» двадцать миль — меня ничуть не страшит. Я успел сложить в ней немного провизии и несколько бутылок вина. И никто из людей экипажа этого не заметил.

— Я следую за вами.

— К тому же, — добавил канадец, — если меня настигнут, я буду драться насмерть.

— Мы умрем вместе, друг Нед.

Я решился на все. Канадец покинул мою комнату. Я вышел на палубу, на которой мог едва держаться от ударов волн. Небо имело зловещий вид, но, так как там, в этом густом тумане, находилась земля, надо было бежать. Мы не должны были терять не только дня, но и ни одного часа.

Я направился в салон, опасаясь и желая в то же время встретиться с капитаном Немо; да, я

желал и не желал более его видеть. Что я ему мог бы сказать? Мог ли я скрыть тот невольный ужас, который он мне внушал? Нет! Лучше не встречаться лицом к лицу с ним! Лучше было забыть! Но…

О, как долго тянулся этот вечер, последний, который приходилось провести на борту «Наутилуса»! Я оставался один. Нед Ленд и Консель избегали говорить со мной, опасаясь выдать себя.

В шесть часов я обедал, хотя и не чувствовал ни малейшего аппетита. Я заставлял себя есть, несмотря на отвращение, исключительно с целью подкрепить себя.

В половине седьмого Нед вошел в мою комнату. Он мне сказал:

— До нашего отъезда мы больше не увидимся. В десять часов луна еще не взойдет. Мы воспользуемся темнотой. Приходите к лодке. Консель и я будем вас ждать.

Затем он вышел, не дожидаясь моего ответа.

Я хотел узнать, в каком направлении идет «Наутилус». Я отправился в салон. Оказалось, что мы идем к северо-востоку с ужасающей быстротой на глубине пятидесяти метров.

Я бросил последний взгляд на все эти чудеса

природы, на все богатства искусства, накопленные в этом музее, на коллекции, не имеющие соперников, и думал о том, что все это обречено погибнуть в глубине морей вместе с тем, кто их собирал. Так я провел час времени, обливаемый потоком света, расточаемого потолком, и обозревая эти блестевшие в витринах сокровища. Затем я возвратился в свою комнату.

Там я облачился в прочную морскую одежду. Я собрал свои заметки и тщательно зашил их в платье. Сердце мое сильно билось.

Я не мог сдерживать его трепетания. Несомненно, что мое волнение и смущение выдали бы меня перед глазами капитана Немо.

Что он делал в эту минуту? Я прислушивался у дверей его комнаты. Я слышал шум его шагов. Капитан Немо был там. Он еще не ложился. При каждом его движении мне казалось, что он появится передо мной и спросит меня, зачем я хочу бежать. Я беспрестанно ощущал испуг. Мое воображение еще более его увеличивало.

Наконец это состояние стало настолько острым, невыносимым, что я спрашивал себя, не лучше ли будет войти к нему в комнату, встретить его лицом к лицу и бравировать перед ним жестами и взором.

Это было безумное внушение. К счастью, я от этого удержался и вернулся к своей кровати, растянулся на ней, чтобы несколько утихомирить мое волнение. Мои нервы немного успокоились, но в возбужденном мозгу стали быстро проходить вереницей воспоминания о моем пребывании на борту «Наутилуса», все счастливые и несчастные приключения, протекшие со времени моего исчезновения с «Авраама Линкольна»: подводные охоты, Торресов пролив, дикари Папуа, стояние судна на мели, коралловое кладбище, проход через Суэц, остров Санторин, критянин-водолаз, Атлантида, сплошной лед, Южный полюс, заключение во льдах, битва с осьминогами, буря в Гольфстриме, «Мститель» и эта ужасная сцена гибели корабля со всем его экипажем. Все эти события проходили перед моими глазами, как подвижные декорации на заднем плане театра. И тогда капитан Немо непомерно вырастал в этой необычайной среде. Его образ прояснялся и принимал сверхчеловеческую оценку. Он уже не представлялся подобным мне, это был уже обитатель вод, гений морей.

Было половина десятого. Я сжимал голову обеими руками, как бы боясь, что она треснет. Я закрыл глаза. Я не хотел ни о чем больше думать.

Еще полчаса ожидания! Полчаса кошмара, который мог меня довести до сумасшествия.

В эту минуту я услышал тихие звуки органа, грустную гармонию неопределенной песни, жалобу души, порывающей свои земные связи. Я слушал сразу всеми своими чувствами, едва дыша, погруженный, как и капитан Немо, в музыкальный экстаз, увлекавший за пределы мира.

Но вот капитан Немо вышел из своей комнаты. Он находился в салоне, через который мне нужно было пройти, чтобы бежать. Там я его встречу в последний раз. Быть может, он меня увидит и будет говорить со мной! Один его жест может уничтожить меня, одно его слово может приковать меня к борту корабля.

Между тем часы пробили десять раз. Наступил момент, когда я должен был покинуть свою комнату и присоединиться к товарищам.

Колебаться не приходилось, несмотря на то что я мог и встретиться с капитаном Немо. Я тихо приотворил дверь, но мне показалось, что ее петли произвели сильный шум! Вероятно, этот шум существовал только в моем воображении.

Я пробирался ползком по темным коридорам «Наутилуса», останавливаясь на каждом шагу, чтобы сдержать биение сердца.

Я добрался до угловой двери салона и тихо ее отворил. Салон был погружен в полный мрак. Аккорды органа тихо звучали. Там был капитан Немо. Он меня не видел. Я думаю, и при полном освещении он бы не заметил меня, до того экстаз поглотил его всецело.

Я полз по ковру, опасаясь произвести малейший толчок, шум, который мог бы выдать мое присутствие. Прошло пять минут, пока я добрался до задней двери, выходившей в библиотеку.

Я хотел ее отворить, как вздох капитана Немо приковал меня к месту. Я понял, что он встает. Я даже мельком его видел, так как несколько лучей света проникало из библиотеки в салон. Он шел ко мне, сложив на груди руки, спокойный, скорее скользя, как призрак, чем идя. Его стесненная грудь вздымалась от рыданий. И я слышал, как он прошептал эти слова, последние, которые мне пришлось услышать.

— Всемогущий Боже! Довольно! Довольно!

Был ли это вопль угрызения совести, вырвавшийся из груди этого человека?

Вне себя я бросился в библиотеку. Я поднялся по центральной лестнице и через главный выход направился к лодке.

Я проник через то самое отверстие, как и мои

товарищи.

— Бежим, бежим! — воскликнул я.

— Сейчас, — ответил канадец.

Футляр из листового железа, в котором помещалась лодка, был закрыт и заперт на замок. Нед Ленд его открыл, воспользовавшись английским ключом, который имел при себе. Затем он отвинтил гайки, с помощью которых лодка удерживалась на поверхности «Наутилуса».

Вдруг внутри судна послышался шум. Голоса с живостью переговаривались. Что могло случиться? Заметили наше бегство? Я почувствовал, как Нед Ленд вложил мне в руку кинжал.

— Да, — прошептал я, — мы сумеем умереть.

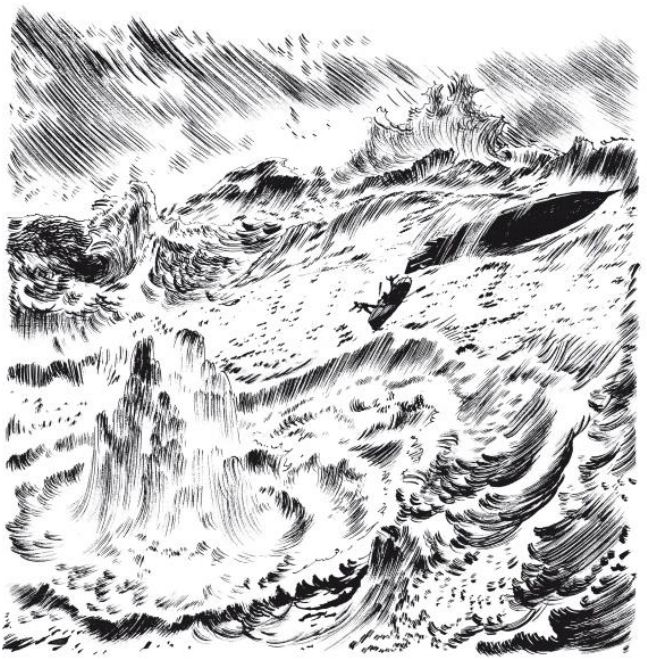
Канадец прекратил свою работу. Только одно слово, повторенное двадцать раз, страшное слово, объяснило мне причину того возбуждения, которое распространилось внутри «Наутилуса»:

— Мальстрим! Мальстрим! — кричал экипаж. — Мальстрим!

Могло ли раздаться при нашем ужасном положении более ужасное слово? Следовательно, мы находились в опасных местах близ норвежского берега. Не был ли «Наутилус» увлечен в эту пучину, в то время когда мы готовились выйти на лодке в море?

Известно, что во время прилива воды, стесненные между островами Феро и Лофотенами, вырываются с непреодолимой силой. Они образуют водоворот, из которого еще никогда не выходил ни один корабль. Со всех сторон сюда устремляются чудовищные валы. Они образуют водоворот, справедливо названный «пуп Атлантического океана», вращательная сила которого простирается на пятнадцать километров.

На этом пространстве втягиваются в пучину не только корабли, но также киты и белые медведи арктических стран.



Вот сюда-то «Наутилус» невольно или умышленно и был вовлечен своим капитаном. Корабль

уже стал описывать спираль, все более приближаясь к пучине. Точно так же и лодка, еще не успевшая освободиться от судна, уносилась вместе с ним с поразительной быстротой. Я это чувствовал. Я испытывал болезненное головокружение, обычное после продолжительного вращательного движения. Нас охватили страх и ужас, дошедшие до последних пределов. Кровообращение остановилось, нервная деятельность прекратилась, выступил холодный пот, словно пот предсмертной агонии. Какой шум вокруг нашей утлой ладьи! Какие ревы и мычания, которые эхо повторяет на расстоянии многих миль! Какой грохот от этих вод, дробящихся об острые скалы на дне, там, где самые твердые тела разбиваются, где всасываемые стволы деревьев обращаются в мягкую шерсть, по выражению норвежцев!

Какое ужасное положение! Нас качало и бросало из стороны в сторону. «Наутилус» защищался, как человеческое существо. Его стальные мускулы трещали; временами он становился на дыбы, и мы еле-еле удерживались.

— Держаться крепче! — восклицал Нед Ленд. — Надо снова завинтить гайки. Удерживаясь на «Наутилусе», мы можем еще спастись.

Он не успел докончить своей фразы, как раздался треск, гайки сорвались, и лодка, выскользнув из своего гнезда, вылетела и понеслась, словно камень из пращи, в водоворот.

Я ударился головой о железный каркас лодки и от сильного удара потерял сознание.

Заключение

Вот заключение нашего подводного плавания в морях.

Что произошло в эту ночь, каким образом вынесло лодку из страшного водоворота, каким образом Нед Ленд, Консель и я вышли из бездны, этого сказать я не сумею. Но когда я пришел в себя, то лежал уже в хижине рыболова Лофотенских островов. Оба мои товарища, целые и невредимые, стояли возле меня и пожимали мне руки. Мы поцеловались с восторженным изумлением сердца.

В эту минуту думать о возвращении во Францию не приходилось. Сообщения между Северной и Южной Норвегией весьма редки. Приходилось дожидаться прибытия парохода, который совершает рейс раз в два месяца.

Здесь, в среде этих честных людей, нас приютивших, я пересматривал повествование о моих приключениях. Оно точно. Ни один факт не упущен, ни одна подробность не преувеличена. Это правдивый рассказ о необычайной экспедиции в стихии, которая недоступна для человека,

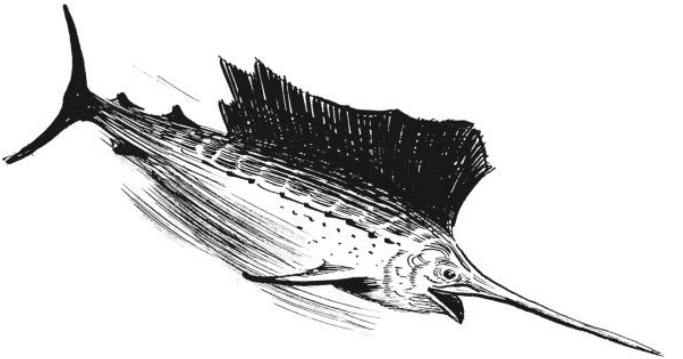
но которую со временем прогресс предоставит в полное его распоряжение.

Поверят ли мне? Не знаю. Не в этом суть после того, что было. Дело в том, что теперь я имею право говорить об этих морях, под водой которых меньше чем за десять месяцев я сделал двадцать тысяч лье, об этом подводном кругосветном путешествии, которое мне предоставило столько чудес при пересечении Тихого и Индийского океанов, Красного и Средиземного морей, Атлантики, северных и южных морей.

Но что произошло с «Наутилусом»? Удалось ли ему побороть втягивающую силу Мальстрима? Жив ли капитан Немо? Продолжает ли он под водами проявлять свое ужасное мщение или остановился перед этой последней гекатомбой? Доставят ли когда-либо волны его манускрипт, который заключает в себе всю историю жизни Немо? Узнаю ли я наконец имя этого человека? Исчезнувший корабль откроет ли нам свою национальность и национальность капитана Немо?

Я надеюсь. Я также надеюсь, что его могущественное подводное судно осталось победителем в море, в его ужасной пучине, и что «Наутилус» вышел невредимым оттуда, где погибло столько кораблей! Если это так, если капитан Немо

продолжает плавать в океанах и морях — в этом возлюбленном его отечестве, то пусть утихнет ненависть в его суровом сердце. Пусть созерцание стольких чудес потушит идею мести! Пусть исчезнет в нем карающий судья и его место займет кроткий ученый, исследователь морей. Если его судьба и странна, то она все же величественна, возвышенна. Разве я не вижу этого на себе самом? Разве я не прожил десять месяцев этой необычайной жизнью? И на вопрос, поставленный шесть тысяч лет тому назад Екклесиастом — кто измерил глубины морей? — два человека из всех людей имеют право ответить: капитан Немо и я.



Машина времени Зденека Буриана

Чешский художник и книжный иллюстратор Зденек Буриан хорошо известен за пределами своей родины. В Чехословакии он прославился как великолепный художник — иллюстратор книг для молодежи. В мире, в том числе и России, его знают прежде всего как талантливого палеохудожника, то есть специалиста, реконструировавшего внешний вид исчезнувших растений, вымерших животных и далеких предков человека на основе сохранившихся окаменелостей. Он долгое время сотрудничал с профессором палеонтологии Пражского университета Йозефом Аугустой, вместе с ним подготовил к изданию целый ряд книг с описаниями и изображениями ископаемых существ и доисторических ландшафтов. Эти работы прославили его не только на родине, но и за рубежом. Этот факт был отмечен в официальном некрологе художника, опубликованном правлением Союза чехословацких художников в 1981 году, в день смерти Зденека Буриана. «В лице покойного, — говорилось в

некрологе, — чехословацкое изобразительное искусство лишилось одного из самых своеобразных и ярких мастеров, который приобрел широкую мировую известность. Он создал огромное количество неповторимых работ в области живописи, графики и книжной иллюстрации…»

Зденек Буриан родился в 1905 году в моравском городе Копршивнице, который в то время назывался Нессельсдорф и входил в состав Австро-Венгерской империи. Вскоре семья перебралась в соседний городок Штрамберк, в чрезвычайно живописной гористой местности.

Зденеку не было еще и десяти лет, когда он начал заполнять свои альбомы пейзажами и зарисовками людей. Он много времени проводил на природе, в лесу, рисовал деревья, стараясь как можно точнее воспроизводить причудливые формы стволов и ветвей. Он наблюдал за собаками и лошадьми, за дикими животными, старался «поймать» в рисунках их стремительные движения. Также он охотно читал книги по географии и этнографии.

Эти интересы проявились и в его творчестве: прежде всего в нем нашел отражение мир живой природы и разнообразие человеческих типов. Ему в равной степени были интересны черно-

кожие жители Африки, туземцы Америки и Австралии, жители Японии и Китая.

Он запоем читал книги о путешествиях, обращая пристальное внимание на иллюстрации, сравнивая описания диковинных животных и их изображения. Ему не нравилось, что иллюстраторы того времени весьма произвольно воспроизводили внешность людей, облик животных, мало заботились об узнаваемости и достоверности пейзажей. Вот тогда-то у него и зародилась мечта стать художником-иллюстратором и создавать правдивые и точные изображения природы, разнообразных живых существ. С детства присущее Буриану четкое и тонкое чувство детали стало отличительной чертой его творчества.

Занятия живописью поощряла мать мальчика, Гермина. Ей удалось убедить своего мужа Эдуарда (который рассчитывал, что сын станет лесником) отдать Зденека учиться рисованию. Четырнадцатилетний Зденек Буриан в сопровождении матери отправился в Прагу — поступать в Академию изобразительных искусств. В приемную комиссию входили самые известные чешские художники того времени: Макс Швабинский, Войтех Гинайс, Якуб Обровский и Влахо Буковац. Решение комиссии было единогласным: Зденека

Буриана зачислили на второй курс Академии, в класс профессора Якуба Обровского, выдающегося чешского скульптора и графика. При этом профессор сразу отметил обширные познания Буриана в живописи и заявил, что ему «мало чему осталось учиться в Академии».

Во время учебы Буриану пришлось нелегко. Он не нашел общего языка с более взрослыми соучениками и ему не хватало средств к существованию. Юный художник отказывал себе во всем, экономя деньги на краски и кисти. Впоследствии Буриан писал: «Безразличие сокурсников — не самое большое зло. Сложнее терпеть голод. Я до сих пор помню, как стоял перед магазином выпечки и думал о том, чтобы украсть буханку хлеба». Каждую свободную минуту Зденек тратил на наброски и эскизы, одновременно пытаясь пробиться в узкий круг чешских книжных иллюстраторов, что было совсем непросто. Наконец шестнадцатилетнему художнику улыбнулась удача, и он проиллюстрировал книгу Роберта Стивенсона «Приключения Дэвида Бэлфура» («Похищенный»). Эта работа впервые принесла ему общественное признание. Буриан решил сосредоточиться на работе и бросил учебу в Академии, так ее и не закончив.

Вплоть до 1930-х годов Буриан денно и нощно совершенствовал свое мастерство. В то время он работал преимущественно пером и тушью, а также выполнял рисунки карандашом в оригинальной манере. Также он активно использовал рисунок гуашью, доведя его до абсолютного художественного и технического совершенства. Уже к двадцатипятилетнему возрасту незаурядный талант, профессиональная техника и невероятная работоспособность сделали Буриана самым популярным художником-иллюстратором чешской приключенческой литературы, он был просто завален заказами на иллюстрирование книг о путешествиях и приключениях. Но несмотря на постоянную занятость, Буриан стремился часто бывать на природе, от которой он, по его собственным словам, «заряжается энергией».

За свою жизнь Буриан проиллюстрировал около пятнадцати романов Жюля Верна (и еще к десятку нарисовал обложки), с его рисунками выходили почти все произведения Карла Мая, он оформлял книги Александра Дюма, Уильяма Эрла Джонса, Артура Рэнсома, Джека Лондона, Редьярда Киплинга, Эдгара Райса Берроуза, Даниеля Дефо, Луи Буссенара, Майн Рида, Роберта Льюиса Стивенсона, Фенимора Купера, Джеймса Кервуда,

Фредерика Марриета и многих других писателей (в том числе и практически всех чешских). Также он создавал оформление к книгам Александра Пушкина, Николая Костомарова, Лидии Чарской. Он оформил чешское издание книги Ивана Кожедуба «Служу Родине» и создал великолепный комплект иллюстраций к «Плутонии» Владимира Обручева.

Писал Зденек Буриан и маслом. И здесь его отличали точные колористические и графические решения. Он использовал целый ряд созданных им самим приемов живописи, которым другие чешские художники пытались подражать.

Наивысшим достижением художника в 1930-х годах стал цикл картин «Земля и люди», который создавался в сотрудничестве с журналом «По белу свету». Цикл состоит из 40 полотен с пейзажами, типичными для разных континентов, и портретами людей разных рас. Некоторые из этих работ в настоящее время находятся в частных коллекциях, судьба остальных неизвестна.

Несмотря на огромную загруженность работой, Буриан находил время пополнять свои знания в области этнографии и географии, изучал и другие естественные науки. Все это постепенно приближало его к теме, которая скоро станет основной в

его дальнейшей жизни.

В 1932 году в серии «Маленьким читателям» издателя Йозефа Вилимека вышла книга Эдуарда Шторха «Охотники на оленей и мамонтов», проиллюстрированная Зденеком Бурианом. В 1935 году эта книга попалась на глаза доценту кафедры палеонтологии Пражского университета Йозефу Аугусте. Аугуста отметил исключительную способность Буриана изображать с художественной и предметной точностью давно исчезнувшие формы жизни и привлек его к работе над палеонтологическими реконструкциями, предложив написать первые шесть картин на сюжеты первобытной жизни. Позже Зденек Буриан вспоминал: «Йозеф Аугуста пригласил меня домой и предложил мне „реконструировать“ скелет диплодока, травоядного динозавра. Я нарисовал его за двадцать минут… ⟨…⟩ Профессор остался доволен, и так началась наша совместная работа».

Первая книга в сотрудничестве с Йозефом Аугустой «Заснеженная жизнь», содержавшая восемь работ, созданных в технике гуаши и более 40 рисунков тушью, вышла в 1941 году — именно тогда Зденек Буриан и сделал свой первый шаг к мировой славе палеохудожника и реконструктора. В следующей книге — монографии Аугусты «Чудеса

первобытного мира» — воспроизводились уже серия из 13 полотен маслом, 12 рисунков гуашью и 63 пером работы Буриана.

Начиная с 1956 года чешское издательство «Артия» выпустило на английском, французском, немецком, русском и других (в общей сложности — двадцати) языках пять больших энциклопедий доисторической жизни за авторством Йозефа Аугусты с иллюстрациями Зденека Буриана. Они назывались «По путям развития жизни», «Книга о мамонтах», «Жизнь древнего человека», «Ящеры древних морей», «Гиганты суши».

Сотрудничество Зденека Буриана и Йозефа Аугусты продолжалось многие годы, вплоть до смерти последнего в 1968 году. И за это время они вместе создали более 20 книг! Но и после смерти Аугусты Буриан продолжил сотрудничество с другими палеонтологами. Например, с Зденеком Шпинаром они совместно написали книгу «История жизни на Земле», выходившую в «Артии» в том числе и на русском языке.

Над палеонтологическими реконструкциями Буриан работал увлеченно. Он перечитывал литературу, относящуюся к древнему миру, консультировался с ведущими специалистами в области смежных дисциплин. Он с головой погру-

жался в далекую историю нашей планеты, жил этим миром, в своем воображении переносился на миллионы лет назад и старался создавать пейзажи, которые выглядели бы написанными с натуры. Не зря Буриана часто называли «машиной времени». Он обладал уникальным даром представлять далекое прошлое. В результате были созданы 386 картин маслом, 128 работ, выполненных темперой, гуашью и пастелью, 382 карандашных рисунка. Известный немецкий палеонтолог доктор П. Дабер, профессор Берлинского университета имени Гумбольдта, в 1982 году так отзывался о работах Буриана: «Огромная серия его картин… стала основой нового как научного, так и всеобщего понимания геологической истории нашей природы. ⟨…⟩ Картины Буриана являются, по моему мнению, не просто художественными реконструкциями первобытной жизни, но часто и научными гипотезами, выраженными кистью художника». Большая часть этих картин с палеонтологическими реконструкциями хранится в научных и культурных учреждениях Чехии и Словакии, некоторые находятся в частных коллекциях.

Кроме палеонтологии, во второй (послевоенный) период творчества Буриан интересовался

и общественной жизнью, и живопись давала ему прекрасную возможность выразить свою позицию. В период с 1944 по 1977 год художник создал 23 полотна маслом, входящих в два незаконченных цикла, «Порабощение» (13 полотен) и «Обвинение» (10 полотен, первоначальное название цикла — «Антивоенный цикл»). В первом цикле ставится множество острых вопросов: соприкосновение туземных народов и европейцев, жестокость колонизации, во втором художник средствами своего искусства показывает жестокость и безнадежность войны, которая может привести к самоуничтожению человечества. Большинство этих полотен были написаны в первой половине 60-х годов, сегодня почти все они находятся в частных коллекциях.

Работал Буриан и над другой крупной темой — он писал серию больших полотен на сюжеты первобытной эпохи для одного из крупнейших в Европе — чешского зоопарка, расположенного в городе Двур-Кралове-над-Лабем. К сожалению, смерть не позволила завершить эту серию, из задуманных 34 картин художник успел написать только 22 полотна.

Зденек Буриан умер 1 июля 1981 года, в день открытия своей третьей в этом году персональ-

ной выставки. До самой смерти он продолжал трудиться, иллюстрировал книги, сотрудничал с журналами. Творческое наследие художника огромно. Он работал практически без перерыва почти шестьдесят лет — первые его работы увидели свет в 1921 году.

Исследователи его творчества подсчитали, что он проиллюстрировал около 460 книг, выполнив для этого порядка 14 000 иллюстраций в разных техниках. Он создал около 600 книжных обложек, примерно 550 текстов, опубликованных в различных журналах, сопровождались его иллюстрациями. Но это еще не все. Буриан проделал титанический труд, создав 1053 отдельные картины маслом, темперой, гуашью и пастелью. Подсчитать же количество небольших рисунков, набросков и эскизов точно, наверное, невозможно.

В родном Копршивнице именем Зденека Буриана названа улица, открытая в 1984 году малая планета № 7867 тоже носит его имя, в названии вида триасского архозавроморфа *Augustaburiania vatagini* увековечены имена Зденека Буриана и Йозефа Аугусты.

А. Лютиков